37 9/175

РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ-ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ.

43153/р

~~239~~

РУССКІЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

В. ГОЛОВНИНЪ
(Въ плѣну у японцевъ.)

О. ф.-КОЦЕБУ
(Плаваніе на „Рюрикѣ".)

Г. НЕВЕЛЬСКОЙ
(Присоединеніе Амурскаго края.)

ОБРАБОТАНЫ
ПО ПОДЛИННЫМЪ СОЧИНЕНІЯМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ
М. А. ЛЯЛИНОЙ.

Съ рисунками въ текстѣ.

КОСТРОМСКАЯ
НАРОДНАЯ
БИБЛІОТЕКА
КАЙКОВЪ
ИМЕНИ
А. Н. ОСТРОВСКАГО.

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ОСОБЛЕНТАЦ
Инв. № Дб. 26272

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА.

1-КВ
6 ЯНВ 1925 157

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Ноября 1896 года.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
371505

Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

КОСТРОМСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Б. 26271/2
КОСТРОМСКАЯ
НАРОДНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧИТАЛЬНЯ
ИМЕНИ
А. Н. ОСТРОВСКАГО.

Василій Михайловичъ Головнинъ.

Біографическій очеркъ *).

В. М. Головнинъ родился 8 апрѣля 1776 г. въ родовомъ имѣніи своемъ, селѣ Гулынкахъ, Рязанской губ. Девять поколѣній его предковъ, родовитыхъ дворянъ Рязанской губерніи, служили въ дружинахъ и войскахъ великихъ князей и царей московскихъ. Отецъ и дѣдъ В. М. служили въ Преображенскомъ полку, куда и самъ онъ, по тогдашнему обычаю, былъ записанъ еще ребенкомъ. Но судьба рѣшила иначе. Девяти лѣтъ Головнинъ лишился родителей, а двѣнадцати — былъ помѣщенъ въ морской корпусъ. Это заведеніе было тогда крайне запущено и, по типу, скорѣе походило на бурсу, чѣмъ на училище для дворянскихъ дѣтей.

Жутко показалось изнѣженному мальчику въ такой обстановкѣ, но онъ съ жаромъ принялся за ученье, и время текло незамѣтно. Товарищи его во время праздниковъ разъѣзжались по домамъ; у Головнина не было ни родныхъ, ни знакомыхъ въ Петербургѣ; книги были его единственнымъ развлеченіемъ; имъ онъ отдавалъ свои досуги.

Такой образъ жизни въ юныхъ годахъ способствовалъ развитію ума, твердости, самостоятельности и въ тоже время нелюдимости и замкнутости, которыя Головнинъ сохранилъ на всю жизнь. При обсужденіи людскихъ поступковъ Головнинъ рѣдко

---

*) По Гречу.

высказывалъ свое мнѣніе, и только легкая усмѣшка, скользившая по его устамъ, дозволяла отчасти угадывать его мысли. Онъ отличался чрезвычайной исполнительностью, неутомимой энергіей, быстротою соображенія, рѣшительностью, мужествомъ и присутствіемъ духа. Справедливое, благородное и великодушное отношеніе къ людямъ, которые имѣли съ нимъ дѣло, внушали къ нему безпредѣльную преданность. Наружность Головнина была очень симпатична, хотя людямъ, мало его знающимъ, онъ казался холоднымъ и строгимъ.

Четырнадцати лѣтъ Головнинъ, произведенный въ гардемарины, получилъ боевое крещеніе въ сраженіи русскаго флота съ герцогомъ Зюдерманландскимъ при островѣ Сескарѣ. Пораженные здѣсь шведы удалились въ Выборгскій заливъ, гдѣ были заперты Чичаговымъ. Головнинъ находился на кораблѣ «Нетронь-Меня» и за храбрость, выказанную въ трехъ сраженіяхъ, получилъ медаль. Шестнадцати лѣтъ онъ долженъ былъ надѣть эполеты, но за молодостью лѣтъ производство было отложено на два года. Легко себѣ представить, каково было юношѣ видѣть товарищей, стоявшихъ ниже его по балламъ, надѣвшихъ уже мундиры, когда онъ все еще щеголялъ въ кадетской курткѣ. Еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ принялся онъ за книги, но читалъ уже съ большимъ разборомъ, поставивъ себѣ цѣлью самообразованіе. Научившись по-англійски, онъ читалъ о знаменитыхъ морскихъ походахъ и битвахъ, о великихъ географическихъ открытіяхъ. Чтеніе англійскихъ моралистовъ укрѣпило въ немъ духовныя силы, развило чувство собственнаго достоинства, научило познавать себя, владѣть собою, отличать истинную добродѣтель отъ мишурнаго блеска, истинную честь отъ фанфаронства. Стремленіе къ серьезнымъ занятіямъ не остыло и послѣ выпуска въ офицеры, послѣдовавшаго въ 1793 г. Головнинъ мало посѣщалъ общество и отвлекался отъ любимыхъ занятій только по дѣламъ службы.

Между тѣмъ родовое имѣніе его стало подъ чужимъ управленіемъ приходить въ упадокъ. Родственники убѣждали молодого мичмана съѣздить туда; но Головнинъ страстно стремился къ плаванію и боялся упустить къ тому случай. Упадокъ имѣнія казался ему дѣломъ второстепеннымъ.

Дѣйствительно, съ самаго начала службы Головнинъ почти постоянно находился въ походахъ. Одинъ перечень судовъ, на которыхъ онъ плавалъ, показываетъ, что В. М. постоянно стремился къ дѣйствительной морской службѣ, проводя большую часть года подъ парусами, а не на берегу.

Когда, по вступленіи на престолъ императора Александра, водворился въ Европѣ миръ, и военныхъ дѣйствій не предвидѣлось, Головнинъ сталъ хлопотать, чтобы его зачислили въ число волонтеровъ, отправляемыхъ для пополненія образованія на три года въ англійскій флотъ. Напутствуя молодыхъ людей, морской министръ Мордвиновъ сказалъ имъ слѣдующее: «Вы должны знать, что Государь посылаетъ васъ служить въ англійскомъ флотѣ не для того только, чтобы вы учились морскому дѣлу. Вы должны также ознакомиться съ организаціей морского департамента и кромѣ того наблюдать и изучать всѣ отрасли народнаго хозяйства: земледѣліе, промышленность, торговлю, чтобы, вернувшись въ Россію, стать дѣйствительно полезными вашей родинѣ».

Головнинъ буквально исполнилъ это предписаніе. Пріѣхавъ въ Англію, онъ занимался неутомимо высшими морскими науками, отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы брать уроки у лучшихъ профессоровъ и только, хорошо подготовленный теоретически, вступилъ въ дѣйствительную службу. Онъ служилъ на разныхъ корабляхъ, въ различныхъ частяхъ свѣта, подъ начальствомъ знаменитыхъ англійскихъ адмираловъ и вездѣ пріобрѣталъ уваженіе начальниковъ и любовь сослуживцевъ. Не разъ участвовалъ онъ въ морскихъ сраженіяхъ, отличаясь неустрашимостью и присутствіемъ духа.

Когда окончился срокъ службы въ британскомъ флотѣ, Головнинъ испросилъ разрѣшенія остаться еще на годъ, чтобъ побывать въ Индіи. Этотъ лишній годъ онъ долженъ былъ содержать себя самъ.

Въ 1806 году, вернувшись въ Россію, Головнинъ назначенъ былъ командиромъ «Діаны», перваго судна, построеннаго въ Россіи, на русскихъ докахъ, русскими рабочими. Главнымъ предметомъ экспедиціи шлюпа «Діана» были географическія открытія и описи въ сѣверной части Восточнаго океана, преимущественно въ предѣлахъ Россіи.

Экипажъ «Діаны» составленъ былъ изъ отборныхъ людей. Помощникомъ Головнина былъ назначенъ другъ его П. И. Рикордъ.

«Діана» снялась съ якоря 25-го іюля. Прибывъ въ Портсмутъ, Головнинъ узналъ о недоразумѣніяхъ между Англіею и Россіею. Чтобы не было по этому поводу задержки въ плаваніи, Головнинъ добылъ черезъ посредство русскаго посольства пропускъ, который дается обыкновенно судамъ, плавающимъ съ ученою цѣлью.

Пройдя Атлантическимъ океаномъ до южной оконечности Африки, «Діана» выдержала нѣсколько штормовъ. Чтобъ исправить поврежденія въ шлюпѣ и запастись провизіею, Головнинъ остановился у мыса Доброй-Надежды и неожиданно попалъ въ плѣнъ. Оказалось, что за это время война между Россіею и Англіею была уже объявлена, губернаторъ не удовлетворился англійскимъ пропускомъ и объявилъ Головнину, что задерживаетъ его впредь до полученія отвѣта изъ Англіи по данному вопросу. Приходилось этимъ удовлетвориться, такъ какъ могло быть хуже. Не будь англійскаго пропуска, Діана была бы взята, какъ военный призъ.

Черезъ восемь мѣсяцевъ пришли какія-то депеши изъ Англіи, но Головнину сказали, что о Діанѣ въ нихъ не было упо-

мянуто. Губернаторъ Капской колоніи вынудилъ у Головнина письменное обѣщаніе не уходить изъ залива безъ разрѣшенія, грозясь, въ противномъ случаѣ, свезти экипажъ на берегъ какъ военно-плѣнный и держать шлюпъ подъ карауломъ.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ. Губернаторъ дѣлалъ Головнину разныя притѣсненія, отказывалъ въ продовольствіи, разсчитывая, очевидно, изнурить его на столько, чтобы онъ согласился на все. Уразумѣвъ эту игру, Головнинъ рѣшился на отчаянный шагъ—уйти изъ залива тайкомъ.

«Чтобы оцѣнить всю смѣлость этой мысли, говоритъ Врангель въ своей біографіи Головнина, нужно замѣтить, что «Діана» была поставлена въ дальнѣйшемъ углу залива, возлѣ адмиральскаго корабля, и окружена многими другими кораблями и фрегатами, мимо которыхъ непремѣнно должно было проходить; что всѣ паруса были на ней отвязаны; что на шлюпѣ не было ни куска свѣжей провизіи, а сухарей было очень мало. Для успѣшнаго бѣгства требовалась большая рѣшительность и столько же благоразумія и предусмотрительности».

Для исполненія задуманнаго плана долго не представлялось благопріятнаго случая. Когда вѣтеръ способствовалъ, то на рейдѣ стояли корабли совсѣмъ готовые къ отплытію; когда съ этой стороны было безопасно, то не дуло попутнаго вѣтра. Иногда такой вѣтеръ задувалъ днемъ; Головнинъ настораживался. Но къ ночи вѣтеръ стихалъ или дѣлался противнымъ.

«Наконецъ, 16-го мая, говоритъ Головнинъ, сдѣлался крѣпкій вѣтеръ. На вице-адмиральскомъ кораблѣ паруса не были привязаны, а другія военныя суда, силою превосходящія «Діану», не были готовы идти въ море. Хотя, по сигналамъ съ горъ, мы знали, что видны два большія судна, лавирующія въ заливѣ, но разсчитавъ, что суда не могутъ подойти раньше ночи и, принявъ во вниманіе наше отчаянное положеніе, я приготовился къ походу, и въ половинѣ седьмого часа вечера, при нашедшемъ

шквалѣ съ дождемъ и пасмурностью, я велѣлъ обрубить канаты и пошелъ въ путь. Едва успѣли мы перемѣнить мѣсто, какъ со стоявшаго недалеко отъ насъ судна тотчасъ дали знать на вице-адмиральскій корабль. Какія мѣры были приняты, чтобъ остановить насъ, мнѣ неизвѣстно. На шлюпѣ во все время была сохраняема глубокая тишина. Миновавъ всѣ суда, мы, спустясь въ проходъ, въ ту же минуту начали подымать и привязывать паруса. Офицеры, гардемарины, унтеръ-офицеры и рядовые работали какъ одинъ человѣкъ. Въ десять часовъ вечера мы были въ открытомъ океанѣ. Арестъ нашъ на мысѣ Доброй-Надежды продолжался годъ и 25 дней».

Нужно было спѣшить, чтобъ до зимы попасть въ Камчатку. Путь предстоялъ долгій, а провіанту было мало. Головнинъ долженъ былъ выдавать командѣ менѣе $^2/_3$ обыкновенной порціи. Не смотря на это, никто не жаловался. «Діана» день и ночь несла паруса. Офицеры и команда были неутомимы; и 23-го сентября судно благополучно пришло въ Камчатку.

Двѣ зимы 1809—1811 г. Головнинъ провелъ въ Камчаткѣ, объѣхалъ ее всю и сдѣлалъ много интересныхъ наблюденій. Въ маѣ 1810 г. онъ отправился къ берегамъ Америки для описи и для доставки хлѣба въ колоніи россійско-американской компаніи. Во главѣ компаніи стоялъ очень способный человѣкъ, нѣкто Барановъ. Узнавъ, что колоніямъ угрожаетъ нападеніе корсаровъ, Барановъ просилъ Головнина остаться со шлюпомъ въ Ново-Архангельскѣ до сентября, что тотъ и исполнилъ.

Въ 1811 г. Головнину поручено было описать Курильскіе острова. Во время этой экспедиціи Головнинъ остановился на островѣ Кунаширѣ, населенномъ японцами, и былъ взятъ въ плѣнъ, длившійся 2 года и 3 мѣсяца. Іюля 22-го 1814 г. Головнинъ вернулся въ Петербургъ, ровно черезъ 7 лѣтъ по отбытіи оттуда.

Въ 1817 г. Головнинъ назначенъ былъ начальникомъ новой кругосвѣтной экспедиціи, длившейся два года. Такимъ образомъ

ему удалось еще разъ побывать въ Камчаткѣ, которою управлялъ тогда его товарищъ Рикордъ, много содѣйствовавшій преуспѣянію края.

По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Головнинъ втеченіе двухъ лѣтъ состоялъ помощникомъ директора морскаго корпуса. Здѣсь, въ области педагогической, ему, какъ нельзя больше, пригодилось его всестороннее образованіе. Онъ дѣлился съ юношами свѣдѣніями, пріобрѣтенными за границей, перевелъ съ англійскаго и издалъ исторію кораблекрушеній, дополнивъ ее кораблекрушеніями русскими.

Въ 1823 г. Головнинъ назначенъ былъ флота генералъ-интендантомъ. Эта трудная должность требовала неусыпной дѣятельности. Довольно сказать, что въ вѣдѣніи В. М. находились всѣ корабельныя постройки и береговыя зданія адмиралтейскаго вѣдомства отъ Риги до Камчатки.

Не смотря на трудную службу, Головнинъ пользовался отличнымъ здоровьемъ и въ 54 года выглядѣлъ молодцомъ. Онъ былъ въ томъ возрастѣ, когда человѣкъ умудренный опытомъ, но сохранившій еще жизненныя желѣзныя силы можетъ приносить дѣйствительную пользу ввѣренному ему дѣлу... И вдругъ безжалостная смерть скосила его. Въ 1831 г. свирѣпствовала въ Петербургѣ холера, и Головнинъ сдѣлался ея жертвою.

Въ плѣну у японцевъ.

I

Въ 1803 году былъ посланъ въ Японію камергеръ Резановъ[1]), которому поручено было войти въ переговоры съ японцами относительно торговли между Россіею и Японіею. Японцы приняли Резанова очень дурно и въ ходатайствѣ его отказали.

Въ 1807 г. лейтенантъ Хвостовъ отправился на двухъ судахъ россійско-американской компаніи къ берегамъ Японіи. Высадившись съ частью своей команды на островѣ Итурупѣ, Хвостовъ, въ отмщеніе за пріемъ Резанова, раззорилъ японское селеніе, пожегъ хлѣбныя поля и позволилъ людямъ своимъ дѣлать всякія безчинства. Въ то же время онъ захватилъ въ плѣнъ купца Леонзаймо и шестерыхъ японцевъ.

Грузъ и плѣнниковъ лейтенантъ Хвостовъ сдалъ компаніи. Первымъ она воспользовалась, а о второмъ забыла. Втеченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Россіи, японцы страшно бѣдствовали. Они сами должны были, какъ умѣли, промышлять себѣ пропитаніе. Нѣкоторые изъ нихъ умерли, а Леонзаймо попалъ въ Пріамурскій край, гдѣ долго жилъ среди гиляковъ. Случайно увидалъ его тунгузъ и принявъ за бѣглаго, препроводилъ къ русскимъ властямъ въ Камчатку. Здѣсь сжалился надъ нимъ какой-то чиновникъ и поселилъ въ своемъ домѣ.

По возвращеніи въ Охотскъ, Хвостовъ и командовавшій другимъ судномъ Давыдовъ были, за свое самоуправство, достойнымъ образомъ наказаны. Русскимъ и въ голову не приходило, чтобы японцы сочли этотъ поступокъ за выраженіе непріязни со-

[1]) На кораблѣ «Надежда» подъ командою Крузенштерна.

стороны правительства, и Головнинъ, отправляясь къ берегамъ Японіи, не имѣлъ основанія думать, что ему угрожаетъ какая нибудь опасность.

Прозимовавъ въ Камчаткѣ, Головнинъ получилъ въ 1811 г. предписаніе описать Курильскіе острова и Татарскій берегъ. Въ началѣ мая Петропавловская гавань была еще покрыта льдомъ. Головнинъ велѣлъ прорубить каналъ и вывести «Діану» въ Авачинскую губу.

Четвертаго мая Діана вышла въ море и 17-го была въ виду острова Итурупа. У берега покачивались двѣ большія байдары, на берегу видны были шалаши и бѣгали люди безъ бороды, съ бритой головою; только на маковкѣ торчалъ пукъ волосъ, завязанный тесемкой и согнутый въ видѣ комочка. Одѣты они были въ длинные халаты съ широчайшими рукавами. Русскіе матросы, глядя на этихъ странныхъ людей, дивились. Головнинъ объяснилъ имъ, что это японцы.

Спустили шлюпку. Головнинъ отправилъ мичмана Мура и помощника штурмана Новицкаго съ четырьмя вооруженными матросами для переговоровъ съ японцами. Въ то же время отъ берега отдѣлилась большая лодка и пошла навстрѣчу шлюпкѣ. Опасаясь со стороны неизвѣстныхъ людей непріязненныхъ дѣйствій, Головнинъ сѣлъ съ мичманомъ Якушкинымъ въ другую вооруженную шлюпку и поѣхалъ на помощь товарищамъ.

Туземная лодка, встрѣтивъ русскую шлюпку, возвратилась, и всѣ вмѣстѣ вышли на берегъ. Вскорѣ прибылъ и Головнинъ.

— Здѣсь есть нѣсколько русскихъ курильцевъ, занесенныхъ бурею, доложилъ ему Муръ. Японцы продержали ихъ въ плѣну около года и теперь просятъ взять ихъ и отвезти домой, на островъ Росшуа. Они приведены сюда подъ конвоемъ; вонъ они.

Тутъ только Головнинъ увидѣлъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, японскаго начальника, а около него человѣкъ 20 солдатъ въ латахъ, съ саблями и зажженными у ружей фитилями.

Ружья держали они у лѣвой ноги, безъ всякаго порядка, кто какъ хотѣлъ.

Головнинъ подошелъ къ начальнику и поклонился ему по-европейски, а тотъ отвѣтилъ ему по-японски, приложивъ руки ко лбу ладонями вверхъ.

Разговоръ велся черезъ двухъ переводчиковъ. Японецъ говорилъ съ курильцемъ, знавшимъ по-японски; курилецъ переводилъ другому курильцу, знавшему по-русски. Отъ этого сложнаго пріема получались иногда такіе обороты, что надо было порядочно поработать мозгами, чтобъ добраться до смысла.

— Съ добрымъ умомъ (понимай: намѣреніемъ), или съ худымъ умомъ вы пришли сюда? передавалъ курилецъ слова японскаго начальника. Если-же вы пришли торговать, то идите въ селеніе Урбичъ.

— Мы не купцы, а моряки, состоящіе на государственной службѣ, отвѣчалъ Головнинъ. Мы пришли, чтобъ запастись водою и дровами. Вамъ нечего насъ бояться.

— Намъ нельзя не бояться русскихъ. Пять лѣтъ тому назадъ ваши офицеры напали на японское селеніе, ограбили его и сожгли.

— То были офицеры, служившіе въ частной компаніи, на купеческихъ судахъ. Но и имъ самоуправство не прошло даромъ. Какъ только русское правительство узнало о ихъ поступкѣ, то судило ихъ и наказало по заслугамъ.

Выслушавъ Головнина, японецъ тотчасъ же перемѣнилъ обращеніе, сталъ любезенъ и объявилъ, что онъ вполнѣ довѣряетъ командиру императорскаго судна. Что-же касается воды и дровъ, то на ихъ пустынномъ берегу нѣтъ ни того, ни другого, и Головнинъ гораздо лучше сдѣлаетъ, если пойдетъ въ Урбичъ, гдѣ найдетъ все, что ему нужно. При этомъ японецъ предложилъ даже дать отъ себя письмо къ начальнику Урбича.

Отношенія установились самыя дружескія. Головнинъ одарилъ начальника и его приближенныхъ разными вещами, а тотъ от-

дарилъ его свѣжей рыбою, сараной[1]), дикимъ чеснокомъ. Потомъ сталъ угощать японской водкой (сага), изъ фляжки, сперва отхлебнувъ самъ. Головнинъ, въ свою очередь, угощалъ японцевъ французской водкой изъ чашечки, тоже отхлебнувъ сперва самъ. Такой пріемъ при угощеніи практикуется японцами для того, чтобы гости были увѣрены, что въ напиткѣ нѣтъ отравы. Принимая чашечку, которая передавалась отъ одного къ другому, каждый японецъ прикладывалъ руку ко лбу, немного подаваясь корпусомъ впередъ. Головнинъ взялъ у одного солдата фитиль и сталъ разсматривать его. Солдатъ тотчасъ же вынулъ изъ кармана клубокъ и предложилъ ему.

Въ сторонѣ виднѣлась ставка японцевъ. Замѣтивъ, что Головнинъ смотритъ на нее съ любопытствомъ, начальникъ пригласилъ его зайти. Ставка состояла изъ очень длиннаго, крытаго травяными матами шалаша, разгороженнаго на многія отдѣленія. Въ каждое изъ отдѣленій вела съ южной стороны дверь; оконъ не было. Полъ былъ устланъ чистыми матами, на которые и усѣлись, по приглашенію хозяина, моряки.

Внесли жаровню и поставили посреди шалаша; потомъ ящикъ съ чаемъ, обшитый медвѣжьей кожей. Начальникъ заварилъ чай, налилъ его въ маленькія чашечки и началъ угощать гостей. Отпивъ немного, Головнинъ сталъ прощаться. Становилось поздно и онъ боялся оставить на ночь шлюпъ близко къ берегу.

Японцы отправились провожать своихъ гостей. На берегу, сидѣло человѣкъ 50 курильцевъ, робко смотрѣвшихъ на японцевъ. Едва кто-нибудь изъ японскихъ солдатъ проходилъ мимо, какъ они тотчасъ же вскакивали на ноги, а если который-нибудь заговаривалъ, то курилецъ бросался на колѣни и положивъ обѣ руки плашмя повыше колѣнъ, низко кланялся. Также держали себя относительно русскихъ русскіе плѣнные курильцы.

---

[1]) Мучнистый, питательный корень, растущій также и въ Камчаткѣ.

Къ Головнину подошелъ древній старецъ, старшина (тойонъ) курильцевъ, живши́хъ на этой части острова и, подобострастно кланяясь, говорилъ, что имъ здѣсь худо живется и просилъ взять къ собою.

Желая поговорить съ курильцами на свободѣ, Головнинъ сказалъ тойону, что онъ приметъ ихъ на кораблѣ, если это не будетъ непріятно японцамъ.

Моряки вернулись на шлюпъ въ 7 часовъ, а вслѣдъ за ними пріѣхали и курильцы: двое мужчинъ, одна женщина и дѣвочка лѣтъ четырехъ. Курильцы говорили по-русски на столько свободно, что съ ними легко было вести разговоръ.

— Возьмите насъ, просили курильцы. Если начнется война японцевъ съ русскими, насъ всѣхъ перерѣжутъ.

— Будьте покойны, войны не будетъ, говорилъ Головнинъ.

Вслѣдствіе безвѣтрія, длившагося всю ночь, шлюпъ не могъ удалиться отъ берега. Рано утромъ опять пріѣхали курильцы и привезли два пуда рыбы, нѣсколько пучковъ сараны и черемши[1]). Мужчины были въ японскихъ халатахъ изъ синей камки, а женщины въ балахонахъ изъ птичьихъ шкурокъ. На спинѣ, въ видѣ украшеній, нашиты были въ два ряда красные клювы топорковъ[2]). Голову женщинъ покрывалъ бумажный платокъ; у мужчинъ на головѣ ничего не было. Ихъ черные волосы остриженные въ кружокъ, блестѣли и отливали цвѣтомъ вороньяго крыла. Они носили бороды, и на лицахъ мужчинъ татуировки не было. У женщинъ же кругомъ рта шла широкая синяя кайма; синею краскою выкрашены были и руки.

Мужчины взошли на шлюпъ босыми, но лишь ступили на палубу, какъ сѣли и надѣли свои бахилы (сапоги) изъ горлъ сивучей. По ихъ понятіямъ, здороваться босыми считалось неприличнымъ.

---

[1]) Цѣлебный корень отъ цынготной болѣзни.
[2]) Морская птица съ краснымъ клювомъ.

Обувшись, есаулъ подошелъ къ командиру и поклонился ему съ такимъ же подобострастіемъ, какъ кланялся японцамъ. На видъ ему казалось лѣтъ 50, хотя въ дѣйствительности онъ былъ моложе. Маленькую дочь онъ все время таскалъ за спиною въ своемъ халатѣ, подвязанномъ веревкою.

Курильцы привезли письмо японскаго начальника къ сотоварищу его въ Урбичѣ и сообщили, что туда же послана байдара съ извѣщеніемъ, что русскіе пришли не съ «худымъ умомъ» и что бояться ихъ нечего.

— А боялись таки васъ, говорилъ есаулъ. Солдаты всю ночь не спали и стояли подъ ружьемъ.

— А начальникъ что? спросилъ Головнинъ.

— А начальникъ какъ заснулъ отъ вашей русской водки, такъ и по сейчасъ еще спитъ.

— Начальникъ не замедлитъ убѣдиться, что русскіе честные люди и что имъ можно вѣрить. Кланяйтесь ему и отвезите еще четыре бутылки.

Когда Головнинъ предложилъ одному изъ курильцевъ остаться, чтобъ провести «Діану» въ Урбичъ, захотѣли остаться всѣ, но В. М. совсѣмъ не желалъ этого. Онъ выбралъ одного, по имени Алексѣя, а остальныхъ отпустилъ.

Въ Урбичъ на этотъ разъ попасть не удалось; задержали противные вѣтры. Алексѣй сообщилъ, что на южной сторонѣ острова Кунашира есть хорошая гавань при укрѣпленномъ селеніи, гдѣ можно достать все, что угодно.

Это направленіе соотвѣтствовало научнымъ планамъ Головнина, задавшагося цѣлью описать проливъ, отдѣляющій Кунаширъ отъ Матсмая. На прежнихъ картахъ пролива этого совсѣмъ показано не было. Придти скорѣе въ гавань было желательно еще потому, что крысы безсовѣстно хозяйничали на кораблѣ; съѣли больше 4-хъ пудовъ сухарей, и около 6-ти пудовъ солоду. Провѣрить въ точности провизію, лежавшую въ

трюмѣ, не было возможности; оставалось только, во избѣжаніе недостатка ея, пополнить запасы.

Вѣтры и туманы помѣшали шлюпу войти въ проливъ. Около двухъ недѣль «Діана» лавировала въ туманѣ между островами, зачастую не видя ихъ. Вечеромъ, 4-го іюля, туманъ разсѣялся, но изъ опасенія напугать японцевъ, Головнинъ не вошелъ въ гавань, а всталъ въ проливѣ на якорь. Усмотрѣвъ судно, японцы, на мысахъ, въ видѣ сигналовъ, зажгли огни.

Утромъ, 5-го іюля, «Діана» направилась къ гавани, но встрѣчена была съ крѣпости двумя пушечными выстрѣлами. Ядра не долетѣли до шлюпа и шипя, погрузились въ море. Вскорѣ туманъ заволокъ крѣпость, а когда онъ очистился, «Діана» снова пошла къ острову.

Крѣпость представляла странную декорацію. Вся она была задрапирована полосатою, бѣлою съ чернымъ, матеріею, въ видѣ палисада. На извѣстныхъ промежуткахъ стояли щиты съ намалеванными на нихъ амбразурами и жерлами пушекъ. Все это было такъ грубо сдѣлано, что даже издали не могло обмануть глаза. Со шлюпа довольно хорошо была видна внутренность крѣпости, расположенной по косогору, разныя строенія и домъ начальника со множествомъ флаговъ и флюгеровъ. Флаги развѣвались также на нѣкоторыхъ зданіяхъ въ селеніи. Алексѣй увѣрялъ, что такъ дѣлается всегда въ честь прибытія иностраннаго судна; но эта честь такъ не вязалась съ привѣтствіемъ ядрами, что Алексѣю не повѣрили.

Только что Головнинъ, сѣвъ въ шлюпку, направился къ берегу, какъ на него съ крѣпости посыпались ядра. Нѣкоторыя пролетали такъ близко, что только чудомъ не задѣли шлюпки. Головнинъ повернулъ назадъ, гребцы налегли на весла и шлюпка счастливо выбралась за линію выстрѣловъ; а японцы палили себѣ даже тогда, когда шлюпка причалила къ судну.

Такой безсовѣстный поступокъ со стороны японцевъ, возму-

тилъ Головнина. Подъ первымъ впечатлѣніемъ онъ хотѣлъ было отмстить, но разсудивъ, что на мщеніе всегда будетъ время, отошелъ отъ крѣпости и надумалъ объясниться съ японцами знаками. Для этой цѣли взяли кадку и, разгородивъ ее на двѣ половины, въ одну поставили стаканъ съ прѣсной водой, нѣсколько полѣньевъ дровъ и горсть рису; въ другую положили денегъ, кусокъ краснаго сукна, нѣсколько стеклянныхъ вещей и нитокъ бисеру. Японцы должны были понять, что моряки нуждаются въ первомъ, предлагая взамѣнъ послѣднее. Поверхъ всего положили картинку, нарисованную Муромъ: идетъ русская шлюпка и въ нее японцы стрѣляютъ.

Еще до разсвѣта кадку подвезли ближе къ крѣпости и укрѣпили на якорѣ. Вскорѣ подъѣхали японцы и увезли кадку. Утромъ «Діана» подошла къ крѣпости на пушечный выстрѣлъ, разсчитывая получить отвѣтъ, а въ случаѣ возобновленія пальбы отвѣчать тѣмъ же. Но въ крѣпости все было тихо; словно всѣ вымерли.

Головнинъ послалъ Рикорда съ двумя вооруженными шлюпками на берегъ, чтобы взять дровъ и налиться водою. Рикордъ не нашелъ въ селеніи ни души; не нашелъ и воды; а взявъ немного дровъ, рису, сушеной рыбы, оставилъ взамѣнъ нѣсколько европейскихъ вещей, которыя, по словамъ Алексѣя, очень цѣнились японцами и, по достоинству, во много разъ превосходили взятое.

Послѣ полудня Головнинъ самъ поѣхалъ на берегъ, но и онъ не нашелъ ни души. Однако, положенныя вещи были взяты. Вѣроятно, въ крѣпости уже знали, что русскіе пришли не затѣмъ, чтобы грабить японцевъ.

Видно было, что жители селенія занимались рыболовствомъ въ большихъ размѣрахъ. Невода ихъ были очень велики, всѣ рыболовныя снасти, лодки, котлы, прессы и бочки содержались въ большомъ порядкѣ.

Утромъ, 8-го іюля, моряки увидали противъ крѣпости на водѣ кадку и послали за ней. Въ кадкѣ оказался ящикъ, завернутый въ три клеенки, въ ящикѣ письмо и двѣ картинки. Письма никто не съумѣлъ прочитать. Стали разсматривать картинки. На обѣихъ намалеваны были русскія шлюпки, идущія къ крѣпости. На одной картинкѣ въ шлюпку стрѣляли; на другой — пушки повернуты были жерломъ назадъ. Значеніе этихъ картинокъ всякій толковалъ по своему. Въ концѣ концовъ всѣ пришли къ заключенію, что японцы не хотятъ имѣть съ русскими никакихъ сношеній. Что въ первый разъ они не стрѣляли въ шлюпку, ставившую кадку, а во второй — будутъ стрѣлять. Головнинъ тотчасъ же отдалъ приказъ сняться съ якоря и идти на западный берегъ къ устью рѣчки, чтобъ налиться водою. Почти весь день матросы работали на берегу, и японцы ихъ не безпокоили. Они только выслали изъ крѣпости нѣсколько курильцевъ, которые издали слѣдили за дѣйствіями русскихъ.

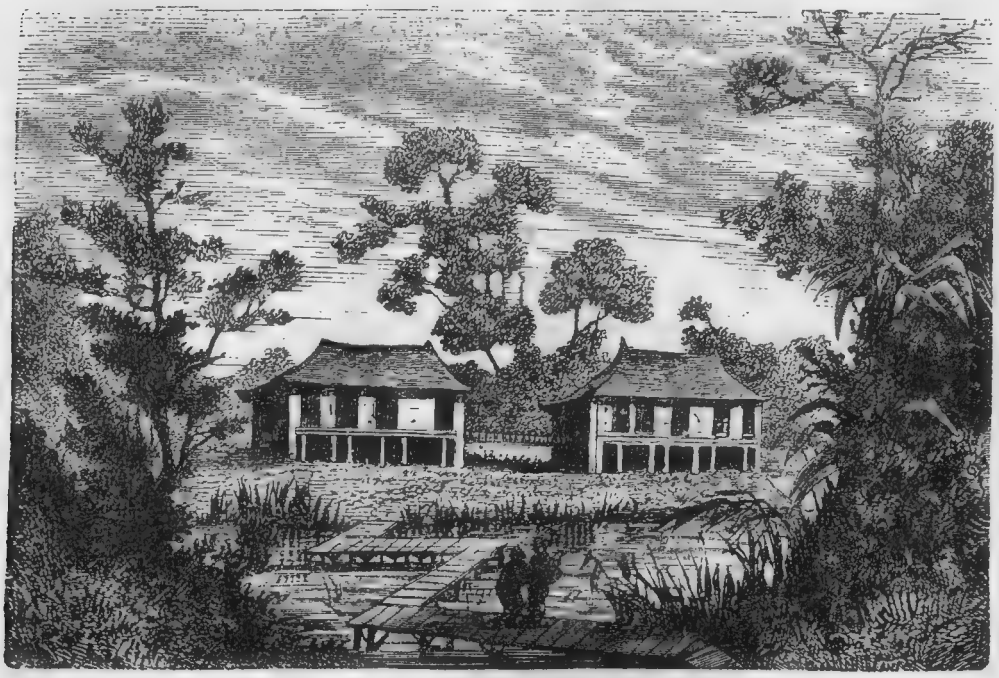
На другой день, 9-го іюля, вооруженныя шлюпки опять пошли къ берегу за водою. Въ то время какъ бочки наливались, изъ крѣпости вышелъ человѣкъ и сталъ медленно приближаться. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ деревянный крестъ, правою — безпрестанно крестился. Оказалось, что это курилецъ съ острова Росшуа, по имени Кузьма. Зная, что русскіе почитаютъ крестъ, онъ оградилъ имъ себя и рѣшился идти парламентеромъ. Бѣдный курилецъ дрожалъ какъ осиновый листъ. Къ сожалѣнію, объясняться съ нимъ было невозможно; по-русски онъ не говорилъ, а Алексѣя на берегу на этотъ разъ не было. Наконецъ, кой-какъ, съ помощью знаковъ, удалось выяснить, что японскій начальникъ желаетъ переговорить съ русскимъ командиромъ. Онъ предлагаетъ ему выѣхать въ лодкѣ съ 4 — 5 человѣками и, онъ, японскій начальникъ, возьметъ съ собой такое же количество людей. Головнинъ съ радостью согласился и курилецъ-посолъ получилъ въ подарокъ нитку бисеру. Онъ такъ ободрился, что

попросилъ табаку; но табаку на шлюпкѣ не оказалось; Головнинъ обѣщалъ привезти его.

Костромская
28.2617. 2

II.

Между тѣмъ японцы выставили другую кадку, но такъ близко отъ батарей, что подъѣзжать къ ней признано было не-



Японское жилище.

благоразумнымъ. Съ крѣпостного вала японцы махали бѣлыми вѣерами, словно приглашая русскихъ.

— Чтобы это значило? подумалъ Головнинъ. Или я не понялъ курильца Кузьму?

Когда онъ сѣлъ въ шлюпку, чтобъ возвратиться на судно, отъ берега отвалила лодка и пошла къ нему навстрѣчу. Число

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

японцевъ превышало число русскихъ, но русскіе были хорошо вооружены и могли, въ случаѣ надобности, дать отпоръ. Когда японская лодка поровнялась съ русской, сидѣвшій въ ней чиновникъ черезъ переводчика, курильца, сталъ извиняться за дѣйствія своихъ согражданъ.

— Мы были увѣрены, говорилъ онъ, что вы пришли съ враждебными намѣреніями, потому и стрѣляли. Когда вы поѣхали въ селеніе, мы ожидали, что вы будете все грабить и жечь. Когда же увидали, что за бездѣлицу, которую вы взяли, оставлены вещи вдвое большей цѣнности, мы совершенно успокоились. Говорите, что вамъ нужно, мы готовы все доставить.

Головнинъ попросилъ 10 мѣшковъ рису, свѣжей рыбы и зелени, предлагая заплатить за это, что потребуется. Чиновникъ на все былъ согласенъ, но просилъ съѣхать на берегъ и лично переговорить съ начальникомъ. Въ данную минуту сдѣлать это было неудобно; шлюпъ стоялъ слишкомъ далеко отъ берега и не могъ, въ случаѣ надобности, оказать помощи. Головнинъ извинился подъ какимъ-то предлогомъ и обѣщалъ пріѣхать на слѣдующій день.

Десятаго числа, утромъ, оканчивалась наливка бочекъ. Подулъ противный вѣтеръ, и «Діана» не могла приблизиться къ крѣпости. Между тѣмъ отвалила отъ берега лодка. Полагая, что японцы идутъ для переговоровъ, Головнинъ сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ къ нимъ на встрѣчу. Но японцы поставили кадку и живо отгребли прочь. Въ кадкѣ оказались всѣ оставленныя русскими въ промѣнъ вещи, даже тѣ, которыя въ первый разъ положены были въ кадку. Недоумѣвая, чтобы это могло значить, Головнинъ рѣшилъ, что японцы недовольны обмѣномъ. Оставивъ въ кадкѣ всѣ вещи, онъ прибавилъ еще денегъ и нѣсколько шелковыхъ платковъ.

Только что В. М. собрался вернуться на шлюпъ, какъ японцы на берегу замахали вѣерами, приглашая высадиться. Гребцовъ

было всего четыре человѣка, но всѣ хорошо вооружены. Головнинъ велѣлъ имъ держать ружья на готовѣ, но не на виду, а подъ парусиной. Самъ же запряталъ по карманамъ и за пазуху шесть пистолетовъ, оставивъ на виду только саблю.

Причаливъ къ берегу саженяхъ въ 80-ти отъ крѣпости, Головнинъ съ однимъ матросомъ и курильцемъ Алексѣемъ вышелъ на берегъ, а прочимъ велѣлъ держаться поодаль и зорко слѣдить за всѣми его дѣйствіями.

На берегу встрѣтилъ Головнина чиновникъ и два офицера. При нихъ находились двое японскихъ солдатъ и человѣкъ десять курильцевъ. Японцы были въ богатой шелковой одеждѣ, при саблѣ и въ латахъ; курильцы — безъ оружія. Чиновникъ встрѣтилъ Головнина очень любезно и сообщилъ что тотчасъ прибудетъ «оягода», начальникъ крѣпости.

Вскорѣ показалось весьма оригинальное шествіе. Потупивъ глаза и подбоченясь фертомъ, выступалъ оягода, широко разставивъ ноги и едва передвигая ихъ. Съ ногъ до головы онъ былъ увѣшанъ оружіемъ; также вооружена была его свита. Двое оруженосцевъ несли: одинъ, предлинное копье, другой — шлемъ, похожій на вѣнецъ, который употребляютъ у насъ при бракосочетаніи, съ изображеніемъ на немъ луны.

Головнинъ поклонился оягодѣ по-европейски, а тотъ отвѣтилъ по-японски. Потомъ начался разговоръ черезъ двухъ переводчиковъ. Головнинъ извинялся, что неумышленно причинилъ столько безпокойства, а оягода въ томъ, что велѣлъ стрѣлять.

— Случилось это потому, объяснилъ онъ, что вы не послали шлюпки на встрѣчу лодкѣ, посланной тотчасъ по появленіи судна. Этотъ поступокъ я принялъ какъ начало враждебныхъ дѣйствій.

Это была чистѣйшая ложь. Никакой лодки послано не было, иначе она не могла бы укрыться отъ глазъ моряковъ. Но изъ вѣжливости Головнинъ сдѣлалъ видъ, что вѣритъ и сказалъ, что

лодку, вѣроятно, скрылъ туманъ. Затѣмъ оягода сталъ спрашивать имя начальника корабля, кто онъ; куда идетъ и зачѣмъ. Чтобъ не возбудить подозрѣній японца Головнинъ скрылъ отъ него данное ему порученіе по описи береговъ и сказалъ, что возвращается изъ восточныхъ предѣловъ Россійской Имперіи въ С.-Петербургъ и зашелъ къ нимъ, чтобы пополнить запасы провизіи, дровъ и воды. Оягода сталъ спрашивать, какъ зовутъ русскаго государя, знаетъ ли Головнинъ бывшаго у нихъ посломъ Резанова, говорятъ ли въ Россіи по-японски. Всѣ отвѣты онъ записывалъ.

По окончаніи допроса началось угощенье табакомъ, сагою, икрою. Каждый предметъ принесенъ былъ отдѣльно вооруженнымъ человѣкомъ, который тутъ же и оставался, такъ что образовалось порядочное количество вооруженныхъ людей. Головнинъ предложилъ оягодѣ попробовать его водки и послалъ матроса на шлюпку за водкой, велѣвъ подтвердить другимъ, чтобы они держали ухо востро. Хотя японцы и не выказывали враждебныхъ намѣреній, но Головнинъ, какъ командиръ судна, считалъ своей обязанностью быть насторожѣ.

Новые пріятели курили, пили чай, разговаривали и шутили. Японецъ спрашивалъ названія нѣкоторыхъ предметовъ по-русски, Головнинъ интересовался названіями японскими. Все, повидимому, обстояло благополучно.

Собравшись возвратиться на шлюпъ, Головнинъ спросилъ, когда онъ можетъ получить обѣщанную провизію и что долженъ за нее заплатить. Каково же было его удивленіе, когда оягода заявилъ, что онъ не настоящій начальникъ, а его помощникъ, что договариваться съ русскимъ командиромъ онъ не можетъ, а если послѣдній желаетъ что либо получить, то долженъ идти въ крѣпость, чтобъ видѣть настоящаго начальника. Съ трудомъ сдерживая негодованіе, Головнинъ отвѣтилъ, что онъ пойдетъ только въ томъ случаѣ, если на шлюпъ вмѣсто него поѣдутъ

японцы. Иначе—экипажъ будетъ въ тревогѣ и могутъ произойти безпорядки. Одинъ японецъ вызвался ѣхать, но ему не позволили, а послали спросить у начальника. Послѣдній не далъ разрѣшенія и обѣщалъ явиться самъ; но черезъ нѣсколько минутъ прислалъ сказать, что обѣдаетъ и придти не можетъ. Головнинъ сказалъ, что ждать не имѣетъ времени и обѣщалъ пріѣхать на слѣдующій день. Лже-оягода не удерживалъ его. На прощанье онъ просилъ принять бутылку саги и нѣсколько рыбъ, извиняясь за ихъ малое количество. Указывая на закинутый неводъ, онъ прибавилъ, что весь уловъ будетъ принадлежать русскимъ, если передъ вечеромъ они пришлютъ шлюпку. Головнинъ отдарилъ бутылкой водки и зажигательнымъ стекломъ. Курильцамъ онъ хотѣлъ дать табаку, но начальникъ ничего не позволилъ имъ взять отъ русскихъ. Провожая гостя, оягода поднесъ ему въ знакъ дружбы бѣлый вѣеръ, рекомендуя помахивать имъ, подъѣзжая къ берегу, что будетъ означать дружеское расположеніе русскихъ къ японцамъ.

Къ вечеру того же дня «Діана» подошла къ крѣпости на пушечный выстрѣлъ и стала на якорь. Головнинъ послалъ мичмана Якушкина на вооруженной шлюпкѣ, чтобъ доставить письмо съ Итуруна и взять рыбу. Якушкинъ вернулся уже въ сумеркахъ и привезъ сто большихъ рыбъ, причемъ сообщилъ, что японцы обошлись съ нимъ очень ласково и просили передать командиру, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ, взявъ съ собой нѣсколько офицеровъ.

Изъ всего предыдущаго видно, что Головнинъ не имѣлъ никакого основанія опасаться со стороны японцевъ враждебныхъ дѣйствій. Скорѣй казалось, что они боятся русскихъ и принимаютъ мѣры предосторожности.

Іюля 11-го, въ девятомъ часу утра, Головнинъ, мичманъ Муръ, штурманъ Хлѣбниковъ и четыре матроса съ курильцемъ Алексѣемъ отправились на берегъ. Вполнѣ увѣренные въ дру-

желюбіи японцевъ, моряки не имѣли при себѣ никакого оружія кромѣ шпаги, да Хлѣбниковъ взялъ пистолетъ, чтобъ подавать сигналы въ случаѣ тумана.

На берегу моряки встрѣчены были тѣмъ же чиновникомъ, что и наканунѣ. Желая показать довѣріе японцамъ, Головнинъ велѣлъ вытащить шлюпку на половину на берегъ и оставилъ при ней одного матроса. Другіе несли подарки для японцевъ и стулья для офицеровъ. «Войдя въ крѣпостныя ворота, говоритъ Головнинъ я былъ крайне пораженъ множествомъ солдатъ, вооруженныхъ ружьями, стрѣлами, копьями. Ихъ было тутъ отъ 300—400 человѣкъ. Я никогда не думалъ, что такая маленькая крѣпостца можетъ вмѣстить столько народа. Надо полагать, что пока мы стояли въ гавани, людей успѣли созвать изъ окрестностей».

Солдаты сидѣли, поджавъ ноги, направо отъ входа, курильцы, вооруженные луками и стрѣлами окружали палатку изъ полосатой матеріи, въ которую и ввели моряковъ. Противъ входа, на стулѣ[1]), сидѣлъ главный начальникъ въ богатомъ шелковомъ одѣяніи и воинскихъ доспѣхахъ съ двумя саблями за поясомъ. Черезъ плечо у него былъ перекинутъ шелковый шнуръ съ кисточкой на одномъ концѣ и стальной палочкой — на другомъ. Эту палочку, или, вѣрнѣе, жезлъ, очевидно символъ власти, начальникъ держалъ въ рукѣ. За нимъ стояли оруженосцы. Одинъ держалъ ружье, другой — копье, третій — шлемъ, такой же формы какъ у помощника, только съ солнцемъ, вмѣсто луны, что служило наглядным доказательствомъ болѣе высокаго чина. Второй начальникъ, окруженный своими оруженосцами, сидѣлъ по лѣвую сторону перваго на стулѣ болѣе низкомъ. По обѣимъ сторонамъ, вдоль стѣнъ, сидѣли, поджавъ ноги, по четыре чиновника въ черныхъ латахъ.

[1]) Впослѣдствіи выяснится, почему начальникъ сидѣлъ на стулѣ, а не на постланномъ на полу матѣ, по японскому обычаю.

При входѣ моряковъ оба начальника встали и обмѣнялись поклонами. Для прибывшихъ приготовлены были низкія скамеечки, но они сѣли на принесенные съ собою стулья, а на скамейкахъ помѣстились матросы и Алексѣй.

Послѣ обычныхъ привѣтствій подали чай, налитый по японской модѣ, до половины чашечекъ. Подавали его на маленькихъ лакированныхъ подносикахъ и безъ сахару. Затѣмъ появился табакъ, трубки, и начальникъ началъ предлагать тѣ же вопросы, что и его помощникъ наканунѣ. Онъ спросилъ также, много ли людей на шлюпѣ, для того будто бы, чтобъ опредѣлить потребное количество провизіи. Какъ ни хитро поставленъ былъ вопросъ, но Головнинъ проникъ въ его сущность и умышленно удвоилъ число команды съ 51 на 102 человѣка. Алексѣй никакъ не могъ перевести этого числа, такъ какъ курильцы считать не умѣютъ, и Головнинъ долженъ былъ написать его палочками на бумагѣ.

Между тѣмъ Муръ, выглянувъ изъ палатки, увидѣлъ, что солдаты обнажаютъ сабли.

— Василій Михайловичъ, шепнулъ онъ. Японцы насъ изрубить хотятъ.

— Э, вздоръ! отвѣтилъ ему Головнинъ; просто репетируютъ свои военные пріемы.

Вскорѣ, однако, стали появляться очень тревожные признаки. Помощникъ шепнулъ что-то главному и вышелъ. Главный то же хотѣлъ выйти, но въ это время офицеры встали и начали прощаться. Головнинъ возобновилъ вопросъ о припасахъ. Главный начальникъ, не отвѣчая ему прямо, опять сѣлъ и велѣлъ подавать обѣдъ. Моряки недоумѣвали, что все это значитъ; но японцы припялись кланяться и успокаивать ихъ.

Обѣдъ состоялъ изъ рыбы съ зеленью и другихъ блюдъ, очень вкусно приготовленныхъ. Послѣ обѣда главный начальникъ снова покушался выйти, но моряки опять предупредили его,

заявивъ, что имъ пора ѣхать. Тогда онъ, сѣвъ на мѣсто, объявилъ черезъ переводчика, что снабдить русскихъ ничѣмъ не можетъ безъ разрѣшенія матсмайскаго губернатора, которому онъ подчиненъ. А пока получится это разрѣшеніе, одинъ изъ офицеровъ долженъ остаться заложникомъ.

— Сколько же дней потребуется на полученіе отвѣта? спросилъ Головнинъ.

— Пятнадцать.

Головнинъ сталъ совѣщаться съ товарищами. Оставить офицера было немыслимо, тѣмъ болѣе, что при существующихъ порядкахъ легко могло случиться, что матсмайскій губернаторъ найдетъ нужнымъ послать еще куда нибудь и проволочкамъ конца не будетъ. Головнинъ объявилъ, что офицера оставить не можетъ и сталъ откланиваться. Тогда начальникъ, говорившій до тѣхъ поръ тихо и вѣжливо, сразу же сбросилъ маску; сталъ кричать, поминутно хватаясь за саблю. Курилецъ Алексѣй побѣднѣлъ какъ полотно.

— Начальникъ говоритъ, передавалъ онъ, что если хоть одного изъ насъ выпустить изъ крѣпости, ему самому распорютъ животъ.

Смекнувъ, что дѣло плохо, русскіе пустились бѣжать. Японцы съ крикомъ погнались за ними, бросая имъ въ догонку полѣнья и весла; мимо уха Хлѣбникова просвистѣла пуля. Въ воротахъ опасность увеличилась и японцамъ удалось схватить Мура, матроса Макарова и Алексѣя. Остальные побѣжали къ шлюпкѣ, но къ ужасу своему увидѣли, что отливъ оставилъ шлюпку на берегу, саженяхъ въ пяти отъ воды. Отступленіе было отрѣзано; оставалось только развести руками.

Между тѣмъ японцы успѣли уже замѣтить безвыходное положеніе моряковъ и, выбѣжавъ съ обнаженными саблями, окружили ихъ. Численный перевѣсъ былъ на сторонѣ японцевъ; русскіе принуждены были сдаться. Два солдата подхватили подъ

руки командира и повели его въ крѣпость. Солдатъ, шедшій сзади, ударилъ Головнина палкой по плечу, но бывшій тутъ же чиновникъ сдѣлалъ ему выговоръ.

Плѣнниковъ повели черезъ крѣпость въ длинное низкое зданіе, поставили на колѣни и начали вязать. Вязали не какъ-нибудь, а по системѣ, всѣхъ одинаково: одно число петель, узловъ на равномъ разстояніи и т. д. Видно было, что у японцевъ есть на это особая наука. Кругомъ груди и около шеи надѣты были петли; локти почти сходились; кисти рукъ связаны были вмѣстѣ; отъ нихъ шла длинная веревка, конецъ которой держалъ вожатый. При малѣйшей попыткѣ бѣжать, руки въ локтяхъ должны были переломиться, а веревка затянуть шею. Кромѣ того, связали ноги повыше колѣнъ. Во время операціи вязанья приходилъ два раза помощникъ начальника. Остановившись противъ плѣнниковъ, онъ открывалъ ротъ и указывалъ пальцемъ себѣ въ глотку. Это означало, вѣроятно, что плѣнниковъ не убьютъ, а будутъ кормить.

Солдаты, покончивъ съ вязаньемъ, обыскали несчастныхъ русскихъ, взяли всѣ вещи и, усѣвшись въ сторонкѣ, стали курить и разговаривать, какъ ни въ чемъ не бывало.

III.

Слѣдя въ зрительныя трубы за Головнинымъ и прочими съѣхавшими на берегъ, офицеры шлюпа «Діана» видѣли, какъ товарищи, въ сопровожденіи множества народа вошли въ крѣпость. Рикордъ, также какъ и Головнинъ, не подозрѣвалъ японцевъ въ вѣроломствѣ и приготовилъ шлюпъ къ принятію гостей въ случаѣ, если они пріѣдутъ съ командиромъ посмотрѣть судно, какъ часто бывало въ иностранныхъ портахъ. Около полудня на

шлюпѣ услышали выстрѣлъ и крики народа, бѣжавшаго къ шлюпкѣ, на которой Головнинъ съѣхалъ на берегъ. Замѣтили также, что народъ расхваталъ со шлюпки мачты, паруса, весла. Еще замѣтили, что кого-то понесли на рукахъ въ крѣпостныя ворота, куда вбѣжалъ и весь народъ. Затѣмъ ворота заперлись, и наступила глубокая тишина. Можно представить себѣ ужасъ офицеровъ и въ особенности Рикорда, когда сдѣлалось очевиднымъ, что русскіе попались въ ловушку. «Несчастіе это, пишетъ Рикордъ, цвѣтистымъ языкомъ того времени, помрачило мой разсудокъ. Волнующіяся мои мысли вездѣ представляли мнѣ толпы соединенныхъ бѣдствій, стремящихся поразить меня. Вездѣ стрѣлы враждебнаго мнѣ рока быстро вонзались, растравляя, усугубляя ударами раны груди моей, томящейся лютѣйшею скорбію о потерѣ друга моего въ мучительной неизвѣстности [1]).

Не смотря на глубокое отчаяніе, Рикордъ тотчасъ-же принялся энергически дѣйствовать: подвелъ шлюпъ поближе къ берегу, надѣясь этимъ напугать японцевъ. Но японцы первые открыли огонь. Со шлюпа отвѣчали тѣмъ же. Къ сожалѣнію, недостатокъ глубины не позволялъ подвести «Діану» ближе и обоюдная пальба ни одной изъ сторонъ не принесла особаго вреда.

Увѣренный въ привязанности экипажа къ своему несчастному командиру, Рикордъ думалъ, было, сдѣлавъ десантъ, освободить плѣнниковъ; но такъ какъ онъ, послѣ Головнина, оставался отвѣтственнымъ лицомъ, онъ не рѣшился сдѣлать этого распоряженія отъ себя. Во время отсутствія экипажа шлюпъ остался бы безъ защиты, и японцы легко могли захватить его или сжечь. Тогда не только погибло бы дорого стоющее судно, но и результаты описи Курильскихъ острововъ, стоившіе столько трудовъ и издержекъ.

[1]) Морской Сборникъ. 1856.

Вступивъ, какъ старшій въ чинѣ, въ командованіе шлюпомъ, Рикордъ собралъ совѣтъ офицеровъ, на которомъ было рѣшено не предпринимать враждебныхъ дѣйствій, а идти въ Охотскъ. Передъ уходомъ съ Кунаширскаго рейда, Рикордъ приказалъ положить на берегу сундуки съ вещами, принадлежавшими плѣнникамъ и сочувственное письмо, подписанное всѣми офицерами.

Цѣлый часъ пробыли плѣнники въ мучительной неизвѣстности о дальнѣйшей судьбѣ своей. Наконецъ имъ ослабили веревки на ногахъ, вывели изъ крѣпости и повели въ лѣсъ. «Мы были связаны такимъ образомъ, говоритъ Головнинъ, что даже ребенокъ могъ насъ вести. Тѣмъ не менѣе, у каждаго изъ насъ было по два тѣлохранителя, затѣмъ работникъ, державшій веревку, и вооруженный солдатъ, который шелъ возлѣ. Одного отъ другого вели на нѣкоторомъ разстояніи. Поднявшись на высокое мѣсто, увидѣли мы нашъ шлюпъ подъ парусами и сердце болѣзненно сжалось. Но когда Хлѣбниковъ, шедшій за мной, воскликнулъ: «Василій Михайловичъ, взгляните въ послѣдній разъ на «Діану»! я не могъ удержаться отъ слезъ. «Взгляни въ послѣдній разъ на Россію, на Европу, говорилъ я себѣ. Мы теперь люди другого свѣта. Мы не умерли, но для насъ все умерло. Ничего мы не услышимъ и никогда ничего не узнаемъ, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ, въ Европѣ и во всемъ мірѣ».

Головнинъ былъ такъ туго связанъ, въ особенности около шеи, что пройдя верстъ 6—7, онъ сталъ задыхаться. Черезъ посредство Алексѣя, онъ и товарищи просили немного ослабить веревки, но японцы на эти просьбы не обращали вниманія. Головнинъ такъ невыносимо страдалъ, что задумалъ, было, въ первой же рѣчкѣ утопиться. Но предупредительные японцы не допустили его до этого. При переходѣ черезъ ручьи и рѣчки, плѣнниковъ подхватывали подъ руки и переносили. Наконецъ, окончательно обезсиленный Головнинъ упалъ и лишился чувствъ; очнувшись, онъ видитъ, что у него изо рту и изъ носу идетъ

кровь и японцы отливаютъ его водой. Муръ и Хлѣбниковъ со слезами стали просить конвойныхъ ослабить веревки, на что тѣ, наконецъ, согласились. Послѣ этого В. М. тотчасъ-же стало легче и съ нѣкоторымъ усиліемъ онъ могъ уже идти.

Пройдя верстъ десять, плѣнники пришли въ селеніе, на берегу пролива, отдѣляющаго Кунаширъ отъ Матсмая. Ихъ ввели въ домъ и предложили рисовой каши, но они не могли ѣсть. Потомъ ихъ положили на полъ вдоль стѣнъ, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, а вмѣсто изголовья, дали каждому по пустой кадкѣ. Веревки, за которыя вели, привязали къ скобамъ, вбитымъ въ стѣну, сняли со всѣхъ обувь и связали ноги. Въ такомъ положеніи даже и львы были бы безопасны, но не такъ думали японцы. Усѣвшись посреди комнаты вокругъ жаровни, они принялись пить и курить, но безпрестанно вскакивали и осматривали у плѣнныхъ веревки.

Немного погодя появился матросъ Макаровъ, который первый попался въ плѣнъ, и почему-то былъ разъединенъ съ товарищами. Ему посчастливилось попасть въ руки людей болѣе сострадательныхъ. Его свели въ казармы, угостили кашей и сагой и онъ очень исправно поѣлъ. Связали его слегка и выйдя за городъ, тотчасъ-же развязали. Такъ онъ и шелъ развязанный; на дорогѣ часто садился отдыхать и только передъ селеніемъ его опять связали, но не туго. Не смотря на усталость, заснуть почти не удалось. Отъ веревокъ и непривычнаго положенія тѣло ломило, нервы раздражались; голову осаждали самыя безотрадныя мысли. Въ особенности тяжко было Головнину, который сознавалъ, что его излишняя довѣрчивость къ японцамъ была причиною несчастія его товарищей. Онъ съ радостію пожертвовалъ бы жизнію, еслибъ могъ этимъ выкупить ихъ. Муръ и Хлѣбниковъ не только не упрекали его, но еще старались поддерживать въ немъ бодрость духа. Матросы же роптали, но очень сдержанно, не употребляя ни одного дерзкаго слова.

«Положеніе наше дѣлало насъ равными, говоритъ Головнинъ. Слѣдовательно, люди, менѣе ко мнѣ расположенные, могли бы употребить «свой» языкъ и, по крайней мѣрѣ, хоть бранью отмстить мнѣ за свое несчастіе, но они этого не дѣлали, отчего угрызенія совѣсти еще болѣе мучили меня».

Когда стемнѣло, конвойные засуетились и стали собираться въ дорогу. Принесли доску съ продѣтыми въ концы ея веревками, какъ у качели. Верхніе концы веревокъ были связаны и продѣтые въ нихъ жерди несли на плечахъ два японца. На эти примитивные носилки положили Головнина на спину, какъ покойника. Вполнѣ увѣренный, что его навсегда разлучаютъ съ товарищами, онъ сталъ прощаться съ ними, какъ передъ смертью. Матросы плакали навзрыдъ. Головнина принесли на берегъ и положили въ лодку. Черезъ нѣсколько минутъ такимъ же образомъ принесли Мура и положили въ ту же лодку къ немалой радости обоихъ. Принесли Хлѣбникова, матросовъ и положили въ другую лодку. Потомъ всѣхъ накрыли рогожами, и поплыли... невѣдомо куда.

Японцы гребли молча, не обращая вниманія на плѣнниковъ, словно ихъ тутъ не было. Одинъ только юноша, лѣтъ 20, передразнивалъ ихъ стоны и вздохи, а въ промежуткахъ пѣлъ пѣсни.

На разсвѣтѣ, 12 іюля, лодки причалили къ небольшому селенію на Матсмаѣ. Здѣсь переложили плѣнниковъ въ другую лодку, и потянули вдоль берега бичевою. Тянули весь день и всю ночь, останавливаясь только, чтобъ смѣнить людей. По берегу часто попадались рыбацкія селенія, хорошо устроенныя. Необычайное обиліе рыбы доставляло возможность обывателямъ существовать безбѣдно. По пути плѣнники видали, какъ вытаскивали невода съ сотнями и тысячами рыбъ, преимущественно лососей.

Нѣсколько разъ въ день японцы угощали своихъ плѣнниковъ кашей, жареной рыбой, а тѣмъ, которые хотѣли ѣсть, клали рыбу въ ротъ палочками. Головнинъ чувствовалъ себя до того

разбитымъ, что не могъ ни ѣсть, ни пить. Любезность японцевъ доходила до того, что они сажали возлѣ каждаго плѣнника по работнику съ вѣткой, чтобъ отгонять комаровъ и мухъ. Такое странное смѣшеніе предупредительности съ жестокостью объяснялось очень просто. Угнетеніе плѣнниковъ предписывалось законами страны; конвойные отвѣчали за нихъ собственною жизнью; тогда какъ въ остальномъ они были люди, какъ люди: и хорошіе, и дурные. Понятно, что къ такому выводу плѣнники пришли не скоро. Въ данную минуту они замѣчали только жестокости и негодовали. Въ одномъ они были теперь увѣрены, что ихъ не убьютъ, хотя жизнь въ плѣну казалась имъ горше смерти. Но пока живъ человѣкъ, его не покидаетъ надежда, и какъ ни ужасно было положеніе плѣнниковъ, гдѣ-то далеко, въ тайникахъ души мерцалъ свѣтъ надежды и пробуждалъ мечты объ освобожденіи.

Іюля 13-го на разсвѣтѣ, японцы сдѣлали привалъ у небольшого селенія, намѣреваясь позавтракать. Народъ сбѣжался смотрѣть на чужестранцевъ. Одинъ почтеннаго вида старикъ подошелъ къ конвойнымъ и попросилъ позволенія угостить плѣнниковъ завтракомъ. Все время онъ стоялъ и съ глубокимъ состраданіемъ смотрѣлъ, какъ ихъ кормили, словно малыхъ дѣтей изъ чужихъ рукъ. Такое проявленіе человѣческаго чувства очень тронуло моряковъ, не смотря на ихъ предубѣжденіе противъ японцевъ.

Послѣ завтрака лодки тронулись далѣе. День былъ тихій, ясный; очертаніе горъ и береговъ были отчетливо видны, въ томъ числѣ и гавань, въ которой не въ добрый часъ высадились моряки. Съ замираніемъ сердца искали они глазами «Діану», но «Діаны» не было. Передъ вечеромъ лодки причалили къ берегу, заселенному курильцами. По приказанію предводителя конвоя, его подручные стали скликать курильцевъ. Скоро на берегу образовалась толпа. Моряки смотрѣли на это сборище и ждали, что бу-

детъ. Къ великому ихъ удивленію лодки съ людьми и вещами курильцы вытащили на берегъ и поволокли въ гору сквозь кустарники и заросли, очищая путь топоромъ. Надо замѣтить, что лодки были далеко не маленькія: около 30 фут. въ длину и 8 въ ширину. Тяжко было бѣднымъ плѣнникамъ во время этого своеобразнаго путешествія; ихъ подбрасывало и швыряло во всѣ стороны. Не увидѣли ли «Діаны» наши мучители и отъ нея спасаются? подумали они. Но вскорѣ все объяснилось. Втащивъ лодки на вершину довольно высокой горы, ихъ стали спускать на противоположную сторону и спустили въ рѣчку, похожую на искусственный каналъ. Во время этого передвиженія у матроса Васильева, вѣроятно, отъ тряски, пошла носомъ кровь, да такъ сильно, что, казалось, у него лопнулъ кровеносный сосудъ. Офицеры умоляли конвойныхъ ослабить веревки, но тѣ и вниманія не обращали; только затыкали Васильеву носъ ватой. Но убѣдившись, что это не помогаетъ, они немного ослабили веревки.

Спустившись въ рѣчку, японцы замѣтно измѣнили обращеніе; стали ласковѣе и мягче. Они считали, вѣроятно, что теперь всякая опасность миновала и преслѣдованія со стороны шлюпа быть не можетъ. Они старались объяснить, что черезъ 8—10 дней они прибудутъ въ Матсмай, гдѣ плѣнниковъ развяжутъ, позволятъ написать ихъ дѣло, и если оно, по разсмотрѣніи, окажется правымъ, ихъ отпустятъ въ Россію. Познакомившись съ коварствомъ японцевъ, моряки мало вѣрили ихъ словамъ; но если бы и точно дѣло приняло благопріятный оборотъ, то при медлительности японцевъ нельзя было ожидать скораго его разрѣшенія. Многіе могли умереть прежде, чѣмъ окончится дѣло.

Изъ рѣчки лодки вышли въ Большое озеро, усѣянное мелями. Гребцы-курильцы соскакивали въ воду и тащили лодки. Понятно, что при такихъ условіяхъ плаваніе совершалось очень медленно. Ночью пошелъ дождь, и плѣнники продрогли. Увидавъ

на берегу большой костеръ, японцы причалили къ этому мѣсту и, развязавъ плѣнникамъ ноги, позволили обсушиться и обогрѣться. Потомъ повели ихъ въ большой сарай съ единственною дверью, покормили кашей и рыбой, опять связали ноги и, давъ по два одѣяла, оставили въ покоѣ.

Слѣдующій день, 15-го числа, все время лилъ дождь, и плѣнники пролежали въ одномъ и томъ же положеніи, неподвижно, весь день. Кормили ихъ три раза: кашей, рыбой и грибной похлебкой. Шестнадцатаго небо прояснилось, и путники стали собираться въ дорогу. Моряковъ спросили, желаютъ ли они идти, или чтобъ ихъ несли на носилкахъ. Всѣ пожелали идти. На нихъ надѣли собственные сапоги, ослабили на ногахъ веревки такъ, чтобъ можно было шагать и начальникъ конвоя сталъ устраивать шествіе. Впереди шли два японца съ палочками краснаго дерева, очень изящно выточенными; они должны были указывать дорогу. На границѣ сосѣдняго селенія ихъ смѣняли другіе съ такими же палочками. За проводниками шли три солдата врядъ; за ними Головнинъ съ двумя тѣлохранителями. Одинъ изъ нихъ былъ солдатъ, другой — работникъ, отгонявшій вѣткою комаровъ и мухъ; сзади еще работникъ, державшій концы веревки. За нимъ — шесть курильцевъ несли носилки, подобныя тѣмъ, которыя описаны были ниже, съ придачею рогожъ по бокамъ для защиты отъ непогоды. За носилками слѣдовала смѣна въ шесть человѣкъ. Такимъ же образомъ вели Мура, Хлѣбникова и матросовъ; а Алексѣя, который былъ совсѣмъ разбитъ — несли. Шествіе замыкали три солдата, шедшіе врядъ. Всего народу было человѣкъ двѣсти. У каждаго на поясѣ привѣшена была дощечка съ надписью, къ кому онъ приставленъ и что долженъ дѣлать.

На дорогѣ японцы часто останавливались отдыхать, закусывали и предлагали плѣнникамъ каши, соленой рѣдьки, сушеныхъ сельдей; а вмѣсто питья давали чай безъ сахару. Чай былъ хо-

рошаго качества, освѣжалъ и въ то же время возбуждалъ нервы.

Около полудня остановились обѣдать въ благоустроенной усадьбѣ. Хозяинъ, молодой человѣкъ, выказалъ много участія плѣнникамъ. Онъ угостилъ ихъ хорошимъ обѣдомъ и просилъ, чтобъ имъ дозволили у него ночевать и отдохнуть хорошенько. Караульные были на то согласны, но плѣнники сами спѣшили

Японцы-горожане.

впередъ, чтобъ къ ночи дойти до города Аткиса, гдѣ, по словамъ конвойныхъ, имъ должны были на время развязать руки и къ ранамъ, натертымъ веревками, приложить пластырь. Поэтому они шли, не жалѣя ногъ; но такъ какъ день былъ жаркій, то отъ усталости приходилось иногда садиться на носилки, съ которыхъ почти тотчасъ же и соскакивали. Доска была узка, веревки коротки, сидѣть приходилось согнувшись; связанныя руки не позволяли перемѣнить положенія; къ тому же онѣ страшно болѣли, въ особенности при сотрясеніи, когда носилки ударялись о дерево.

Наконецъ пришли къ рѣчкѣ, которая впадаетъ въ тотъ заливъ, на которомъ стоитъ Аткисъ. Размѣстились въ двухъ лодкахъ, кругомъ завѣшанныхъ рогожами, такъ что кромѣ неба ничего не было видно. Это обстоятельство плѣнники перетолковали въ свою пользу; человѣку такъ свойственно въ несчастіи искать утѣшенія. «Вѣрно, насъ скоро отпустятъ, разсуждали они, и японцы не хотятъ, чтобы мы видѣли ихъ берега и укрѣпленія.» Эта мысль показалась до того естественною бѣднымъ морякамъ, что они вдругъ повеселѣли и принялись разговаривать другъ съ другомъ. Вдругъ работникъ отдернулъ рогожу и спросилъ, не желаютъ ли русскіе посмотрѣть берега залива. Оказалось, что рогожи были повѣшены для защиты отъ комаровъ и мухъ. Надежда сразу отлетѣла, и плѣнники пріуныли.

«Скоро, скоро Аткисъ», утѣшали ихъ японцы; но они уже знали, какое значеніе имѣетъ это нарѣчіе въ устахъ японцевъ. Въ дѣйствительности прибыли въ Аткисъ только ночью. Плѣнниковъ встрѣтили солдаты съ фонарями и повели въ крѣпостцу, обтянутую также какъ и на Кунаширѣ полосатою матеріею. Здѣсь плѣнниковъ ввели въ довольно большую комнату, роспи-санную въ японскомъ вкусѣ. По стѣнамъ шли нары и надъ ними скобы для привязыванія веревокъ, которыми скручены были плѣнники. Каждому изъ нихъ дали по одѣялу, связали ноги и оставили такъ до утра.

Одѣяла не имѣли того назначенія какъ у насъ. Сложенныя вдвое, они составляли постель. Эти одѣяла, стеганныя на ватѣ, покрываются, смотря по состоянію, шелковою или бумажною матеріею. Японцы спятъ совсѣмъ раздѣтые, завертываясь въ халатъ. Подъ голову кладутъ, бѣдные—полѣно, богатые—ящичекъ, на крышкѣ котораго прибитъ сѣдлообразный валекъ. Японцы спятъ почти всегда на спинѣ, и затылокъ покоится на этомъ валкѣ. Въ ящичкѣ сохраняются щеточки, кисточки, краски, словомъ—всѣ принадлежности японскаго туалета. Спать на

ватномъ одѣялѣ непривычному европейцу показалось бы жестко, еслибъ полъ во всѣхъ домахъ и даже хижинахъ не былъ устланъ толстыми матами, играющими роль пружинъ.

Въ Аткисѣ плѣнникамъ дали отдохнуть цѣлый день. Имъ развязали руки, но они не въ силахъ были пошевелить ими. Когда японцы стали разгибать руки, несчастные кричали отъ боли. Руки осмотрѣли, протертыя мѣста обвязали тряпками и опять связали. Страданія, которыя испытывали плѣнники въ эту минуту, не поддаются описанію. Кормили плѣнныхъ три раза въ день, сытно, и на дорогу дали каждому по ватному халату, чтобы накидывать во время дождя.

По утру, 18-го числа, партія переправилась черезъ заливъ и пошла далѣе. Шествіе совершалось въ томъ же порядкѣ, какъ описано было выше и распредѣленіе времени изо дня въ день соблюдалось одно и то же. Вставали до разсвѣта, завтракали и отправлялись въ путь. Часто останавливались на отдыхъ, курили, пили чай, въ полдень обѣдали, черезъ часъ послѣ обѣда шли дальше, часа за два до заката солнца останавливались на ночлегъ. Ночевали обыкновенно въ селеніяхъ, гдѣ была военная команда. У дома начальника плѣнниковъ сажали на скамью, покрытую матами; приходилъ начальникъ и осматривалъ ихъ. Потомъ ихъ отводили въ приготовленное для нихъ помѣщеніе, обыкновенно очень хорошій домъ. Разъ только пришлось имъ ночевать въ сараѣ, гдѣ прежде хранился рисъ. Жаръ былъ нестерпимый и по полу ползало безчисленное множество червяковъ, которые очень безпокоили. На ночлегѣ плѣнниковъ разували и мыли имъ ноги теплою соленою водою, что очень облегчало ихъ. Потомъ ноги связывали, веревки прикрѣпляли къ скобкамъ и оставляли на ночь.

Загноившіяся раны сильно болѣли, и приставшія къ нимъ тряпки при каждомъ движеніи еще больше растравляли ихъ. Плѣнники стали умолять конвойныхъ хоть не надолго развязы-

вать имъ руки. Конвойные сѣли въ кружекъ и составивъ совѣтъ, порѣшили развязывать руки двоимъ, по очереди, предварительно обыскавъ ихъ. Предосторожность эта была совершенно лишняя, такъ какъ плѣнники уже были обысканы и обобраны въ крѣпости. Какимъ-то чудомъ, у Головнина, въ карманѣ брюкъ, уцѣлѣли ключи. В. М. самъ вынулъ ихъ и отдалъ конвойному. Конвойный такъ удивился, что раздѣлъ Головнина до-нага и самымъ тщательнымъ образомъ обыскалъ его.

Іюля 19-го догналъ партію посланный изъ Кунашира и принялъ начальствованіе. Онъ тотчасъ же велѣлъ развязать плѣнникамъ кисти рукъ, оставивъ ихъ связанными повыше локтя. Въ этотъ день моряки могли, впервые, ѣсть своими руками. Новаго своего начальника они принимали сперва за чиновника, но потомъ оказалось, что это простой солдатъ только изъ императорскаго войска, тогда какъ другіе принадлежали къ войску феодальному[1]). Императорскому солдату конвойные оказывали особый почетъ.... Онъ спалъ и ѣлъ отдѣльно.

Когда плѣнникамъ развязали руки, они почувствовали большое облегченіе и идти имъ стало легче. При переправахъ черезъ заливы въ лодкахъ, имъ опять связывали руки. Осторожность японцевъ порою доходила до смѣшного. Однажды плѣнники попросили разрѣшенія итти по мягкому песку около самаго моря. Конвойные съ трудомъ на это согласились и пошли возлѣ нихъ со стороны моря, шагая по водѣ. Черезъ ручьи и рѣчки не только офицеровъ, но и матросовъ переносили. Опасаясь покушеній на самоубійство, плѣнниковъ волей-неволей оберегали отъ простуды, не допуская ихъ промочить ноги. По дорогѣ попадалось много малины и земляники, но японцы не дозволяли ее ѣсть, говоря, что она вредна для здоровья, хотя плѣнники увѣряли ихъ, что въ Россіи эту ягоду ѣдятъ безнаказанно.

1) Въ то время Японія была раздѣлена на нѣсколько княжествъ, каждое съ своимъ правителемъ — феодаломъ, подчиненнымъ общему главѣ, микадо.

Іюля 21-го и 22-го партія должна была пользоваться вынужденнымъ отдыхомъ. Отъ дождей разлилась рѣка, лежащая на пути, и приходилось ждать, пока она войдетъ въ берега. Въ селеніи, гдѣ партія останавливалась, случился лекарь, и ему приказано было лечить плѣнникамъ руки. Онъ присыпалъ раны бѣлымъ порошкомъ, а къ опухолямъ и затвердѣлостямъ приложилъ пластырь, неизвѣстно изъ чего сдѣланный, и страдальцы скоро почувствовали облегченіе. Этими снадобьями лекарь снабдилъ ихъ и на дорогу.

Японцы съ каждымъ днемъ становились ласковѣе и сообщительнѣе. Узнавъ, что картинка, положенная въ кадку на Кунаширѣ нарисована Муромъ, они на всѣхъ привалахъ приставали къ нему, чтобъ онъ имъ рисовалъ разные предметы. Рисовалъ и Хлѣбниковъ. Головнинъ не умѣлъ рисовать, такъ ему приносили вѣера и просили написать что-нибудь по-русски. Офицеры охотно исполняли эти просьбы, такъ какъ имъ по этому случаю ослабляли на локтяхъ веревки.

Русское письмо считалось у японцевъ такою же рѣдкостью, какъ у насъ восточныя рукописи. Въ одномъ мѣстѣ показали офицерамъ вѣеръ, на которомъ написана было часть русской пѣсни «Ахъ, скучно мнѣ на чужой сторонѣ. Бабиковъ». Этотъ Бабиковъ былъ здѣсь лѣтъ 20 тому назадъ, но вѣеръ чистъ совершенно, точно сейчасъ съ фабрики. Хозяинъ хранилъ его въ нѣсколькихъ листахъ бумаги и едва позволялъ къ нему прикасаться. Такихъ вѣеровъ моряки надписали во время пути нѣсколько сотъ. За услугу японцы вѣжливо благодарили и нерѣдко угощали или дарили табакъ.

Въ началѣ конвойные не давали плѣнникамъ трубокъ въ руки, опасаясь, чтобъ онѣ не послужили орудіемъ самоубійства. Курить, однако же, позволяли, но сами придерживали трубку. Потомъ имъ это надоѣло, и они стали надѣвать на чубукъ яичко съ отверстіемъ. Одинъ изъ офицеровъ показалъ имъ знаками, что

этимъ яичкомъ очень легко подавиться. Конвойные засмѣялись и больше не стѣсняли курильщиковъ.

Свыкнувшись съ плѣнниками, японцы принялись, черезъ Алексѣя, разспрашивать о ихъ семейномъ положеніи, бытѣ страны, условіяхъ русской жизни и проч. Они оказались не только любопытными, но и любознательными. Они интересовались названіями разныхъ вещей по-русски, записывали ихъ по-японски, и почти каждый составилъ себѣ маленькій лексиконъ.

Августа 7-го партія пришла въ селеніе Онно, близъ Хакодате. Это селеніе очень велико и расположено въ красивой долинѣ, орошаемой множествомъ быстрыхъ рѣчекъ. Селеніе Онно утопаетъ въ зелени; каждый домъ окруженъ большимъ плодовымъ садомъ и огородомъ. Вообще все, что до сихъ поръ видѣли русскіе, говорило въ пользу японцевъ. Въ этой густо населенной странѣ не было почти ни одного клочка невоздѣланной земли. На каждомъ шагу встрѣчались доказательства трудолюбія и терпѣнія жителей. Послѣ необъятныхъ россійскихъ пустырей такая культура должна была произвести пріятное впечатлѣніе на нашихъ соотечественниковъ. Не смотря на раздраженіе противъ японцевъ за незаслуженныя мученія, они должны были отдать имъ справедливость.

«На всемъ протяженіи берега, по которому мы шли, говоритъ Головнинъ, нѣтъ ни одного залива, ни одной крохотной бухточки, гдѣ бы не раскинулось большого селенія. На поляхъ и лугахъ нерѣдко встрѣчались группы шалашей, разбитыхъ промышленниками на извѣстное время. Обыватели, какъ осѣдлые, такъ и временные занимаются рыбнымъ промысломъ, добычею раковинъ, морской капусты. Капусту заготовляютъ такъ: выловивъ ее, раскладываютъ на пескѣ, сушатъ, потомъ кладутъ въ копны и покрываютъ рогожами, пока не придетъ время грузить ее на суда для отправки на островъ Нипонъ. Океанъ для японца, это благодатная нива, на которой ни сѣютъ, ни жнутъ, но соби-

раютъ въ житницы. Разнообразнѣйшія формы рыбъ, морскихъ животныхъ, растеній, моллюсковъ—все это всегда къ услугамъ японцевъ; протяни руку — и бери.

Курильскія селенія гораздо бѣднѣе японскихъ, въ нихъ не дома, а хижины безъ садовъ и огородовъ. Дома, которые выдѣляются среди другихъ, принадлежатъ японскимъ начальникамъ или промышленникамъ. Японскія селенія, напротивъ того, обширны, раздѣлены на многія улицы. На улицахъ и въ домахъ чистота необыкновенная. Японцы выглядятъ веселыми, живыми, довольными.

Въ Онно встрѣтили партію чиновники и офицеръ, которые и оставались при нихъ. Старшій чиновникъ, Я-Мангдя-Гоонзо былъ чрезвычайно любезенъ съ офицерами, говорилъ, что въ Хакодате они будутъ жить въ прекрасномъ домѣ и что многіе господа будутъ съ ними знакомиться и приглашать къ себѣ. Все это плохо вязалось съ представленіемъ о веревкахъ, которыми скручены были плѣнники.

Съ чиновниками прибылъ старикъ, который мало говорилъ, но прислушивался къ разговорамъ плѣнниковъ между собою и улыбался. Русскіе заподозрили въ немъ шпіона и стали остерегаться.

IV.

По утру, 8-го августа, конвойные стали приготовляться къ церемоніальному вступленію въ Хакодате: надѣли новое платье, латы и военные головные уборы.

За завтракомъ плѣнникамъ дали курицу подъ соусомъ, что считается у японцевъ лакомымъ блюдомъ. Такое вниманіе не

добро предвѣщало. Еще раньше замѣтили русскіе, что когда японцы должны были сдѣлать имъ что либо непріятное, то они особенно усердно ихъ угощали. Такъ случилось и тутъ. Послѣ завтрака явились конвойные и торжественно объявили, что они должны связать плѣнникамъ руки. Торжественность заключалась въ томъ, что солдаты, выстроившись въ рядъ, ставили между собою и плѣнниками двухъ переводчиковъ на колѣни и старшій изъ нихъ, приказавъ всѣмъ молчать, начиналъ объяснять дѣло; переводчики слушали, склонивъ голову. На этотъ разъ Гоонзо и его товарищи, узнавъ, въ чемъ дѣло, начали сильно протестовать; но солдаты имъ не уступали, что то вѣжливо доказывая, причемъ часто упоминали слово Кунаширъ. Гоонзо, однако, одержалъ верхъ. Онъ остановилъ шествіе и послалъ чиновника въ Хакодате за распоряженіями. Отвѣтъ получился благопріятный для плѣнниковъ, и солдаты тотчасъ же развязали имъ руки.

Онно находится всего въ семи верстахъ отъ Хакодате. Поднявшись на гору, путники увидали обширную долину, замыкаемую городомъ Хакодате. Начали появляться толпы любопытныхъ всякихъ званій и состояній. Иные были разодѣты въ роскошныя шелковыя одежды; другіе щеголяли богато убранными конями. Наконецъ, около полудня шествіе двинулось посреди двойной шпалеры любопытныхъ. Въ городѣ толпа сдѣлалась до того компактною, что конвойные съ трудомъ прочищали дорогу. Пройдя вдоль длинной узкой улицы, шествіе вошло въ переулокъ, въ концѣ котораго виднѣлось низкое зданіе, обнесенное валомъ съ желѣзными рогатками на верху. Сердце плѣнниковъ болѣзненно сжалось.

— Вотъ наша могила, сказалъ Головнинъ, обернувшись къ товарищамъ.

Однако онъ ошибся; это былъ только этапъ.

У воротъ, въ караулкѣ, сидѣли чиновники, а отъ караулки шли двѣ шеренги солдатъ съ ружьями, стрѣлами, копьями.

Въ воротахъ чиновникъ принималъ плѣнниковъ по списку и препровождалъ ихъ во дворъ. Тутъ то и увидѣли плѣнники, что ихъ ожидаетъ. Двери длиннаго зданія, которое они замѣтили еще издали, были открыты и внутри виднѣлись три клѣтки, сдѣланныя изъ толстыхъ брусьевъ. Такая же рѣшетка отдѣляла клѣтки отъ корридора, въ которомъ находились караульные. Все вмѣстѣ очень походило на звѣринецъ.

Поставивъ плѣнниковъ по стѣнамъ, японцы стали разсуждать, какъ размѣстить ихъ.

«Сердце у насъ упало, говоритъ Головнинъ. Мы стояли въ глубокомъ унынiи и думали: неужели намъ суждено до конца жизни оставаться въ этихъ клѣткахъ?».

Чиновникъ спросилъ Головнина и Мура, кого изъ матросовъ они желаютъ имѣть съ собою. Изъ этихъ словъ офицеры поняли, что имъ не угрожаетъ одиночное заключеніе, и ободрились. Они стали просить помѣстить съ ними и Хлѣбникова.

— Этого нельзя, отвѣчалъ чиновникъ. При матросахъ непремѣнно долженъ быть офицеръ, чтобы своимъ примѣромъ и твердостью духа ободрять ихъ въ несчастiи. Затѣмъ Головнина, Мура и матроса Шкаева повели въ одну сторону, а остальныхъ въ другую.

«Мы прощались съ товарищами, говоритъ Головнинъ, не надѣясь ихъ больше увидать. Меня ввели въ одну изъ клѣтокъ, разули, сняли веревки и заперли на замокъ. Я глазами искалъ Мура и Шкаева, но ихъ не было. Вообразивъ, что мы заключены всѣ порознь и никогда уже не увидимъ другъ друга, я бросился на полъ въ глубокомъ отчаянiи и горько зарыдалъ.

Долго я пролежалъ въ такомъ состоянiи. Вдругъ какая то тѣнь задвигалась по полу. Я поднялъ голову и увидалъ за окномъ человѣка, который сквозь рѣшетку протягивалъ мнѣ два пирожка. Ѣсть мнѣ не хотѣлось, но я взялъ пирожки, чтобъ не обидѣть добраго человѣка. Лицо его просiяло и онъ знаками

объяснилъ, что и впредь будетъ приносить. Судя по платью, онъ былъ изъ простого званія.

На слѣдующее утро я вдругъ услыхалъ русскую рѣчь и вскочивъ съ цыновки, на которой спалъ, подбѣжалъ къ окну. Нельзя было ничего видѣть, но я ясно слышалъ голоса Мура и Шкаева. Слава Богу! подумалъ я. Значитъ, товарищи не въ одиночномъ заключеніи. Можетъ быть, и надо мной сжалятся. Заговорить, однако, я боялся, чтобы не повредить себѣ и имъ.

Около полудня подошелъ къ рѣшеткѣ чиновникъ съ переводчикомъ-курильцемъ, нашимъ Алексѣемъ, и еще съ какимъ-то человѣкомъ.

— Это лекарь, сказалъ чиновникъ, указывая на неизвѣстнаго. Его прислалъ матсмайскій губернаторъ, чтобы заботиться о вашемъ здоровьѣ.

Пока японцы между собою разговаривали, я успѣлъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ Алексѣю и узналъ, что Хлѣбниковъ заключенъ съ Симоновымъ, Макаровъ съ Васильевымъ, а онъ, Алексѣй, отдѣльно, какъ и я. Алексѣй прибавилъ, что у нихъ каморки темныя, грязныя и безъ оконъ.

Въ полдень принесли мнѣ обѣдъ, но я отъ него отказался. Караульный поставилъ обѣдъ и, проворчавъ что-то сердитымъ тономъ, удалился. Подъ вечеръ пришелъ опять тотъ же чиновникъ и объявилъ, что начальникъ города, полагая, что мнѣ скучно одному, велѣлъ дать мнѣ одного матроса, кого пожелаю; я сказалъ, что для меня они всѣ равны, но ужь если необходимо выбирать, то я начну съ Макарова. Макарова сейчасъ же и привели.

«Когда ушли японцы, Макаровъ сталъ восхищаться великолѣпіемъ моего жилища.

— У васъ хоть оконце, говорилъ онъ; краюшекъ неба видѣнъ. А у нихъ темно; солнце и во вѣкъ туда не заглядываетъ. Клѣтки у нихъ, какъ есть клѣтки, поставлены отдѣльно другъ

отъ друга. И даже двери въ нихъ нѣтъ, а лазейка, въ которую нужно вползать по-собачьи».

Разговоръ съ Макаровымъ нѣсколько подбодрилъ Головнина, и онъ съ аппетитомъ поужиналъ, хотя пища была далеко не такого хорошаго качества какъ въ дорогѣ. Вечеромъ имъ принесли по круглой подушкѣ, набитой конопляной шелухой, которая показалась пухомъ въ сравненіи съ деревяннымъ изголовьемъ.

Десятаго августа заключеннымъ объявили, что начальникъ города желаетъ ихъ видѣть и что послѣ обѣда ихъ къ нему поведутъ. Въ назначенный часъ, обвязавъ плѣнниковъ вокругъ пояса веревкою, ихъ вывели на дворъ и поставили рядомъ. Съ четверть часа чиновникъ, предводительствовавшій партіей, устраивалъ порядокъ шествія. Впереди шли въ простыхъ халатахъ два старца. Они держали палки съ насаженными на нихъ топориками съ остріемъ на задней части. За ними шли три феодальныхъ солдата съ саблями за поясомъ; потомъ Головнинъ. Возлѣ него императорскій солдатъ, а позади работникъ, державшій веревку. Съ такой же свитой шли и остальные офицеры. Шествіе двигалось по главной улицѣ крайне медленно. Въ каждомъ почти домѣ находились лавки и магазины. Балконы, террасы, крыши домовъ усыпаны были зрителями. Шествіе свернуло въ переулокъ и пошло въ гору къ замку, окруженному валомъ и палисадомъ. На дворѣ, противъ самыхъ воротъ, стояла на возвышеніи мѣдная пушка.

Пройдя проулкомъ, шествіе вступило во внутренній дворъ. Кругомъ сидѣли солдаты, а ихъ оружіе, прислоненное къ стѣнѣ, стояло позади нихъ. Вошли въ закоулокъ, гдѣ офицерамъ приказали сѣсть на скамью, а матросамъ, на маты, положенные на землѣ. Затѣмъ принесли табаку, трубки, прекраснаго зеленаго чаю, сахарнаго песку, и стали угощать отъ имени начальника. Курильщики сильно обрадовались. Съ прихода въ Хакодате бѣдняги табаку и въ глаза не видали.

Бесѣдуя другъ съ другомъ и попивая чаекъ, плѣнники не замѣтили, какъ прошло время.

«Капитанъ Ховоринъ! раздался голосъ изъ ближняго окна. Оказалось, что японцы такъ произносятъ фамилію Головнина. Въ ту же минуту двое солдатъ подхватили Василія Михайловича подъ руки и ввели его въ большія двери, которыя правильнѣе будетъ назвать воротами. Туда же ввели и остальныхъ.

«Зданіе, въ которое я вошелъ, говоритъ Головнинъ, походило скорѣй на сарай, чѣмъ на пріемную залу. Въ первой половинѣ полъ былъ вымощенъ мелкими камешками, въ другой, во всю ширину, возвышался помостъ, вродѣ сцены, для начальствующихъ. Помостъ былъ покрытъ изящными матами. Окна съ деревянными рѣшетками задвигались бѣлыми бумажными ставнями, пропускавшими тусклый свѣтъ. На стѣнахъ развѣшаны были кандалы, цѣпи и другія орудія наказаній, такъ что помѣщеніе это походило скорѣй на мѣсто пытокъ, чѣмъ на аудіенцъ-залу. Отъ другихъ покоевъ зала отдѣлялась пестро расписанными ширмами.

«Власти сидѣли на колѣняхъ, опустивъ корпусъ на пятки; начальникъ — посреди помоста, ближе къ нему секретарь, а остальные — вокругъ. Всѣ были въ черныхъ халатахъ съ саблями за поясомъ; сбоку лежала другая сабля. Передъ секретаремъ, на полу, стояла баночка съ тушью, и лежала кисть и бумага. У самаго края помоста сидѣлъ переводчикъ Кумаджеро.

«Меня подвели перваго и хотѣли посадить на мощеный полъ, но начальникъ сказалъ что то, и меня оставили стоять. Мура, Хлѣбникова и матросовъ поставили со мною врядъ. Переводчикъ, указывая на сидѣвшаго посреди помоста, сказалъ, что это начальникъ города. Мы ему поклонились, онъ отвѣтилъ легкимъ кивкомъ, опустивъ глаза. Вынувъ изъ-за пазухи бумагу, начальникъ города началъ по ней спрашивать наши чины и фамиліи, потомъ имена и отчества. Послѣдняго Алексѣй не умѣлъ

выразить и спрашивалъ: какой хвостъ у твоего имени? По курильски, конецъ и хвостъ означаютъ одно и тоже. Мы не понимали этого вопроса, пока Алексѣй не догадался объяснить его примѣромъ.

— Вотъ меня зовутъ Алексѣй, а хвостъ у моего имени Максимычъ. А у тебя какой «ичъ?»

Всѣ отвѣты секретари записывали. Начальникъ города разспрашивалъ насъ о всѣхъ подробностяхъ, казалось бы, ни на что ненужныхъ; сколько лѣтъ, живы ли родители, какъ зовутъ отца, сколько братьевъ и какъ ихъ зовутъ, есть ли дѣти, имена ихъ, изъ какихъ мы городовъ, сколько дней отъ нашихъ городовъ до Петербурга. Затѣмъ разспрашивалъ о судахъ, о нашей службѣ на нихъ и на берегу; выразилъ удивленіе, что мы можемъ такъ долго оставаться въ морѣ, не заходя ни за водой, ни за дровами. Развернулъ карту, снятую съ русскаго академическаго глобуса и потребовалъ, чтобъ я указалъ путь, по которому мы шли. Въ заключеніе градоначальникъ сказалъ:

— Когда былъ здѣсь Лаксманъ[1]), то онъ носилъ длинную косу и посыпалъ ее мукой (пудрился). Отчего же вы носите короткіе волосы; развѣ въ Россіи такъ часто мѣняется законъ?

— Головные уборы въ законы не входятъ, отвѣчалъ Головнинъ. Это показалось такъ странно японцамъ, что они засмѣялись.

Благодаря подобнымъ вздорнымъ вопросамъ и плохому знанію языка переводчиками допросъ длился цѣлыхъ два часа и плѣнники, все время стоявшіе на ногахъ, сильно утомились.

Возвращались они въ сумерки, когда дневныя работы были уже кончены, и потому на улицахъ было народу еще больше, чѣмъ утромъ. Размѣстивъ плѣнниковъ по клѣткамъ, каждому дали отъ имени градоначальника, по новому бумажному халату на ватѣ и угостили виномъ и сагою.

---

[1]) Въ царствованіе Екатерины II.

Во время ихъ отсутствія, въ корридорѣ, между клѣтками Головнина и Мура проломали стѣнку, чтобы караульные могли наблюдать за обѣими клѣтками, что дало возможность заключеннымъ разговаривать. Сперва они стѣснялись и, разговаривая другъ съ другомъ, обращались, будто бы, къ сидѣвшимъ съ ними матросамъ. Но потомъ Головнинъ догадался спросить у чиновника, могутъ ли они разговаривать, и получилъ отвѣтъ: «сколько угодно».

Три недѣли прошло въ неизвѣстности, что будетъ дальше. На всѣ вопросы японцы отмалчивались или отвѣчали незнаніемъ. Кормили плѣнниковъ очень дурно; иногда одной рѣдечной похлебкой. Тѣмъ не менѣе каждое утро приходилъ чиновникъ съ лекаремъ и справлялся о здоровьѣ.

Въ одинъ изъ такихъ обходовъ Муръ заявилъ, что у него грудь болитъ. Лекарь принесъ ему настой изъ какихъ-то травъ.

— А что ѣдятъ русскіе, когда захвораютъ? спросилъ онъ.

— Супъ изъ курицы, отвѣчалъ Муръ.

— Какже его приготовлять?

Муръ разсказалъ черезъ переводчика, а лекарь записывалъ. Однако никакого супа не появилось.

Чиновникъ, приходившій съ лекаремъ, позволялъ себѣ издѣвательства надъ плѣнниками, къ числу которыхъ относился и супъ изъ курицы, котораго онъ вовсе не намѣренъ былъ дать. Иногда онъ предлагалъ мяса, молока, масла, а потомъ насмѣшливо извинялся, что коровы еще ходятъ въ полѣ. Однажды онъ пожелалъ видѣть русскую пляску и просилъ Головнина заставить плясать матросовъ; но В. М. сухо отвѣтилъ, что въ тюрьмѣ людямъ не до пляски.

25-го августа явился второй начальникъ Ошахи-Коеки, который приходилъ очень рѣдко и только въ исключительныхъ случаяхъ. Онъ явился съ большою свитою и, остановившись въ корридорѣ противъ клѣтки Головнина, велѣлъ постлать маты.

«Смотрю, что будетъ, говоритъ Головнинъ. Вдругъ вижу, нѣсколько человѣкъ вносятъ на плечахъ мой сундукъ, чемоданы Мура и Хлѣбникова и еще нѣсколько узловъ. Я пришелъ въ ужасъ, вообразивъ, что шлюпъ потерпѣлъ крушеніе и эти вещи выброшены на берегъ. Съ трудомъ сдерживая волненіе, я отвѣчалъ на вопросы, кому принадлежатъ эти вещи. Наконецъ мнѣ объяснили, что шлюпъ нашъ передъ уходомъ съ Кунашира доставилъ эти предметы на берегъ. Тогда страхъ мой смѣнился радостью. Я понялъ, что товарищи благополучно ушли отъ негостепріимныхъ береговъ, что они доведутъ о нашемъ положеніи до свѣдѣнія Государя Императора и что, рано, или поздно намъ оказана будетъ помощь».

Снова начали японцы донимать плѣнниковъ просьбами писать на вѣерахъ и на листахъ бумаги. Для однихъ караульныхъ Муръ исписалъ 70 листовъ. Вѣроятно, они торговали ими какъ рѣдкостью. Это безполезное писаніе такъ раздражало Головнина, что онъ одному изъ пристававшихъ къ нему чиновниковъ написалъ слѣдующее: «Если здѣсь будутъ когда нибудь русскіе, то они должны знать, что семерыхъ изъ ихъ соотечественниковъ японцы захватили обманомъ и коварствомъ, посадили въ настоящую тюрьму и содержали какъ преступниковъ. Несчастные сіи просятъ земляковъ своихъ отмстить вѣроломному сему народу достойнымъ образомъ».

— Что же ты написалъ? спросилъ чиновникъ.

— Извѣстную русскую пѣсню. Береги ее до того времени, когда въ другой разъ будутъ здѣсь русскіе и покажи».

Августа 28, 29 и сентября 4-го плѣнниковъ снова водили на допросъ къ градоначальнику. Началось съ того, что градоначальникъ, вынувъ изъ-за пазухи бумагу, всѣхъ назвалъ по фамиліи. Затѣмъ начались распросы, касающіеся главнымъ образомъ боевыхъ силъ Россіи. Положили передъ плѣнниками бумагу и попросили ее прочесть. Это было то самое письмо, подписанное

всѣми офицерами, которое было положено со всѣми вещами на берегъ.

«Это письмо мгновенно перенесло меня въ прошедшее, говоритъ Головнинъ. Воображенію представилось все, чего мы лишились и мы не могли удержаться отъ слезъ, въ особенности Муръ, который упалъ на колѣни, приложилъ письмо къ лицу и плакалъ навзрыдъ. Зрѣлище это было до того трогательно, что у многихъ японцевъ навернулись на глазахъ слезы».

Когда волненіе поулеглось, офицеровъ заставили перевести письмо, которое они и перевели, какъ находили нужнымъ, сообразуясь съ обстоятельствами.

Допросомъ плѣнниковъ въ замкѣ японцы не ограничивались. Они подвергали ихъ этой пыткѣ и въ тюрьмѣ. Допрашивали офицеровъ каждаго порознь, всячески стараясь ихъ сбить. Въ распросахъ японцы постоянно возвращались къ Хвостову. Казалось очевиднымъ, что они не вѣрили показаніямъ плѣнниковъ; но съ другой стороны имъ какъ будто бы хотѣлось вѣрить.

Однажды утромъ при посѣщеніи плѣнниковъ дежурнымъ офицеромъ, лекаремъ и переводчикомъ, Головнинъ услышалъ въ клѣткѣ Мура крупный разговоръ, но разобрать его содержанія не могъ. Муръ нервно смѣялся, потомъ вдругъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, сказалъ:

— Василій Михайловичъ, послушайте-ка! и началъ читать.

«1806-го года октября 12-24 дня, россійскій фрегатъ Юнона, подъ начальствомъ флота лейтенанта Хвостова, въ знакъ принятія острова Сахалина и жителей его подъ Всемилостивѣйшее покровительство Россійскаго Императора Александра Перваго, старшинѣ селенія на западномъ берегу губы Анива, пожаловалъ серебряную медаль на Владимірской лентѣ. Всякое приходящее судно, какъ россійское, такъ и иностранное, просимъ старшину сего принимать за россійскаго подданнаго.

Россійскаго флота лейтенантъ Хвостовъ».

Внизу печати и изображеніе медали.

Могли ли японцы, владѣя такимъ документомъ, вѣрить показаніямъ моряковъ? Могли ли японцы, такъ строго чтившіе законы, предположить, чтобы поступокъ Хвостова былъ дѣломъ личнаго произвола. Давать медали съ изображеніемъ своего Государя могъ только, по ихъ мнѣнію, уполномоченный Царя.

Внутренность японскаго жилища.

Трудно было русскимъ защищаться. Но однообразіе ихъ показаній и искренній топъ все таки возымѣли свое дѣйствіе. День ото дня обращеніе японцевъ съ плѣнниками измѣнялось къ лучшему. Они стали допускать различныя льготы: матросамъ позволили вымыть свое и офицерское бѣлье. Это бѣлье, за все время, было мыто всего одинъ разъ. Принявъ въ расчетъ дорожную пыль, испарину и нагноеніе отъ ранъ, можно себѣ представить, что это было за бѣлье. Любезность японцевъ дошла до того, что они устроили для плѣнниковъ ванну.

«Эта ванна стоитъ того, чтобы о ней разсказать поподробнѣе, говоритъ Головнинъ. Въ огромный деревянный чанъ провели мѣдную трубу отъ жаровни и топили ее нѣсколько часовъ, пока не нагрѣлась вода. Потомъ посылали насъ всѣхъ, поочередно, мыться въ одной и той же водѣ. Сначала мы думали, что это дѣлается потому, что мы презрѣнные плѣнники, но когда увидали, что послѣ насъ въ той же водѣ стали мыться императорскіе солдаты, особы, какъ я уже говорилъ, значительныя, мы отъ души посмѣялись надъ хваленою японскою чистоплотностью. Какъ бы то ни было, омовеніе благотворно подѣйствовало на наше тѣло и нервы».

Нѣкоторые изъ дежурныхъ чиновниковъ оказались весьма добрыми людьми. Они приносили заключеннымъ гостинцы: чай, сахаръ, фрукты и проч. Особенно ласковъ былъ нѣкто Осагава-накаемо, который не пропускалъ ни одного дежурства, чтобы не потѣшить чѣмъ нибудь заключенныхъ. Потомъ сдѣлалось извѣстнымъ, что судно, на которомъ находился его братъ, пропало безъ вѣсти. Можетъ быть, ему представлялось, что и братъ его томится гдѣ нибудь въ плѣну, и онъ невольно сочувствовалъ заключеннымъ.

Сентября 26-го плѣнникамъ велѣли готовиться въ путь. Въ этотъ день приходили разные чиновники проститься, чинно кланялись у рѣшетки, называя себя черезъ переводчика, что, молъ, пришелъ такой то проститься и пожелать добраго здоровья и благополучнаго пути.

Снова привязали плѣнникамъ къ поясамъ веревки и повели тѣмъ же порядкомъ. Кромѣ носилокъ, находились еще при партіи верховыя лошади, на которыхъ были положены одѣяла и спальные халаты русскихъ.

V

Пробывъ 50 дней въ заключеніи, плѣнники рады были размять ноги и садились на лошадей только когда уставали. Въ этихъ случаяхъ караульные свивали веревку и затыкали имъ за поясъ. Но такъ дѣлалось только въ полѣ, или въ лѣсу. Проходя черезъ селенія, караульные неизмѣнно держали веревку въ рукахъ.

На мысу, противъ Хакодате, построена была батарея. Сверхъ чаянія, ея не обогнули, а провели плѣнниковъ черезъ нее. Это обстоятельство привело ихъ въ уныніе.

— Видно, навсегда мы заточены здѣсь, говорили они другъ другу. Еслибъ японцы разсчитывали выпустить насъ, они побоялись бы показать намъ свои укрѣпленія.

Не видя иного пути къ спасенію какъ побѣгъ, плѣнники принялись обдумывать этотъ планъ; но привести его въ исполненіе, пока, не представлялось возможности, хотя надзоръ значительно ослабъ; плѣнниковъ уже не скручивали какъ прежде; на ночь совсѣмъ снимали веревки, но конвойныхъ было много, и половина ихъ стояла на часахъ ночью.

Легкія послабленія и участіе нѣкоторыхъ чиновниковъ все таки облегчали участь узниковъ.

— Лишь бы и дальше такъ продолжалось, думали они. Если нашли возможность оказать намъ нѣкоторое довѣріе, то нѣтъ причины отнимать его.

Случилось однако иначе. Съ приходомъ въ Матсмай возобновились прежнія строгости. Уже подходя къ тюрьмѣ, въ видѣ сарая, плѣнники успѣли разсмотрѣть, что это такое. Сарай окруженъ былъ высокимъ досчатымъ заборомъ. За нимъ стоялъ ка-

раульный домъ и дома для рабочихъ. Затѣмъ шелъ другой заборъ, примыкавшій одной стороной къ крѣпостной стѣнѣ. Съ другой стороны находился глубокій оврагъ, по которому бѣжала рѣчка.

Тюрьму Головнинъ описываетъ такъ: «Вообразите себѣ квадратный деревянный сарай безъ оконъ. Вмѣсто передней стѣны— рѣшетка изъ брусьевъ. Въ этомъ сараѣ двѣ клѣтки тоже съ рѣшеткою изъ брусьевъ. Сообщенія между ними нѣтъ. Дверь, или скорѣй лазейка, такъ мала, что сквозь нее нужно вползать. Вообразите себѣ все это, и вы будете имѣть понятіе о нашей квартирѣ».

Офицеровъ посадили всѣхъ вмѣстѣ въ одну клѣтку, а матросовъ въ другую. У самой рѣшетки стояла караулка, гдѣ, поочереди дежурило по два императорскихъ солдата. Хотя изъ корридора, сквозь рѣшетку отлично видно было плѣнниковъ, но солдаты не довольствовались этимъ. Каждые полчаса они входили въ сарай и тщательно осматривали клѣтки. Этотъ дозоръ ночью, сопровождаемый скрипомъ дверей и лязганьемъ замковъ, мѣшалъ спать и сильно раздражалъ нервы. Тюрьма была новая, съ иголочки, очевидно выстроенная нарочно для русскихъ плѣнниковъ. Во многихъ мѣстахъ даже стружекъ не успѣли убрать. Эта обновка навела плѣнниковъ на мрачныя мысли.

— «Вѣроятно, суждено намъ оставаться здѣсь до самой смерти, разсуждали они. Японцы не стали бы тратить трудъ, время и деньги, еслибъ разсчитывали скоро отпустить насъ. Помѣстили бы гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ».

Первое впечатлѣніе было до того тяжко, что плѣнники не хотѣли говорить другъ съ другомъ, и забились въ углы какъ запуганные звѣрьки. Японецъ, подававшій обѣдъ сквозь отверстіе въ стѣнѣ, не замѣтилъ Головнина и спросилъ: «А гдѣ-же третья человѣкъ?

— Гдѣ ты научился говорить по русски? спросилъ Муръ.

— Въ Камчаткѣ, нехотя отвѣчалъ японецъ, захлопывая отверстіе.

Потомъ оказалось, что этотъ работникъ и еще другой изъ приставленныхъ къ плѣнникамъ были увезены Хвостовымъ съ Сахалина въ Камчатку и потомъ возвращены въ Японію. Эти работники постоянно сопровождали русскихъ въ замокъ. Однажды, разспрашивая о Хвостовѣ, буніосъ обратился къ одному изъ работниковъ и тотъ показалъ, что Хвостовъ носилъ такой же мундиръ и такія же ошмяки, какъ присутствующіе офицеры. Тутъ и обнаружилось, что за люди были эти работники.

Въ самый Покровъ дали знать плѣнникамъ, что ихъ поведутъ къ «буніосу», т. е. губернатору Матсмая. Второго октября открылось шествіе точно въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ Хакодате. Отъ тюрьмы до замка было всего съ $^1/_4$ версты; но такъ какъ шелъ дождь и дорога была грязна, ее устлали досками, а надъ плѣнниками держали зонтики.

На крѣпостномъ дворѣ, усыпанномъ гравіемъ, плѣнниковъ посадили на скамью, подъ навѣсъ, всѣхъ рядомъ. Спустя приблизительно часъ, открылись ворота на второй дворъ, потомъ — на третій. Передъ вступленіемъ на третій дворъ солдаты сняли съ себя оружіе и соломенныя сандаліи, замѣнявшія имъ обувь, а плѣнникамъ велѣли снять сапоги. Пройдя третьимъ дворомъ, сплошь устланнымъ матами, они очутились передъ большою залою, у которой передняя стѣна, сдѣланная въ видѣ ширмъ, была раздвинута. Въ залу вело нѣсколько ступеней во всю ширину зданія. Трехъ офицеровъ поставили на самомъ помостѣ, матросовъ ступенью ниже. Около матросовъ посадили Алексѣя, а около офицеровъ Кумаджеро, прибывшаго съ партіею изъ Хакодате и работника, который будто бы зналъ по-русски. Этотъ работникъ по имени Гейнсте, приставленный къ плѣнникамъ, говорилъ еще раньше, что будетъ переводчикомъ у буніоса, но офицеры не хотѣли ему вѣрить, потому что всѣ его знанія заключались въ нѣ-

сколькихъ исковерканныхъ словахъ. Такой переводчикъ могъ только исказить смыслъ разговора и подать поводъ къ всевозможнымъ недоразумѣніямъ.

Пріемная зала была отдѣлана роскошно въ японскомъ вкусѣ; вездѣ позолота и живопись. Косяки дверей и оконъ сдѣланы были изъ дорогого дерева, украшеннаго богатой рѣзьбой; полъ устланъ изящными матами. Вдоль стѣнъ сидѣли, поджавъ ноги, по пяти японцевъ въ халатахъ съ кинжаломъ у пояса и саблей у лѣваго бока. Они болтали и смѣялись, но вотъ за бумажною рамою, замѣнявшею стѣну, послышался шорохъ. «Ши—ши,» сказалъ одинъ изъ японцевъ, и всѣ стихли. Сначала вошелъ японецъ просто одѣтый. У самаго входа онъ присѣлъ на колѣни и уперевъ руки ладонями въ полъ, опустилъ между ними голову, лбомъ касаясь пола. За нимъ вошелъ буніосъ въ черномъ халатѣ, съ вышитыми на рукавахъ гербами. За поясомъ у него былъ кинжалъ, а саблю несъ оруженосецъ остріемъ вверхъ. Эфесъ завернутъ былъ въ платокъ, чтобы оруженосецъ не касался этой святыни. Буніосъ сѣлъ на полъ, лицемъ къ плѣнникамъ, а позади него сѣла его свита, въ количествѣ пяти человѣкъ. Оруженосецъ положилъ саблю около лѣваго бока буніоса. Едва успѣлъ буніосъ усѣсться, какъ находившіеся раньше въ залѣ японцы тоже уперлись ладонями въ полъ, нагнули головы и оставались такъ нѣсколько секундъ. Буніосъ отвѣчалъ имъ наклоненіемъ головы. Офицерамъ, на ихъ поклонъ по-европейски, онъ кивнулъ съ веселой улыбкой, желая, вѣроятно, ободрить ихъ.

Вынувъ изъ-за пазухи бумагу, буніосъ началъ выкликать плѣнниковъ по именамъ и чинамъ. Вызываемые кланялись, и буніосъ кивалъ. Потомъ онъ сталъ говорить работнику Гейнсте, и тотъ слушалъ, упершись ладонями и лбомъ въ полъ. Гейнсте, разумѣется, ничего не понялъ и, обернувшись къ русскимъ, началъ тарантить: «Ты человѣкъ, я человѣкъ, другой человѣкъ, говори, какой человѣкъ». Офицеры стали его уговаривать, чтобъ

онъ не обманывалъ начальника, а прямо сказалъ, что не можетъ переводить. Понялъ онъ, или нѣтъ—неизвѣстно, но обернувшись къ буніосу, онъ сталъ болтать что то, а секретарь записывалъ. Опасаясь, чтобъ этотъ негодяй не наговорилъ вздору, который можетъ повредить имъ, офицеры отказались отвѣчать и просили переводчиковъ передать причину ихъ отказа. Ни Алексѣй, ни Кумаджеро не рѣшились этого сдѣлать. По счастью, Гейнсте самъ выдалъ себя; онъ не могъ перевести слово: отецъ. Японцы стали смѣяться и, прогнавъ Гейнсте, велѣли переводить Алексѣю и Кумаджеро.

Допросъ происходилъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ Хакодате, съ такими же мелочными подробностями; но кромѣ того буніосъ предлагалъ нѣкоторые бытовые вопросы, изъ чего было видно, что онъ человѣкъ умный и мыслящій.

— Какимъ образомъ русскіе хоронятъ своихъ покойниковъ богатыхъ и бѣдныхъ, и какіе знаки ставятъ надъ могилами? спросилъ буніосъ.

Головнинъ сообщилъ, что обрядъ одинаковъ какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ, только богатыхъ сопровождаетъ больше священниковъ.

— Вотъ и у насъ тоже самое, сказалъ буніосъ.

Наконецъ, послѣ множества распросовъ буніосъ сказалъ, что если есть у русскихъ къ нему какая нибудь просьба, то чтобъ изложили ее.

— Мы не понимаемъ, что означаетъ этотъ вопросъ, заговорилъ Головнинъ отъ лица товарищей. Губернатору хорошо извѣстно, что мы взяты въ плѣнъ обманомъ и томимся въ самомъ жестокомъ заключеніи.

Не разслышавъ, или не понявъ этого отвѣта, буніосъ продолжалъ настаивать, чтобы русскіе представили ему просьбу о томъ, гдѣ желаютъ жить: въ Матсмаѣ, Іеддо, другой какой либо части Японіи, или желаютъ возвратиться въ Россію.

Такой оригинальный вопросъ прямо смахивалъ на насмѣшку.

— Отвѣтъ можетъ быть только одинъ, съ негодованіемъ возразилъ Головнинъ. Мы желаемъ возвратиться въ Россію или умереть. Больше ни о чемъ не хотимъ просить японцевъ».

Послѣ этого буніосъ произнесъ длинную рѣчь. Онъ говорилъ съ жаромъ, и по лицамъ присутствующихъ видно было, что они находятся подъ сильнымъ впечатлѣніемъ. Къ сожалѣнію, переводчики, какъ люди неразвитые, не могли передать точный смыслъ рѣчи. Къ тому же и переводилось все посредствомъ двойной передачи. Кумаджеро передавалъ Алексѣю по-курильски, и Алексѣй переводилъ по-русски. Можно себѣ представить, какъ искаженъ былъ подлинный текстъ. Весьма возможно, что дѣла плѣнниковъ приняли бы совсѣмъ другой оборотъ, еслибъ они могли объясняться съ японцами безъ помощи переводчика.

— «Генералъ говоритъ, передавалъ Алексѣй, что японцы такіе же люди, какъ и другіе, что и у нихъ есть сердце, и что русскіе не должны ихъ бояться. Они дѣло разсмотрятъ, и если увидятъ, что ихъ не обманывали, то отпустятъ русскихъ домой и щедро одарятъ ихъ. А пока, они будутъ стараться, чтобъ русскіе ни въ чемъ не нуждались и были здоровы; почему и просятъ ихъ не печалиться и беречь себя; а если въ чемъ имѣютъ нужду, въ платьѣ, или пищѣ, просить, не стыдясь».

Точно ли таковъ былъ смыслъ рѣчей буніоса, провѣрить, конечно, никто не могъ. Буніосъ поклонился своимъ чиновникамъ, всталъ и ушелъ. За нимъ оруженосецъ понесъ его саблю. Затѣмъ ушли чиновники, и плѣнниковъ прежнимъ порядкомъ отвели въ тюрьму.

На слѣдующій день ихъ опять водили къ буніосу, который продолжалъ разспрашивать о разныхъ предметахъ, стараясь придать разговору дружественный характеръ. Продержавъ плѣнниковъ часа два, онъ отпустилъ ихъ отдохнуть. Ихъ провели черезъ большой дворъ въ бесѣдку и угостили чаемъ; но табаку не

дали, такъ какъ курить въ губернаторской усадьбѣ считалось неприличнымъ.

Пришелъ чиновникъ съ Кумаджеро и еще однимъ человѣкомъ.

— «Вотъ портной, сказалъ чиновникъ. Буніосъ его прислалъ, чтобы онъ сшилъ вамъ платье какое пожелаете, по русскому, или по японскому покрою.

— На что намъ платье, говоритъ Муръ. У насъ и своего довольно.

— Если губернаторъ желаетъ вамъ сдѣлать подарокъ, то вы не имѣете права отказываться.

Переговоривъ между собою, офицеры выразили желаніе, чтобъ имъ сшили теплое платье по образцу архалука, присланнаго Хлѣбникову со шлюпа. Портного повели въ кладовую, гдѣ хранилось платье плѣнниковъ и показали архалукъ Хлѣбникова. Онъ посмотрѣлъ образецъ и сталъ снимать мѣрку тесьмою, раздѣленною на части, записывая мѣру на бумагѣ. Такой пріемъ въ Россіи еще не употреблялся и очень удивилъ офицеровъ. Черезъ нѣсколько дней принесли платье. Хотя оно и уклонялось немного отъ даннаго образца, но было удобно и тепло.

Послѣ того какъ портной снялъ мѣрку, плѣнниковъ опять повели къ буніосу. Буніосъ посовѣтовалъ имъ не унывать; увѣрялъ, что употребитъ все отъ него зависящее, чтобъ возвратить имъ свободу. Онъ обѣщалъ прислать имъ бумаги и чернилъ, чтобъ они изложили свое дѣло обстоятельно. Бумага будетъ переведена и при донесеніи его, буніоса, послана къ верховному правительству. Плѣнники поблагодарили и возвратились въ свое мрачное жилище весьма мало утѣшенные. Они уже познакомились съ коварствомъ японцевъ и мало имъ вѣрили. Еслибъ, даже, паче чаянія, дѣло приняло благопріятный оборотъ то, при извѣстной медлительности японцевъ, нельзя было ожидать скораго рѣшенія. Тѣмъ не менѣе любезность губернатора не замедлила отразиться на строѣ жизни плѣнниковъ. Съ ними стали обра-

щаться ласковѣе и начали хорошо кормить. Рисовая каша и соленая рѣдька замѣняли хлѣбъ и соль. Сверхъ того давали очень хорошую рыбу жареную, или вареную, уху, лапшу. Когда выпалъ снѣгъ, японцы стали охотиться на медвѣдей, оленей, зайцевъ, и угощали плѣнниковъ мясомъ этихъ животныхъ. Для самихъ японцевъ не было ничего вкуснѣе тюленьяго и сивучьяго мяса, но русскіе не могли его выносить и ихъ не принуждали. Любезность японцевъ дошла до того, что они позволили работникамъ, бывавшимъ въ Россіи, стряпать для плѣнниковъ обѣдъ по ихъ вкусу; и работники недурно стряпали. Особенно вкусно дѣлали они пирожки изъ ячменной муки съ рыбой. Кормили плѣнниковъ три раза въ день; для питья давали жидкій чай, а послѣ посѣщеній буніоса угощали сагой.

Октября 6-го, а потомъ до конца мѣсяца черезъ день или два водили плѣнниковъ къ буніосу и оставляли тамъ на цѣлый день. Туда же имъ приносили обѣдъ. Въ половинѣ ноября установилась зима, и буніосъ сталъ принимать не въ открытой залѣ, а въ судебномъ мѣстѣ, стѣны котораго, какъ и въ Хакодате, были увѣшаны орудіями пытки.

Однажды, въ присутствіи буніоса, принесли оставленный шлюпомъ ящикъ съ книгами, принадлежащими Головнину. Все это были книги техническія на иностранныхъ языкахъ. Узнавъ изъ надписи, что книги принадлежатъ Головнину, японцы, видимо, прониклись къ нему уваженіемъ. Особенно заинтересовались они физикой съ чертежами. Они просили разъяснить имъ чертежи, но Головнинъ отвѣтилъ, что при безграмотности переводчиковъ это невозможно. Онъ попробовалъ, было, объяснить Алексѣю преломленіе лучей и спросилъ, замѣчаетъ ли онъ, что весло, однимъ концемъ опущенное въ воду, кажется переломленнымъ. Онъ отвѣчалъ утвердительно. Но когда дѣло дошло до толкованія, онъ замахалъ руками.

— Чіортъ тебя знаетъ, какой люди могу лучъ ломать! ска-

залъ онъ и засмѣялся. Офицеры тоже не могли удержаться отъ смѣху. Хохотали и японцы, сами не зная чему.

Они однако поняли, что черезъ Алексѣя не добьются перевода книги и закрывъ ее, сказали: «послѣ, послѣ» — восклицаніе, мало утѣшительное для плѣнниковъ.

Буніосъ положительно замучилъ своими вопросами, говоритъ Головнинъ. Нѣкоторые изъ нихъ были до того нелѣпы, что мы выходили изъ терпѣнія и отвѣчали ему рѣзко. Нервы не выдерживали, и мы не разъ заявляли, что лучше бы насъ убили, чѣмъ мучить такимъ образомъ. Какое платье носитъ вашъ Государь? спрашивалъ буніосъ. Какой головной уборъ? Какія птицы водятся около Петербурга? Какихъ животныхъ, птицъ и рыбъ ѣдятъ русскіе, и т. д.

Муръ долженъ былъ рисовать все это. Такое занятіе порядочно надоѣдало ему, но японцы просили такъ вѣжливо, что неловко было отказать. Буніосъ спросилъ между прочимъ, много ли пушекъ въ государевомъ дворцѣ? И когда мы отвѣтили, что европейскіе государи не укрѣпляютъ своихъ дворцовъ и не ставятъ въ нихъ пушекъ, онъ сначала не повѣрилъ, а потомъ сказалъ, что такая неосторожность его удивляетъ.

На иные вопросы отвѣчать не было возможности, напр., сколько портовъ въ Европѣ, сколько военныхъ и коммерческихъ судовъ, сколько оконъ въ государевомъ дворцѣ. Не получая отвѣта, буніосъ сердился, просилъ хорошенько подумать, или сказать приблизительно. Но говорить на-обумъ мы не считали удобнымъ. Японцы все записывали и могли уличить насъ во лжи».

Наконецъ буніосъ, повидимому, удовлетворился собранными свѣдѣніями и, отпуская плѣнниковъ сказалъ, что онъ ихъ долго не потревожитъ, чтобъ дать имъ время написать ихъ дѣло. На прощанье рекомендовалъ молиться Богу и вѣрить, что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобъ привести ихъ дѣло къ благополучному окончанію.

Изъ дежурившихъ при узникахъ чиновниковъ, былъ одинъ особенно къ нимъ ласковый. Однажды, вернувшись съ допроса у буніоса, офицеры заявили ему, что такъ какъ буніосъ позволилъ имъ выражать желанія въ смыслѣ удобствъ жизни, то они желали бы въ каморкѣ своей имѣть окно, чтобы свѣтъ проникалъ къ нимъ. Чиновникъ тотчасъ же пошелъ осматривать мѣсто, гдѣ лучше прорубить окно, спросилъ мнѣнія плѣнниковъ и вполнѣ съ ними согласился. Они уже думали, что окно тотчасъ будетъ сдѣлано; но не тутъ то было. Объ окнѣ японцы не упоминали, а на вопросъ офицеровъ отвѣчали, что отъ холодныхъ зимнихъ вечеровъ они могутъ простудиться, а потому окна вырубать у нихъ нельзя.

Въ послѣдней половинѣ октября русскіе приступили къ составленію бумаги. Имъ хотѣлось оставить для себя копію, чтобы въ случаѣ невѣрности перевода, чего можно было опасаться, имѣть доказательства. Но сдѣлать это было очень трудно. Бумага давалась по счету; приходилось писать на сквернихъ бумажкахъ, отпускаемыхъ вмѣсто носовыхъ платковъ. Но чѣмъ писать? Перьевъ японцы не употребляли. Достали соломенку. Вмѣсто чернильницы служила ложка, которую выдолбилъ одинъ матросъ для офицеровъ, не умѣвшихъ ѣсть палочками. Дѣлалось такъ: Хлѣбниковъ становился спиной къ рѣшеткѣ и держалъ ложку съ чернилами; Муръ писалъ, а Головнинъ караулилъ, чтобъ не увидали сторожа.

Оффиціальную бумагу писалъ также Муръ, обладавшій хорошимъ почеркомъ. Кумаджеро потребовалъ, чтобъ начали съ послужныхъ списковъ офицеровъ и матросовъ съ подробнымъ обозначеніемъ отцовъ, матерей, ихъ именъ и т. д. Его удовлетворили. Потомъ онъ выразилъ желаніе, чтобъ на тѣхъ же листахъ писались вещи, къ дѣлу не относящіяся: напр., какіе въ Россіи звѣри и птицы, какъ русскіе хоронятъ своихъ покойниковъ. Такого вздору Муръ писать не захотѣлъ и чуть не прои-

зошли ссоры. Японцы сердились, пробовали увѣщевать русскихъ, но тѣ поставили на своемъ. Имъ посовѣтовали, однакоже, описать какъ можно подробнѣе то, что относилось до сношеній съ японцами, на что они и согласились. Не довѣряя толмачамъ, составители бумаги старались придерживаться выраженій часто употребляемыхъ Алексѣемъ: съ добрымъ умомъ, шибко—вмѣсто очень, драться—вмѣсто сражаться и т. п. Попадись эта бумага человѣку, незнакомому съ условіями, при которыхъ она писалась, онъ счелъ бы писателей безграмотными людьми.

Но и этотъ пріемъ мало пособилъ дѣлу. Многія изъ выраженій Алексѣй понималъ, но не умѣлъ перевести по-курильски. Что же касается Кумаджеро, то онъ вымоталъ всѣ нервы несчастнымъ плѣнникамъ.

Принялся онъ за дѣло такимъ образомъ: сперва спрашивалъ русскій выговоръ каждаго слова и записывалъ его японскими буквами надъ тѣмъ словомъ. Записавъ произношеніе словъ цѣлаго листа, начиналъ онъ спрашивать, что означаетъ каждое независимо отъ другихъ и записывалъ надъ словами японскія значенія.

«Вотъ тутъ то мы помучились, говоритъ Головнинъ. Кумаджеро былъ человѣкъ необразованный, ни о какой грамматикѣ не имѣвшій понятія и вдобавокъ тупой. Слушая объясненіе, онъ приговаривалъ: о-о-о, что означало, такъ, такъ. Только что мы, воображая, что онъ понялъ, переходили къ другому слову, какъ онъ насъ останавливалъ и возвращался къ предыдущему. Оказывалось, что онъ ничего не понялъ и приходилось толковать ему вновь. Мы сердились, а онъ смѣялся. Одно слово «Императорскій» мы толковали ему цѣлыхъ два дня. «Императоръ» — понимаю, а «скій»—не понимаю, твердилъ онъ. Больше всего затрудняли его тупую голову предлоги. Онъ никакъ не могъ понять, почему ихъ ставятъ впереди, когда въ японскомъ языкѣ это наоборотъ; и русскій языкъ называлъ варварскимъ. Когда значеніе слова было

написано, являлось новое затрудненіе: Кумаджеро не понималъ конструкціи и требовалъ подстрочнаго перевода. Неимовѣрныхъ усилій стоило втолковать ему, что это невозможно, что при подстрочномъ переводѣ искажается смыслъ. Онъ упирался, воображая, что его обманываютъ. Когда же случалось, что смыслъ позволялъ дѣлать переводъ подстрочный, онъ радовался какъ ребенокъ, приговаривая: «вотъ всегда бы такъ». Необходимо было провѣрять написанныя имъ фразы, чтобъ исправить неточности и ошибки. Но онъ исправлялъ неохотно и сердился».

Цѣлый мѣсяцъ длилась работа искуснаго переводчика; наконецъ она была окончена и представлена буніосу. Ноября 19-го плѣнниковъ снова повели въ замокъ.

Собравшіеся въ пріемной чиновники были очень веселы и увѣряли плѣнниковъ, что губернаторъ сообщитъ имъ радостную вѣсть. Но офицеры, успѣвшіе оцѣнить искренность японцевъ, мало этому вѣрили.

Вошелъ буніосъ и, занявъ свое мѣсто, спросилъ плѣнниковъ о здоровьѣ. Затѣмъ онъ объявилъ, что вѣритъ всему, что они написали, считаетъ ихъ ни въ чемъ неповинными, почему и рѣшился улучшить ихъ положеніе, насколько онъ вправѣ это сдѣлать. Если-бъ отъ него зависѣло, онъ тотчасъ отпустилъ бы плѣнниковъ въ Россію, но они должны знать, что матсмайскій буніосъ не есть глава государства, что японцы имѣютъ государя и высшее правительство, безъ воли котораго онъ освободить ихъ не смѣетъ. Желая сдѣлать съ своей стороны все возможное для удовлетворенія чувства справедливости, онъ посылаетъ въ Іеддо одного изъ важныхъ чиновниковъ, который будетъ стараться о благополучномъ исходѣ дѣла.

Когда буніосъ вышелъ, съ плѣнниковъ сняли веревки, и всѣ стали поздравлять ихъ, иные даже со слезами на глазахъ. На дворѣ поздравляли ихъ караульные, работники и всякій людъ, пришедшій поглазѣть на нихъ.

«Возвратившись въ тюрьму, говоритъ Головнинъ, мы нашли ее, къ крайнему нашему удивленію, совершенно преобразившеюся. Удивительно, какъ скоро японцы все дѣлаютъ. Клѣтки наши соединили, рѣшетки, отдѣлявшія ихъ отъ корридора, вынули, такъ что образовалась довольно большая зала, по которой мы могли свободно прогуливаться. Въ этой залѣ успѣли настлать полъ и покрыть его чистыми матами. Вмѣсто рыбьяго жира зажжены были свѣчи; на очагѣ горѣлъ огонь, кипѣлъ чайникъ съ чаемъ и для каждаго приготовлена была трубка и кисетъ съ табакомъ. Надо замѣтить, что въ японскихъ домахъ огонь на очагѣ не переводится. Любимое занятіе японцевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, сидѣть у огня и покуривать трубки.

«Какъ только мы пришли въ свое жилище, къ намъ стали являться посѣтители, чиновники съ дѣтьми; садились вокругъ огня, курили. По всему видно было, что они считаютъ насъ уже не плѣнниками, а скорѣй гостями. Обѣдъ принесли намъ какъ людямъ свободнымъ не въ чашкахъ, а на подносахъ по японской модѣ; сагу — въ кувшинѣ».

Естественно, что такая перемѣна оживила въ сердцахъ плѣнниковъ надежду на скорое освобожденіе. Они ободрились и повеселѣли. Хотя коварство японцевъ было имъ уже достаточно знакомо, но по свойственной человѣку наклонности утѣшать себя они думали, что на этотъ разъ японцы искренни. Вѣдь буніосъ государственный сановникъ, неужели онъ станетъ обманывать ихъ?

Скоро, однакоже, пришлось плѣнникамъ убѣдиться, что они поторопились радоваться. Мало по малу содержаніе ихъ свели на прежнее и вмѣсто свѣчей опять стали жечь жиръ. Снятыя веревки караульные принесли и повѣсили на томъ же мѣстѣ, гдѣ онѣ висѣли прежде. Плѣнники могли заключить изъ этого, что ихъ дѣло приняло дурной оборотъ. Но спросить было не у кого;

всѣ отговаривались незнаніемъ. Такое состояніе неизвѣстности было крайне мучительно. Послѣ мелькнувшей надежды разочарованіе показалось еще горше.

VI.

Однажды Кумаджеро пришелъ съ молодымъ человѣкомъ лѣтъ 25-ти, по имени Теске.

— Буніосъ приказалъ вамъ учить его по-русски, сказалъ онъ. Когда онъ выучится, онъ вновь пересмотритъ переводъ и провѣритъ его.

— Господи! въ отчаяніи воскликнули плѣнники. Да когда-же онъ выучится? Вѣдь на это надо много времени, а буніосъ, сказалъ, что мы можемъ надѣяться на скорое освобожденіе.

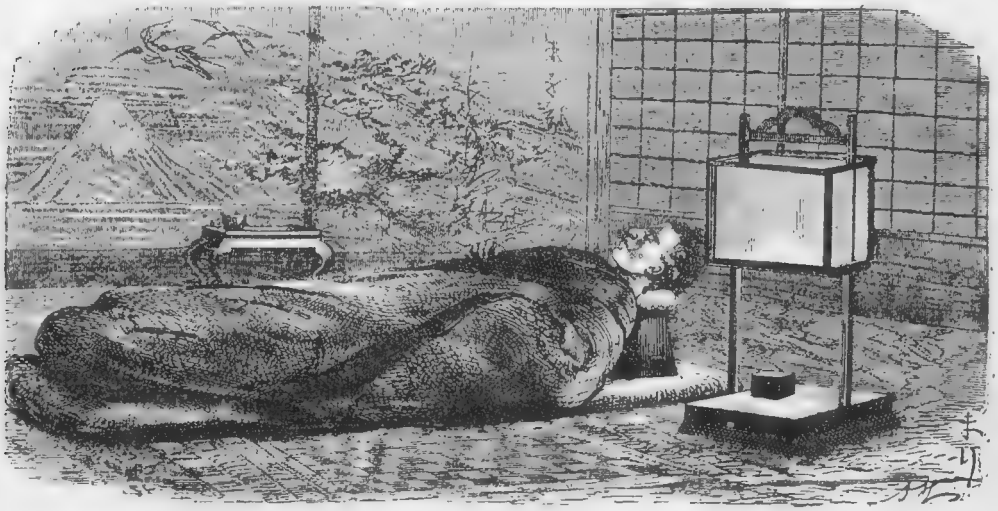
— Это онъ такъ сказалъ; а для правильности необходимо, чтобъ бумага была переведена двумя переводчиками; иначе она недѣйствительна.

Плѣнники сильно упали духомъ. Надежда, мелькнувшая какъ лучъ свѣта, исчезла, и они снова погрузились во мракъ.

Теске принесъ цѣлый ящикъ со словарями и журналами японцевъ, бывшихъ въ Россіи. Буніосъ просилъ все это провѣрить и дополнить новыми свѣдѣніями. Переговоривъ между собою, офицеры рѣшили, что познакомить японцевъ съ могуществомъ Россіи не мѣшаетъ, но чтобъ оградить себя отъ надоѣдливыхъ мелочныхъ вопросовъ они сказали, что жили больше на морѣ, чѣмъ на сушѣ и что большихъ свѣдѣній о бытовой жизни народовъ отъ нихъ получить нельзя.

— Мы и тѣмъ будемъ довольны, что вы найдете нужнымъ намъ сообщить, отвѣчали японцы.

Теске сразу же выказалъ необыкновенныя способности. Онъ такъ скоро запоминалъ слова и такъ хорошо ихъ выговаривалъ, что офицеры усомнились — не притворяется ли онъ незнающимъ. Теске тотчасъ-же замѣтилъ ошибки въ произношеніи Кумаджеро и провѣряя составленный имъ словарь, вездѣ поставилъ ударенія. Теске и Кумаджеро сидѣли въ тюрьмѣ цѣлый день, уходя только для обѣда; а въ худую погоду имъ и обѣдъ приносили туда. Въ короткое время Теске выучился по-русски и сталъ со-



Спящій японецъ.

ставлять словарь по алфавиту. Кромѣ того, онъ разспрашивалъ о другихъ европейскхъ государствахъ и все записывалъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней знакомства, Теске привелъ въ тюрьму своего брата, мальчика лѣтъ 14-ти и сказалъ:

— Губернатору угодно, чтобъ вы учили его по-русски.

— Мало ли что угодно вашему губернатору, съ досадою отвѣчали офицеры, да мы не расположены этого дѣлать. Теперь мы ясно видимъ, какъ можно вамъ вѣрить. Одного переводчика было, по вашему, недостаточно, явился другой, котораго мы должны учить, теперь явился третій, и такъ наберется цѣлая школа. Не хотимъ быть учителями, и вы не можете насъ принудить. Никто

не имѣетъ надъ нами власти, кромѣ русскаго Государя. Вы можете насъ убить, но принудить не можете.

Теске разгорячился, сталъ кричать, что русскіе обязаны дѣлать, что имъ прикажутъ, и сцена кончилась ссорой. Но на другой день Теске явился веселый, сталъ извиняться за свою вспыльчивость; офицеры тоже извинились.

Не настаивая, какъ бы въ шутку, Теске сказалъ, что губернатору потому хотѣлось, чтобъ русскіе учили его брата, что онъ хочетъ сдѣлать изъ него переводчика.

— Вотъ помиримся, заведемъ сношенія, тогда вы можете нѣсколько мальчиковъ послать въ Россію. Научатся языку и многому другому, для васъ полезному, отвѣчали офицеры.

Мало по малу и русскіе, прислушавшись къ японскому языку, стали понимать его. Особенно затрудняли ихъ предлоги и союзы, которые въ японскомъ языкѣ ставятся послѣ слова; также чрезвычайно длинныя мѣстоименія; напр.: «я», по-японски ватагоси, мы — ватагоси-томо; онъ—коно; они—конодацъ. Языкъ очень богатъ; для каждаго понятія нѣсколько словъ. Изученіе пошло бы гораздо скорѣе, осли бъ можно было читать и писать; но этого плѣнникамъ не дозволили.

Изъ разговоровъ съ японцами плѣнники узнали, что у нихъ нѣсколько религій и множество сектъ. Нѣсколько караульныхъ принадлежали къ сектѣ, которая не ѣстъ мяса. Они съ омерзѣніемъ смотрѣли, какъ плѣнники его ѣли, и въ тѣ дни не хотѣли даже раскуривать трубокъ на одномъ огнѣ съ ними. Когда же мяса за столомъ не было, они преспокойно курили и даже чай пили послѣ русскихъ изъ тѣхъ же чашекъ.

Изъ разговоровъ съ караульными выяснилось, что простой народъ очень суевѣренъ. Онъ вѣритъ колдовству и наговору; въ лисицѣ видитъ нечистаго духа; на случай грозы приберегаетъ горохъ, который нарочно жарится въ какой-то праздникъ; достаточно бросить нѣсколько горошинъ въ стѣну, и молнія не

упадетъ на тотъ домъ. По новому мосту никто первый не рѣшится пройти, чтобъ не умереть. Отыскиваютъ самого дряхлаго старика, которому не страшна смерть; и когда онъ пройдетъ, мостъ безопасенъ.

На русскихъ производила пріятное впечатлѣніе вѣжливость японцевъ. Не только въ обращеніи съ плѣнниками, но даже и другъ съ другомъ не слышно было грубаго слова. Караульные не смѣнялись иначе, какъ сказавъ другъ другу нѣсколько привѣтствій, сопровождая ихъ поклонами и присѣданіями.

— Гогро-да-гузаръ — здравствуйте; въ буквальномъ переводѣ: сердце есть.

— Ай, тенки-іой—хорошая погода; или: ай, тенки-вари—худая погода.

— Ай міонджи—до свиданія.

Другая симпатичная черта японцевъ—веселость. «Знакомыхъ нашихъ, говоритъ Головнинъ, я никогда не видалъ скучными. Они любили забавные разговоры и часто шутили. Рабочій народъ ничего не дѣлалъ безъ пѣсенъ. Иногда при работѣ слышалось мѣрное припѣваніе, вродѣ нашей «дубинушки». Нерѣдко караульные подъ звуки мѣстнаго инструмента пускались въ плясъ, при чемъ страшно кривлялись и дѣлали гримасы, подкатывая глаза подъ лобъ, или принимая такой видъ, что одна сторона лица смѣется, а другая плачетъ. Одинъ работникъ положительно потѣшалъ всю компанію. Онъ плясалъ съ такимъ воодушевленіемъ, что нѣкоторые изъ караульныхъ, помоложе, увлекались и начинали подражать ему. Мы съ Муромъ смѣялись и говорили, что это единственный примѣръ въ свѣтѣ, чтобъ въ тюрьмѣ былъ танцовальный классъ».

Всѣ эти симпатичныя черты омрачались двуличностью японцевъ. Однажды принесли въ тюрьму сундукъ съ книгами, присланный со шлюпа.

— Выберите, что желаете, предложили японцы. Плѣнники

обрадовались и отобрали нѣсколько книгъ. Но и тутъ оказалась ловушка. Этихъ то книгъ имъ и не дали, а помѣтивъ какимъ то знакомъ, унесли и не возвратили.

Увлекшись способностями своего ученика, Головнинъ сталъ знакомить его съ русскою литературою. Однажды онъ продекламировалъ ему оду «Богъ». Теске пришелъ въ восторгъ отъ музыкальности стиха и попросилъ перевести его. Онъ все понялъ, исключая стиха:

«Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества».

Головнинъ сказалъ ему, что этотъ стихъ можетъ понять только христіанинъ. Онъ прибавилъ, что сочинитель былъ русскій вельможа, на что Теске сказалъ, что и у нихъ вельможи пишутъ стихи.

Теске перевелъ оду и снесъ ее губернатору. Стихотвореніе это такъ понравилось буніосу, что онъ велѣлъ просить Мура написать его кистью на длинной полосѣ бѣлаго атласа, чтобъ послать вмѣстѣ съ переводомъ императору. Японцы увѣряли, что ода будетъ повѣшена на стѣнѣ дворца, на подобіе картины.

— Завтра уѣзжаетъ чиновникъ къ императору, сказали однажды плѣнникамъ японцы. Передъ этимъ васъ поведутъ къ губернатору.

«На этотъ разъ разыгралась у буніоса комичная сцена, разсказываетъ Головнинъ. Буніосъ велѣлъ принести изъ кладовой наши сундуки, вынулъ оттуда шляпы и шпаги и велѣлъ намъ показать, какъ ихъ носятъ.

— Ну, а если офицеръ надѣнетъ шляпу вдоль, или поперекъ, или не тѣмъ концемъ, что тогда? спрашивалъ буніосъ. Потомъ насталъ чередъ матросовъ.

«Я забылъ сказать, что въ то время, когда насъ брали въ плѣнъ на Кунаширѣ, съ нѣкоторыхъ матросовъ свалились шляпы, и японцы, въ ярости, ихъ изрубили. Въ Матсмаѣ они прислали шляпы въ тюрьму, чтобы матросы ихъ починили. Матросы отвѣ-

чали, что безъ шила и иглы они этого сдѣлать не могутъ. Дали и то и другое, хотя прежде ни за что не хотѣли дать. Надо думать, что японцы, которые такъ искусны во всякихъ работахъ, потому не починили шапокъ сами, что хотѣли дать поводъ своему начальству думать, что русскіе сами ихъ разорвали. Вотъ, молъ, какіе неряхи русскіе матросы.

— Ну, а теперь съ васъ снимутъ мѣрки и срисуютъ портреты, сказалъ буніосъ. Императору интересно будетъ посмотрѣть на такихъ высокихъ людей».

Надо замѣтить, что офицеры были средняго роста, но японцамъ, которые, вообще, низкорослы, они казались большими, а матросы такъ прямо великанами.

Сняли мѣрку. Потомъ Теске срисовалъ съ плѣнниковъ портреты, которые всѣ вышли на одно лицо. Единственно, что напоминало въ нихъ оригиналы, это длинныя бороды. Тѣмъ не менѣе эти художественные образцы отправлены были въ столицу и, вѣроятно, поставлены въ музей, въ память пребыванія русскихъ въ плѣну у японцевъ.

Передъ отъѣздомъ чиновникъ пришелъ въ тюрьму, чтобъ разсказать въ столицѣ, какъ живутъ плѣнники. Первый разъ заключенныхъ посѣтило такое высокопоставленное лицо. Этотъ чиновникъ имѣлъ званіе губернаторскаго совѣтника. Такихъ совѣтниковъ у губернатора пять; но два живутъ въ столицѣ на отдыхѣ и мѣняются другъ съ другомъ черезъ годъ. Совѣтникъ былъ очень любезенъ и увѣрялъ плѣнниковъ, что сдѣлаетъ все возможное, чтобъ привести ихъ дѣло къ желанному результату.

Время шло; январь подходилъ къ концу. Новый годъ японцы празднуютъ въ февралѣ и празднуютъ его недѣли двѣ: ходятъ другъ къ другу въ гости, посылаютъ поздравительные билеты. «Не порадуютъ ли насъ чѣмъ нибудь на новый годъ японцы?» говорили офицеры другъ другу.

— Какъ идутъ дѣла въ столицѣ? спрашивали они.

— Прекрасно. Вотъ къ новому году васъ переведутъ въ новый домъ.

Наступилъ новый годъ и прошелъ. Плѣнники думали, что японцы завеселились и забыли о нихъ.

— Когда же насъ переведутъ въ новый домъ? рѣшились они спросить.

— Теперь народъ занятъ; много рыбы идетъ; некому отгребать снѣгъ.

Плѣнники, разумѣется, не повѣрили такому вздору и сильно пріуныли. Наконецъ Теске долженъ былъ признаться, что дѣла въ столицѣ идутъ худо.

— Бумагу вашу не понимаютъ, говорилъ онъ, и думаютъ, что вы обманываете.

Дѣло принимало критическій оборотъ. Плѣнникамъ невольно думалось, что японцы ихъ водятъ за носъ, и что имъ суждено до конца жизни оставаться въ плѣну.

— Одно спасенье, господа, побѣгъ, предложилъ Головнинъ. Мы завладѣемъ первымъ свободнымъ судномъ и пустимся въ Камчатку. Японскія суда много разъ теченіемъ и вѣтромъ заносило къ нашимъ берегамъ; авось вынесетъ и насъ. Если же и погибнемъ въ родной нашей стихіи, то это будетъ лучше, чѣмъ сгнить здѣсь.

— А у меня, Василій Михайловичъ, ножикъ есть, говоритъ Макаровъ. Когда мнѣ дали фуфайку, присланную со шлюпа, японцы не доглядѣли, а онъ въ карманѣ былъ.

— Ладно, береги его; онъ намъ пригодится.

Караульные дежурили при тюрьмѣ по двое. Обыкновенно, по вечерамъ, когда нельзя было ожидать посѣщенія высшихъ чиновъ, караульные входили въ тюрьму и вмѣстѣ съ заключенными, сидя у огня покуривали трубочки. Зачастую они приходили нетрезвые и засыпали. Броситься на нихъ и перевязать тѣми же веревками, которыя приготовлены были для плѣнниковъ, ничего

не стоило. Потомъ, взявъ ихъ сабли, перелѣзть черезъ заборъ, спуститься въ оврагъ и добравшись до морского берега, завладѣть первою лодкою. Этотъ планъ предложилъ Головнинъ товарищамъ, но они его не одобрили. Онъ придумалъ другой. Послѣ полуночи, караульные запирали тюрьму на замокъ и уходили въ караулку спать. Изъ караулки была дверь въ заборѣ, тоже на замкѣ. Надо было ножомъ вырѣзать въ обѣихъ дверяхъ брусъ съ замкомъ, а черезъ второй заборъ перелѣзть по лѣстницѣ, сдѣланной изъ матросскихъ постелей. Муръ слушалъ, слушалъ, да и говоритъ:

— Я не побѣгу, а вы какъ хотите, такъ и дѣлайте.

Къ нему присоединились два матроса, а остальные были не прочь. Рѣшено было понемногу заготовлять провизію; стали прятать рисовую кашу, сушить ее и класть въ мѣшечки; а мѣшечки носили подъ мышками и около поясницы, чтобъ караульные не видали. Шесты, на которыхъ вѣшалось и сушилось платье предполагалось взять вмѣсто оружія.

— Какже мы оставимъ Мура? разсуждали между собою Головнинъ и Хлѣбниковъ. Вѣдь ему послѣ нашего побѣга можетъ быть худо.

Принялись уговаривать Мура, но онъ оставался непреклоннымъ и просилъ не безпокоиться о немъ.

Съ этой минуты Муръ перемѣнилъ совершенно обращеніе съ товарищами; сталъ избѣгать ихъ, никогда ни о чемъ не говорилъ, а на вопросы отвѣчалъ коротко и грубо. Съ японцами же сталъ обращаться особенно вѣжливо; началъ даже кланяться по ихъ обычаю, надъ чѣмъ сами же японцы смѣялись. Муръ сталъ увѣрять японцевъ, что онъ не русскій, а нѣмецъ. Отецъ его былъ дѣйствительно нѣмецъ на русской службѣ, а мать русская. Муръ окрещенъ былъ по православному обряду и воспитывался въ морскомъ корпусѣ. Онъ серьезно задумалъ поступить въ японскую службу въ качествѣ переводчика.

Всѣ эти слухи передавалъ Алексѣй, который служилъ и на-

шимъ и вашимъ. Головнину и Хлѣбникову говорилъ, что пойдетъ за нихъ въ огонь и въ воду; тоже вѣроятно, говорилъ и Муру; иначе тотъ не откровенничалъ бы.

Офицерамъ тогда не приходило еще въ голову, что Муръ не нормаленъ. Они стали считать его опаснымъ человѣкомъ и рѣшили отъ него и отъ Алексѣя скрывать свои намѣренія.

Восьмого марта подулъ вѣтеръ, который могъ донести бѣглецовъ до татарскаго берега. Набѣжали тучи, и плѣнники стали потихоньку готовиться къ побѣгу. Но небо неожиданно прояснилось, и намѣреніе пришлось отложить. Жажда свободы такъ сильно овладѣла плѣнниками, что они едва сдерживались, чтобъ не сдѣлать неблагоразумнаго шага.

Только въ концѣ марта растаялъ въ Матсмаѣ снѣгъ и повѣяло тепломъ. Хотя Матсмай лежитъ на одной широтѣ съ Ливорно и Тулономъ, но по восточному положенію своему не пользуется такимъ благорастворенным климатомъ, какъ города южной Европы. Въ Ливорно и Тулонѣ не знаютъ, что такое морозъ; снѣгъ видятъ только на вершинахъ высокихъ горъ; а въ Матсмаѣ замерзаютъ озера и пруды, снѣгъ лежитъ съ ноября по апрѣль и притомъ выпадаетъ въ такомъ количествѣ, какъ у насъ въ Петербургѣ. Морозы доходятъ до 15° Реомюра.

Буніосъ распорядился, чтобы плѣнниковъ водили гулять. Русскимъ хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ японцы, и караульные позволяли имъ заходить внутрь дворовъ. Они уже отчасти насмотрѣлись на дома японцевъ во время пути; здѣсь было тоже самое. Дома почти всѣ одноэтажные, легкой постройки. Разница между домомъ богача и бѣдняка состоитъ главнымъ образомъ въ пространствѣ, которое они занимаютъ. Дома богачей окружены дворами и роскошными садами; дома бѣдняковъ жмутся другъ къ другу; и все таки у каждаго есть клочекъ земли, который они величаютъ садомъ. Эти садики прямо каррикатура на природу: кусочекъ газона и посреди лужа, изображающая прудъ; въ ней

кучки земли и камешки; это острова и скалы. По лужѣ плаваютъ игрушечные кораблики и лодочки.

Иногда плѣнниковъ водили далеко за городъ и тогда брали съ собою обѣдъ. Свита ихъ сопровождала большая, и не смотря на это, мысль о побѣгѣ не покидала ихъ. Они просили водить ихъ вдоль морского берега, разсчитывая, внезапно отбиться отъ стражи и броситься къ лодкамъ. Но для выполненія этого плана нужно было сдѣлать дружный натискъ, а ихъ водили, какъ нарочно, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга.

Въ концѣ мѣсяца японцы стали снова поговаривать о переводѣ плѣнниковъ въ новый домъ, но тѣ имъ не вѣрили.

— Право, право, увѣряли японцы; домъ отдѣлываютъ и какъ только онъ будетъ готовъ, васъ переведутъ.

Дѣйствительно, 1-го апрѣля, съ утра, начали переносить вещи плѣнниковъ, а ихъ самихъ повели къ буніосу, возсѣдавшему посреди важныхъ сановниковъ Матсмая.

— Объявляю вамъ, сказалъ буніосъ съ любезною улыбкой, что я перевожу васъ изъ прежняго помѣщенія въ новое. (Онъ не сказалъ изъ тюрьмы, такъ какъ, по мнѣнію японцевъ, жилище плѣнниковъ не было тюрьмою. Какова же тогда была настоящая тюрьма)? Вы будете жить въ домѣ, гдѣ прежде жилъ чиновникъ, и содержать васъ станутъ гораздо лучше; поэтому вы должны жить съ японцами какъ съ братьями.

Новая квартира оказалась той же тюрьмой, только болѣе комфортабельной. Домъ стоялъ между крѣпостью и утесомъ и окруженъ былъ высокою стѣною съ рогатками. Въ одной части двора, перегороженнаго пополамъ, росло нѣсколько деревьевъ, а въ углу была лужа, которую японцы важно величали озеромъ. Вездѣ засовы, вездѣ замки, вездѣ караульные въ усиленномъ противъ прежняго числѣ. Помѣщенія были устроены такъ, что всѣ были у всѣхъ на глазахъ. Еслибъ не было этого несноснаго ежеминутнаго надзора, новое помѣщеніе могло бы показаться

пріятнымъ. Со стороны комнатъ офицеровъ, раздѣленныхъ, по-японски, ширмами, шла галлерея, съ которой видно было море и мачты судовъ—зрѣлище пріятное, но въ тоже время и тягостное; еще больше тянуло узниковъ на просторъ, на волю.

Послѣднее свиданіе съ буніосомъ произвело на плѣнниковъ очень тяжелое впечатлѣніе. Онъ ни словомъ не обмолвился о возвращеніи въ Россію; напротивъ, перевелъ въ лучшее помѣщеніе, совѣтовалъ жить съ японцами какъ съ братьями. Не значило ли это, что на освобожденіе нѣтъ никакой надежды. Всѣ рѣшились бѣжать, и скорѣе погибнуть, чѣмъ оставаться навсегда въ Японіи. Одинъ Муръ по прежнему упорствовалъ, но его уже давно не принимали въ расчетъ. Переводчики и другіе чиновники, приходившіе навѣщать плѣнниковъ, тотчасъ же замѣтили, что перемѣна жилища не произвела на нихъ желаемаго впечатлѣнія. Они не только не повеселѣли, но стали еще грустнѣе прежняго.

— Не горюйте, говорилъ Теске; губернаторъ къ вамъ очень расположенъ. Онъ скоро уѣзжаетъ въ столицу и будетъ ходатайствовать о васъ лично.

Въ то время, въ Японіи, существовалъ такой порядокъ: губернаторъ и его совѣтники назначались въ двойномъ числѣ. Одни находились при должности, въ провинціи, другіе жили въ столицѣ. Первый отписывалъ второму о мѣстныхъ дѣлахъ, а второй ходатайствовалъ у высшаго правительства. Черезъ годъ они мѣнялись. Къ мѣсту служенія эти лица не имѣли права брать ни женъ, ни дѣтей, которыя оставались въ столицѣ, какъ залогъ ихъ вѣрности. Тоже самое наблюдалось и въ отношеніи феодальныхъ князей. Жены и дѣти ихъ постоянно жили въ столицѣ, а сами князья, погодно, то съ семьей, то въ княжествѣ.

Однажды Теске пришелъ смущенный и сообщилъ, что губернаторъ получилъ изъ столицы нехорошую бумагу.

— Какъ прочиталъ, разсказывалъ онъ, такъ выронилъ ее изъ рукъ и опустилъ голову.

— Что же такое въ этой бумагѣ? въ одинъ голосъ спросили офицеры.

— Правительство не только не уважило просьбу губернатора, въ случаѣ если придутъ корабли къ японскимъ берегамъ, то снестись съ ними относительно плѣнниковъ; но напротивъ, губернатору приказано съ русскими судами обращаться какъ прежде: стрѣлять въ нихъ, жечь ихъ, а изъ команды кто попадется, брать въ плѣнъ. Ожидаются русскія суда у Кунашира и мѣстному князю приказано послать туда войска и артиллерію.

— Если такъ, то война неизбѣжна, и не русскіе будутъ въ ней виноваты.

— Что-же дѣлать? Война будетъ, но не вѣчно же она станетъ длиться. Когда нибудь помиримся, и тогда васъ отпустятъ.

— Да, отпустятъ, когда сгніютъ наши кости...

VII.

Съ той поры мысль о побѣгѣ не оставляла плѣнниковъ ни на минуту. Они запасались на дорогу, чѣмъ могли. Во время одной изъ прогулокъ матросъ нашелъ огниво и ловко его спряталъ. Кремни стащили у караульныхъ. Нужно было добыть трутъ. Повѣсили надъ огнемъ рубашку. Она какъ будто нечаянно сгорѣла и замѣнила трутъ.

Хлѣбниковъ умудрился смастерить компасъ. У японцевъ принято наружные пазы въ домахъ обивать мѣдью. Отъ этой обивки оторвали кусочекъ, выпросили у караульныхъ двѣ иголки

и сказали, что онѣ пропали. Соединивъ эти иголки мѣдью, Хлѣбниковъ долгое время теръ ихъ о камень и сообщилъ имъ достаточную магнитную силу, т. ч. онѣ изрядно показывали части свѣта; футляръ сдѣлалъ онъ изъ нѣсколькихъ листовъ бумаги, склеенныхъ рисовой кашей. Такимъ образомъ оправдалась пословица, что нужда всему научитъ.

Возни съ компасомъ было не мало. Приходилось остерегаться караульныхъ и въ особенности Мура, которому легче всего было догадаться, что замышляютъ товарищи.

Между тѣмъ образъ жизни плѣнниковъ въ новомъ домѣ былъ несравненно пріятнѣе прежняго. Имъ дѣлали различныя послабленія. Часто во время прогулокъ богатые японцы зазывали ихъ къ себѣ и угощали. По ихъ закону они не имѣли права принимать въ домъ иностранцевъ, но японцы отлично обходили этотъ законъ, принимая гостей на галлереѣ; а т. к. стѣнка, отдѣлявшая галлерею отъ комнатъ, была часто раздвинута, то офицеры прекрасно могли ознакомиться съ внутренней отдѣлкой. Болѣе всего поражало европейскій глазъ отсутствіе мебели. Сидѣли на матахъ, а для ѣды приносили низкіе столики, которые у насъ употреблялись бы какъ скамейки. Главное украшеніе домовъ богачей составляло: оружіе, фарфоровая посуда, множество лакированныхъ бездѣлушекъ. Лакированныя вещи всюду бросались въ глаза. Этотъ лакъ ничто иное какъ сокъ особаго дерева, растущаго въ такомъ изобиліи, что японцы лакируютъ имъ все, что попадется подъ руку: посуду, сундуки, ящички, стѣны, ширмы. Лакъ такъ проченъ, что въ лакированной посудѣ пьютъ и ѣдятъ безъ всякаго для нея вреда. Сокъ въ натуральномъ видѣ бѣлый; но подмѣшивая къ нему краску, можно получать какой угодно цвѣтъ.

Другая интересная особенность японскихъ домовъ это внутреннія перегородки. Онѣ всѣ подвижныя, вродѣ ширмъ, т. ч. въ случаѣ надобности, изъ одной комнаты можно сдѣлать двѣ.

Однажды во время прогулки плѣнникамъ показали театръ. Смотрѣть вечернее представленіе имъ не разрѣшили; пришлось удовольствоваться осмотромъ помѣщенія. Въ театрѣ оказалась возвышенная сцена и два яруса ложъ. Въ партерѣ совсѣмъ не было мѣстъ. Во время представленія постилались маты, и японцы сидѣли, по своему обыкновенію, поджавъ ноги. На сценѣ изображаются выдающіяся историческія событія, а иногда бываютъ и шутовскія зрѣлища.

Другой разъ видѣли, какъ губернаторъ ѣхалъ въ какой то храмъ на торжественное богослуженіе. Духовенство ожидало его въ храмѣ, а около губернатора была только свита, которая шла пѣшкомъ. Онъ же ѣхалъ верхомъ, но не правилъ самъ, т. к. это не соотвѣтствовало его сану. Къ удиламъ лошади привязаны были голубые шарфы, которые у самой морды лошади держали два конюшіе, а другіе два держали концы шарфовъ на значительномъ разстояніи. У сановниковъ болѣе высшаго ранга концы держатъ по нѣскольку человѣкъ съ каждой стороны. Хвостъ лошади былъ заключенъ въ голубой шелковый чехолъ. Губернаторъ съ обнаженной головой сидѣлъ на богатомъ сѣдлѣ, положивъ ноги въ стремена, на подобіе ящичковъ, лакированыя и покрытыя золочеными узорами. Конюха, державшіе лошадь подъ уздцы, безпрестанно кричали: хай, хай, т. е. тише, тише; а сами между тѣмъ покалывали ее, чтобъ она бодрилась и приплясывала. Губернаторъ сидѣлъ согнувшись и обѣими руками держался за сѣдло. Впереди губернатора шли въ рядъ нѣсколько солдатъ и два полицейскихъ, которые то и дѣло покрикивали: «Посторонись!» даже и тогда, когда на дорогѣ никого не было. Сзади шли оруженосцы съ знаками отличія губернатора.

За городомъ на горѣ находилось кладбище, черезъ которое шла дорога въ поля. Задумавъ бѣжать, плѣнники попросили караульныхъ показать имъ кладбище и воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ осмотрѣть тропинки.

Въ ту же ночь рѣшено было бѣжать. Матросы стащили на кухнѣ два ножа и когда всѣ улеглись, лопатою подкопали стѣну и всѣ, кромѣ Мура и Алексѣя, выбрались на дорогу. Пролѣзая въ подкопъ, Головнинъ ушибъ колѣно, но сгоряча не почувствовалъ боли. Выйдя на дорогу, бѣглецы пошли скорымъ шагомъ къ кладбищу.

Островъ Матсмай чрезвычайно гористъ. Отъ берега поднимается нѣсколько кряжей, одинъ другого выше. Населеніе ютится по прибрежью; внутренность острова почти не заселена.

Сообразивъ все это, бѣглецы направились къ сѣверу не берегомъ, а черезъ горы, отыскивая направленіе по звѣздамъ. Не зная ни дорогъ, ни тропинокъ, они должны были идти наобумъ, безпрестанно спотыкаясь и падая.

«При подъемѣ на гору, говоритъ Головнинъ, я уже сталъ чувствовать жестокую боль въ ушибленномъ колѣнѣ, которое опухло. Когда мы шли по ровному мѣсту, я могъ еще ступать больною ногою; но когда приходилось при подъемѣ упирать ее, боль дѣлалась нестерпимою. При такихъ условіяхъ я скоро совсѣмъ выбился изъ силъ и товарищи должны были безпрестанно останавливаться, чтобъ дать мнѣ отдохнуть. Намъ хотѣлось до разсвѣта достигнуть лѣсистыхъ горъ, чтобъ укрыться отъ преслѣдованія. Попавшись японцамъ, мы имѣли полное основаніе ожидать жестокой мести. Ночь была темна; дороги мы не знали и шли ощупью. Тамъ, гдѣ казалось намъ былъ подъемъ, оказывалась отвѣсная скала и, наткнувшись на нее, мы должны были сворачивать въ сторону и искать болѣе удобнаго пути. Проколесивъ такимъ образомъ очень много, мы подвинулись очень мало. Наконецъ мы добрались до горной равнины и пошли по ней; на бѣду нашу она была покрыта снѣгомъ. Чтобъ слѣды не выдали насъ японцамъ, мы должны были дѣлать зигзаги, выбирая безснѣжныя мѣста. Передъ самымъ разсвѣтомъ мы случайно выбрались на большую дорогу со множествомъ лошадиныхъ и

людскихъ слѣдовъ, т. ч. безъ всякаго опасенія могли идти по ней. Дорога вела прямо на сѣверъ и шла по гористой равнинѣ. Мы возблагодарили Бога за такую благодать и быстро пошли впередъ. Нога моя болѣла сильно, но все же я не ощущалъ такихъ страданій какъ при подъемѣ. Вдругъ матросъ Васильевъ оглянулся и шепнувъ: «За нами гонятся на лошадяхъ съ фонарями», бросился съ дороги въ лощину; мы за нимъ. Спускъ былъ крутой и безлѣсный. Днемъ, насъ увидали бы непремѣнно. Но благодаря темнотѣ мы спустились благополучно и, осмотрѣвшись, увидали въ утесѣ пещеру, но на значительномъ разстояніи отъ земли. Чтобъ попасть въ нее, надо было ухватиться за стоящее вблизи дерево и, поднявшись на мускулахъ, вскочить въ это углубленіе. Около самаго входа въ пещеру съ горы низвергался каскадъ, образуя внизу довольно глубокій водоемъ. Сорвавшись съ дерева, легко можно было угодить туда и тогда—капутъ. Особенно для меня съ больной ногой такая перспектива представлялась весьма вѣроятною. Но другого исхода не было. Мы полѣзли по дереву и добрались до пещерки. Мы могли бы возблагодарить Господа, что избавились отъ преслѣдованія, еслибъ не страшная пытка, которую мы испытывали въ пещерѣ. Пещерка была такъ мала, что мы должны были жаться другъ къ другу. Исподъ ея былъ покатъ и покрытъ мелкой щебенкой, на которой ни сидѣть, ни стоять нельзя было безъ боли. При каждомъ движеніи щебень начиналъ сползать и при малѣйшей неосторожности могъ вмѣстѣ съ нами низринуться въ водопадъ. Въ виду этого мы не могли ни лечь, ни сѣсть, и только переминались съ ноги на ногу. На сколько сладко было наше положеніе въ плѣну видно ужь изъ того, что мы готовы были перенести всякую пытку скорѣй, чѣмъ попасться японцамъ. Къ физической мукѣ въ пещерѣ присоединился еще страхъ. Одинъ изъ матросовъ потерялъ колпакъ, сшитый изъ шерстяного чулка и мы все время трепетали, чтобъ онъ не навелъ японцевъ на наши слѣды.

«Днемъ, отъ солнечныхъ лучей снѣгъ у подножія утеса началъ таять и разстояніе отъ нашего убѣжища до земли съ каждымъ часомъ увеличивалось. Являлся вопросъ: какимъ образомъ мы отсюда выберемся? Но стоило вспомнить о плѣнѣ и сама смерть начинала казаться привлекательною».

Отъ водопада вѣяло холодомъ, лучи солнца не проникали въ пещеру и несчастные плѣнники во весь день не могли согрѣться. Они слышали удары топора въ лѣсу и потихоньку выглядывая, видѣли на горѣ людей. Разъ услыхали шорохъ, который замѣтно приближался. «Пропали мы, подумали бѣглецы; это, навѣрно, японцы». Но это оказался горный олень, который, почуявъ людей, тотчасъ далъ тягу.

Сгустились сумерки и показались звѣзды. Опять по тому же дереву путники благополучно выбрались изъ пещеры и пошли въ гору. Ушибленная нога Головнина отъ стоячаго положенія затекла и когда онъ ступилъ на нее, то свѣта не взвидѣлъ. Не только нога, но и вся сторона отъ плеча до пятки нестерпимо болѣла. Когда онъ, поднимаясь въ гору и волоча больную ногу, сообразилъ сколько разъ придется еще подниматься и опускаться, карабкаться на утесы, скатываться въ пропасти, онъ призналъ такую гимнастику положительно немыслимою и не желая стать помѣхою для товарищей, сказалъ:

— «Товарищи, именемъ Бога умоляю васъ, оставьте меня умирать одного. Видно судьбѣ угодно, чтобъ я погибъ, т. к. при самомъ началѣ нашего покушенія я сдѣлался неспособнымъ вамъ сопутствовать. Зачѣмъ же вамъ, полнымъ силъ и здоровья погибать изъ за меня, когда вы можете достичь морского берега и уплыть въ Россію. Я все равно не долго буду въ состояніи слѣдовать за вами, и вамъ придется рано или поздно меня бросить.

— Не моги этого и думать, Василій Михайловичъ, единодушно возразили товарищи. Пока ты живъ, мы не покинемъ тебя. Будемъ останавливаться и отдыхать хоть каждые четверть

часа. Доберемся, Богъ дастъ, до безопаснаго мѣста, гдѣ можно будетъ отдохнуть денька три; ногѣ твоей и полегчаетъ».

Пошли дальше. При подъемѣ въ гору, Головнинъ держался за кушакъ Макарова и можно сказать не шелъ, а Макаровъ тащилъ его. Ночь была тихая и ясная; на небѣ сильно вызвѣздило. Ясно обрисовались черные кряжи горъ, одинъ другого выше, на

Гражданскіе и военные чиновники.

самыхъ высокихъ лежалъ снѣгъ. Между кряжами лежали долины и лощины, болѣе или менѣе глубокія. Все это надо было пересѣчь. Около полуночи подошли къ лощинѣ, которая казалась бездонною; страшно было подумать спуститься въ нее. Пошли влѣво въ надеждѣ найти соединительный утесъ, и дѣйствительно нашли. Перебравшись по природному мосту на другой кряжъ, путники попали на торную дорогу, по которой и пошли. Вдругъ на полянкѣ увидали они шалаши и услыхали свистъ, словно кто подманивалъ перепеловъ. Подошли потихоньку и увидали, что это вовсе не

шалаши, а жерди, поставленныя козлами. Обрадовались, взяли по жерди и на двѣ изъ нихъ насадили ножи въ видѣ пикъ. Сильно сталъ морить сонъ. Вѣдь предъидущую ночь не спали, а днемъ въ пещерѣ даже присѣсть не могли. Прикурнули въ лѣсу. Вздремнувъ немного, пошли дальше по найденной дорогѣ, которая вела въ лощину, покрытую глубокимъ снѣгомъ. Тропы не было видно; путники пошли на угадъ. По счастью, настъ ихъ держалъ, иначе они могли бы увязнуть въ снѣгу и буквально не выбраться оттуда.

Перебравшись черезъ лощину, путники не нашли уже дороги, стали подниматься на слѣдующій кряжъ и достигли его уже передъ разсвѣтомъ. Выбравъ ровное мѣсто, поросшее горнымъ тростникомъ, бамбу, тростникъ умяли и улеглись плотно другъ къ другу, чтобъ было потеплѣе, но заснуть не могли. Стужа давала себя знать; зубъ на зубъ не попадалъ.

Вставъ съ своего жесткаго ложа, путники оглядѣлись и увидали, что находятся на очень высокой горѣ. Кругомъ, насколько могъ охватить глазъ, шли горы, да горы, словно окаменѣлыя морскія волны. Позади горы были ниже, а впереди еще выше; ихъ то и надо было одолѣть.

Замѣтивъ, что горы затягиваются тучами, путники разсудили, что могутъ бозопасно развести огонь. Набрали снѣгу въ мѣдный чайникъ, который догадались захватить съ собою, скипятили воды и размочили засохшій и заплеснѣвшій рисъ. Зелени и кореньевъ изъ подъ снѣга достать было нельзя. Между тѣмъ густой туманъ окуталъ горы, и путники рѣшили, что они смѣло могутъ идти далѣе. У Головнина въ ногѣ боль не унималась; при спускахъ онъ садился и скатывался внизъ, направляя свой путь жердью съ долотомъ; при подъемахъ тащился, ухватившись за кушакъ Макарова.

Тучи скоро разсѣялись, но бѣглецы рѣшились продолжать путь, пока не встрѣтится чего либо подозрительнаго. Въ одномъ

мѣстѣ видѣли двѣ-три землянки, но въ нихъ никого не было. Переправившись въ бродъ черезъ рѣчку, путники стали подниматься на высокую гору, которая едва не сдѣлалась могилою нѣкоторыхъ изъ нихъ.

«Гора была высока и крута, разсказываетъ Головнинъ, но подниматься на нее, вначалѣ, людямъ съ здоровыми ногами было удобно. Гора поросла лѣсомъ и мы шли, хватаясь за деревья какъ за поручни; иногда, опирались на нихъ и отдыхали; притомъ, изъ за лѣса насъ нельзя было видѣть. Поднявшись уже довольно высоко, наткнулись мы на утесъ, карабкаться на который было неимовѣрно трудно и опасно. Почти достигнувъ вершины, мнѣ нельзя уже было держаться за кушакъ Макарова; съ такой тяжестью онъ не могъ бы выпрыгнуть наверхъ. Поставивъ здоровую ногу на камень, выдавшійся изъ утеса, я правою рукою ухватился за молодое дерево и сталъ дожидаться, пока Макаровъ влѣзетъ наверхъ и протянетъ мнѣ руку. Но Макаровъ, все время тащившій меня за собой, такъ усталъ, что добравшись до верха, упалъ и лишился чувствъ. Въ это время камень, на которомъ я стоялъ, вывалился и полетѣлъ внизъ, а я повисъ на одной рукѣ. Тщетно искалъ я здоровой ногой опоры, но ея не существовало; утесъ былъ ровенъ какъ стѣна. Между тѣмъ матросы, только что достигшіе вершины, не успѣли еще отдышаться, и не замѣчали происходившаго со мной и съ Макаровымъ. Хлѣбниковъ поднимался въ другомъ мѣстѣ. Тѣмъ временемъ въ рукѣ, на которой я висѣлъ, началась такая ломота, что я готовъ былъ ринуться въ пропасть, зіявшую подо мною и разомъ прекратить всѣ мученія. Въ эту минуту Макаровъ очнулся и увидавъ въ какомъ я положеніи, поспѣшилъ ко мнѣ на помощь. Онъ всталъ одною ногою на камешекъ, выступавшій на уровнѣ моей груди, рукой ухватился за дерево, росшее на вершинѣ утеса, и крикнулъ мнѣ, чтобъ я свободною рукою хватался за его кушакъ. Потомъ, съ неимовѣрнымъ усиліемъ онъ рванулся впередъ и вы-

тащилъ меня. Еслибъ камень изъ подъ ноги Макарова выскочилъ, или сломалась бы вѣтвь, за которую онъ держался, мы оба погибли бы несомнѣнно».

Съ Хлѣбниковымъ случилась другая исторія. Онъ лѣзъ по чрезвычайно крутому утесу, и попалъ въ такое мѣсто, что ни впередъ, ни назадъ. По счастью, матросы сверху увидали его и связавъ нѣсколько кушаковъ спустили ему конецъ и вытащили его.

Утесъ, на которомъ отдыхали путники не былъ еще конечнымъ пунктомъ ихъ подъема. Пришлось лѣзть еще выше. Наконецъ передъ закатомъ солнца добрались до вершины, поросшей горнымъ тростникомъ и покрытой снѣгомъ. Здѣсь конечно нельзя было ожидать преслѣдованія. Отдохнувъ немного, утомленные путники принялись за работу: одни, наломавъ тростнику, стали строить шалашъ, другіе развели костеръ и стали варить черемшу и конскій щавель, собранные у рѣчки; кстати просушили платье и обувь. Утоливъ, или лучше сказать, заморивъ голодъ вареной травой, путники улеглись въ шалашѣ. Страшно утомленные, они уснули какъ убитые. Одинъ Головнинъ не могъ заснуть; боль въ ногѣ не давала покою. Полежавъ нѣкоторое время, онъ выбрался изъ шалаша, въ которомъ становилось душно, сѣлъ возлѣ и прислонился къ дереву.

«Надъ головою моею, говоритъ онъ, высился звѣздный куполъ и въ разрѣженномъ горномъ воздухѣ звѣзды мерцали особенно ярко. Ясно были видны горныя вершины, которыя всѣ были ниже той, на которой мы находились. Внизу плавали черныя тучи; тамъ, вѣроятно, шелъ дождь. Одиночество и ночная тишина располагали къ размышленію. Я сталъ думать, и меня объялъ ужасъ. Что я сдѣлалъ! Я взялъ на себя отвѣтственность за пять христіанскихъ душъ. Вѣдь это я уговорилъ ихъ бѣжать! А если они погибнутъ? Возможность выбраться на свободу представлялась мнѣ болѣе, чѣмъ когда либо сомнительною. Мы находимся на островѣ, окру-

женные врагами всякаго рода: какъ двуногими, такъ и четвероногими. Въ Матсмайскихъ лѣсахъ много хищныхъ животныхъ, и медвѣди отличаются особенной лютостью. Оружія для самозащиты у насъ нѣтъ никакого; пищи тоже нѣтъ. Если мы будемъ пощажены врагами, то рискуемъ умереть отъ голода. Хотя мы и достигли уже половины пути, взобрались на самый высокій хребетъ и послѣдующія горы не будутъ такъ высоки, но вѣдь мы не знаемъ, каковъ тамъ подъемъ. Можетъ быть, онъ также труденъ, и притомъ мы измучились и ослабѣли. Мысль о предстоящемъ пути при нестерпимой боли въ ногѣ приводила меня въ отчаяніе. Изъ шалаша доносились вздохи и стоны товарищей, отъ которыхъ сердце мое разрывалось на части.

«Допустимъ, думалось мнѣ, что мы доберемся до моря. А дальше? Найдемъ ли мы судно? а если и найдемъ, то будемъ ли въ силахъ управлять имъ? Будемъ ли въ состояніи добраться до родины»?

Почувствовавъ ознобъ, несчастный плѣнникъ снова поплелся въ шалашъ, но заснуть, опять таки не могъ. На разсвѣтѣ (26 апрѣля) путники встали, развели огонь и, поѣвши вареной травы, отправились въ путь. Они рѣшили не лазить по горамъ, а нашедши рѣчку, текущую къ западу, идти вдоль нея до морского берега по направленію къ сѣверу, пока не явится возможность завладѣть лодкой.

Спустившись въ глубокую лощину, путники какъ разъ напали на такую рѣчку и пошли берегомъ. Но этотъ путь оказался далеко не легкимъ. Мѣстами рѣка текла въ глубокой разсѣлинѣ и приходилось—либо обходить ее, либо цѣпляться по карнизамъ, рискуя каждую минуту сорваться и быть истертымъ валунами которые съ большой скоростью катила рѣка. Рѣчка была такъ извилиста, что во избѣжаніе обходовъ, очень часто приходилось переправляться черезъ нее въ бродъ. Мѣстами вода была по колѣна; мѣстами—по поясъ и выше. По берегу попадались хижины,

въ которыхъ лѣтомъ живутъ дровосѣки и обжигатели угля. Осторожно высмотрѣвъ и убѣдившись, что хижины пусты, путники заходили въ надеждѣ найти что нибудь съѣстное, но съѣстнаго не нашли, а заржавленный топоръ и долото, очевидно брошенные за негодностью, взяли на всякій случай. Къ ночи посчастливилось путникамъ набрести на хижину съ угольною печью. Развели огонь, сварили травы, обсушились, обогрѣлись и легли спать. Давно уже имъ не приходилось спать подъ крышею. Но крыша была дырявая, а ночь холодная; къ счастію, въ хижинѣ было много соломы; путники въ нее зарылись и не страдали отъ холода.

VIII.

Несчастные бѣглецы были счастливы уже тѣмъ, что не встрѣчали двуногаго врага. Утромъ, двинувшись въ путь, они увидали хижину, изъ которой шелъ дымъ. Какъ затравленные звѣри, они поспѣшили вскарабкаться на гору и пошли по косогору. Вскорѣ между горными пиками сверкнуло море. Горы по направленію къ морскому берегу понижались и были совершенно оголены. На нихъ не росло ни кустарника, ни высокой травы. Ясно обозначались проторенныя по нимъ тропинки. День же былъ такъ ясенъ, что на тропинкахъ видны были не только люди, но и бѣгущія собаки. Нечего было и думать идти по этому пути. Съ другой стороны жаль было терять время даромъ. Путникамъ хотѣлось къ вечеру дойти до морского берега и, отдохнувъ ночью, пуститься вдоль него. Рѣшили идти сгорбившись, въ разсыпную, зорко оглядываясь по сторонамъ. Прошли съ часъ; спустились на другую гору, обращенную къ морю. Вдоль гребня шла большая

дорога, вся на виду. Было бы слишкомъ рискованно идти по ней. Свернули въ сторону, легли въ траву и стали совѣщаться. Какъ разъ въ это время, по той самой дорогѣ, съ которой свернули, проскакали верховые. Путники ползкомъ спустились въ долину и засѣли въ кусты. Всадники проѣхали, не замѣтивъ ихъ. Этотъ случай наглядно показывалъ, что идти по открытой горѣ невозможно и что надо поискать другого пути.

Между тѣмъ голодъ давалъ себя знать. У бѣдныхъ путниковъ сосало подъ ложечкой; иныхъ тошнило. Въ лощинкѣ, куда укрылись, бѣжалъ тинистый ручей. Раскопавъ тину, нашли крошечныхъ рачковъ, которыхъ принялись ѣсть какъ какое нибудь лакомство. Подкрѣпившись, пошли по лощинѣ и достигли мѣста, гдѣ она расширялась. Снова надо было сворачивать въ сторону. Свернули въ лѣсокъ. Матросы, вооружившись ржавымъ топоромъ вырубили для всѣхъ колья и заострили концы. Послышались голоса; путники поспѣшили залечь въ кусты. По другой сторонѣ лощины прошли поселяне, мущины и женщины; Хлѣбниковъ ихъ видѣлъ. Пролежавъ до сумерокъ, путники пошли далѣе, ночью спустились къ морю и прямо наткнулись на селеніе, котораго изъза утесовъ не было видно. Приходилось рѣшить: идти ли черезъ селеніе, или снова карабкаться на гору въ обходъ его. Избрали первое и прошли благополучно; даже собаки не залаяли. У берега привязана была лодка, но, къ сожалѣнію, такая, которая не годилась для дальняго плаванія. Тѣмъ не менѣе путники ободрились. Лодокъ никто не караулилъ; являлась надежда завладѣть подходящею. Прошли еще нѣсколько селеній, но подходящей лодки не встрѣтили.

Путь по берегу былъ далеко не такъ легокъ, какъ думали путники. Изъ горъ по мѣстамъ выдавались отроги, пересѣкаемые оврагами, горные ручьи, каскады; снова приходилось карабкаться на утесы. Иногда случалось попадать на тропинки, продѣланныя зигзагами, и движеніе впередъ облегчалось. Но при переходѣ че-

резъ ручьи тропинка терялась, отыскать ее ночью не было возможности и тогда путники шли на угадъ, уклоняясь то вправо, то влѣво, то возвращаясь назадъ и такъ по нѣскольку разъ. На разсвѣтѣ, съ одного изъ утесовъ путники увидали два острова, которые видны и изъ Матсмая, изъ чего можно было заключить, что ходя кругомъ, да около, они не далеко отошли отъ Матсмая, всего, можетъ быть, верстъ на 25.

Передъ разсвѣтомъ путники стали взбираться на гору и искать прикрытія. Увы! Гора была совершенно голая. Наконецъ набрели на небольшой уступъ, поросшій рѣдкимъ кустарникомъ. Наломали вѣтокъ, понатыкали ихъ и усѣлись за ними. Цѣлый день просидѣли въ этой засадѣ, не смѣя двинуться. Страшно мучила жажда, но утолить ее было нечѣмъ. Хорошо еще, что придумали себѣ работу, которая помогла скоротать время. Всѣ лодки, которыя видѣли путники у берега, были безъ парусовъ. Принялись сшивать ихъ изъ рубашекъ, а изъ взятыхъ съ собой веревокъ изготовили снасти. Посодрали покрышку съ халатовъ и тоже скрутили ее. По противоположному скату проходили люди, вьючныя животныя, и еслибъ прохожимъ только вздумалось взглянуть повнимательнѣе, они не замедлили бы открыть убѣжище бѣглецовъ.

Съ вышки, на которой бѣглецы сидѣли, видно было большое селеніе и стоявшее на якорѣ судно. Порѣшили ночью спуститься въ селеніе и завладѣть судномъ. Сказано, сдѣлано. Послѣ заката, путники спустились съ горы и пошли къ селенію. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояло судно, слышался говоръ. Нужно было выждать, пока улягутся люди. Но судно не ждало. На глазахъ путниковъ оно снялось съ якоря и ушло въ море.

Путники притаились въ оврагѣ. Наступила полночь. Все уснуло, только караульный билъ въ трещотку. Идти черезъ селеніе было нельзя; задами, по огородамъ—опасно: остались бы слѣды, которые легко было узнать. Свою обувь плѣнники давно уже сносили; къ японскимъ подошвамъ не могли привыкнуть. По

ихъ просьбѣ, японцы дали имъ тюленьей кожи, изъ которой матросъ сшилъ всѣмъ сибирскіе бахилы—неуклюжую обувь съ слѣдами огромныхъ размѣровъ. Въ Японіи никто такой обуви не носилъ и по громаднымъ слѣдамъ, оставленнымъ на мягкой землѣ огородовъ, легко было догадаться, кому эти слѣды принадлежатъ.

На мысахъ горѣли огни. Сперва путники думали, что эти огни жгутъ разставленные на берегу пикеты, но потомъ убѣдились, что это сигналы. Только что на суднѣ, проходящемъ мимо, показывались фонари—на мысу тотчасъ же зажигался огонь.

Разсудивъ, что на эту ночь случая къ обладанію лодкой не представится, путники стали подниматься на гору, чтобъ найти прикрытіе на день; но гора была совершенно обнажена и исчерчена тропинками. Путники спустились въ лѣсистую лощину, вдоль которой текъ ручей. Здѣсь они остановились и развели огонь, чтобъ обсушиться и сварить кореньевъ, собранныхъ у ручья. Эта пища страшно всѣмъ надоѣла; Головнинъ не могъ смотрѣть на нее безъ отвращенія. Притомъ и питательности въ ней никакой не было. Путники пришли къ тому заключенію, что прежде чѣмъ двигаться далѣе, надо раздобыться настоящей пищей, подкрѣпиться и, построивъ въ лѣсу шалашъ, отдохнуть нѣсколько дней. Отъ трудныхъ переходовъ и недостатка питанія всѣ, даже силачи-матросы сильно отощали. При такихъ условіяхъ, еслибъ пришлось бороться, напримѣръ, отбивать лодку, то побѣда была бы весьма сомнительною. Обнаженныя горы и частыя селенія сильно затрудняли движеніе впередъ. Большую часть дня путники карабкались по горамъ, къ ночи спускались, передъ разсвѣтомъ опять поднимались. Горы, гдѣ начинался лѣсъ, отстояли далеко отъ берега. Мало того: достигнуть лѣса еще не значило очутиться въ безопасности. Въ ближайшій лѣсъ ходили поселяне по своимъ надобностямъ. Приходилось забираться глубже. Подобная гимнастика ежедневно требовала избытка силъ, которыхъ у несчастныхъ плѣнниковъ уже не было. Какже достать пищу, пока не

удастся завладѣть лодкой? Нападать на селеніе безоружнымъ—нечего было и думать. Рѣшили искать вѣшалъ, на которыхъ японцы вялятъ рыбу, или угнать лошадь и питаться ею.

Послѣдующая ночь еще больше изнурила путниковъ. Путь оказался крайне тяжелымъ. На каждомъ шагу встрѣчались глубокіе овраги съ крутыми берегами. Рѣчки, черезъ которыя приходилось переправляться, были быстры и глубоки. Сверхъ того шелъ сильный дождь; путники промокли до костей. Въ одномъ мѣстѣ вдругъ показался огонь, но когда подошли ближе, онъ исчезъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ появился, не нашли никакого признака костра. Прямо отъ берега поднимался высочайшій утесъ, но ни хижины, ни пещеры на немъ не было видно. Откуда происходилъ огонь — такъ и осталось загадкою.

Сколько разъ приходилось путникамъ въ эту ночь карабкаться на утесы и спускаться въ лощины — они и счетъ потеряли. Съ одной возвышенности Хлѣбниковъ оборвался и полетѣлъ внизъ. Путники въ ужасѣ остановились. Что было дѣлать? Ихъ окружалъ такой мракъ, что въ десяти шагахъ ничего не было видно. Какъ искать Хлѣбникова? звать его было опасно, но и оставить невозможно. Связали кушаки и спустили матроса Васильева. Погодя немного, Васильева вытащили.

— Я спустился во всю длину кушака, сообщалъ Васильевъ, а подъ ногами пусто; знать пропасть глубока. Кликалъ я, кликалъ, голоса не подаетъ; видно — убился».

Едва успѣлъ онъ кончить, какъ послышался шорохъ, и ко всеобщей радости, Хлѣбниковъ вышелъ изъ оврага. Онъ разсказывалъ, что упавъ въ оврагъ, онъ катился нѣкоторое время, но потомъ задержался. Пытаясь встать, онъ снова сорвался и полетѣлъ стремглавъ въ пространство. По счастію, онъ упалъ въ траву и незначительно ушибся. Упади онъ на камни съ такой высоты, онъ неминуемо бы убился. Давъ Хлѣбникову немного отдышаться, путники пошли далѣе.

«Я и теперь безъ ужаса не могу вспомнить, на какіе ужасные утесы мы поднимались, и въ какія пропасти должны были спускаться, говоритъ Головнинъ. Ни за какіе милліоны теперь и днемъ не пошелъ бы я по такимъ мѣстамъ. Иногда, карабкаясь на утесъ, хватались мы за какой нибудь прутъ, торчавшій изъ щели, не зная, крѣпокъ ли его корень, и не изсохъ ли онъ самъ. Онъ могъ остаться въ рукахъ, а державшій его полетѣть въ пропасть и разбиться до смерти. Иногда приходилось становиться на высунувшійся камень, который шатался подъ ногами. Но Богъ былъ такъ къ намъ милостивъ, что кромѣ случая съ Хлѣбниковымъ никто не упалъ. Отчаянное положеніе наше придавало намъ необыкновенную энергію. Препятствія, которыя ни за что не одолѣть бы въ обыкновенномъ состояніи, преодолѣвались нами съ какою то сверхъестественною силою. Мы рисковали жизнью почти на каждомъ шагу; и теперь, заднимъ числомъ, возстановляя въ воображеніи все испытанное, я прихожу въ ужасъ, котораго тогда не ощущалъ».

Передъ разсвѣтомъ путники снова начали подниматься въ гору и засѣли въ кустарникѣ близъ дороги. Развести огонь нечего было и думать, хотя всѣ промокли и продрогли. Нечего дѣлать: улеглись въ траву рядышкомъ и покрылись парусомъ.

Съ наступленіемъ ночи опять спустились къ берегу. Къ несчастію, въ селеніяхъ мимо которыхъ проходили, лодокъ не попадалось; рыбы на вѣшалахъ тоже не было. Или японцы ее убирали на ночь, или она еще не ловилась. Лошадей въ полѣ видѣли, но поймать ихъ не удалось. Въ одномъ мѣстѣ случилось приключеніе, которое могло бы кончиться очень печально. Спускаясь съ утеса, путники не разглядѣли прислоненнаго къ нему стога соломы и, упавъ на него, скатились около самаго дома. Тутъ бросились на нихъ собаки, но по счастью, никто не проснулся, и путники могли продолжать путь.

«Жажда мучила насъ до такой степени, разсказываетъ Го-

ловнинъ, что мы не пропускали ни одной рѣчки, ни одного ручья, чтобъ не напиться. На отощавшій желудокъ вода дѣйствовала скверно. У меня поднималась тошнота, иногда рвота, послѣ которой жажда еще болѣе усиливалась. Я не могъ слышать журчанья ручейка безъ особеннаго сладостнаго волненія. Такимъ образомъ тошнота и жажда поперемѣнно мучили меня, а ѣсть мнѣ совсѣмъ не хотѣлось.

Перваго мая путники дневали въ густомъ лѣсу на косогорѣ, у подошвы котораго находилось большое селеніе. Изъ лѣсу виденъ былъ народъ конный и пѣшій. Иные проходили совсѣмъ близко. Весь день путники сидѣли, притаившись, на одномъ мѣстѣ, а вечеромъ опять двинулись въ путь. Встрѣтивъ нѣсколькихъ человѣкъ съ фонарями, они прижались къ деревьямъ и пропустили ихъ. Приближаясь къ селенію, услыхали, какъ караульный дощечкой выбивалъ часы. Это означало, что въ селеніи стоитъ военный караулъ. Изъ предосторожности путники рѣшили притаиться и подождать пока больше стемнѣетъ. Подлѣ самаго селенія, на лугу, паслась лошадь, привязанная веревкой. Матросъ осторожно подкрался и обрѣзалъ веревку. Путники, слѣдившіе за нимъ съ біеніемъ сердца, обрадовались; добыча была въ рукахъ. Но въ эту минуту вскочилъ жеребенокъ и, бѣгая вокругъ матери, началъ ржать. Опасаясь, чтобъ жеребенокъ не надѣлалъ тревоги, путники двинулись, было, далѣе, но кто-то предложилъ надоить въ чайникъ молока. При мысли полакомиться молокомъ, у бѣдныхъ страдальцевъ слюнки потекли. Но увы! Не пришлось имъ побаловаться и этимъ. Лошадь такъ лягнула матроса, который пытался ее подоить, что и остальные потеряли охоту къ молоку.

Около полуночи, когда путники убѣдились, что все селеніе спитъ, они пошли далѣе. Прошли уже половину, какъ вдругъ на нихъ съ лаемъ бросились сабаки. Они быстро свернули за песчаную насыпь и присѣли. Собаки остановились и, ворча, смотрѣли на нихъ. Лишь только кто нибудь дѣлалъ малѣйшее движеніе, онѣ

бросались и начинали лять. Путники притихли и притворились спящими. Черезъ полчаса не осталось около нихъ ни одной собаки, и они миновали селеніе безъ всякой помѣхи.

Пройдя еще нѣсколько селеній, у одного изъ нихъ увидали лодку, а на берегу шалашикъ. Матросъ Шкаевъ, мучимый голодомъ, засунулъ руку въ шалашъ, чтобъ пошарить, нѣтъ ли чего съѣстного, но вмѣсто съѣстного схватилъ нечаянно за носъ спящаго японца, и тотъ заоралъ благимъ матомъ. Тутъ ужь было не до лодки; пришось поскорѣй улепетывать.

Подальше оказалось еще нѣсколько лодокъ, подтащенныхъ къ берегу, къ самымъ жильямъ. По конструкціи лодки были удобны, но стояли слишкомъ далеко отъ воды. Несчастные бѣглецы были такъ изнурены, что не могли бы осилить ихъ.

Еще подальше, увидали они на пустынномъ берегу лодку, стоящую подъ навѣсомъ. Исключая парусовъ на ней были всѣ снасти; даже ведра для прѣсной воды. Кажется, лучше случая нельзя было и ожидать. Къ несчастію, лодка стояла бокомъ къ водѣ. Чтобъ ее спустить, надо было ее повернуть, а на это силъ не было:

— Совсѣмъ мы отощали, ребята, сказалъ Головнинъ. Надо хоть силой добыть хлѣба, а то не миновать намъ голодной смерти.

Нервы несчастныхъ скитальцевъ были до того напряжены, что они не могли совладать съ собой. Послѣдняя неудача окончательно вывела изъ себя.

—Долго-ли ты насъ будешь водить! закричали матросы, подступая къ Головнину. Вѣдь изъ-за него мы терпимъ всѣ эти мученія, ребята; онъ сбилъ насъ. Давайте прикончимъ его и сдадимся японцамъ. Лучше въ плѣну быть сытымъ, чѣмъ умирать на волѣ какъ голодныя собаки.

Тяжко было Василію Михайловичу слушать такія рѣчи. Не смерти боялся онъ; смерть была-бы для него избавленіемъ въ

данную минуту. Тяжело ему было, что ополчились противъ него тѣ люди, которыхъ онъ любилъ, для которыхъ былъ не начальникомъ, а другомъ.

Сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ раскрылъ грудь и сказалъ: Я капитанъ вашъ, а вы замышляете на мою жизнь. Васъ много, я одинъ; мнѣ съ вами не совладать. Бейте, если не боитесь согрѣшить передъ Богомъ и Государемъ; мнѣ смерть не страшна».

Ярость матросовъ мгновенно утихла. Они бросились Головнину въ ноги и стали молить его. — «Батюшка, Василій Михайловичъ! прости Христа ради, не попомни зла! Умремъ съ тобою, отецъ нашъ!»

Головнинъ понялъ, что они въ изступленіи хотѣли напасть на него. — Ну, Богъ васъ прòститъ! сказалъ онъ. Тѣмъ и кончилось это печальное приключеніе. Взявъ съ лодки лейку, чтобъ доставать изъ ручьевъ воду, путники стали взбираться на гору.

IX.

Взошло солнце, а путники не успѣли еще добраться до лѣсу. На обнаженной горѣ ихъ отовсюду можно было увидать. Добрались наконецъ до кустарника и засѣли въ немъ. Желая ободрить пріунывшихъ товарищей, Головнинъ сталъ съ ними разговаривать. Воспаленный мозгъ сильно работалъ и рисовалъ ему образы, ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣющіе. Въ воображеніи возникали картины освобожденія до того яркія, что осуществленіе ихъ казалось несомнѣннымъ.

— Знаете, братцы, что мы сдѣлаемъ, говорилъ Головнинъ. Такъ какъ большой лодкой намъ завладѣть трудно, мы возьмемъ двѣ рыбацкихъ лодки, которыхъ на берегу всегда много и переѣдемъ вонъ на тотъ лѣсистый островокъ; отсюда до него не

больше 25-ти верстъ. Вѣдь это тотъ самый островъ, который мы видѣли изъ Матсмая; тамъ никто не живетъ. Мы построимъ шалашъ и будемъ ждать удобнаго случая. Огонь можемъ держать постоянно. У берега много ракушекъ, которыя послужатъ намъ пищей; а можетъ быть, найдемъ и дичь. Вы замѣтили, вѣроятно, что суда идутъ всегда между этимъ островомъ и Матсмаемъ. Укараулимъ минуту и...

Онъ запнулся. Товарищи всѣ смотрѣли на одну точку; Головнинъ тоже взглянулъ туда и замеръ. На обнаженномъ холмѣ стояла женщина и, поглядывая на кусты, махала рукой, словно сзывая людей. Плѣнники поняли, что они открыты, и стали сползать въ лощину. Но не успѣли они добраться до низу, какъ со всѣхъ сторонъ окружили ихъ конные и пѣшіе люди. Головнину и Макарову удалось спрятаться въ кусты. Сидятъ и смотрятъ, какъ ихъ товарищамъ вяжутъ руки. Связали, повели къ морскому берегу и принялись искать остальныхъ.

— Что мы будемъ дѣлать? спрашиваетъ Макаровъ.

— Можетъ быть до ночи насъ не откроютъ. Тогда мы проберемся къ берегу, возьмемъ рыбачью лодку и-айда на островъ, отвѣчаетъ Головнинъ.

Говоритъ и самъ не вѣритъ, чтобы это было возможно. Всѣ нужныя вещи: парусъ, чайникъ, огниво, ножи остались у тѣхъ, которые схвачены; у нихъ съ Макаровымъ только рогатины съ долотомъ и ножемъ. Но желаніе свободы было такъ сильно, что невольно вѣрилось въ его осуществленіе.

— Нето вотъ что мы сдѣлаемъ, продолжалъ мечтать Головнинъ. Нападемъ на какую нибудь хижину, добудемъ провизіи...

Онъ умолкъ. Японцы были близехонько. Они обшарили всѣ кусты какъ ищейки, а четверо людей, вооруженныхъ пиками, ощупывали ими каждый кустъ. Головнинъ взялъ въ руки рогатину и приготовился защищаться.

— Христомъ Богомъ прошу васъ, Василій Михайловичъ,

взмолился Макаровъ, не защищайтесь. Неравно убьете кого нибудь изъ японцевъ, не сдобровать намъ всѣмъ. Отдавшись японцамъ, вы выручите насъ. Скажите имъ, что вы какъ начальникъ приказали намъ бѣжать и мы не смѣли ослушаться.

Тронутый словами матроса, Головнинъ воткнулъ рогатину въ землю и вышелъ изъ кустовъ. За нимъ вышелъ и Макаровъ. Японцы, пораженные такимъ явленіемъ, отступили, но видя, что русскіе не вооружены, смѣло подошли и связали имъ руки, но далеко не такъ сильно, какъ можно было ожидать. Замѣтивъ, что у Головнина болитъ нога, японцы подхватили его подъ руки; ни ругани, ни грубости со стороны японцевъ не было. Вскорѣ пришли въ селеніе на морскомъ берегу и вошли въ домъ, гдѣ уже находились остальные пойманные бѣглецы. Здѣсь русскихъ накормили, и повели въ Матсмай. По дорогѣ русскіе замѣтили, что по ихъ слѣдамъ у японцевъ поставлены тычинки. Японцы сами разсказали, что они шли по слѣдамъ бѣглецовъ, отпечатаннымъ на береговомъ пескѣ. Тамъ, гдѣ бѣглецы поднимались въ гору, слѣды терялись, но потомъ, на морскомъ берегу вновь выступали. Иногда случалось, что японцы съ какой нибудь горы видали, какъ русскіе въ лощинѣ, у ручья, пили воду.

Въ селеніяхъ народъ сбѣгался смотрѣть плѣнниковъ, но велъ себя вполнѣ прилично: не только не причинялъ имъ обидъ, но напротивъ, на большинствѣ лицъ замѣчалось выраженіе сочувствія. Женщины подавали плѣнникамъ ѣсть или пить, и многія плакали.

Конвойный начальникъ былъ, однако, очень суровъ. Плѣнники все время шли пѣшкомъ, хотя онъ могъ дать имъ верховыхъ лошадей. Черезъ ручьи они переходили сами, тогда какъ прежде ихъ переносили. Отъ дождя зонтиками ихъ не прикрывали, а накинули рогожи довольно тяжелыя. По всему видно было, что плѣнниковъ хотятъ проучить за ихъ проступокъ.

Шли почти безъ отдыха, останавливаясь только, чтобы поѣсть. Всѣ сильно устали, а у Головнина еще сильнѣе разболѣлась нога. Замѣтивъ, что онъ переступаетъ съ трудомъ, конвойный велѣлъ солдатамъ вести его подъ руки. У ручьевъ плѣнникамъ позволяли останавливаться и пить.

Ихъ вели одного за другимъ, гуськомъ. Ночью впереди и позади шли люди съ фонарями; около конвойнаго также несли фонари. При крутыхъ спускахъ и подъемѣ, опережала шествіе толпа поселянъ. Каждый несъ по снопу соломы, которая и зажигалась въ опасныхъ мѣстахъ. Шествіе было до того оригинально, что еслибъ увидѣлъ его какой нибудь европеецъ, то подумалъ-бы, что это похоронная процессія.

Императорскій офицеръ.

Верстъ за десять отъ Матсмая, шествіе было встрѣчено однимъ изъ важныхъ чиновниковъ въ сопровожденіи Теске и отряда императорскихъ солдатъ. Чиновникъ держалъ себя величаво и помалчивалъ; а Теске принялся упрекать бѣглецовъ и сталъ ихъ обыскивать.

— Зачѣмъ это? сказалъ Головнинъ. Вѣдь ты знаешь, что у насъ ничего нѣтъ.

— Знаю, но такъ велитъ законъ...

Весь конвой переодѣлся въ парадное платье. Начальникъ въ богатомъ шелковомъ одѣяніи ѣхалъ верхомъ. Шелъ дождь и конвойные надѣли на себя плащи, но передъ городскими воротами ихъ словами шествіе торжественнымъ тихимъ шагомъ вошло въ городъ изъ чрезвычайномъ стеченіи народа. Всѣ зрители, по случаженные, были подъ зонтиками, что придавало всей картинѣ своеобразный видъ.

Шествіе двигалось въ такомъ порядкѣ: Впереди шли два проводника изъ обывателей съ деревянными жезлами въ рукахъ. За ними, гуськомъ, шло нѣсколько солдатъ съ ружьями на плечахъ. Потомъ вели плѣнниковъ тоже гуськомъ; около каждаго шло по два солдата. Начальникъ, верхомъ, замыкалъ шествіе. Онъ поглядывалъ по сторонамъ какъ побѣдитель, словно ожидая благодарности своихъ соотчичей.

Когда шествіе вошло во дворъ замка, съ плѣнниковъ сняли шапки, чего прежде не дѣлали. Затѣмъ ввели ихъ въ прихожую передъ пріемной залой, посадили на скамьи и накормили. Потомъ ввели въ судебную залу. Туда же привели Мура и Алексѣя и поставили въ сторонѣ. Чиновники разсѣлись по мѣстамъ.

Вошелъ буніосъ.

— Зачѣмъ вы отъ насъ ушли? спросилъ онъ прежнимъ ласковымъ голосомъ безъ малѣйшаго раздраженія.

— Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, заговорилъ Головнинъ, я долженъ заявить, что въ поступкѣ этомъ виноватъ я одинъ. Я принудилъ товарищей слѣдовать за мной, и они не смѣли ослушаться своего начальника, такъ какъ въ случаѣ возвращенія въ Россію имъ пришлось-бы дорого поплатиться за это. И потому, если заблагоразсудите, то лишите меня жизни, а товарищамъ моимъ не дѣлайте никакого вреда.

— О томъ, чтобъ лишить васъ жизни, вамъ просить нѣтъ никакой надобности. Если нужно васъ убить, то убьютъ и безъ

просьбы; а если не нужно, то сколько ни просите, все равно ничего не сдѣлаютъ. Зачѣмъ же вы ушли?

— Стосковались по родинѣ и пришли къ убѣжденію, что вы насъ не отпустите.

— Кто это вамъ сказалъ? Кажется, я не говорилъ ничего подобнаго.

— Распоряженія изъ столицы о встрѣчѣ русскихъ кораблей и приготовленія къ этой встрѣчѣ не предвѣщало ничего добраго.

— А вы откуда это знаете?

— Намъ сказалъ Теске.

Теске поблѣднѣлъ какъ полотно. Буніосъ заговорилъ съ нимъ по-японски, и Теске видимо струсилъ.

— Какимъ же образомъ вы предполагали добраться до отечества? продолжалъ спрашивать буніосъ. Вѣдь вы знали, что Матсмай островъ и островъ гористый.

— Мы хотѣли завладѣть лодкой и уплыть на Курильскіе острова или на Татарскій берегъ.

— Неужели вы думали, что японцы такъ глупы, что послѣ вашего ухода не распорядятся поставить караулъ у лодокъ?

— Мы надѣялись предупредить ихъ, или обмануть ихъ бдительность.

— Вы шли берегомъ и видѣли, что онъ густо заселенъ. Развѣ возможно, чтобъ жители допустили васъ завладѣть лодкой? Я нахожу поступокъ вашъ безразсуднымъ.

— Поступокъ нашъ отчаянный, но намъ не оставалось другого исхода. Намъ предстояла вѣчная неволя и смерть въ плѣну. Мы рѣшили попытать счастья. Еслибы мы умерли въ лѣсу, или въ морѣ, не все ли равно?

— Если вамъ такъ хотѣлось умереть, вы могли и здѣсь лишить себя жизни.

— Наша религія не позволяетъ намъ налагать на себя руки.

— А еслибъ вамъ удалось уйти, намъ всѣмъ пришлось бы распороть себѣ брюхо. Развѣ вы этого не знали?

— Они отлично это знали, вдругъ заявилъ молчавшій до тѣхъ поръ Муръ, но буніосъ не обратилъ на него вниманія. Муръ смутился и опустилъ голову.

— Еслибъ вы были японцы, продолжалъ буніосъ, то за уходъ изъ подъ караула жестоко поплатились бы. Но вы иностранцы, законовъ нашихъ не знаете. Вѣдь вы ушли не съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать японцамъ вредъ. Цѣль ваша была достигнуть своего отечества, которое всякій человѣкъ долженъ любить болѣе всего на свѣтѣ, а потому я по прежнему къ вамъ расположенъ. Я не могу ручаться, что на поступокъ вашъ также благосклонно посмотритъ правительство, но буду за васъ хлопотать. А теперь, по японскимъ законамъ, до рѣшенія вашего дѣла, матросы будутъ посажены въ настоящую тюрьму, а вы въ «инверари.»

Когда буніосъ вышелъ, офицеръ далъ знакъ солдатамъ вязать плѣнниковъ. Они поняли, что ихъ велѣно было вязать какъ чиновниковъ, а матросовъ какъ солдатъ. Вся разница состояла въ томъ, что чиновникамъ привязывали руки спереди, вдоль туловища, а солдатамъ скручивали ихъ назадъ. До тюрьмы пришлось идти съ версту. Шелъ дождь, но на улицахъ, по прежнему, стояла толпа любопытныхъ подъ зонтиками.

Городская тюрьма, окруженная двойнымъ заборомъ и валомъ съ рогатками, стояла на полугорѣ. Плѣнники могли любоваться на нее еще издали. Ихъ провели черезъ дворъ въ сарай, гдѣ стояли четыре клѣтки, одна другой меньше. Головнина помѣстили въ самую тѣсную, гдѣ царствовалъ полумракъ; Хлѣбникову дали клѣтку побольше; матросовъ помѣстили въ самую большую, всѣхъ вмѣстѣ. «Инверари», означало, что каждый заключенный имѣлъ свою клѣтку. Такъ дѣлалось въ знакъ уваженія къ заключеннымъ высшихъ ранговъ; но русскіе плѣнники вовсе

не считали этого милостью; они предпочли бы сидѣть вмѣстѣ. Впрочемъ клѣтки Головнина и Хлѣбникова находились рядомъ и они могли разговаривать.

У Хлѣбникова съ другой стороны былъ сосѣдомъ японецъ, который не замедлилъ вступить съ нимъ въ разговоръ. Русскіе, по врожденной способности къ языкамъ, научились уже кой какъ говорить по-японски. Это обстоятельство сильно скрашивало неволю. Знакомясь съ обычаями, съ бытомъ страны, хотя бы и черезъ передачу, они запасались впечатлѣніями, которыя оживляли ихъ безотрадную жизнь.

— Меня черезъ шесть дней выпустятъ, сказалъ японецъ; а васъ?

— Мы, должно быть, сгніемъ здѣсь, отвѣчалъ Хлѣбниковъ.

— Бѣдные, вы бѣдные! Ну, а кушали ли вы?

— Съ утра ничего не ѣли.

Японецъ подалъ Хлѣбникову кусокъ соленой рыбы, а тотъ подѣлился съ Головнинымъ. На голодный желудокъ эта пища показалась плѣнникамъ настоящимъ лакомствомъ. Уже поздно вечеромъ принесли заключеннымъ ужинъ: жидкой каши и два ломтика соленой рѣдьки. Потомъ сунули сквозь рѣшетку по грязному халату, загасили огонь и заперли дверь на замокъ. Часто среди ночи приходили караульные, осматривали плѣнниковъ и мѣшали имъ спать.

На слѣдующій день русскихъ опять повели къ буніосу. Въ присутственномъ залѣ офицерамъ развязывали руки, а матросамъ только ослабляли. Муръ и Алексѣй сидѣли отдѣльно и связаны не были.

Явился буніосъ и снова сталъ допрашивать плѣнниковъ. Замѣтивъ, что у Головнина болитъ нога, буніосъ велѣлъ подать ему стулъ, и Головнинъ сидѣлъ во все время допроса.

— Какъ понимаете вы свой поступокъ и считаете ли себя виновнымъ передъ японцами? спрашивалъ онъ Головнина.

— Японцы вынудили насъ прибѣгнуть къ побѣгу, отвѣчалъ Головнинъ. Они взяли насъ въ плѣнъ обманомъ, словамъ нашимъ не повѣрили и не принимали никакихъ мѣръ, чтобъ объясниться съ нашимъ правительствомъ. Поэтому я не считаю себя виновнымъ передъ японцами.»

Губернаторъ принялся оспаривать Головнина, доказывая, что такого объясненія онъ дать своему правительству не можетъ. Очевидно, ему хотѣлось, чтобъ русскіе признали себя виновными.

— Еслибъ мы были на равной ногѣ, продолжалъ Головнинъ, я съумѣлъ бы защищаться; но здѣсь, мы ваши плѣнники: бороться съ вами намъ не подъ силу; и потому, говорите, что хотите: объ одномъ прошу, чтобы вина пала на меня одного.

Лицо губернатора прояснилось. «Весьма похвально, сказалъ онъ, что вы, желая оправдать своихъ соотечественниковъ, берете вину на себя; но въ такомъ случаѣ повиновеніе вамъ можетъ оправдать только матросовъ. Хлѣбниковъ, какъ офицеръ, могъ понимать, что въ качествѣ плѣннаго вы ему больше не начальникъ.»

Муръ сталъ смѣяться и говорить, что матросы также это знали и что онъ, Муръ, отговаривалъ ихъ отъ побѣга.

— «Побойтесь Бога, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, не выдержалъ Шкаевъ. Какъ вамъ не совѣстно? Развѣ вы никогда не надѣетесь быть въ Россіи?

Когда стали допрашивать Хлѣбникова, онъ защищался такъ горячо, что японцы разсердились и стали говорить, что такихъ доводовъ нельзя представить ихъ правительству. Потомъ они перемѣнили тонъ и ласково стали уговаривать русскихъ признать себя виновными, увѣряя, что это имъ же послужитъ въ пользу. Офицеры уступили, и японцы остались очень довольны.

По выходѣ изъ судебной залы плѣнникамъ связали руки и прежнимъ порядкомъ проводили въ тюрьму. Въ клѣткахъ своихъ они нашли спальныя принадлежности и по новому ватному халату.

Тюрьму японцы содержали опрятно, и это отчасти примиряло съ нею заключенныхъ. Клѣтки и корридоры мели и чистили каждый день, платье выносили на воздухъ, выколачивали и провѣтривали. Кормили просто, но сытно. Каши давали столько, что офицеры не могли съѣдать и остатки отсылали матросамъ. Сначала работники охотно относили остатки матросамъ, но потомъ смотритель тюрьмы, изъ опасенія, чтобъ плѣнники не уморили себя голодомъ, запретилъ имъ это дѣлать. Кромѣ каши давали похлебку изъ морской капусты, или какой нибудь дикой зелени, подмѣшивая въ нее для вкуса квашенныхъ бобовъ; иногда прибавляли кусочки китоваго жира. Пили заключенные теплую воду, сколько хотѣли. Даже ночью, по первому требованію, работники безъ всякаго ропота вставали и приносили пить. Но для умыванья воды не давали; приходилось довольствоваться тѣмъ, что удавалось сберечь отъ питья. Гребней тоже не давали, а служила для всѣхъ одна гребенка съ короткими зубьями, вѣроятно изъ опасенія, чтобъ заключенные не сдѣлали себѣ вреда. Караульные обращались съ плѣнниками очень сурово, даже грубо, но легко было замѣтить, что грубость эта напускная. Многіе изъ нихъ старались услужить, чѣмъ могли. Въ особенности одинъ выказалъ много сердца: безпрестанно приносилъ онъ узникамъ какого нибудь гостинца и передавалъ потихоньку. Иногда говорилъ имъ, чтобы они спросили воды и оставили чашку. Дождавшись удобной минуты, онъ воду выливалъ, а чашку наполнялъ чаемъ.

Особенно трогательно было поведеніе солдата, начальника надъ внутреннею стражею въ ту ночь, когда плѣнники убѣжали. Онъ былъ разжалованъ въ работники (впослѣдствіи прощенъ) за недосмотръ. Небритая борода и волосы да блѣдное лицо единственно показывали грусть его. Въ обращеніи же съ плѣнниками онъ былъ вѣжливъ и услужливъ и при свиданіи съ ними не выразилъ и тѣни упрека.

Однажды ночью случилось землетрясеніе. Тюрьма задрожала; съ улицы доносились крики и смятеніе. Японцы вошли въ тюрьму съ фонарями и уговаривали плѣнниковъ не бояться землетрясенія, которое здѣсь не бываетъ опасно.

Въ другой разъ плѣнники были встревожены неистовыми криками, раздававшимися по сосѣдству: оказалось, что японца, содержавшагося рядомъ съ Хлѣбниковымъ, наказывали плетьми. Это былъ обыкновенный воръ, спеціальность котораго заключалась въ томъ, что онъ въ общественныхъ баняхъ воровалъ хорошее платье и подсовывалъ свое рубище. Преступленіе было не сложное; особыхъ усилій ума не требовалось, чтобъ подвести его подъ извѣстный разрядъ. Но при японской медлительности дѣло тянулось долго, бѣднягу безконечно томили въ тюрьмѣ. Наконецъ дали 25 ударовъ, три дня спустя еще 25 и, заклеймивъ руку выше локтя, отправили на Курильскіе острова.

Узнавъ, что наказываютъ японца, каждый изъ русскихъ невольно подумалъ: что, какъ и мнѣ тоже будетъ? Японцы словно угадали ихъ мысли. Въ тотъ же день плѣнниковъ посѣтилъ уголовный судья въ сопровожденіи чиновника и Кумаджеро. Онъ сообщилъ, что пришелъ по повелѣнію губернатора успокоить плѣнныхъ. Пусть они знаютъ, что имъ не угрожаетъ подобное наказаніе. По японскимъ законамъ, иностранцевъ нельзя наказывать тѣлесно. Исключеніе дѣлается только для тѣхъ, которые вздумали бы совращать японцевъ въ христіанство. Для подобныхъ людей законъ неумолимъ.

X.

29-го іюня прибылъ въ Матсмай новый губернаторъ, Ога-Саваро-Исено-Ками. Ему шелъ 75-ый годъ, но этихъ лѣтъ ему никакъ нельзя было дать. Онъ выглядѣлъ бодрымъ и по росту казался великаномъ въ сравненіи съ другими японцами, т. ч. тѣ смотрѣли на него какъ на чудо. Еще до прибытія его японцы говорили русскимъ: «Великанъ сюда ѣдетъ. Вотъ вы увидите, что и въ Японіи есть люди не меньше васъ ростомъ». Два дня спустя плѣнныхъ повели въ замокъ. Туда же привели Мура съ Алексѣемъ. Муръ подошелъ къ Головнину и сказалъ ему, чтобъ онъ ничего не боялся, что дѣла идутъ хорошо.

Черезъ полчаса вошли въ залу оба губернатора, каждый со своею свитою. Прежній губернаторъ представилъ плѣнниковъ новому, называя ихъ чины, имена и фамиліи, которыя нещадно перевиралъ. Новый привѣтливо кивалъ головою и объявилъ, что плѣнныхъ скоро переведутъ въ новое лучшее мѣсто и содержаніе улучшатъ. Послѣ этого оба губернатора вышли и плѣнниковъ отвели опять въ тюрьму.

Съ этого дня японцы совершенно измѣнили обращеніе съ плѣнниками: стали ласковы и снисходительны.

— Нашъ государь велѣлъ новому губернатору заботиться о вашемъ здоровьѣ, сообщилъ Теске. Васъ переведутъ въ тотъ домъ, который вы занимали до побѣга. Муръ и Алексѣй и теперь тамъ. Они умолили моихъ земляковъ помѣстить ихъ отъ васъ отдѣльно. Для нихъ дѣлаютъ новую пристройку; оттого дѣло и затянулось.

Теске, который навѣщалъ также и Мура, нерѣдко разсказывалъ о немъ.

— Онъ на васъ все наговариваетъ, будто вы пріятель Хвостова и что вамъ нельзя вѣрить, а я говорю: развѣ можно на товарищей поклёпы взводить, какъ тебѣ не стыдно? Все равно, говоритъ, я ужь измѣнилъ товарищамъ, и мнѣ въ Россію вернуться нельзя; оставьте меня у себя. Я ему сказалъ, что по японскимъ законамъ намъ принять иностранца не дозволяется. Съ тѣхъ поръ сталъ онъ грустить и плакать по цѣлымъ днямъ.

Недѣлю спустя плѣнниковъ снова повели въ замокъ. Опять явились оба губернатора.

— Разобравъ ваше дѣло, сказалъ новый буніосъ, я увидѣлъ, что вы ушли ради желанія возвратиться въ отечество и призналъ, что такого поступка нельзя вамъ поставить въ вину. Я надѣюсь, что вы этой попытки не повторите и будете терпѣливо ждать рѣшенія свыше. Какъ я, такъ и товарищъ мой, согласны обращаться съ вами по прежнему, дружески, и мы оба будемъ стараться о дозволеніи вамъ возвратиться въ отечество.

Въ ту же минуту спали съ заключенныхъ веревки. Они и не замѣтили, какъ солдаты, во время рѣчи губернатора, ихъ тихонько развязывали.

— Что до меня касается, прибавилъ прежній буніосъ, то я уже сказалъ вамъ, что не перемѣнилъ мнѣнія о васъ. Молитесь и надѣйтесь. Прощаюсь съ вами и желаю вамъ быть здоровыми.

Отсюда плѣнниковъ повели уже не въ тюрьму, а въ то жилище, которое они занимали до перевода въ домъ. Продовольствіе тоже улучшили; дали трубки и отличный табакъ. Чай находился постоянно на очагѣ. Кромѣ того дали гребенки, полотенца и даже полога отъ комаровъ, которыхъ было множество. Муръ и Алексѣй жили въ комнаткѣ съ особымъ ходомъ, пристроенной къ стѣнѣ.

Вскорѣ принесли книги, чернила и бумагу. Пользуясь этимъ, плѣнники вздумали учиться японскому языку и просили Кумад-

жеро написать азбуку. Но онъ объяснилъ, что для этого нужно разрѣшеніе начальства, т. к. японскіе законы запрещаютъ учить христіанъ читать и писать по-японски. Пришлось удовольствоваться составленіемъ лексикона японскихъ словъ съ обозначеніемъ произношенія по-русски.

Имѣя въ своемъ распоряженіи бумагу, Головнину захотѣлось составить записки о всемъ, что съ нимъ случилось. Для этого у него было прекрасное подспорье въ оригинальной памятной книжкѣ, которую онъ изобрѣлъ съ начала плѣна. Для каждаго дня завязывалъ онъ по узелку на ниткѣ; если случалось что нибудь пріятное, ввязывалъ бѣлую нитку изъ рубашки; если же непріятное, то черную шелковинку изъ шейнаго платка. По этой памятной книжкѣ легко было припомнить всѣ выдающіяся событія. Писалъ Головнинъ полусловами и знаками, примѣшивая иностранныя слова. Никто посторонній не могъ бы разобрать этой рукописи. Но чтобы труды его не пропали даромъ, Головнинъ носилъ свою рукопись около пояса въ длинномъ узкомъ мѣшечкѣ, сшитомъ изъ жилета.

Новый губернаторъ оказывалъ плѣнникамъ еще болѣе вниманія, чѣмъ его предмѣстникъ. Онъ приказалъ въ ихъ помѣщеніи открывать двери и окна, чтобы имъ не было душно; часто присылалъ свѣжіе плоды и однажды — цѣлый ужинъ со своего стола.

Случилось это въ половинѣ августа, когда у японцевъ бываетъ большой дѣтскій праздникъ, въ который всѣхъ мальчиковъ собираютъ въ замокъ, гдѣ они, въ присутствіи буніоса и сановниковъ поютъ, пляшутъ, борются и фехтуютъ на саблях. Потомъ ихъ угощаютъ ужиномъ и даютъ гостинцы. Дѣти допускаются безъ различія сословій, но они должны быть прилично одѣты. Но и такихъ дѣтей, болѣе или менѣе состоятельныхъ, набирается въ Матсмаѣ до полутора тысячъ. Дѣвочки въ праздникѣ не участвуютъ.

14 іюля уѣхалъ прежній губернаторъ и увезъ съ собою Теске въ качествѣ секретаря. Теске обѣщалъ писать и просилъ отвѣчать ему черезъ посредство Кумаджеро. Скорыхъ извѣстій ожидать было нельзя; въ то время не только желѣзныхъ, но и колесныхъ дорогъ не было. Переплывъ Тцынгарскій проливъ, нужно было проѣхать до столицы еще верстъ 800. Простые смертные совершали этотъ путь верхомъ, знатныя особы — на носилкахъ. Для этой цѣли сгоняли на станцію множество народу. Японскіе носильщики до того напрактикованы въ своемъ искусствѣ, что могутъ пронести на носилкахъ полный стаканъ воды, не расплескавъ его. При такихъ условіяхъ путь совершался приблизительно въ мѣсяцъ; скорѣе нельзя было и требовать.

Около этого времени могли придти въ японскія воды русскія суда. Заключенные часто разговаривали между собою объ этомъ. Они боялись, что японцы имъ ничего не скажутъ и они не будутъ знать, приходили ли русскія суда и сдѣлали ли что-нибудь для ихъ освобожденія.

Однажды принесли плѣнникамъ прекрасный обѣдъ, сервированный на подносахъ по японской модѣ. Удивленные, они спросили, не губернаторъ ли угощаетъ ихъ. Имъ отвѣтили, что ихъ угощаетъ богатый японецъ, только что выздоровѣвшій отъ опасной болѣзни. Такіе поступки, чисто христіанскаго характера, въ обычаѣ у японцевъ. Русскіе вспомнили, какъ на дорогѣ, однажды, совсѣмъ незнакомый японецъ угощалъ ихъ такимъ образомъ.

6-го сентября Мура и Головнина потребовали въ замокъ. Губернатора, который былъ боленъ, замѣнялъ другой важный чиновникъ. Плѣнникамъ показали два письма со шлюпа Діаны, писанныя 28-го августа. Въ одномъ изъ нихъ Рикордъ сообщалъ начальнику Кунашира, что, по волѣ Государя Императора, онъ привезъ спасшихся отъ кораблекрушенія на Камчатскій берегъ японцевъ. Слѣдовало изложеніе предыдущаго плаванія Діаны

и плѣненія Головнина. Затѣмъ онъ спрашивалъ, на какихъ условіяхъ плѣнные могутъ быть освобождены. Къ этому письму былъ приложенъ японскій переводъ.

Второе письмо было къ Головнину. Сообщая ему о перепискѣ съ японцами, Рикордъ просилъ увѣдомить его, живъ ли онъ. Въ случаѣ, если японцы не позволятъ ему писать, онъ просилъ, чтобы то мѣсто, на которомъ написано слово «живъ» надорвать и письмо возвратить посланному.

Было еще письмо къ Муру отъ товарища его, Рудакова. «Любезный другъ, мы всѣ здоровы, не знаемъ, какъ вы поживаете. Слѣдующимъ лѣтомъ придемъ за вами и не вернемся изъ Японіи, пока васъ не выпустятъ изъ плѣна».

Читая эти письма, Головнинъ былъ глубоко тронутъ, а Муръ плакалъ.

По просьбѣ японцевъ, письма были переведены дословно, и сняты съ нихъ копіи. Головнинъ попросилъ позволенія написать Рикорду хоть одну строку, что они живы. Ему отвѣчали, что безъ разрѣшенія изъ столицы этого сдѣлать нельзя; а такъ какъ губернаторъ теперь боленъ, то некому и писать въ столицу.

Вскорѣ разнесся слухъ, что губернаторъ умеръ. У японцевъ въ обычаѣ скрывать смерть всякаго чиновника, пока правительство не назначитъ ему преемника и не дастъ чина старшему его сыну, а буде нѣтъ сыновей, не окажетъ какой либо милости семейству, чтобъ утѣшить его въ горести. Впрочемъ, такая тайна сохраняется только оффиціально; частнымъ образомъ и потихоньку всѣ о ней говорятъ. Смерть губернатора очень опечалила плѣнниковъ, такъ какъ всѣ говорили, что онъ человѣкъ добрый.

Втеченіе января мѣсяца плѣнники получили нѣсколько писемъ отъ Теске и сами ему писали. Теске не скрывалъ, что дѣло объ освобожденіи идетъ туго; японское правительство не довѣряло русскому. Теске приводилъ извѣстную японскую пословицу:

«вѣромъ тумана не разгонишь»; иными словами, объясненія русскаго правительства не удовлетворяли японцевъ.

Если ужь Теске мало надѣялся, то чего же могли ожидать русскіе плѣнники! Прошелъ слухъ, что и губернатора прежняго, ихъ доброжелателя, отрѣшаютъ отъ должности. Съ новымъ опять придется вести нескончаемые разговоры, которые плѣнникамъ казались горше смерти.

Вскорѣ случился большой переполохъ: Головнинъ и Хлѣбниковъ, получая письма отъ Теске, жгли ихъ; Муръ этого не дѣлалъ и попался. Работникъ, доставившій ему письмо, имѣлъ неосторожность отдать его при караульномъ. Караульный донесъ. Отъ Мура отобрали всѣ письма и надъ всѣми плѣнниками усилили надзоръ. Обращеніе караульныхъ сдѣлалось снова суровымъ, а подчасъ и грубымъ. Но не объ этомъ сокрушались русскіе. Они страшно боялись, чтобы Теске не пострадалъ за свое доброжелательство къ нимъ.

Наконецъ, въ половинѣ февраля, Кумаджеро сказалъ офицерамъ по секрету, что ихъ дѣло рѣшено, но ни за что не хотѣлъ сообщить, въ чемъ состоитъ рѣшеніе. Тотъ, кто осмѣлился бы сказать объ этомъ до пріѣзда губернатора, подвергся бы жестокому наказанію. Лучше бы онъ совсѣмъ ничего не говорилъ, чѣмъ оставлять несчастныхъ въ мучительной неизвѣстности.

Нервы бѣднаго Хлѣбникова не выдержали. Онъ сдѣлался грустенъ и задумчивъ; почти не пилъ, не ѣлъ, и безсонница мучила его. Разстроенное воображеніе его сильно работало, представляя ему всякіе ужасы. По временамъ онъ успокаивался, но хандра не оставляла его до минуты освобожденія.

18-го марта прибылъ новый губернаторъ и съ нимъ Теске. Окончивъ дѣла по службѣ, не заходя даже домой, Теске прибѣжалъ повидать плѣнниковъ и принесъ имъ гостинцевъ. Онъ спѣшилъ утѣшить ихъ извѣстіемъ, что новому губернатору разрѣшено вступить въ сношенія съ русскими кораблями, почему не-

медленно будутъ разосланы гонцы во всѣ порты съ приказаніемъ не палить, когда корабли появятся у японскихъ береговъ. Все это устроилъ прежній губернаторъ, которому не малаго труда стоило побѣдить недовѣрчивость своихъ согражданъ. Когда съ его доводами не соглашались, ссылаясь, по обыкновенію, на законы, онъ сказалъ слѣдующія достопамятныя слова: «Солнце, луна и звѣзды, твореніе рукъ Божіихъ, въ теченіи своемъ непостоянны и подвержены перемѣнамъ; а японцы хотятъ, чтобы ихъ законы, составленные слабыми смертными, были вѣчны и непремѣнны. Такое желаніе смѣшно и безразсудно».

По мнѣнію Теске, ни одинъ изъ японскихъ вельможъ не осмѣлился бы сдѣлать правительству подобнаго представленія; но бывшій матсмайскій губернаторъ былъ извѣстенъ по своему уму и добродѣтелямъ и очень любимъ въ высшихъ сферахъ.

Теске сообщилъ, что губернаторъ получилъ повышеніе — сдѣланъ начальникомъ надъ казенными строеніями во всемъ государствѣ и будетъ жить въ столицѣ. Такимъ образомъ слухи о его опалѣ оказались ложными, и русскіе этому отъ души порадовались.

Теске такъ засидѣлся у плѣнниковъ, что отецъ его два раза присылалъ за нимъ. Однако, онъ ушелъ только тогда, когда убѣдился, что плѣнники совершенно успокоились.

Дней черезъ десять плѣнниковъ повели къ новому губернатору. Это былъ человѣкъ лѣтъ 35-ти, пріятной наружности, по происхожденію важнѣе двухъ прежнихъ. Буніосъ ласково принялъ плѣнниковъ, спросилъ объ ихъ здоровьѣ и отпустилъ.

Ожиданіе русскихъ судовъ сильно волновало заключенныхъ. Чѣмъ ближе было освобожденіе, тѣмъ сильнѣе одолѣвало ихъ нетерпѣніе. Головнинъ крѣпко боялся, чтобы при господствующихъ у береговъ Матсмая втеченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ вѣтровъ и бурь, русскія суда не потерпѣли крушенія. Онъ тщательно слѣдилъ за погодой и колебанія ея записывалъ.

Однажды Кумаджеро съ таинственнымъ видомъ сообщилъ офицерамъ, будто онъ видѣлъ сонъ, что скоро ихъ отпустятъ. Потомъ открылось, что это былъ не сонъ, а достовѣрное извѣстіе, привезенное чиновникомъ изъ столицы. Сообщалось о благородныхъ поступкахъ Рикорда, но въ чемъ они состояли, плѣнники узнать не могли.

19-го іюня пришелъ къ заключеннымъ одинъ японецъ и сообщилъ, что близъ Кунашира видѣли трехмачтовое судно; а 20-го получилось уже оффиціальное извѣстіе объ этомъ. На слѣдующій день переводчики спросили Головнина, кого изъ матросовъ желаетъ онъ послать на корабль.

— Для меня всѣ равны, отвѣчалъ Головнинъ. Пусть бросятъ жребій.

Жребій палъ на Симонова, но Головнинъ просилъ, чтобъ послали съ нимъ и Алексѣя.

Когда Муръ узналъ, что на корабль поѣдетъ не онъ, то страшно разсердился и сталъ угрожать, что погубитъ всѣхъ товарищей. Успокоившись немного, онъ заговорилъ другое: что японцы хотятъ де Рекорда заманить какъ и Головнина и что онъ, Муръ, хочетъ предупредить его.

Головнинъ давно уже убѣдился, что у Мура голова не въ порядкѣ и что онъ, просто, чудитъ, но изъ осторожности написалъ Рикорду предостереженіе, а Симоновъ зашилъ записочку въ фуфайку.

Между тѣмъ Муръ сталъ не на шутку заговариваться. Онъ увѣрялъ, что японцы сидятъ на крышѣ и попрекаютъ его за то, что онъ ѣстъ ихъ хлѣбъ и пьетъ ихъ кровь. Потомъ говорилъ, что японцы вмѣстѣ съ его товарищами по ночамъ совѣщаются какъ бы погубить его. Иногда онъ разсуждалъ довольно здраво, доказывая японцамъ, что по возвращеніи въ Россію онъ, какъ измѣнникъ, пойдетъ на каторгу, и что ему нѣтъ другого исхода, какъ остаться въ Японіи, хоть бы слугою у губернатора.

22-го іюня Головнина и Мура снова пригласили въ замокъ и показали письма, присланныя Рикордомъ съ Діаны. Первое было оффиціальное письмо въ миролюбивомъ духѣ относительно освобожденія плѣнныхъ; другое, частное письмо къ Головнину. Плѣнниковъ заставили перевести эти письма и отпустили.

24-го числа отправились на «Діану»: Кумаджеро, одинъ изъ важныхъ чиновниковъ, Сампей и Симоновъ съ Алексѣемъ. Съ самаго дня назначенія Симонова и до отъѣзда, Головнинъ твердилъ ему, что онъ долженъ сказать Рикорду. Казалось, онъ все понялъ, но по дорогѣ все перезабылъ и кромѣ нѣкоторыхъ несвязныхъ отрывковъ ничего не могъ пересказать.

Губернаторъ.

Наконецъ, 19-го іюля показали Головнину и Муру оффиціальное письмо Рикорда, въ которомъ говорилось, что «Діана» тотчасъ же уходитъ въ Охотскъ и въ сентябрѣ вернется съ бумагою, необходимою для освобожденія плѣнныхъ. Головнину Рикордъ писалъ тоже самое.

Когда вернулись Симоновъ и Алексѣй, ихъ закидали вопросами. «Пусть судитъ читатель, говоритъ Головнинъ, что должны мы были чувствовать, получивъ вѣсточку изъ «міра живыхъ». Два года ничего мы не слыхали ни объ Россіи, ни объ одной изъ просвѣщенныхъ странъ. Японія была для насъ міромъ со-

вершенно чуждымъ. Понятно, съ какой жадностью мы слушали товарищей нашихъ. Къ сожалѣнію, Симоновъ былъ человѣкъ неразвитой и неспособный передать что-либо толково.

— Ну, вотъ что, разсказывалъ Симоновъ. Французъ съ тремя земляками напалъ на насъ и былъ уже въ 60-ти верстахъ отъ Смоленска[1]). Тутъ задали мы ему добрую передрягу; нѣсколько тысячъ положили, пришелъ онъ, а остальные, значитъ, обще съ Бонапартомъ едва лизъ Кунашой.

— Да можетъ уже оффчтобъ французъ напалъ на русскихъ? возражали Симо переводчики

— Не знаю, они послъ говорили.

Подробностей Симоновъ никакихъ не съумѣлъ сообщить. Когда это было, кто предводительствовалъ — онъ все позабылъ.

Японцы узнали отъ голландскихъ купцовъ, что французы подступили къ Москвѣ, а русскіе сожгли ее, чтобъ она не досталась непріятелю. Заключенные не хотѣли вѣрить этимъ слухамъ.

Въ концѣ августа Кумаджеро сообщилъ плѣнникамъ по секрету, что ихъ скоро переведутъ въ домъ, который для нихъ отдѣлывается; 9-го ихъ повели къ губернатору. Здѣсь были въ сборѣ всѣ матсмайскія власти. Занявъ свое мѣсто, буніосъ вынулъ изъ-за пазухи бумагу и, прочитавъ ее, велѣлъ переводчикамъ перевести. Смыслъ бумаги былъ тотъ, что если русскій корабль придетъ въ Хакодате и привезетъ требуемый документъ, плѣнники тотчасъ же, безъ малѣйшихъ проволочекъ, будутъ выпущены на свободу. Буніосъ простился съ плѣнниками, пожелавъ имъ добраго здоровья, и сказалъ, что еще увидится съ ними въ Хакодате, куда предстоитъ имъ отправиться. Плѣнники благодарили его за доброе къ нимъ расположеніе.

Изъ замка повели плѣнниковъ уже не въ тюрьму, а въ хорошо

1) По отбытіи «Діаны» изъ Камчатки тамъ еще не знали о событіяхъ, случившихся послѣ сраженія подъ Смоленскомъ.

прибранный домъ, тотъ самый, въ которомъ они жили до побѣга. Только тогда онъ былъ раздѣленъ рѣшетками и мало чѣмъ отличался отъ тюрьмы; а теперь его устроили какъ слѣдуетъ. Лучшую комнату дали Головнину, другую Хлѣбникову и Муру, а третью матросамъ. Стража была безъ ружей и стрѣлъ и не торчала постоянно на глазахъ.

Японцы принесли матеріи, чтобы русскіе сшили себѣ костюмы. Офицерамъ дали прекрасной шелковой матеріи на верхъ и на подкладку; матросамъ — бумажной. Столъ сдѣлался несравненно лучше, кушанье подавали на лакированныхъ подносахъ нарядно одѣтые мальчики. Безпрестанно приходили разные чиновники, иногда съ женами и дѣтьми—проститься. Нѣкоторые оставляли, по японскому обычаю, билетики съ написаннымъ на нихъ привѣтствіемъ. Городской старшина (по нашему голова) принесъ на дорогу ящичекъ конфектъ. Русскіе дарили японцамъ книги и разныя вещицы, но тѣ отказывались, говоря, что безъ позволенія начальства ничего не могутъ взять отъ иностранцевъ.

По всему видно было, что японцы считаютъ теперь русскихъ скорѣе гостями, чѣмъ плѣнниками. Когда матросы, на радостяхъ, стали требовать водки больше положенной имъ порціи, умѣренные японцы сперва удивились, но потомъ приказали сообразоваться съ распоряженіями Головнина. Этимъ они признавали его начальникомъ матросовъ, чего прежде не было.

Губернаторъ нѣсколько разъ присылалъ русскимъ завтракъ и обѣдъ со своего стола и приказывалъ переводчикамъ хорошенько угощать ихъ.

Въ эту зиму офицеры еще больше сблизились съ Теске. Сближенію много способствовало обоюдное знаніе языка. Въ ожиданіи освобожденія, въ которомъ никто уже не сомнѣвался, Теске говорилъ съ русскими по пріятельски, откровенно отвѣчая на ихъ вопросы. Японцы народъ очень древній, о происхожденіи ихъ разсказывается въ народѣ множество легендъ. По мнѣнію уче-

ныхъ, японцы и курильцы происходятъ отъ одного корня, доказательствомъ чего служитъ сходство многихъ словъ, а также тождество легендъ и преданій. Мнѣніе о сродствѣ съ китайцами, Теске отвергалъ съ негодованіемъ. Японцы до такой степени презираютъ китайцевъ, что если хотятъ кого нибудь унизить, то говорятъ, что онъ настоящій китаецъ. Японцы увѣрены, что въ будущемъ имъ предстоитъ господствовать надъ китайцами.

«И я того же мнѣнія, говоритъ Головнинъ. Этотъ многочисленный народъ умный, проницательный, переимчивый, трудолюбивый, умѣренный, съ сильно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, ждетъ только Великаго Петра, чтобы занять первенствующее положеніе на Востокѣ».

Много интереснаго разсказывалъ Теске о различныхъ учрежденіяхъ Японіи. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ орденъ слѣпыхъ, правильно организованное общество, находящееся подъ покровительствомъ правительства. Всѣ служащіе въ этомъ обществѣ выбираются изъ слѣпыхъ. Начальникъ, или князь, тоже слѣпой, руководитъ дѣлами общества, имѣющаго развѣтвленія по всей странѣ. Слѣпцы обучаются ремесламъ и зарабатываютъ себѣ пропитаніе. Но какъ ни интересно было общество Теске и образованныхъ японцевъ, плѣнники рвались на волю; и чѣмъ ближе становилась минута освобожденія, тѣмъ сильнѣе разгоралось ихъ нетерпѣніе. Наконецъ наступило 30-е августа и русскіе отправились изъ Матсмая. Множество народа сбѣжалось смотрѣть на нихъ. Лица были привѣтливыя, веселыя. Видно было, что всѣ непритворно радуются освобожденію плѣнниковъ. По городу плѣнниковъ вели церемоніальнымъ маршемъ, но за городомъ имъ дали свободу; всякій могъ идти, или ѣхать. Начальникъ конвоя держалъ себя съ русскими какъ добрый знакомый, угощалъ ихъ табакомъ, на привалахъ садился съ ними рядомъ и бесѣдовалъ. На одномъ привалѣ русскіе сообщили Теске, провожавшему ихъ, что день выхода ихъ изъ плѣна и въ другомъ

отношеніи знаменательный день—тезоименитство Государя. Конвойный начальникъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ подать хорошей саги, и японцы, вмѣстѣ съ русскими, пили за здоровье русскаго Императора.

2-го сентября вошли русскіе въ Хакодате, при большомъ стеченіи народа. Ихъ помѣстили въ хорошенькій домикъ съ галлереею, выходящею въ садъ. Къ сожалѣнію, галлерея была забита щитами, недоходившими до верху на полъаршина; только сверху проникалъ слабый свѣтъ; другихъ же оконъ въ домѣ не было, такъ что онъ скорѣй походилъ на тюрьму, чѣмъ на обыкновенное жилище. Однако, дня черезъ два, по просьбѣ плѣнниковъ, щиты были сняты, и они могли наслаждаться свѣтомъ и воздухомъ. Кормили ихъ прекрасно, и за часъ до обѣда, по японскому обычаю, подавали десертъ: яблоки, груши или конфеты; въ числѣ послѣднихъ нерѣдко попадался обсахаренный перецъ, до котораго японцы большіе охотники. Вообще же, японцы въ пищѣ умѣренны, въ особенности въ дорогѣ они ѣдятъ поразительно мало.

Черезъ нѣсколько дней навѣстилъ русскихъ начальникъ города. Онъ очень извинялся за тѣсное помѣщеніе. — «Ожидаемъ буніоса и съ нимъ большой штатъ, объяснялъ онъ. Лучшіе дома отведены для нихъ. Вамъ предстоитъ пробыть здѣсь не долго. Если же, паче чаянія, судно ваше не придетъ, васъ на зиму переведутъ въ лучшее помѣщеніе».

Судно не придетъ! Отъ одной этой мысли у бѣдныхъ плѣнниковъ кровь застывала въ жилахъ.

Пріѣхалъ въ Хакодате кунаширскій начальникъ; тотъ самый, который тамъ былъ въ оба пріѣзда Рикорда, и тоже сдѣлалъ визитъ офицерамъ. Онъ былъ очень любезенъ и поздравилъ ихъ съ скорымъ возвращеніемъ на родину.

Послѣ его ухода Теске разсказалъ русскимъ, какъ этотъ господинъ обманулъ Рикорда, сказавъ, что плѣнники убиты. По мнѣнію Теске, онъ не имѣлъ никакого права выдумывать такія

небылицы. Еслибъ изъ-за этого возгорѣлась война, онъ поплатился бы жизнью, но и теперь его дерзкая продѣлка не сойдетъ ему съ рукъ безнаказанно. Князь Намбукскій, въ области котораго находится Кунаширъ, будетъ судить этого лжеца.

Однажды ночью случился большой переполохъ; загорѣлся сосѣдній домъ. Караульные начали было выносить вещи, но пришли переводчики, а потомъ и начальникъ ихъ, чтобъ успокоить плѣнниковъ. Дѣйствительно, сгорѣлъ только одинъ домъ съ магазиномъ и дальше пожару не дали распространиться. — Экій бѣдняга, этотъ купецъ! говорили потомъ переводчики. Лѣтомъ у него сгорѣлъ магазинъ, а теперь—магазинъ и домъ. Видно, поджигаютъ. А вѣдь попадись такой злодѣй, ему не сдобровать. У насъ за поджигательство жестокое наказаніе. Выведутъ преступника за городъ, привяжутъ къ столбу, раздѣтаго, а кругомъ него, на нѣкоторомъ разстояніи разложатъ дрова и зажгутъ; такъ что онъ не горитъ, а жарится. Страшно мучительная смерть! А вотъ находятся же отчаянные!

Пожарное платье японцевъ состоитъ изъ лакированной кожи. Японскій лакъ такъ проченъ, что отъ жара не трескается, притомъ такое платье легко, и не стѣсняетъ движеній. Пожарныхъ командъ въ городахъ нѣсколько. Погасить пожаръ считается славнымъ дѣломъ и потому никто не имѣетъ права становиться другому поперекъ дороги. Начальникъ первой прибывшей команды выставляетъ свое знамя, и никто уже изъ прибывшихъ послѣ не смѣетъ гасить огня, пока онъ самъ не потребуетъ помощи. Самовольное вмѣшательство считается величайшей обидой, которая ведетъ за собой ссоры, а нерѣдко и поединки.

XI.

Рикордъ, между тѣмъ, съ перваго же дня плѣненія Головнина и товарищей сталъ энергично хлопотать о ихъ освобожденіи. Съ этой цѣлью онъ, немедленно по возвращеніи въ Охотскъ, поѣхалъ въ Иркутскъ, надѣясь исходатайствовать разрѣшеніе, съ открытіемъ навигаціи, идти на выручку товарищей. По тогдашнимъ дорогамъ передвиженіе дѣлалось медленно, такъ что съ величайшимъ усиліемъ, не жалѣя себя, Рикордъ совершилъ этотъ переѣздъ въ 56 дней; 3000 верстъ проѣхалъ онъ верхомъ. «Долженъ признаться, говоритъ онъ, что эта сухопутная кампанія была для меня труднѣе всѣхъ совершенныхъ мною кампаній. Вертикальная тряска на лошади для моряка, привыкшаго носиться по плавнымъ волнамъ, мучительнѣе всего на свѣтѣ. Якутскія лошади, вообще, не подковываются и путнику приходится глядѣть въ оба, если онъ не хочетъ сломать себѣ шеи. Со мной едва не случилось послѣдняго: я зазѣвался, лошадь поскользнулась и я, не успѣвъ освободить ноги изъ стремянъ, покатился съ лошадью по косогору. Счастливо еще отдѣлался, повредивъ только ногу».

Въ Иркутскѣ Рикорду сказали, что предполагается снарядить ученую экспедицію въ Японію, къ которой онъ можетъ примкнуть для своихъ цѣлей. Убѣжденный, что ученая экспедиція не успѣетъ снарядиться къ предстоящей навигаціи, Рикордъ попросилъ разрѣшенія описать южные Курильскіе острова, по пути зайти на Кунаширъ и постараться узнать объ участи товарищей.

Въ Иркутскѣ проживалъ японецъ Леонзаймо, захваченный Хвостовымъ и еще шесть японцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе у Камчатскихъ береговъ. Рикордъ сблизился съ Леонзаймо и постарался втолковать ему, что Хвостовъ дѣйствовалъ само-

вольно и разрѣшенія правительства не имѣлъ; что напротивъ того, русскіе питаютъ къ японцамъ какъ къ ближайшимъ своимъ сосѣдямъ дружескія чувства и желаютъ вступить съ ними въ сношеніе.

Замѣчательно, что крушеніе японскаго судна случилось какъ разъ въ тотъ годъ, когда японцы схватили Головнина; и число японцевъ равнялось числу русскихъ, попавшихъ въ плѣнъ. Рикордъ задумалъ взять съ собой японцевъ, чтобъ размѣнять ихъ на русскихъ. Онъ особенно разсчитывалъ на Леонзаймо, какъ на человѣка болѣе развитого. Остальные были простые матросы.

29-го іюля шлюпъ вступилъ подъ паруса; его сопровождалъ бригъ «Зотикъ». Претерпѣвъ сильную бурю, суда прибыли къ Кунаширу 21-го августа. Во время плаванія, Рикордъ обращался съ Леонзаймо самымъ дружескимъ образомъ и вполнѣ разсчитывалъ, на расположеніе японца къ нему и къ русскимъ. Написавъ письмо къ Кунаширскому начальнику объ освобожденіи плѣнныхъ, онъ поручилъ Леонзаймо перевести его. Въ день прибытія на Кунаширъ, Рикордъ пригласилъ Леонзаймо къ себѣ въ каюту и спросилъ переводъ. Леонзаймо представилъ ему мелкоисписанный листъ бумаги.

— Развѣ это все то, что заключалось въ моемъ письмѣ? спросилъ Рикордъ.

— Нѣтъ; тутъ также о крушеніи японскаго судна и о моихъ приключеніяхъ, отвѣчалъ Леонзаймо.

Опасаясь, чтобы японецъ не нагородилъ чего либо дурного о Россіи, Рикордъ сказалъ:

— Надо послать только ту часть, гдѣ говорится о цѣли моего прихода; а съ остального сними копію и пошлемъ послѣ.

— Тогда я лучше все изломаю! въ сердцахъ крикнулъ японецъ и, схвативъ ножъ, разрѣзалъ конецъ письма на мелкіе куски, забилъ въ ротъ и, пожевавъ, проглотилъ.

Этотъ случай показалъ Рикорду, какъ мало довѣрія заслу-

живаетъ Леонзаймо. Понимая немного по-японски, онъ сталъ разбирать первую часть письма и, убѣдившись, что тамъ говорится дѣйствительно о Головнинѣ, послалъ это письмо съ однимъ изъ японцевъ къ кунаширскому начальнику и велѣлъ ему принести отвѣтъ. Японецъ не вернулся. Трое сутокъ прождали его моряки и тѣмъ временемъ приготовляли шлюпъ къ бою. Напряженное состояніе Рикорда было крайне мучительно. «Я мучился мыслью, говоритъ онъ, что другой на моемъ мѣстѣ придумалъ бы средство освободить Головнина. Голова моя трещала отъ множества осаждавшихъ ее мыслей. Наконецъ я рѣшился прибѣгнуть къ помощи Всевышняго, прося его вдохновить и научить меня».

Убѣдившись, что японецъ не вернется, Рикордъ послалъ людей на берегъ наливаться водою и съ ними другого японца съ запиской, въ которой объяснялъ, зачѣмъ гребное судно пошло къ берегу. Леонзаймо отказался перевести записку, и Рикордъ, на сколько умѣлъ, объяснилъ ея содержаніе японцу.

На слѣдующій день японецъ вернулся. Онъ сообщилъ, что у крѣпостныхъ воротъ разговаривалъ съ нимъ чиновникъ и узнавъ цѣль его прихода, сказалъ: «вода пускай бери, а ты пошелъ назадъ». Записки не принялъ. Бѣдный японецъ не могъ даже поговорить со своими соотечественниками, которые, увидѣвъ грозный пріемъ начальника, не посмѣли къ нему подойти.

Прошелъ еще томительный день; на берегу, казалось все вымерло. Наступило воскресенье. Леонзаймо обѣдалъ за офицерскимъ столомъ. Разсуждали о странномъ поведеніи японскаго начальника. Рикордъ горячился, называя японцевъ дикарями и глупцами.

— Какъ ума нѣтъ? возразилъ Леонзаймо. Отвѣчай то умъ есть, не отвѣчай то умъ есть; это шибко мудрено. Вы сказывай: японскій начальникъ, возьми съ разбитаго судна японцевъ, давай Головнинъ, а что дѣлай Хвостовъ, ничего не говори. Это что станетъ начальникъ отвѣчай? Ничего; я думаю такъ.

— А вѣдь онъ правду говоритъ, господа, обратился Рикордъ къ офицерамъ. Наше правительство смотритъ на поступокъ Хвостова какъ на пустяшное дѣло, а японцы видятъ въ немъ открытіе непріязненныхъ дѣйствій. Вѣдь наши японцы въ одинъ голосъ говорятъ, что Хвостова приняли за командира Императорскаго судна, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, купеческое судно не можетъ имѣть ни пушекъ, ни оружія. Отпустить развѣ Леонзаймо? Можетъ быть, онъ, какъ человѣкъ цивилизованный, съумѣетъ лучше уговорить своихъ соотечественниковъ, а они съ своей стороны не будутъ обращаться съ нимъ такъ презрительно, какъ съ простыми японцами, которыхъ прогоняли, даже не выслушавъ.

Офицеры согласились съ этимъ мнѣніемъ.

Объявивъ Леонзаймо о своемъ рѣшеніи, Рикордъ прибавилъ, что отпуская его, онъ рискуетъ потерять въ немъ значительнаго человѣка и единственнаго переводчика. Леонзаймо далъ клятву, что вернется, если Рикордъ обѣщаетъ отпустить его даже въ томъ случаѣ, если онъ привезетъ объ участи русскихъ дурныя вѣсти.

— Обѣщаю, и ты можешь мнѣ вѣрить, сказалъ Рикордъ. Я тебѣ тоже вѣрю. Но можешь ли ты поручиться, что японскій начальникъ не задержитъ тебя?

— Этого я не знаю, отвѣчалъ онъ. Можетъ быть, и задержитъ. Мнѣ же надо держаться середины, чтобы васъ не сдѣлать виновнымъ и также своего начальника. У меня жена и дѣти; если я сдѣлаю что-нибудь худо, ихъ убьютъ.

— Если такъ, то ты не поѣдешь. Пиши письмо къ роднымъ; завтра мы уходимъ.

— Хорошо, заговорилъ Леонзаймо на своеобразномъ русскомъ языкѣ. Я буду писать только, что меня больше не дожидайся; пойду въ Россію умирать. Другой разъ въ море не пойду; чисто не пойду; это все равно меня убей. Теперь надобно конца. Я старъ, болѣ 10 лѣтъ не проживу. Новый годъ ходи сюда, все

тако будетъ; опять ступай назадъ. Нѣтъ, чисто не пойду. Въ Россіи корми то хорошо; не корми—умирай; какъ быть!

Онъ говорилъ раздражительно, почти крикомъ, но Рикордъ не сердился. Онъ понималъ, что не легко было бѣднягѣ, протомившемуся шесть лѣтъ въ неволѣ, очутиться у родного берега, и не ступивъ на него, снова вернуться въ неволю. Могъ ли онъ послѣ этого надѣяться когда-либо свидѣться съ семьей. Честный и добрый Рикордъ поставилъ себя въ положеніе Леонзаймо и безповоротно рѣшился отпустить его.

— Хорошо, сказалъ онъ; я отпущу тебя и съ тобой одного японца. Я дамъ тебѣ три записки. На одной будетъ написано: Головнинъ живъ; на другой—умеръ; на третьей—въ Матсмаѣ, Іеддо, Нангасаки. Если тебѣ удастся что-либо узнать о немъ, и тебя задержатъ противъ воли, пошли съ японцемъ ту записку, которая соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, а остальныя разорви.

Нарядившись въ японскій халатъ, Леонзаймо пришелъ въ капитанскую каюту. Замѣтивъ, что у него халатъ на груди оттопыривается, Рикордъ спросилъ, что тамъ такое? «Тако, книги», отвѣчалъ Леонзаймо. Это показалось Рикорду подозрительнымъ.

— Зачѣмъ тебѣ брать книги? сказалъ онъ. Вѣдь ты вернешься. Оставь ихъ.

Леонзаймо вынулъ изъ за-пазухи тетради и въ сердцахъ швырнулъ ихъ въ море.

— Не надо; это никто не смотри.

Такой наглый поступокъ возмутилъ Рикорда. Онъ хотѣлъ, было, удержать Леонзаймо, но такъ какъ все уже было готово къ его отплытію, онъ все-таки отпустилъ его, сказавъ на прощанье:

— По настоящему, ты не заслуживаешь довѣрія, но я уже обѣщалъ и исполняю. Ждемъ тебя завтра.

Рикордъ былъ увѣренъ, что Леонзаймо не вернется, но онъ ошибся. Леонзаймо вернулся на слѣдующій день. Весь экипажъ

ожидалъ его на шканцахъ. «Здравствуй, добрый человѣкъ; какія вѣсти? живы ли наши товарищи?»

— Пойдемте въ каюту, сказалъ Рикорду Леонзаймо, принявъ многозначительный видъ.

Встревоженный Рикордъ поспѣшилъ спуститься съ нимъ въ каюту.

— Вы не забыли обѣщанія отпустить меня, какія бы вѣсти я не принесъ? началъ Леонзаймо.

— Худо ли, хорошо ли, я тебя держать не стану, подтвердилъ Рикордъ.

Тогда Леонзаймо низко поклонился и принялъ такой мрачный видъ, что у Рикорда кровь застыла въ жилахъ.

— Начальникъ сказывай, началъ онъ, что всѣ русскіе убей прошлый годъ; «ступай насъ бей, мы жизни не жалѣемъ».

Услыхавъ эту ужасную вѣсть, Рикордъ бросился наверхъ, собралъ команду, объявилъ ей въ чемъ дѣло и прибавилъ, что хотя онъ и не имѣетъ приказанія отъ начальства на открытіе противъ японцевъ враждебныхъ дѣйствій, но въ виду такого неслыханнаго злодѣйства, беретъ всю отвѣтственность на себя и рѣшается мстить.

— Рады жизнію жертвовать! закричали всѣ въ одинъ голосъ.

Шлюпъ начали приводить въ боевую готовность. Тѣмъ временемъ Рикордъ немного успокоился и, обдумавъ свое положеніе, пришелъ къ убѣжденію, что вѣрить однимъ словеснымъ показаніямъ онъ не имѣетъ права. Онъ призвалъ Леонзаймо съ японцами и сказалъ:

— Я открываю непріятельскія дѣйствія; что же до васъ касается, я дамъ вамъ шлюпку и провизіи, чтобъ вы не оставались на обстрѣливаемомъ островѣ, а могли добраться до Матсмая. Отъ тебя же, Леонзаймо, я требую за это, чтобы ты сперва отправился въ крѣпость и принесъ мнѣ письменное удостовѣреніе въ томъ, что наши товарищи перебиты.

Японцы, пораженные такимъ великодушіемъ, бросились на колѣни передъ командиромъ и пали ницъ. Узнавъ объ умерщвленіи русскихъ, они увѣрены были, что ихъ ожидаетъ та же участь. Поступокъ Рикорда произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе. Леонзаймо далъ слово все исполнить, если это отъ него будетъ зависѣть, и во всякомъ случаѣ побывать на шлюпѣ.

Этотъ Леонзаймо оказался потомъ лгуномъ и предателемъ. Отпущенный Рикордомъ на свободу, онъ всячески чернилъ русскихъ и завѣдомо говорилъ ложь. Онъ увѣрялъ, что Россія ополчается противъ Японіи, и теперешніе миролюбивые поступки совершаются только для отвода глазъ. Онъ соглашался, что Хвостовъ и Давыдовъ были судимы, но за что — онъ не знаетъ; можетъ быть, за то, что привезли мало плѣнныхъ и добычи. Онъ увѣренъ, что эти офицеры дѣйствовали не по своей волѣ, а по приказанію правительства.

Кромѣ того Леонзаймо, сказавшійся купцомъ, былъ вовсе не купецъ, а простой работникъ, надсмотрщикъ надъ рыбною ловлею. Звали его не Леонзаймо, а Гордзій. Узнавъ, что онъ перемѣнилъ имя, японцы смѣялись надъ нимъ.

«Диви-бы ты былъ знатное лицо, говорили они, такъ еще понятно. Стыдно знатному японцу очутиться въ плѣну. А то — работникъ... велика птица»!

Отпустивъ японцевъ, Рикордъ сталъ спѣшить приготовленіями къ бою. Всѣ горѣли желаніемъ отмстить за товарищей и работали усердно.

Между тѣмъ на морѣ показалась идущая къ берегу японская байдара. Рѣшившись непріятельски дѣйствовать противъ японцевъ, Рикордъ отрядилъ лейтенанта Рудакова на вооруженномъ баркасѣ овладѣть байдарой безъ пролитія крови. Замѣтивъ преслѣдованіе, бывшіе на суднѣ японцы бросились въ воду и вплавь достигли берега. Русскіе тоже выскочили на берегъ и принялись ловить прятавшихся въ густой травѣ японцевъ. Поймавъ двухъ

японцевъ и курильца съ женою, послѣднюю тотчасъ же отпустили, а трехъ мущинъ привезли на шлюпъ.

Во время погони за судномъ, японцы на островѣ вышли изъ воротъ селенія и имѣли удовольствіе видѣть, какъ русскіе пробуксировали къ шлюпу байдару, свой первый военный трофей.

Съѣздивъ на «Зотикъ» и сдѣлавъ распоряженія на случай боя, Рикордъ сѣлъ писать рапортъ, какъ вдругъ его извѣстили, что въ заливъ идетъ большое японское судно. Успѣхъ съ байдарой придалъ Рикорду бодрости и онъ рѣшился овладѣть японскимъ судномъ. Онъ надѣялся, что ему удастся узнать что-нибудь о товарищахъ, такъ какъ чѣмъ больше онъ вдумывался, тѣмъ менѣе вѣрилъ словамъ Леонзаймо, что они убиты.

Осторожность, съ которою дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ Рикордъ, не смотря на бурю, бушевавшую въ душѣ его, достойна высокой похвалы. Еслибъ онъ, увлеченный желаніемъ отмстить, напалъ на японское селеніе, онъ не только ничего не узналъ бы о товарищахъ, но, весьма вѣроятно, сталъ бы причиною ихъ гибели.

Поэтому онъ очень встревожился, когда услыхалъ, что съ байдары, посланной для захвата японскаго судна, стали палить. Пальба эта, къ счастію, не причинила никому вреда, но японскіе матросы перепугались, стали бросаться въ воду и шестеро утонуло.

Штурманъ Средній, командовавшій байдарою, донесъ, что на японскомъ суднѣ 60 человѣкъ японцевъ и начальникъ ихъ. Этого начальника Рикордъ тотчасъ велѣлъ привезти къ себѣ.

Японецъ явился и, какъ побѣжденный, опустился на колѣни, склонивъ голову. Рикордъ его поднялъ, посадилъ возлѣ себя и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ по-японски, съ помощью мимики. Японецъ отвѣчалъ тихо, поясняя слова жестами. Выяснилось, что онъ именитый купецъ изъ города Осаки на Нипонѣ, ходитъ во всѣ гавани по своимъ коммерческимъ дѣламъ; имя его Такатай-Кахи.

Такатай-Кахи разсказывалъ, что когда матросы, нападая на судно, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, его матросы, въ испугѣ, начали бросаться за бортъ и шестеро утонуло. Затѣмъ русскіе, взойдя на судно, всѣхъ перевязали; и его хотѣли вязать, но узнавъ, что онъ начальникъ, оставили.

Когда Рикордъ сообщилъ японцу причину непріязненныхъ дѣйствій, тотъ воскликнулъ:

— Какже? Капитанъ Муро въ Матсмаѣ; и потомъ на пальцахъ показалъ, что русскихъ тамъ шесть человѣкъ.

— Какой быстрый переходъ отъ горя къ радости! говоритъ Рикордъ. Я готовъ былъ броситься на шею японцу и расцѣловать его. Не даромъ тайный голосъ нашептывалъ мнѣ, что не слѣдуетъ вѣрить Леонзаймо. Не былъ ли это съ его стороны зрѣло обдуманный вѣроломный планъ? Онъ скажетъ, что наши товарищи убиты, мы начнемъ громить японцевъ. Японцы, взбѣшенные нашими дѣйствіями, убьютъ русскихъ плѣнниковъ и такимъ образомъ будутъ отмщены за безчинства Хвостова, отъ которыхъ такъ много пострадалъ Леонзаймо. Я сообщилъ свои предположенія Такатай-Кахи, который казался вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ. Эту вѣсть выдумалъ не Леонзаймо, а начальникъ Кунашира, который хотѣлъ поразить васъ въ самое сердце.

Кровь бросилась въ голову честному Рикорду. Онъ мысленно представилъ себѣ сцену, какъ онъ палитъ въ японцевъ каленными ядрами, потомъ, высадившись на берегъ, бросается на японское селеніе. Сколько русскихъ пало бы въ этой битвѣ—сказать трудно, но плѣнники навѣрно были бы убиты. Разгоряченному воображенію моряка мерещились окровавленные призраки товарищей, укоряющихъ его за свою смерть. Само небо послало японское судно и почтеннаго Такатая, чтобъ предупредить поступокъ, который могъ имѣть такія ужасныя послѣдствія.

Рикордъ чрезвычайно сокрушался о потонувшихъ во время абордажа японцахъ, но совѣсть не укоряла его; японцы сами были виноваты. Онъ поспѣшилъ съ Такатаемъ на японское судно и велѣлъ развязать матросовъ. По приглашенію Такатая, Рикордъ пошелъ въ его каюту, просто, но опрятно убранную. Кромѣ божницы съ золотыми идольчиками, никакихъ украшеній въ каютѣ не было. Такатай сѣлъ подъ божницей и посадилъ Рикорда возлѣ себя. Вся команда сошла внизъ и встала полукругомъ на колѣни. Подали чай безъ сахару и разныхъ лакомствъ. Такатай ѣлъ съ большимъ аппетитомъ вареный рисъ, смачивая его чаемъ.

Рикордъ попросилъ Такатая написать кунаширскому начальнику письмо съ просьбой прислать Леонзаймо, чтобы онъ могъ служить переводчикомъ. Такатай попросилъ разрѣшенія написать также своимъ роднымъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ очень скоро, онъ сталъ выбирать по жребію гребцовъ на шлюпку; съ ними же просилъ позволенія отправить и жену свою. Тутъ только Рикордъ замѣтилъ сидѣвшую въ углу фигурку, которую онъ принялъ за мальчика. По костюму г-жа Такатай ничѣмъ не отличалась отъ своего супруга.

Желая разглядѣть хорошенько японскую даму, Рикордъ спросилъ Такатая, не хочетъ ли его жена посмотрѣть русское судно. Японка улыбкой изъявила свое согласіе. Она тотчасъ же пошла наряжаться и вскорѣ явилась въ полномъ уборѣ. На ней было надѣто, поверхъ расшитой рубахи пять шелковыхъ кофтъ различныхъ цвѣтомъ, очень низко подвязанныхъ шарфами; верхняя кофта была черная. Волосы, уснащенные свѣтящеюся помадою, собраны были на маковкѣ въ пышный пучекъ и сбоку заколоты гребенкою. Лицомъ японка была бы не дурна, еслибъ не зубы, нарочно вычерненные. Говорила она томно и жеманно. Прежде чѣмъ войти въ капитанскую каюту, она хотѣла снять башмаки, но любезный хозяинъ не допустилъ ея до этого. Тогда она склонила голову, положивъ на нее руки ладонями вверхъ. Рикордъ

подалъ ей руку, которую она крѣпко пожала. По приглашенію хозяина, японская дама сѣла въ кресло, но тотчасъ же встала и начала все разсматривать съ большимъ любопытствомъ. Встрѣтивъ на палубѣ юнгу, хорошенькаго мальчика лѣтъ девяти, японка потрепала его по щекѣ.

Послѣ отъѣзда жены Такатая, Рикордъ съ помощью лексикона объяснилъ ему, что оставляетъ его заложникомъ и везетъ въ Россію. Такатай не только съ необычайной стойкостью принялъ это извѣстіе, но еще напустилъ на себя неумѣстную веселость.

Семейная сцена.

Выбѣжавъ на палубу, онъ дѣлалъ смѣшныя тѣлодвиженія и размахивая руками кричалъ: «Я теперь русскій! Я добровольно иду въ Россію»!

Впослѣдствіи, познакомившись съ Такатаемъ поближе, Рикордъ узналъ, что вся эта комедія была продѣлана, чтобъ сохранить свое достоинство. По японскимъ понятіямъ, японецъ, не унижая себя, не можетъ подвергнуться насилію. Онъ, или долженъ распороть себѣ брюхо, или объявить, что сдается добровольно.

Рикордъ рѣшился оставить еще четырехъ матросовъ, но изъ

деликатности, сказалъ своему плѣннику, что онъ это дѣлаетъ для того, чтобы у него была своя прислуга. Такатай крѣпко упрашивалъ капитана не брать японцевъ.

— Мои матросы глупы, говорилъ онъ и боятся русскихъ. Я же увѣренъ, что со мною будутъ хорошо обращаться и легко могу обойтись безъ моихъ людей. Я вѣдь охотно иду въ Россію.

Такое противодѣйствіе показалось Рикорду подозрительнымъ. Онъ уже давно извѣрился въ честность японцевъ и ему думалось, не обманываетъ ли его Такатай относительно того, что товарищи живы.

— Нѣтъ, я долженъ взять матросовъ, рѣшительно объявилъ онъ. Но предоставляю тебѣ [illegible] выбрать.

— Хорошо, сказалъ Татай попросил[illegible]ежней гордо-спокойной осанкой. Поѣдемте со мною на [illegible] выберу четырехъ человѣкъ.

Пріѣхавъ на судно Такатай и Рикордъ сошли въ каюту и сѣли на прежнія мѣста. Собравъ команду, Такатай сталъ говорить рѣчь, длившуюся съ полчаса. Недостаточно владѣя японскимъ языкомъ, Рикордъ все-таки понималъ, что говорится о немъ и о его рѣшеніи. Всѣ японцы плакали. Такатай долго крѣпился, но подъ конецъ и на его большихъ голубыхъ глазахъ показались слезы. Рикордъ, глядя на эту сцену, былъ очень тронутъ.

Къ полудню перевезли на шлюпъ четырехъ японцевъ и продовольствіе для нихъ: 100 пуд. лучшаго риса, сушеной и соленой рыбы и 5 бочекъ соли; для освѣщенія — кадки съ жиромъ, разнаго рода посуду, даже переносную кухню и нѣсколько мѣшковъ угля, чтобы японцы цѣлый годъ ни въ чемъ не нуждались.

Послѣ обѣда, по просьбѣ Такатая, разрѣшено было японскимъ матросамъ пріѣхать на шлюпъ. Имъ все показали и угостили русской водкой, отъ которой иные такъ расхрабрились, что начали расхаживать по шлюпу и говорить съ русскими матросами невѣдомо на какомъ языкѣ. Другіе отважно поползли на

марсъ и на салингъ, плѣнялись суконною одеждой, свѣтлыми пуговицами, пестрыми платками, которые вымѣнивали у матросовъ на разныя бездѣлки. Недавніе враги вдругъ сдѣлались друзьями.

На Кунаширѣ, между тѣмъ, слѣдили за результатами дѣйствій русскаго судна и заряжали пушки.

Увидѣвъ пустыя бочки, Такатай предложилъ наполнить ихъ запасенной на ихъ суднѣ водою. Только что русскіе матросы начали перегружать бочки, японцы вырвали ихъ изъ рукъ и съ величайшимъ усердіемъ принялись за дѣло сами. Такатай сурово покрикивалъ на нихъ и въ его рѣчи можно было разобрать: «русская сага». Вѣроятно, онъ упрекалъ своихъ матросовъ за неумѣренность.

Прощаніе матросовъ происходило съ обычными японскими церемоніями. Каждый подходилъ къ Рикорду и припадалъ на колѣни съ поникшею головою. Также прощались они со своимъ начальникомъ. Къ вечеру задулъ благопріятный вѣтеръ, и суда двинулись въ путь. Японцы открыли по нимъ пальбу, но разумѣется, не могли сдѣлать имъ вреда.

XII.

Рикордъ скоро сблизился съ Такатаемъ. Много помогло нѣкоторое знакомство съ японскимъ языкомъ. Такатай подтвердилъ, что враждебность японцевъ происходитъ отъ неправильнаго толкованія поступка Хвостова. Умный и образованный японецъ вполнѣ сочувствовалъ русскимъ и расположенъ былъ помогать имъ не только въ дѣлѣ освобожденія товарищей, но и въ установленіи торговыхъ сношеній между Россіею и Японіею. По мнѣнію Такатая, одного свидѣтельства отъ Иркутскаго губернатора относительно того, что въ поступкахъ Хвостова правительство

не принимало участія, было бы достаточно, чтобъ освободить плѣнныхъ. Рикордъ тотчасъ же написалъ объ этомъ донесеніе Иркутскому губернатору.

Въ Камчаткѣ Рикордъ помѣстилъ Такатая въ одномъ съ собою домѣ. Онъ заботился также о хорошемъ содержаніи японскихъ матросовъ; но двое изъ нихъ не выдержали камчатскаго климата и умерли.

Смерть матросовъ такъ сильно опечалила Такатая, что онъ захандрилъ и не могъ успокоиться, пока Рикордъ не далъ ему обѣщанія, что весною отвезетъ его въ Японію.

Услышавъ радостную вѣсть, Такатай позвалъ матросовъ и въ присутствіи Рикорда объявилъ имъ ее. Затѣмъ онъ попросилъ Рикорда оставить его съ матросами.

Полагая, что Такатай хочетъ молиться, Рикордъ вышелъ въ другую комнату. Каково же было его удивленіе, когда черезъ нѣсколько минутъ Такатай появился въ полномъ парадномъ облаченіи и вмѣстѣ съ матросами торжественно изъявилъ ему благодарность.

23-го мая 1813 г. шлюпъ «Діана» отправился описывать Курильскіе острова и затѣмъ пошелъ на Кунаширъ.

По выбору Такатая назначены были два матроса для доставленія письма отъ Рикорда губернатору Кунашира. Отпуская матросовъ, Такатай училъ ихъ въ присутствіи Рикорда, что слѣдуетъ говорить. Матросы подползли къ нему на колѣняхъ и слушали съ поникшими головами.

— Разскажите Кунаширскому начальнику, говорилъ Такатай, какъ вы попали въ Россію, какъ жили въ однихъ со мною покояхъ, какъ прекрасно насъ содержали. Сообщите, что Россійскаго Императора капитанъ Рикордъ, великой души человѣкъ. Онъ съ отеческой заботливостью пекся о насъ, входилъ въ наше положеніе, на морѣ и на сушѣ жилъ со мною вмѣстѣ и все, чего ни желалъ я, было мнѣ доставляемо.

Нѣсколько разъ Такатай повторялъ свою рѣчь, стараясь, чтобы матросы вполнѣ поняли ее; потомъ совершивъ молчаливую молитву у своей божницы, обратился къ Рикорду и съ веселымъ лицомъ попросилъ водки, чтобъ угостить матросовъ на прощанье; выпилъ вмѣстѣ съ ними и проводилъ ихъ наверхъ.

Такой образъ дѣйствій Такатая очень понравился Рикорду.

Путешествіе подъ дождемъ.

Онъ рѣшилъ на слѣдующій день съ нимъ вмѣстѣ ѣхать на берегъ, разсчитывая при нѣкоторомъ знаніи японскаго языка, успѣшнѣе матросовъ вести переговоры.

Когда Рикордъ и Такатай подъѣзжали къ берегу, они встрѣтили возвращавшихся матросовъ, которые сообщили, что были ласково приняты на Кунаширѣ и видѣли трехъ чиновниковъ, пріятелей Такатая.

— Все намъ благопріятствуетъ, сказалъ Такатай. Я го-

ворю «намъ», потому что я на половину русскій. Возвратись на шлюпъ и жди меня.

На минуту тѣнь сомнѣнія блеснула въ умѣ Рикорда, но онъ быстро овладѣлъ собою. Вынувъ носовой платокъ, онъ разрѣзалъ его пополамъ и, подавая одну половину японцу, сказалъ:

— Кто мнѣ другъ, тотъ привезетъ мнѣ эту половину.

— Одна смерть можетъ воспрепятствовать мнѣ исполнить это, отвѣчалъ Такатай.

На другой день Такатай вернулся на шлюпъ съ извѣстіемъ, что по письмамъ, полученнымъ изъ Матсмая, всѣ плѣнники здоровы кромѣ Хлѣбникова. Кромѣ того онъ вручилъ Рикорду оффиціальное письмо изъ Матсмая относительно дѣйствій Хвостова въ Японіи.

Съ этого времени начались переговоры о возвращеніи русскихъ изъ плѣна. Главнымъ посредникомъ былъ когда-то Такатай, и Рикордъ во всемъ поступалъ по его совѣтамъ. Въ продолженіе времени переговоровъ, длившихся около мѣсяца, Такатай постоянно посѣщалъ «Діану» и привозилъ свѣжей рыбы въ подарокъ экипажу. Однажды Такатай привезъ записку, написанную Головнинымъ и Муромъ. Сомнѣнія исчезли; русскіе были живы.

— Японскій другъ мой, говоритъ Рикордъ, пожелалъ самъ быть свидѣтелемъ общей нашей радости, особенно радости матросовъ, которые до сей поры мало ему вѣрили. Краткія строки нашихъ друзей прочтены были мною на шканцахъ всей командѣ и потомъ, для удостовѣренія отдалъ я письмо читать грамотнымъ матросамъ. Когда они читали, слышались голоса: Спасибо доброму японцу! Спасибо, братъ, благодарствуй! И вся команда проводила Такатая троекратнымъ «ура»!

Считая теперь освобожденіе Головнина вѣроятнымъ, Рикордъ боялся японской медлительности и вслучаѣ проволочекъ рѣшился предложить въ замѣнъ Головнина себя. Сообщая о своемъ намѣреніи офицеру Θилатову, Рикордъ спросилъ его, не желаетъ

ли онъ тоже сдѣлать для Мура. Ѳилатовъ съ восторгомъ на это согласился. Узнавъ о подобномъ рѣшеніи, Такатай пришелъ въ восхищеніе и увѣрялъ, что японцы будутъ пристыжены и не замедлятъ освободить всѣхъ.

Переговоры, однакоже, на этотъ разъ кончились ничѣмъ. 7-го іюля Рикорду, черезъ Такатая, было объявлено, что плѣнные будутъ освобождены лишь тогда, когда Рикордъ привезетъ оффиціальное удостовѣреніе, что Хвостовъ грабилъ берега Японіи безъ вѣдома русскаго правительства. Съ такимъ свидѣтельствомъ шлюпъ могъ въ томъ же году возвратиться за плѣнными.

9-го іюля моряки простились съ Такатаемъ-Кахи, который привезъ имъ 300 рыбъ, но отъ подарковъ отказался. Черезъ двѣ недѣли «Діана» прибыла въ Охотскъ.

13-го августа того же года Рикордъ, запасшись необходимымъ документомъ, въ третій разъ поплылъ къ берегамъ Японіи. Равноденственныя бури задержали ходъ шлюпа. Когда послѣ 40-дневнаго плаванія судно достигло японскихъ береговъ, на встрѣчу ему вышла байдара съ предписаніемъ идти въ Хакодате, куда перевезены плѣнные и гдѣ ожидаетъ русскихъ матсмайскій губернаторъ.

Не теряя времени Рикордъ пошелъ въ Хакодате. Въ заливѣ встрѣтилъ его старый пріятель Такатай-Кахи. Японцы выказали большую предупредительность и выслали въ заливъ множество лодокъ, чтобы въ случаѣ безвѣтрія, буксировать шлюпъ. Но въ то же время запрещено было русскимъ ѣздить въ шлюпкахъ по заливу, и караульная лодка все время слѣдила за ними.

На другой день Такатай явился въ качествѣ уполномоченнаго и просилъ отвести ему каюту, чтобъ переодѣться въ оффиціальное платье. Рикордъ тоже надѣлъ парадный мундиръ и тогда начались переговоры съ соблюденіемъ всего японскаго этикета. Требуемый документъ, завернутый въ синее сукно, переданъ былъ Такатаю съ подобающей торжественностью,

въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, одѣтыхъ въ парадную форму. Послѣ этого Рикордъ сообщилъ Такатаю, что имѣетъ оффиціальное письмо отъ иркутскаго губернатора къ матсмайскому, но непремѣнно долженъ передать его самъ.

«Зная японцевъ, говоритъ Рикордъ, мнѣ необходимо было соблюсти приличную моему званію важность и потому, не смотря на дружескія мои отношенія къ Такатаю, я не могъ доставить ему особенно лестнаго порученія, которымъ онъ могъ бы гордиться передъ своими соотечественниками».

На другой день Такатай снова пріѣхалъ на шлюпъ и съ соблюденіемъ прежнихъ обрядовъ переодѣванья и присѣданья спрашивалъ, не нуждается ли шлюпъ въ чемъ нибудь. Зная замашку японцевъ наговорить посторонняго вздору прежде, чѣмъ приступить къ дѣлу, Рикордъ спокойно выслушалъ его и отвѣтилъ, что шлюпъ ни въ чемъ не нуждается. Тогда Такатай объявилъ, что объясненіе о поступкахъ Хвостова найдено вполнѣ удовлетворительнымъ, а желаніе капитана имѣть свиданіе съ японскимъ губернаторомъ принято съ радостію. Тотчасъ же, по взаимному соглашенію установлена была программа церемоніала представленія губернатору:

1) Капитана будетъ сопровождать вооруженная почетная стража изъ десяти человѣкъ.

2) Стража выйдетъ на берегъ съ двумя флагами, военнымъ и бѣлымъ — парламентерскимъ, которые понесутъ два унтеръ-офицера.

3) При капитанѣ будутъ состоять два офицера и переводчикъ.

4) Во время свиданія съ японскими начальниками Рикордъ будетъ привѣтствовать ихъ по европейскому обычаю, одними поклонами.

5) Въ домъ, назначенный для переговоровъ, внесутся: кресло для капитана и стулья для офицеровъ.

6) Говоря, или выслушивая рѣчь, капитанъ будетъ вставать

въ знакъ особенной почтительности къ японскимъ чиновникамъ, а потомъ опять садиться.

— Вѣроятно, на всѣ пункты программы послѣдуетъ согласіе, сказалъ Такатай, кромѣ пункта, гдѣ говорится о ружьяхъ. Не было примѣра, чтобы иностранные посланники допускались со свитою въ полномъ вооруженіи. Вамъ и то сдѣлана большая противъ другихъ честь; вашъ корабль впущенъ въ гавань со всѣмъ оружіемъ и порохомъ, чего прежде васъ никому не дозволялось.

Японскіе рыбаки.

— Но вѣдь безъ оружія стража не будетъ воинская, и потому не будетъ соотвѣтствовать моему званію. У насъ ружья носятъ только военные, подобно тому какъ у васъ двумя саблями солдатъ отличается отъ партикулярнаго человѣка, который имѣетъ право носить только одну. Впрочемъ, если нужно, я въ этомъ пунктѣ готовъ уступить.

Такатай записалъ въ книжку весь разговоръ и уѣхалъ. Возвратясь на другой день, онъ съ веселымъ видомъ объявилъ, что всѣ условія приняты и день свиданія назначенъ. Собираясь уже отъѣзжать, Такатай вдругъ остановился.

— Я и забылъ совсѣмъ, сказалъ онъ. Остался еще пунктъ неразъясненный. Неужели вы войдете въ аудіенцъ-залу въ сапогахъ?

— А неужели нѣтъ?

— Это противно нашимъ кореннымъ обычаямъ и считается величайшею грубостью. Вамъ надо снять сапоги въ передней комнатѣ и войти въ однихъ чулкахъ.

Рикордъ всталъ втупикъ. Этого обстоятельства онъ не предусмотрѣлъ, хотя недавно читалъ у Крузенштерна, что русскому послу Резанову не только отказано было въ стулѣ, но онъ стоялъ передъ японцами безъ шпаги и безъ обуви.

Охраняя честь русскаго мундира и желая въ то же время ладить съ японцами, Рикордъ придумалъ полумѣру.

— Предстать въ аудіенцъ залу въ полной формѣ и безъ сапогъ я не могу, сказалъ онъ. Знаю, что у васъ это считается неучтивымъ; но ты, просвѣщенный человѣкъ, теперь знаешь, что ваши обычаи во многомъ противоположны нашимъ; напр., у васъ ходятъ безъ штановъ, въ халатахъ; у насъ же въ такомъ нарядѣ сидятъ только въ спальняхъ. У васъ неучтиво войти въ сапогахъ, у насъ — непростительно явиться безъ обуви.

— Такъ-то такъ, но у насъ этотъ пунктъ весьма важный; не знаю, какъ и быть.

— Не желая разрушать соглашенія, я вотъ что сдѣлаю: сниму сапоги и надѣну башмаки. Такъ ладно будетъ?

Такатай былъ въ восторгѣ отъ изобрѣтательности капитана. Онъ уѣхалъ, и вечеромъ же вернулся съ извѣщеніемъ, что японскіе начальники на все согласились.

— Они бы и въ сапогахъ тебя приняли, прибавилъ онъ; только тогда они сами сидѣли бы на стульяхъ, что, по нашему, невѣжливо. Невѣжливость за невѣжливость, и японская честь была бы спасена.

О японскихъ церемоніяхъ тогдашняго времени было много

писано, и потому мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ свиданія Рикорда съ японскими властями.

«Смѣло могу сказать, пишетъ онъ въ своемъ донесеніи по начальству, что никогда гордыми японцами не было оказано русскому флагу и русскому уполномоченному такихъ почестей, какихъ я удостоился. Не подлежитъ сомнѣнію, что пріятель мой Такатай-Кахи много этому способствовалъ».

Три дня длились переговоры, которые могли кончиться въ одинъ день. Въ промежуткахъ, Такатай привозилъ своихъ пріятелей посмотрѣть русскій корабль. Посѣтители были купцы, и Такатай предупредилъ Рикорда, что ему неприлично принимать ихъ въ своей каютѣ. Чтобъ дать имъ возможность осмотрѣть каюту, Рикордъ принужденъ былъ выходить наверхъ.

Послѣ четвертаго посѣщенія японскихъ властей Такатай съ радостью объявилъ Рикорду, что на завтра назначается его свиданіе съ Головнинымъ. На другой день онъ пріѣхалъ за капитаномъ на губернаторской шлюпкѣ совсѣмъ больной. Рикордъ дружески замѣтилъ ему, что слѣдовало бы поберечься и не пріѣзжать.

— Напротивъ того, возразилъ Такатай. Отъ радостнаго свиданія мнѣ станетъ легче, а когда увижу тебя съ другомъ твоимъ капитаномъ Головнинымъ, тогда буду совсѣмъ здоровъ.

Взявъ съ собой нѣсколько матросовъ, Рикордъ съ Такатаемъ отправились на берегъ.

XIII.

Мы уже видѣли, что «Діана» была задержана на пути равноденственными бурями. Плѣнные моряки это предвидѣли и сильно тревожились. Они готовы были продлить свой плѣнъ еще на 8—9 мѣсяцевъ, лишь бы товарищи не подвергались опасности. Но внутренній голосъ говорилъ имъ, что «Діана» придетъ: Рикордъ непремѣнно захочетъ кончить начатое имъ дѣло и доказать японцамъ, что русскіе умѣютъ держать слово.

И «Діана» дѣйствительно пришла. Моряки видѣли изъ каморки второго этажа, какъ шлюпъ лавировалъ. Заливъ былъ покрытъ лодками, а холмы и пригорки — людьми. Всѣ смотрѣли съ изумленіемъ какъ такое большое судно подвигалось впередъ при противномъ вѣтрѣ. Японцы, имѣвшіе доступъ къ плѣнникамъ, безпрестанно приходили и съ удивленіемъ разсказывали, какъ много на кораблѣ парусовъ и какъ ловко ими дѣйствуютъ.

Вскорѣ послѣ того какъ «Діана» встала на якорь, офицерамъ принесли для перевода бумаги, привезенныя Рикордомъ. Муръ всячески старался путать, увѣряя японцевъ, что бумага написана недостаточно почтительно, что въ ней есть угрозы. Японцы надъ нимъ смѣялись, говоря, что они сами не дураки, съумѣютъ постоять за себя. Теске сообщилъ, что еще въ прошломъ году, когда въ письмѣ русскаго губернатора заключалась просьба о помилованіи Леонзайма, который чѣмъ-то навлекъ на себя гнѣвъ своего правительства, матсмайскія власти пришли въ восторгъ и сказали: «Теперь сидящіе въ столицѣ старики узнаютъ свою ошибку и увѣрятся, что русскіе не медвѣди и не дикіе, а народъ человѣколюбивый и сострадательный».

Безпрестанно прибѣгалъ Кумаджеро и сообщалъ, что между русскими и японцами ведутся переговоры и нѣтъ сомнѣнія, что все хорошо кончится. «Твой пріятель Рикордъ большого ума человѣкъ, говорилъ Кумаджеро. Онъ такъ съумѣлъ привязать къ себѣ нашего Такатая и вселить въ немъ такія высокія мысли о добронравіи и честности твоихъ соотечественниковъ, что Такатай клянется передъ своими начальниками въ искренности русскихъ; а прежде привезеннаго японца Гордзія, или Леонзаймо, называетъ лжецомъ и безчестнымъ человѣкомъ. Такатай говоритъ, что онъ скорѣй лишится жизни, чѣмъ согласится въ томъ, чтобъ русскіе были таковы, какими считало ихъ до сихъ поръ японское правительство. Слова его возымѣли такое дѣйствіе, что японцы тотчасъ же уступили въ своихъ требованіяхъ.

Бѣдный Муръ, узнавъ, что ему невозможно остаться въ Японіи, загрустилъ еще больше. Какъ ни старались товарищи уговаривать его, ничто не помогало.

Когда принесли письмо иркутскаго губернатора, лично доставленное Рикордомъ, Муръ и его старался перетолковать въ превратномъ смыслѣ. Подарки, присланные матсмайскому губернатору: золотые часы и красное сукно, онъ называлъ ничтожными. Часы эти, по тѣмъ временамъ, стоили очень дорого. По скрытому внутри механизму при каждомъ боѣ, лилось подобіе воды, и лошадь начинала пить, поднимая и опуская голову.

Рикордъ прислалъ плѣнникамъ газеты и много писемъ Головнину. Головнинъ зналъ, что если онъ распечатаетъ письма, то со всѣхъ ихъ снимутъ копіи и пошлютъ въ столицу, а потому онъ просилъ письма отправить на шлюпъ, а газеты оставилъ. Съ письмами его на сей разъ начальники поступили очень деликатно. Положивъ въ пакетъ, запечатали ихъ нѣсколькими печатями и возвратили Головнину съ просьбою не распечатывать ихъ до пріѣзда на шлюпъ.

Изъ газетъ узнали, что русскіе сожгли Москву и французы съ большимъ урономъ должны были бѣжать изъ Россіи. Японцы уже раньше знали объ этомъ отъ Такатая. Они очень интересовались подробностями и безпрестанно приходили къ русскимъ для разъясненій. «Молодецъ этотъ князь Смоленскій! Дѣйствовалъ какъ японецъ! восклицали они. У насъ тоже такъ: непріятеля замани, да и окружи».

Именно такъ и поступили они съ горсточкой безоружныхъ русскихъ моряковъ.

Первое свиданіе Головнина и Мура съ Рикордомъ назначено было на 5-ое октября. Но Муръ наотрѣзъ отказался. Хлѣбниковъ просился, но ему сказали, что онъ долженъ наблюдать за Муромъ, ненормальное положеніе котораго внушало опасенія. Въ день свиданія, переводчики принесли Головнину саблю и шляпу и вручили ихъ съ большимъ почтеніемъ. По просьбѣ японцевъ В. М. нарядился въ шаровары и кофту, сшитые изъ богатой шелковой матеріи еще въ Матсмаѣ. «Правда, что при такомъ одѣяніи и въ треугольной шляпѣ я рисковалъ показаться моимъ землякамъ смѣшнымъ, говоритъ Головнинъ, но желая сдѣлать удовольствіе японцамъ, я исполнилъ ихъ просьбу. Жаль только, что я сбрилъ мою длинную бороду, которая весьма живописно пополняла бы мой костюмъ».

Около полудня Головнина привели въ залъ таможеннаго суда. При немъ находились чиновники, переводчики и нѣсколько солдатъ, одѣтыхъ въ парадное платье. Японскіе солдаты въ торжественныхъ случаяхъ надѣваютъ шелковыя или бархатныя кофты, вышитыя шелками и золотомъ. Платье это хранится въ казенныхъ магазинахъ и выдается только тогда, когда нужно. Оно не напоминаетъ мундира, такъ какъ разнообразно по покрою и по отдѣлкѣ. Богатое одѣяніе солдатъ часто вводитъ въ заблужденіе европейцевъ, принимающихъ ихъ за важныхъ чиновниковъ.

Рикордъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданія съ Головнинымъ, что не успѣла шлюпка еще окончательно причалить къ берегу, какъ онъ уже выскочилъ. Свиданіе друзей было чрезвычайно трогательно. Японцы оставили ихъ въ покоѣ и отошли въ сторону. Долго не могли друзья успокоиться, забрасывая другъ друга вопросами, перескакивая съ предмета на предметъ. Давъ наговориться пріятелямъ, японцы попросили ихъ приступить къ переводу оффиціальныхъ бумагъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, друзья опять принялись разговаривать. Японцы ни единымъ намекомъ не показывали, что свиданіе продолжительно. Наконецъ друзья сами поняли, что пора разстаться. Головнинъ проводилъ Рикорда до шлюпки и возвратился домой.

Товарищи закидали его вопросами, да и было чего порассказать. За два года ихъ отсутствія началась и кончилась французская кампанія; не мало было и другихъ перемѣнъ.

На слѣдующее утро переводчики почтительно вручили сабли и шляпы Муру и Хлѣбникову и сказали, что всѣмъ придется идти въ замокъ для выслушанія акта объ освобожденіи. Одѣвшись въ свои маскарадные японскіе костюмы при русской треуголкѣ и саблѣ, плѣнники пошли къ буніосу. Ихъ ввели въ залу, матросовъ оставили въ сосѣдней комнатѣ. Теперь за ними, какъ за людьми свободными стали признавать чины и отличія.

Когда буніосъ и весь его штатъ разсѣлся по мѣстамъ, буніосъ вынулъ изъ за пазухи бумагу и, поднявъ ее вверхъ, возгласилъ. «Это повелѣніе правительства»! Всѣ чиновники сидѣли, опустивъ глаза, какъ статуи; ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ ихъ лицѣ. Губернаторъ прочиталъ бумагу объ освобожденіи плѣнныхъ и послалъ Кумаджеро объявить о томъ же матросамъ. Потомъ онъ прочелъ другую бумагу, его собственное поздравленіе, и велѣлъ передать Головнину. Въ бумагѣ говорилось приблизительно слѣдующее: «Вы находились въ чужомъ мѣстѣ и теперь благополучно возвращаетесь, что мнѣ очень

пріятно. Вы, г. Головнинъ, какъ старшій, имѣли много заботы и теперь вознаграждены, что мнѣ также очень пріятно. Мы желали сдѣлать вамъ всевозможныя учтивости, но не зная обычаевъ вашихъ, можетъ быть, поступили наоборотъ, ибо въ каждой землѣ свои обычаи, много между собою разнящіеся; но добро есть вездѣ добро. Желаю вамъ счастливаго пути».

Поблагодаривъ губернатора, бывшіе плѣнники возвратились къ себѣ. Цѣлый день къ нимъ приходили съ поздравленіемъ японцы разныхъ чиновъ и ранговъ. Чиновники сообщили, что старшій бонза (священникъ) испросилъ и получилъ разрѣшеніе пять дней сряду приносить моленіе въ храмѣ о благополучномъ возвращеніи русскихъ въ отечество.

Духовенство у японцевъ пользуется большимъ почетомъ. За нѣсколько дней до прибытія Рикорда къ японскимъ берегамъ, родственники Такатая, безпокоясь объ его участи, обращались къ одному бонзѣ, который славился даромъ провидѣнія. Онъ сказалъ, что Такатай на слѣдующее лѣто возвратится въ добромъ здоровьѣ и два его матроса съ нимъ; а другіе два умрутъ. Такъ все это и случилось. Японцы разсказывали еще нѣсколько другихъ случаевъ прозорливости этого бонзы, а русскіе увѣряли ихъ, что это простая случайность. Такое невѣріе въ сверхъестественныя явленія не мало удивляло суевѣрныхъ японцевъ.

Въ тотъ же день одинъ изъ чиновниковъ и Кумаджеро отправлены были на шлюпъ объявить Рикорду, что завтра онъ можетъ пріѣхать за плѣнными. Въ этотъ вечеръ переводчики, по приказанію губернатора, угощали русскихъ ужиномъ, состоявшимъ изъ 10 блюдъ, приготовленныхъ въ разныхъ видахъ рыбъ, дичи, гусей и утокъ. Послѣ ужина принесли нѣсколько ящиковъ съ лакированною посудою, назначенною въ подарокъ отъѣзжающимъ.

На слѣдующій день съ утра плѣнники одѣлись въ свои японскіе костюмы, а караульные принялись укладывать ихъ вещи.

Они тщательно провѣряли вещи по списку, говоря, что если оставятъ хоть бездѣлицу, имъ достанется. Матросъ Симоновъ съ испуганнымъ видомъ отозвалъ Головнина въ сторону и шепнулъ:

— Хлѣбниковъ сообщилъ мнѣ, что сегодня насъ всѣхъ замучаютъ и убьютъ.

Головнинъ засмѣялся и успокоилъ матроса.

Бѣдный Хлѣбниковъ, такъ же какъ и Муръ, помутился въ умѣ. Онъ увѣрялъ, что японцы дали ему такой ядъ, который при

Японскія носилки.

восточныхъ вѣтрахъ возбуждаетъ въ немъ обжорство. Сколько онъ ни ѣстъ, все ему мало. Вообще, онъ заговаривался.

Около полудня русскихъ повели на берегъ, въ какое то строеніе. Туда прибылъ и Рикордъ. При огромномъ штатѣ чиновниковъ врученъ былъ Рикорду подносъ, на подносѣ ящикъ, а въ ящикѣ завернутая въ шелковую матерію бумага отъ губернатора. Потомъ съ такими же церемоніями поднесли бывшимъ плѣннымъ бумагу отъ старшихъ чиновниковъ. Все это нужно было прочитать и перевести. Оригинальный слогъ японскихъ чиновниковъ заслуживаетъ того, чтобы его перевести дословно.

«Всѣ вы долго находились здѣсь, но теперь, по приказу Обуньо-самы, возвращаетесь въ свое отечество. Время отбытія вашего уже пришло, но по долговременному вашему здѣсь пребыванію мы къ вамъ привыкли и разставаться намъ съ вами жалко. Вы перенесли жаръ, холодъ и другія перемѣны воздуха и къ благополучному возвращенію готовы. О собственной вашей радости при семъ не упоминайте; мы и сами оную чувствуемъ и съ нашей стороны сему счастливому событію радуемся. Берегите себя въ пути, о чемъ и мы молимъ Бога. Теперь, желая съ вами проститься, написали мы сіе».

Наконецъ окончились церемоніи, и японцы простились съ отъѣзжающими. Жаль, что не существовало тогда нынѣшней моментальной фотографіи, чтобъ снять[illegible]ся бол[illegible]е русскихъ къ морю. Одѣтые въ японскіе костюмы съ[illegible]да къ яп[illegible] головными уборами, они представляли довольно оригинальное зрѣлище. Масса народу собралась на улицахъ и на пристани. Знакомые и незнакомые привѣтствовали отъѣзжающихъ и желали имъ хорошаго пути. Рикордъ, Такатай-Кахи и бывшіе плѣнники сѣли на губернаторскую шлюпку и вслѣдъ за ними отвалило множество лодокъ съ подарками и съѣстными припасами. Подарки, посланные русскимъ правительствомъ буніосу, онъ возвратилъ съ заявленіемъ, что по японскимъ законамъ не можетъ принять ихъ.

Подъѣзжая къ шлюпу, расцвѣченному флагами, плѣнники были встрѣчены радостнымъ «ура» команды, стоявшей на реяхъ. Когда Головнинъ вступилъ на шлюпъ, команда, стоявшая въ ружьѣ, отдала ему воинскую честь. Головнинъ, тронутый до глубины души, торжественно, на шканцахъ, изъявилъ офицерамъ и командѣ благодарность, называя всѣхъ своими спасителями. Спустившись въ каюту, Головнинъ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, снялъ съ себя саблю и просилъ Рикорда принять ее въ знакъ памяти. «Принимая такую драгоцѣнную для меня вещь, пишетъ Рикордъ въ своемъ оффиціальномъ донесеніи министру,

я осмѣливаюсь ходатайствовать о всемилостивѣйшемъ дозволеніи носить эту саблю, не взирая на несходство ея съ вновь установленными образцами».

Тѣ изъ моряковъ, которые знали Головнина раньше, нашли, что онъ очень измѣнился. «Двухлѣтнее пребываніе въ плѣну положило значительную печать скорби на мужественное лицо моего друга, пишетъ Рикордъ въ своихъ запискахъ; и хотя въ глазахъ его блисталъ прежній огонь великой свѣтлой души, но утомленность ея не могла скрыться отъ моихъ взоровъ».

Послѣ полудня пріѣхали на шлюпъ многіе изъ высшихъ японскихъ чиновниковъ, въ томъ числѣ Теске и Кумаджеро. Послѣдніе привезли Рикорду и Головнину по куску шелковой матеріи, лучшаго японскаго чаю, саги и конфетъ. Русскіе гостей угощали чаемъ и ликерами. Кто то изъ японцевъ выразилъ желаніе увидать подпись Государя Императора. У Головнина былъ рескриптъ на Владимірскій крестъ. Когда онъ положилъ рескриптъ на столъ и указалъ подпись Государя, японцы съ благоговѣніемъ склонили головы.

При разставаніи съ японскими друзьями, русскіе одарили ихъ разными вещами, изъ которыхъ болѣе всего понравились сафьянныя издѣлія. Японцы брали подарки потихоньку и то только такіе, которые они могли спрятать въ широчайшіе рукава своихъ кофтъ. Отъ большихъ вещей они прямо отказывались. Карты, книги и картины брали безъ опасенія, но безъ рамъ и стеколъ.

Пока японскіе чиновники находились въ капитанской каютѣ, на корабль наѣхало множество народа всѣхъ ранговъ, въ томъ числѣ и женщины. Всѣ хотѣли посмотрѣть русскій корабль. Только что уѣхали чиновники, весь этотъ людъ бросился въ капитанскую каюту. Рикордъ не только не мѣшалъ имъ все разсматривать, но еще дарилъ каждому на память по куску краснаго сукна на кисетъ и по два граненыхъ стеклышка съ

Люстры послѣднія. особенно нравились. Дѣтямъ давали сахару, который отцы тутъ-же у нихъ отнимали и прятали. Втеченіе цѣлаго дня посѣтители не переводились и только съ наступленіемъ ночи друзья, такъ долго не видавшіе другъ друга, могли свободно поговорить.

Передъ уходомъ изъ Хакодате передано было Теске писомь иркутскаго губернатора къ матсмайскому, въ которомъ высказана была благодарность за освобожденіе плѣнныхъ и другое письмо, подписанное Рикордомъ и Головнинымъ, о желательныхъ сношеніяхъ Россіи съ Японіею. Узнавъ содержаніе письма, Теске очень обрадовался и сказалъ, что японскіе начальники сами того желали, но не считали себя въ правѣ заявлять имъ объ этомъ.

Когда же Головнинъ сказалъ, что слѣдующей весной русское судно придетъ за отвѣтомъ и имъ, вѣроятно, будетъ командовать Рикордъ, Теске остался чрезвычайно доволенъ и заявилъ, что въ такомъ случаѣ можно быть вполнѣ увѣреннымъ въ благопріятномъ исходѣ дѣла.

Рикордъ и Головнинъ, по европейскому обычаю, хотѣли ѣхать съ визитомъ къ губернатору, но Такатай отсовѣтовалъ имъ, говоря, что хотя г. Рикордъ не видалъ губернатора, но губернаторъ его видѣлъ, сидя за ширмами въ таможенномъ домѣ, во время свиданія капитана съ его другомъ.

До самой послѣдней минуты на шлюпъ пріѣзжали японцы. Такатай, Теске и Кумаджеро провожали своихъ пріятелей до выхода изъ гавани. Берега были усѣяны народомъ. Команда шлюпа простилась съ японцами дружественнымъ «ура»!

Выйдя въ море, бывшіе плѣнники полюбопытствовали заглянуть въ сундуки, которые привезены были на шлюпъ съ ними вмѣстѣ. Къ великому своему удивленію они нашли все въ цѣлости: платье, бѣлье, деньги, даже до послѣдняго лоскутка и пуговки. Отсутствовало только то, что они сами потихоньку раз-

дарили японцамъ. На каждой бездѣлицѣ надписано было имя ея владѣльца. Даже куски разбитаго зеркальца были положены въ мѣшечекъ, къ которому привязанъ былъ билетикъ съ извиненіемъ, что зеркальце разбилось нечаянно. Японцы, употреблявшіе металлическія полированныя зеркала, не знали, что есть такія, которыя бьются.

Вскорѣ по выходѣ изъ Хокодате разыгралась страшная буря. Въ шлюпѣ открылась течь и моряки ежеминутно ожидали гибели. Наконецъ буря утихла и 3-го ноября «Діана» со снѣгомъ вошла въ Петропавловскую гавань.

«Въ это время года, говоритъ Головнинъ, пустынная Камчатка со своими горами, сопками и лѣсами была покрыта глубокимъ снѣгомъ, но намъ она показалась раемъ, потому что составляетъ часть Россіи. На встрѣчу намъ выѣхали знакомые офицеры, которые смотрѣли на насъ какъ на выходцевъ съ того свѣта. Съ большею радостью они не могли бы встрѣтить родныхъ братьевъ».

Бѣдный Муръ оставался въ прежнемъ угнетенномъ состояніи. Съ первой минуты пріѣзда на шлюпъ, когда офицеры бросились обнимать товарищей, Муръ стоялъ неподвижно, словно не замѣчая, что вокругъ него происходитъ. Офицеры условились въ присутствіи его не упоминать о Японіи и своихъ приключеніяхъ; говорили о Россіи, о русскихъ дѣлахъ, стараясь вовлекать его въ разговоръ, но ничто не помогало. Муръ уходилъ на то мѣсто, гдѣ находятся обыкновенно матросы, но и съ ними не разговаривалъ. Офицеры пробовали увѣщевать его, просили не удаляться отъ нихъ. На это Муръ неизмѣнно отвѣчалъ, что онъ общества порядочныхъ людей не достоинъ; хорошо, если хоть матросы не будутъ гнушаться имъ. Въ первые дни онъ приходилъ къ офицерскому столу, но потомъ пересталъ, сидѣлъ или лежалъ въ своей каютѣ, по нѣскольку дней ничего не ѣлъ, а потомъ набрасывался на ѣду съ жадностью, такъ что можно было опасаться за его здоровье.

Начальникомъ Петропавловской гавани былъ сослуживецъ и другъ Мура, Рудаковъ. Онъ недавно женился. Въ надеждѣ, что общество друга и его молодой жены благотворно подѣйствуетъ на Мура, его поселили у Рудакова.

Но и эта мѣра ни къ чему не повела. Муръ безучастно ко всѣму относился, а иногда уходилъ и запирался въ банѣ, или въ другомъ подобномъ мѣстѣ и плакалъ навзрыдъ, проклиная судьбу. Г-жа Рудакова начала его бояться. Переселили его къ священнику, также бывшему его пріятелю, полагая, что духовные разговоры священнослужителя успокоятъ его. Но и эта надежда рушилась. Послѣ плѣненія Мура, оставшіяся вещи его были проданы съ аукціона за нѣсколько тысячъ рублей. Товарищи совѣтовали ему обмундироваться, но онъ отвѣчалъ, что ему ни денегъ, ни платья не нужно и носилъ старую камчадальскую парку (оленью рубашку мѣхомъ вверхъ). Мучимый постоянно совѣстью, онъ написалъ Головнину письмо, называя себя измѣнникомъ и предателемъ. Головнинъ отвѣтилъ ему самымъ теплымъ и задушевнымъ образомъ, увѣряя его, что все это произошло отъ разстройства нервовъ, что вина его давно забыта и что она совсѣмъ не такъ ужасна; жизнь впереди. Муръ такъ еще молодъ, что можетъ свою погрѣшность загладить съ лихвою. Рудаковъ, Головнинъ и Рикордъ часто навѣщали больного и старались его успокоить. Дѣйствительно, онъ какъ будто сталъ приходить въ себя, не говорилъ несообразностей, разговаривалъ съ товарищами, согласился обмундироваться; но главный пунктикъ въ немъ остался. Онъ увѣрялъ, что ему тяжело видѣть русскихъ, передъ которыми онъ такъ виноватъ и что онъ гораздо скорѣе успокоится, поселившись въ камчадальскомъ селеніи. Офицеры разсудили, что, можетъ быть, и въ дѣйствительности такъ будетъ лучше; и что Муръ, вдали отъ обстановки, напоминающей ему прошлое, скорѣй успокоится. Получивъ согласіе товарищей, Муръ словно преобразился: сдѣлался оживленнымъ, сталъ закупать раз-

ныя, нужныя ему въ новомъ быту вещи, купилъ хорошее ружье, собираясь ходить на охоту. Служителю, который присматривалъ за нимъ, приказано было носить это ружье и подавать Муру, только въ ту минуту, когда нужно было стрѣлять. Но такъ какъ Муръ замѣтно поправился, то и служитель ослабилъ свой надзоръ.

Однажды, гуляя по берегу залива, Муръ велѣлъ сопровождавшему его солдату идти обѣдать. Замѣтивъ нерѣшительность солдата, онъ сказалъ ему съ усмѣшкой:

— Неужели ты боишься? Еслибъ я хотѣлъ лишить себя жизни, то и дома могъ бы это сдѣлать.

Солдатъ ушелъ, пообѣдалъ, и замѣтивъ, что Муръ долго не возвращается, пошелъ его искать и нашелъ безжизненный трупъ. Муръ ногою спустилъ курокъ и выстрѣлилъ себѣ въ грудь.

Въ его комнатѣ нашли записку, въ которой онъ заявлялъ, что жизнь ему невыносима и что онъ «самое солнце съѣлъ».

Теперь всѣмъ стало ясно, что Муръ былъ съумасшедшій и кажущееся спокойствіе послѣдняго времени было ничто иное, какъ хитрость, свойственная такого рода людямъ, желающимъ обмануть бдительность окружающихъ. Несчастный Муръ лишилъ себя жизни въ припадкѣ умоизступленія, имѣя отъ роду менѣе 30 лѣтъ.

Офицеры съ честью похоронили своего товарища и на могилѣ его поставили памятникъ. Тогда были въ модѣ чувствительные стихи и слезливыя эпитафіи. На памятникѣ Мура, подъ именемъ, была выгравирована слѣдующая надпись:

Въ Японіи
оставилъ его
провождавшій на пути сей жизни
Ангелъ-Хранитель.
Отчаяніе
ввергло его въ заблужденія.

Жестокое раскаяніе
ихъ загладило,
а смерть
успокоила несчастнаго.
Чувствительныя сердца!
почтите память его
слезою.

Декабря 2-го, Головнинъ уѣхалъ въ Петербургъ, куда и прибылъ 22-го іюля, ровно черезъ 7 лѣтъ послѣ отъѣзда своего оттуда.

Головнинъ и Рикордъ были награждены слѣдующимъ чиномъ и пожизненною пенсіею въ 1500 р. Всѣ служившіе на «Діанѣ» получили награды. Матросамъ, бывшимъ въ плѣну, кромѣ пожизненной пенсіи, разрѣшено было выйти въ отставку, когда пожелаютъ. Кромѣ того Головнинъ далъ имъ всѣмъ изъ своихъ средствъ единовременное пособіе, а Макарову производилъ добавочную пенсію до конца жизни.

Путешествіе въ Южный океанъ и Беринговъ проливъ флота-лейтенанта Коцебу на кораблѣ „Рюрикъ“.

Путешествіе Коцебу на кораблѣ „Рюрикъ“.

I.

Втеченіе многихъ столѣтій, географы всѣхъ странъ стремились разрѣшить задачу о возможности обогнуть Америку на сѣверѣ и пройти изъ Атлантическаго океана въ восточный и обратно. Россія не хотѣла отстать отъ прочихъ державъ и два года кряду, 1765 — 1766, три корабля подъ командою Чичагова занимались отысканіемъ этого таинственнаго прохода, но безуспѣшно.

Вскорѣ послѣ перваго путешествія Кука, политическій горизонтъ Европы надолго омрачился. Пришлось помышлять о дѣлахъ болѣе важныхъ, чѣмъ географическія открытія. Но когда волненіе утихло и умы успокоились, научные вопросы снова выступили на сцену. Вопросъ о сѣверномъ проходѣ сильно интересовалъ государственнаго канцлера графа Румянцева, богатаго и просвѣщеннаго вельможу. Онъ часто обсуждалъ его съ Крузенштерномъ и съ его помощью выработалъ проектъ экспедиціи къ сѣвернымъ берегамъ Америки. Въ начальники экспедиціи, снаряженной на средства Румянцева, былъ выбранъ, по рекомендаціи Крузенштерна, лейтенантъ Коцебу, сынъ извѣстнаго поэта. Коцебу долженъ былъ направиться въ Беринговъ проливъ и попытаться обогнуть Америку. Если же это не удастся на кораблѣ, то изслѣдовать тотъ же берегъ сухимъ путемъ. Такое путешествіе, даже въ томъ случаѣ, когда главная цѣль не была бы достигнута, обѣщало для науки много цѣнныхъ пріобрѣтеній.

Величина корабля, заказаннаго въ Або, опредѣлялась въ 180 тоннъ; экипажъ — въ 20 человѣкъ. Корабль такихъ небольшихъ размѣровъ представлялъ нѣкоторыя неудобства, но удобствъ было еще больше. Небольшой корабль могъ ближе подойти къ берегамъ и точнѣе изслѣдовать ихъ.

Коцебу была предоставлена полная свобода въ комплектованіи экипажа. Въ помощники себѣ онъ выбралъ друга своего Шишмарева, а въ матросы охотниковъ явилось столько, что приходилось отказывать. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было, и Коцебу съ командою пришлось въ январѣ мѣсяцѣ идти отъ Ревеля, гдѣ онъ жилъ, до Петербурга пѣшкомъ и потомъ такимъ же образомъ въ Або. Не смотря на утомительный переходъ, всѣ были веселы и здоровы; матросы пѣли пѣсни, а офицеры чувствовали сильный подъемъ духа, особенно Коцебу, которому чрезвычайно льстило оказанное ему довѣріе.

Прибывъ въ Або, Коцебу сталъ слѣдить за постройкою корабля, названнаго «Рюрикомъ». Онъ росъ у него на глазахъ и къ 4-му маю былъ уже готовъ. Въ 4 часа пополудни послѣ молебствія и освященія «Рюрика» на немъ, при звукѣ трубъ и литавръ, поднятъ былъ военный флагъ. Такая милость дарована была Государемъ судну не военному, ради огражденія его отъ всякихъ случайностей, которыя могли бы встрѣтиться подъ купеческимъ флагомъ.

Во время молебствія шелъ теплый дождь, но при спускѣ корабля онъ пересталъ; небо прояснилось и засіяло солнце. Минута была чрезвычайно торжественная.

— Это добрый знакъ, говорили въ публикѣ. Кораблю предстоитъ счастливое плаваніе.

Послѣ спуска «Рюрикъ» былъ оснащенъ и приведенъ въ Кронштадтъ для вооруженія. Экипажъ его состоялъ изъ командира, двухъ лейтенантовъ, трехъ штурманскихъ учениковъ, двухъ унтеръ-офицеровъ, 20 матросовъ, доктора, живописца, двухъ

извѣстныхъ естествоиспытателей Шамиссо и Вормскіольда. Послѣдніе должны были сѣсть въ Копенгагенѣ.

27-го іюля прибыли на корабль графъ Румянцевъ, Крузенштернъ и другіе адмиралы. Графъ Румянцевъ осмотрѣвъ корабль, остался имъ очень доволенъ и, пожелавъ отъѣзжающимъ счастливаго пути, отбылъ. Ему салютовали 13-ю выстрѣлами. 30 іюля 1815 года «Рюрикъ» покинулъ Кронштадтъ, зашелъ въ Копенгагенъ за естествоиспытателями и благополучно прибылъ въ Плимутъ, гдѣ получилъ спасительный ботъ, заказанный для него Крузенштерномъ. Особенность строенія бота состояла въ воздушныхъ ящикахъ, внутри расположенныхъ. Они то и предохраняли ботъ отъ потопленія.

Выходъ въ океанъ былъ очень несчастливъ. Попутный вѣтеръ, дувшій въ ту минуту, когда «Рюрикъ» снимался съ якоря, постепенно превратился въ противный и къ вечеру перешелъ въ штормъ. Волны вздымаясь словно горы, гнали «Рюрикъ» къ берегу. Ночь была необычайно темна. Каждую минуту «Рюрикъ» могъ удариться о скалы и потерпѣть крушеніе, не начавъ настоящаго плаванія. Состояніе духа командира и экипажа было ужасное. Ободряя другъ друга, моряки выбивались изъ силъ, чтобы удержать корабль дальше отъ берега. Маякъ то появлялся, то исчезалъ; послѣднее означало, что судно несется къ берегу. Штормъ свирѣпствовалъ всю ночь. Когда немного разсвѣло, моряки увидали, что находятся у входа въ Плимутскую гавань. Возблагодаривъ Господа, они вошли въ гавань и бросили якорь на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояли. Офицеры и команда были совершенно истощены отъ сильнаго напряженія.

Простоявъ два дня и починивъ поврежденія, причиненныя штурмомъ, Коцебу вышелъ въ море и опять потерпѣлъ неудачу. Снова начался штормъ и еще разъ пришлось возвратиться назадъ. Наконецъ 4-го октября подулъ попутный вѣтеръ, и «Рюрикъ», поднявъ якорь, полетѣлъ на всѣхъ парусахъ.

Переходъ до Тенерифа былъ вначалѣ довольно труденъ. Часто дули сильные вѣтры, склонные перейти въ штормъ. За Гибралтаромъ погода улучшилась и стало значительно теплѣе. Однажды при безвѣтріи, показалась на горизонтѣ красная полоса, которая стала постепенно увеличиваться и приближаться.

— Чтобы это значило? разсуждали моряки. Всѣмъ извѣстно было о существованіи въ Атлантическомъ океанѣ травяного моря—огромнаго пространства, покрытаго пловучими растеніями. Но травяное море лежало не въ этой широтѣ. Когда подошли ближе, загадка объяснилась. Океанъ, на сколько могъ охватить глазъ, былъ покрытъ красною саранчею, занесенною бурею съ береговъ Африки.

— Ишь, окаянная! восклицали матросы; и въ окіянѣ не тонетъ.

28-го октября «Рюрикъ» достигъ острова Тенерифа и противъ города Санта-Круцъ бросилъ якорь.

Мѣстныя власти оказали офицерамъ радушный пріемъ и снабдили всѣмъ необходимымъ. Морякамъ очень понравилось на Тенерифѣ и они охотно остались бы подольше; но принявъ во вниманіе опасности при обходѣ мыса Горна, нужно было торопиться и, 1 ноября, «Рюрикъ» ушелъ съ Тенерифа. Во время пребыванія русскихъ на островѣ, его знаменитый пикъ былъ постоянно задернутъ облаками, словно завѣсою. Но едва успѣли моряки отойти миль на десять отъ города, какъ Тенерифскій пикъ сбросилъ свою завѣсу и предсталъ во всемъ своемъ блистающемъ величіи.

На Тенерифѣ русскіе вдоволь полакомились фруктами и взяли ихъ большіе запасы на дорогу. Къ сожалѣнію, матросы злоупотребили непривычнымъ для нихъ лакомствомъ и такъ захворали, что на суднѣ произошелъ не малый переполохъ; но докторская помощь была подъ руками, и всѣ больные поправились.

3-го ноября «Рюрикъ» вошелъ въ поясъ, гдѣ во множествѣ

встрѣчаются летучія рыбы. Нѣсколько штукъ упало на палубу и весьма кстати. Дѣло клонилось къ вечеру: гостей зажарили и съѣли за ужиномъ.

Эти вкусныя рыбы очень нравятся акуламъ, которыя за ними усердно охотятся. Спасаясь отъ своихъ преслѣдователей, рыбы взлетаютъ на воздухъ, но иногда, не достигнувъ до уровня палубы, ударяются о бортъ корабля и оглушенныя, прямо падаютъ въ пасть акулы. Въ этихъ широтахъ летучія рыбы всегда сопутствуютъ мореплавателямъ, но не всегда преподносятъ себя на жаркое. Иной разъ онѣ перелетаютъ черезъ корабль, не падая на него. Одна рыба пролетѣла такъ близко отъ вахтеннаго офицера на «Рюрикѣ», что сбила съ него фуражку.

10-го числа «Рюрикъ» прошелъ мимо живописнаго острова Брава, поднимающагося изъ воды почти отвѣсно, словно гигантская корзина съ роскошными растеніями. У береговъ играло множество большихъ и малыхъ рыбъ, которыя, то плескались въ водѣ, то выпрыгивали изъ нея на нѣсколько футовъ, сверкая на солнцѣ своею серебристою чешуею.

13-го ноября корабль вошелъ въ поясъ перемѣнныхъ вѣтровъ, сопровождаемыхъ дождями, грозами и шквалами. На корабль прилетѣли три журавля. Бѣдняги, вѣрно, отстали отъ своей стаи и заблудились. Одинъ былъ до того изнуренъ, что упалъ на корабль и издохъ; другіе два покружились надъ погибшимъ товарищемъ, и улетѣли, чтобъ погибнуть въ свою очередь. Стрѣлять въ нихъ не хватило духа.

Потомъ прилетѣла береговая птичка и сѣла отдыхать на реи.

— Откуда взялась эта птичка? удивлялись моряки. Земля далеко. Не путешествуетъ ли она съ попутными кораблями? Отдохнетъ, поднимется въ высь, увидитъ слѣдующій корабль и полетитъ къ нему. Совершаетъ она это путешествіе случайно, залетѣвъ на корабль, когда онъ уходитъ въ море, или имѣетъ опре-

дѣленную цѣль? Вопроса этого не могъ разрѣшить даже самъ Шамиссо.

Ноября 28-го «Рюрикъ» перешелъ экваторъ. Событіе это было торжественно отпраздновано. Корабль вымыли, вычистили и освѣтили фонарями. Офицеры и служителя одѣлись въ парадную форму и въ сосредоточенномъ молчаніи ожидали завѣтной минуты. Ровно въ 8 часовъ поднятъ былъ флагъ и южное полушаріе привѣтствуемо 8-ю выстрѣлами. Офицеры съ бокалами въ рукахъ поздравляли другъ друга; матросамъ данъ былъ пуншъ. Явился матросъ, одѣтый Нептуномъ съ трезубцемъ, короной и длинной бѣлой бородой; онъ окрестилъ, т. е. попросту облилъ водой каждаго, кто въ первый разъ переходилъ экваторъ. Изъ всего экипажа одинъ командиръ, плававшій уже не въ первый разъ, не подвергнулся холодному душу. Веселье было общее и продолжалось до глубокой ночи.

Вообще Коцебу принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобъ веселить матросовъ, признавая, что веселое настроеніе возбуждаетъ нервы и способствуетъ здоровью. По праздникамъ у матросовъ бывали вечеринки, маскарады, спектакли, для которыхъ пьесы сочиняли они сами. Спектакли и приготовленія къ нимъ очень занимали команду, доставляя въ тоже время матеріалъ для разговоровъ и шутокъ.

Приближаясь къ острову св. Екатерины, моряки увидали на поверхности моря темную полосу. За мель принять ее было нельзя, такъ какъ она двигалась. Когда спустили шлюпку и Вормскіольдъ изслѣдовалъ полосу, то оказалось, что она образовалась отъ безчисленнаго множества ракушекъ и сѣмянъ растеній, прозябающихъ на днѣ моря. Большою рыбою или якоремъ сорвало, вѣроятно, обширную площадь водорослей и миріады моллюсковъ, находившихъ тамъ пріютъ, всплыли на поверхность вмѣстѣ съ сѣменами растеній.

«Приближаясь къ бразильскимъ берегамъ, говоритъ Коцебу,

сразу же чувствуешь себя перенесеннымъ въ заколдованный міръ, полный самыхъ разнообразныхъ чудесъ природы. Вотъ низменные острова, съ которыхъ доносится чудное благоуханіе; но здѣсь нѣтъ жителей кромѣ крокодиловъ. Эти милыя животныя тотчасъ появляются у корабля, точно привѣтствуя путешественниковъ. Острова Тенерифъ и св. Екатерины лежатъ подъ одной широтой, одинъ въ сѣверномъ, другой въ южномъ полушаріи, но какая разница между ними! Тамъ — каменистая почва съ бѣдной растительностью; здѣсь — преизбытокъ даровъ природы, приводящей въ восхищеніе человѣка, впервые попавшаго сюда. Какіе дивные ландшафты! Горы, поросшія дѣвственнымъ лѣсомъ самыхъ разнообразныхъ породъ; долины съ сочною травою и быстро текущими рѣчками; лѣса араукарій, этихъ величественныхъ южныхъ сосенъ; рощи кокосовыхъ пальмъ, сквозь которыя, какъ сквозь частоколъ, просвѣчиваетъ солнце. Даже песчаныя равнины покрыты здѣсь мхомъ и папоротникомъ. Влажный и знойный воздухъ вызываетъ къ жизни всѣ силы земли и заставляетъ ее творить чудеса *).

Не смотря на то, что Бразилія лежитъ подъ тропиками, жары здѣсь не особенно тягостны. Они умѣряются морскими вѣтрами, которые дѣлаютъ климатъ не только сноснымъ, но и чрезвычайно пріятнымъ, особенно на морскомъ берегу. Въ Ріо-Жанейро морскіе вѣтры дуютъ обыкновенно отъ 12 ч. дня до заката солнца. Потомъ наступаетъ на нѣсколько часовъ тишина и затѣмъ дуютъ легкіе зефиры вплоть до разсвѣта. Отъ разсвѣта до полудня опять тишина и въ это то время бываетъ самый сильный зной.

Въ 4 часа пополудни у острова Санта-Круцъ «Рюрикъ» бросилъ якорь, почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла 12 лѣтъ тому назадъ «Надежда». На слѣдующій день Коцебу отправился

*) Подробное описаніе Бразиліи въ путешествіи Крузенштерна. I серія «Русскихъ Мореплавателей».

въ городъ Дудестерро и былъ принятъ очень любезно капитаномъ надъ портомъ, Пинто. Обѣдая на дачѣ Пинто, на воздухѣ, въ тѣни померанцевыхъ деревьевъ, Коцебу съ жадностью сѣверянина вдыхалъ ароматный воздухъ и любовался яркими колибри, которыя перепархивали съ цвѣтка на цвѣтокъ, оспаривая у мотыльковъ душистую пыль. На сѣверянина и, въ особенности, на моряка, столько времени не видавшаго земли, роскошная природа юга дѣйствовала возбудительно.

На слѣдующій день, на берегу, въ тѣни пальмъ и банановъ Коцебу разбилъ палатку и перенесъ туда хронометры и астрономическіе инструменты. Позади палатки возвышались лѣсистыя горы съ подлѣскомъ изъ померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Воздухъ былъ постоянно насыщенъ благоуханіями.

Вдоль берега находились поселенія милиціи, которая получала жалованье только въ военное время; а въ мирное — жила трудами рукъ своихъ, обработывая почву и воздѣлывая кофейное дерево. Коцебу нашелъ еще здѣсь торговлю невольниками. Участь этихъ несчастныхъ у богатыхъ плантаторовъ и въ большихъ городахъ была тяжелѣе участи вьючнаго скота; но у милиціонеровъ имъ жилось хорошо. Они работали вмѣстѣ съ своими хозяевами и составляли какъ бы часть ихъ семействъ.

Занимаясь своими хронометрами, моряки въ свободныя минуты наблюдали нравы и бытъ окрестныхъ жителей. Туземцы отличались беззаботнымъ и веселымъ характеромъ. По вечерамъ они собирались около палатки, приносили скрипки, флейты, и начиналась пляска. Дѣвушки танцовали увлекательное фанданго, матросы — трепака. Тотчасъ по захожденіи солнца, начинали свѣтиться миріады микроскопическихъ насѣкомыхъ. Трава, кустарники, листва деревьевъ, все казалось усыпаннымъ искрами. Чѣмъ больше сгущалась ночь, тѣмъ ярче свѣтились искры, порою сливаясь и образуя волны фосфорическаго свѣта. Близъ палатки протекала рѣчка, чистая какъ кристаллъ. Моряки закидывали

невода и вылавливали множество рыбы. Вмѣстѣ съ рыбою попадались морскія животныя и растенія — хорошая пожива для натуралистовъ.

Пробывъ на островѣ двѣ недѣли, моряки поплыли къ югу, сохранивъ о Бразиліи самое пріятное воспоминаніе.

II.

Приближеніе къ мысу Горну ознаменовалось цѣлымъ рядомъ страшныхъ бурь. Особенно ужасна была буря, свирѣпствовавшая 10-го января. Волны вздымались какъ горы и метали корабль во всѣ стороны. Коцебу стоялъ на шканцахъ, когда огромный валъ, ударивъ съ кормы, сбросилъ его за бортъ. Онъ успѣлъ ухватиться за веревки и такимъ образомъ былъ спасенъ. Опустошенія, произведенныя этимъ валомъ, были ужасны: перила были раздроблены въ щепы, пушечныя амбразуры сломаны, пушки разметаны. Съ каюты командира сорвало крышу и въ нее влилась вода, но, къ счастью, не повредила хронометровъ, стоявшихъ въ защищенномъ мѣстѣ. Иначе — это была бы потеря невознаградимая. Вода влилась въ трюмъ, попортила запасъ сухарей, проникла въ крюйтъ-камеру и подмочила порохъ. Руль былъ поврежденъ и рулевой сильно ушибленъ. Нѣсколько матросовъ тоже получили значительные ушибы.

Тихій океанъ, лежащій между Америкой и Азіей, совсѣмъ не оправдываетъ своего названія. Онъ тихъ только у береговъ, а вдали отъ нихъ онъ буренъ, какъ и всѣ другія моря. Гораздо болѣе соотвѣтствуетъ ему другое названіе: «Великій», каковъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ.

16-го января «Рюрикъ» обогнулъ мысъ Горнъ и опять попалъ въ полосу штормовъ, продолжавшихся нѣсколько дней. Наконецъ

1-го февраля онъ прошелъ параллель мыса Викторіи и на долго распростился съ штормами. Послѣ продолжительнаго напряженнаго состоянія моряки наконецъ свободно вздохнули. Въ 10 часовъ вечера, при лунномъ сіяніи увидали они берега Чили.

Чили, какъ можно видѣть на картѣ, представляетъ узкую полосу земли, которая идетъ отъ Магелланова пролива до 24° южной широты. Почти параллельно съ берегомъ, на нѣкоторомъ разстояніи, тянется цѣпь Кордильерскихъ горъ. Долины и лощины, пересѣкающія горы, хорошо обработаны. Видъ Кордильеръ издали очень своеобразенъ. Линія снѣга идетъ довольно ровной полосой, а надъ нею лежитъ полоса обнаженная, по мѣстамъ прерываемая группою остроконечныхъ верхушекъ, или одинокимъ конусомъ застывшаго вулкана. Вся цѣпь походитъ на сплошную стѣну съ уступами, кое гдѣ увѣнчанную сторожевыми башнями.

Когда изъ гавани Консепсіонъ увидали приближающійся корабль, ему на встрѣчу выслали шлюпку. Гребцы почему то не рѣшились подойти близко, Они что-то кричали, дѣлали знаки и потомъ живо отгребли обратно. Потомъ уже моряки узнали, что чилійцы приняли ихъ за морскихъ разбойниковъ, которые не рѣдко дѣлали набѣги на ихъ берега. Узнавъ, что прибывшій корабль русскій, они очень удивились и на слѣдующій же день посѣтили его.

Въ заливѣ Консепсіонъ была масса китовъ, которые безбоязненно плавали около корабля и пускали фонтаны. Одинъ вздумалъ даже потереться о бока «Рюрика», что дало судну порядочный толчекъ.

На слѣдующій день «Рюрикъ» всталъ на якорь въ гавани Талькахуано въ двухчасовомъ разстояніи отъ Консепсіонъ. Тотчасъ же явился на корабль комендантъ, донъ Мигуэль-де-Ривасъ, съ адъютантами. Узнавъ, къ какой національности принадлежатъ прибывшіе, Донъ-Мигуэль отнёсся къ нимъ весьма

любезно: «Привѣтствую васъ какъ представителей великой націи», сказалъ онъ, «которая волею императора Александра, доставила Европѣ спокойствіе. Никогда здѣсь русскій флагъ не развѣвался; вы первые пожаловали сюда».

Въ тотъ же день офицеры, по приглашенію коменданта, отправились къ нему въ гости и попали прямо на вечеръ.

Кто не бывалъ въ морѣ, тотъ и понятія не имѣетъ о томъ, какое чарующее впечатлѣніе производитъ общество себѣ подобныхъ на людей, которые были лишены его втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Новая обстановка, вообще, производитъ впечатлѣніе на каждаго, но у сухопутнаго путешественника, переходящаго постепенно отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, впечатлительность отчасти притупляется, тогда какъ у моряка, перенесеннаго черезъ океанъ на огромное пространство, она обостряется и отличается особенной яркостью.

Проплававъ болѣе года и почти не дѣлая остановокъ, моряки вдругъ очутились у антиподовъ на балѣ. Понятно, что все до мельчайшихъ подробностей интересовало ихъ.

«Кругомъ танцовальной залы, говоритъ Коцебу, шелъ помостъ со скамейками, покрытыми краснымъ сукномъ. Такое устройство довольно обыкновенно и не это удивляло насъ. Страннымъ показалось то обстоятельство, что на скамейкахъ сидѣли мужчины и пожилыя дамы, а молодыя помѣщались на ступенькѣ у ихъ ногъ. Я очень сконфузился, когда увидалъ у своихъ ногъ молодую дѣвицу въ атласномъ платьѣ и въ богатомъ брильянтовомъ уборѣ; но замѣтивъ, что другіе находятся въ такомъ же положеніи, я вспомнилъ пословицу: «что городъ, то норовъ», и успокоился».

На балѣ у коменданта русскіе моряки очаровали всѣхъ своею любезностью и умѣньемъ танцовать вальсъ. Они съ своей стороны были очарованы вѣжливостью испанцевъ и веселились отъ души.

Помимо обычнаго угощенія сластями и фруктами, втеченіе всего вечера предлагался гостямъ парагвайскій чай, извѣстный подъ названіемъ «мате». Его подавали въ серебряномъ сосудѣ съ трубочкой, черезъ которую нужно было высасывать напитокъ. Каждый гость, сдѣлавъ глотка два, передавалъ сосудъ другому и напитокъ переходилъ изъ рукъ въ руки, какъ у турокъ кальянъ. Моряки съ брезгливостью принимались за трубочку сосуда, побывавшую въ столькихъ ртахъ; къ тому же серебряная трубка жгла губы, но отказаться было неловко. Потомъ они приловчились и вставляли трубку въ зубы, не касаясь ее губами.

Дерево мате, или парагвайскій чай, растетъ по берегамъ южной Америки въ изобиліи. Сборъ этого чая даетъ туземцамъ хорошій заработокъ. Въ южной Америкѣ мате играетъ такую же роль какъ у насъ чай китайскій; его употребляютъ всѣ классы населенія и даже индѣйцы. Европеецъ не скоро привыкаетъ къ нему, но потомъ такъ втягивается, что не можетъ обойтись безъ него.

На слѣдующій день, при пальбѣ изъ крѣпости, пріѣхалъ на корабль губернаторъ, донъ Мигуэль д'Атеро, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ. Онъ былъ очень любезенъ, отзывался восторженно о русскомъ Императорѣ и выражалъ симпатіи русскому народу. При отъѣздѣ ему салютовали, по положенію, 8-ю выстрѣлами.

По приказанію губернатора, Коцебу отведенъ былъ на берегу прекрасный домъ съ садомъ. Туда онъ и перенесъ свои хронометры для провѣрки.

25-го февраля губернаторъ, имѣвшій резиденцію въ Консепсіонѣ давалъ праздникъ въ честь русскихъ. Чтобы избѣжать зноя, моряки выѣхали изъ Талькахуано рано утромъ верхами, въ сопровожденіи коменданта и испанскихъ офицеровъ. Направо и налѣво разстилались поля, засѣянныя различными злаками.

Комендантъ объяснялъ русскимъ систему полеводства въ этихъ мѣстахъ. «Тяжело нашему земледѣльцу, говорилъ онъ. Почва камениста, влаги выпадаетъ мало, безъ искусственнаго орошенія ничего не родится. Но воды въ горахъ сколько угодно; стоитъ только залучить ее. Зато почва сторицею вознаграждаетъ труженика; такъ она плодородна.

Въ городѣ русскіе были встрѣчены 8-ю пушечными выстрѣлами, и среди двойной шпалеры войскъ, прослѣдовали въ замокъ. Здѣсь уже собрались высшіе чиновники, военные и гражданскіе, и епископъ. Всѣ были въ полной парадной формѣ.

За обѣдомъ, роскошно сервированномъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ и ружейныхъ залповъ, пили за здоровье русскаго императора и испанскаго короля. Ледъ для охлажденія шампанскаго привезенъ былъ съ высотъ Кордильеръ.

На слѣдующій день былъ балъ у одного изъ сановниковъ Консепсіона, а 3-го марта Коцебу пригласилъ къ себѣ на балъ губернатора и просилъ приглашеніе его передать знатнѣйшимъ лицамъ въ городѣ. Русскихъ видѣли чилійцы первый разъ въ жизни; надо было показать имъ себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Съ этой цѣлію Коцебу, совмѣстно съ офицерами, обсуждалъ программу праздника, заключавшую въ себѣ обѣдъ и балъ; настоящую «folle journée».

Приглашенные, во избѣжаніе зноя, стали съѣзжаться рано. Большинство мужчинъ и дамъ пріѣхали верхомъ. Нѣкоторыя прибыли въ оригинальныхъ экипажахъ вродѣ домиковъ на двухъ колесахъ, влекомыхъ волами. Въ такихъ домикахъ, въ южной Франціи раздѣваются купальщицы. Шлюпка съ «Рюрика» то и дѣло перевозила гостей на корабль. Моряки, какъ всегда, были чрезвычайно любезными хозяевами, и гости остались въ восторгѣ.

Балъ, данный вечеромъ, происходилъ на берегу. Такъ какъ домъ, занимаемый Коцебу, не вмѣстилъ бы всѣхъ гостей, онъ обратилъ сосѣдній сарай въ танцовальную залу. Столбы, поддер-

живавшіе потолокъ, обставлены были деревьями, которыя, соединивъ свои кроны, образовали зеленый сводъ и закрыли потолокъ. Въ глубинѣ залы находился большой транспарантъ, изображающій генія, вѣнчающаго лавровымъ вѣнкомъ вензель императора Александра. Залъ, домъ, гдѣ ужинали, садъ, соединявшій домъ съ заломъ, освѣщены были множествомъ лампъ и фонариковъ. Такое обиліе свѣта поражало гостей. На ихъ балахъ, самыхъ парадныхъ, освѣщеніе очень скудно. Великолѣпный фейерверкъ закончилъ праздникъ. Чилійцы никогда не видали ничего подобнаго. Все общество, не исключая губернатора, веселилось отъ души и разъѣхалось только на разсвѣтѣ.

Своеобразные обычаи чилійцевъ постоянно обращали на себя вниманіе моряковъ. На улицахъ Талькахуано нерѣдко, посреди дня, можно было видѣть костры, на которыхъ бѣдняки готовили себѣ кушанье. Въ большинствѣ домовъ нѣтъ ни каминовъ, ни очаговъ. Въ холодное время года люди грѣются у костровъ на улицахъ и расплачиваются за это довольно частыми пожарами.

У хозяина дома, въ которомъ жилъ Коцебу, умеръ ребенокъ. Въ тотъ же вечеръ хозяинъ явился приглашать своего постояльца на праздникъ. Странно звучало это слово въ соединеніи съ представленіемъ о смерти. Коцебу съ товарищами отправился по приглашенію. Войдя въ патіо (внутренній дворъ, замѣняющій пріемную) офицеры остановились, въ недоумѣніи; въ углу поставленъ былъ, стоймя, умершій младенецъ, разукрашенный какъ икона. Вокругъ него горѣли свѣчи и канделябры. Собравшіеся гости провели весь вечеръ въ пѣсняхъ и пляскахъ въ честь невинной души, отлетѣвшей на небо.

Втеченіе трехъ недѣль, проведенныхъ у чилійскихъ береговъ, офицеры постоянно находились въ обществѣ. Они получали множество приглашеній отъ разныхъ нотаблей города; иногда даже на улицѣ подходилъ какой-нибудь господинъ къ

гуляющему офицеру и зазывалъ къ себѣ. На корабль то и дѣло пріѣзжали гости; иной разъ цѣлою компаніею. Однажды пріѣхали нѣсколько кавалеровъ и дамъ съ гитарами и попросили позволенія потанцовать на шканцахъ; все это были люди порядочнаго общества.

Замѣтно было, что русскіе нравились чилійцамъ. Въ ту эпоху, вскорѣ послѣ французской кампаніи, русскіе вообще были въ модѣ. Особенно восхищалъ всѣхъ императоръ Александръ. Многіе издалека пріѣзжали на корабль, только для того, чтобы видѣть его портретъ, висѣвшій въ капитанской каютѣ.

Непринужденность мѣстнаго общества, наряду съ утонченной вѣжливостью казалась очень привлекательною морякамъ. Къ сожалѣнію, незнаніе языка много мѣшало обоюдному удовольствію. Многіе вспомнили слова Головнина: «Еслибы кадеты морского корпуса понимали, какъ стыдно и больно офицеру, находящемуся въ чужихъ краяхъ, не умѣть объясняться на чужомъ языкѣ, они приложили бы всѣ старанія къ изученію языковъ, что весьма важно, какъ въ служебныхъ дѣлахъ, такъ равно и для удовольствія».

Испанскіе офицеры, въ сущности добродушные малые, поражали своимъ невѣжествомъ. Одинъ изъ нихъ, адъютантъ, увидавъ въ каютѣ Распятіе, воскликнулъ:

— Какъ, это Христосъ! Развѣ вы вѣруете во Христа?

— Конечно, отвѣчали ему.

— И всѣ русскіе вѣруютъ?

— Безъ сомнѣнія, всѣ русскіе вѣруютъ, да развѣ вы объ этомъ не знали?

— Никогда не слыхалъ, чтобъ русскіе были христіане. Я считалъ ихъ греками...

Офицеры съ трудомъ сдерживали улыбку. Очевидно, что по понятіямъ сего ученаго мужа, слово грекъ означало идолопоклонника, почитателя Юпитера, Марса и т. д.

Памятуя пословицу: дружба дружбой, а служба службой, Коцебу сталъ собираться въ путь. Всѣ работы на кораблѣ были окончены, хронометры вывѣрены, вѣтеръ дулъ попутный. Комендантъ Талькахуано, донъ Мигуэль-де-Ривасъ, бывавшій почти каждый день на «Рюрикѣ», такъ полюбилъ русскихъ, что прощался съ ними со слезами на глазахъ.

Уходя изъ Талькахуано, морякамъ и въ голову не приходило, что не болѣе какъ черезъ 15 лѣтъ отъ этого города не останется и слѣда. Въ 1831 году сильное землетрясеніе, бичъ этихъ странъ, произвело страшное опустошеніе: ни въ Консепсіонѣ, ни въ Талькахуано не уцѣлѣло ни одного дома; 70 селеній погибло, а развалины Талькахуано смыты и унесены моремъ.

Землетрясеніе въ Талькахуано началось въ 12-мъ часу утра. Вскорѣ послѣ перваго удара, въ морѣ, миляхъ въ 3-хъ отъ берега, поднялся громадный валъ и буруномъ накатился на берегъ, превзойдя на 32 фута вышину обыкновеннаго прилива. Сила этой волны была такова, что въ фортѣ одна пушка вмѣстѣ съ лафетомъ отброшена была на 15 саженъ. Въ развалинахъ города на полуверстномъ разстояніи нашли выброшенную шхуну. За первою волною послѣдовали другія, постепенно смывавшія дома и все, что было на берегу. Въ одномъ мѣстѣ бухты былъ выброшенъ на берегъ корабль и потомъ унесенъ въ море; потомъ вторично выброшенъ и вторично унесенъ. Въ другомъ мѣстѣ два большіе судна, стоявшіе на якорѣ, нанесло другъ на друга и разбило въ щепы. Въ первые часы, послѣдовавшіе за первымъ ударомъ, изъ воды поднялся огромный водяной столбъ; вода запѣнилась и зашипѣла. Жители поняли, что это значитъ и, побросавъ свое имущество, устремились въ горы, стараясь взобраться какъ можно выше.

Множество народа погибло; но погибло бы еще больше, еслибъ землетрясеніе случилось ночью.

Когда удары стали стихать, жители возвратились домой.

Домой! Какой ироніей звучитъ это слово. Домовъ они не нашли, а вмѣсто нихъ — морскую пучину.

III.

Землетрясеніе 1831 года было однимъ изъ самыхъ страшныхъ когда либо случавшихся въ Чили, но подобныя явленія въ большей или меньшей степени не рѣдкость въ этой странѣ, и жители къ нимъ приспособились.

На слѣдующій день по выходѣ въ море, моряки почувствовали странное сотрясеніе въ воздухѣ, отъ котораго вздрагивалъ корабль, причемъ слышенъ былъ шумъ, похожій на гулъ отдаленнаго грома. Сотрясенія съ перерывами минуты въ три повторились нѣсколько разъ. Весьма вѣроятно, что на ближайшемъ американскомъ берегу подземный огонь производилъ въ это время разрушительную работу.

По инструкціи, Коцебу долженъ былъ провѣрить положеніе нѣсколькихъ, вновь открытыхъ острововъ, но напрасно онъ искалъ ихъ; означенныхъ острововъ не оказалось. Подобное явленіе хорошо знакомо опытнымъ морякамъ. Ванкуверъ и Парри не даромъ совѣтовали имъ не увлекаться видимостью, а довѣрять только неоспоримымъ признакамъ, каковы: прибой, растительность, разноцвѣтныя наслоенія береговъ. Что же касается неясныхъ очертаній земель или горъ, то намѣчать ихъ не иначе, какъ по тщательномъ изслѣдованіи, т. к. они легко могутъ быть порожденіемъ тумановъ или облаковъ. Въ тѣхъ широтахъ, гдѣ царятъ непогоды, туманы часто скрываютъ настоящія земли, а преподносятъ мореплавателямъ земли мнимыя

и оптически обманъ бываетъ такъ силенъ, что даже опытные моряки ошибаются.

28-го марта «Рюрикъ» достигъ острова Пасхи и направился къ Кукову заливу. На берегу показался дымъ, служившій, вѣроятно, сигналомъ появленія корабля. Вскорѣ появились двѣ лодки съ коромыслами; на каждой по два человѣка. Коромыслами называются шесты, положенные поперекъ лодки и скрѣпленные на концахъ продольными шестами. Эти коромысла играютъ роль отводовъ у саней; они не даютъ лодкѣ опрокинуться. Такая конструкція довольно обыкновенна на Южномъ океанѣ.

Основываясь на разсказѣ Лаперуза о чрезвычайномъ радушіи обитателей острова Пасхи, Коцебу былъ увѣренъ, что туземцы ѣдутъ привѣтствовать почтившихъ ихъ своимъ прибытіемъ европейцевъ. Но вышло иначе: туземцы словно боялись ихъ и остановившись на извѣстномъ разстояніи, стали показывать привезенные плоды и овощи. Сколько ихъ ни подманивали, они продолжали держаться въ почтительномъ отдаленіи.

Не обращая вниманія на туземцевъ, моряки спустили яликъ и направились къ берегу. Замѣтивъ это, двѣ лодки повернули обратно и дикари принялись усиленно грести. Въ тоже время отъ берега отвалило еще нѣсколько лодокъ и въ одну минуту яликъ оказался окруженнымъ цѣлою флотиліею. Туземцы привезли бананы, корень таро и мѣняли на обломки желѣзныхъ обручей съ бочекъ, наивно радуясь пріобрѣтеннымъ сокровищамъ. Съ каждой минутой дикари дѣлались смѣлѣе и чуть не вырывали предметы изъ рукъ моряковъ. Чтобы обуздать ихъ, въ нихъ выстрѣлили мелкой дробью, но это нисколько не испугало ихъ.

Узнавъ по сигналу съ ялика, что въ заливѣ есть удобное мѣсто для якорной стоянки, «Рюрикъ» пошелъ туда. Только что увидали туземцы приближеніе корабля, ихъ лодки, словно чайки, разлетѣлись въ разныя стороны. По всему видно было, что русскимъ не встрѣтить здѣсь радушнаго пріема.

Двѣ вооруженныя шлюпки отдѣлились отъ «Рюрика» и пошли къ берегу. Большая толпа дикихъ собралась на берегу. Они кричали, плясали, дѣлали странныя тѣлодвиженія; вообще казались возбужденными, но въ какомъ именно смыслѣ—разобрать было трудно. Такъ какъ мѣсто, на которомъ они стояли, было единственное, куда не достигали волны буруна, то русскіе хотѣли здѣсь высадиться, знаками приглашая дикарей удалиться. Но тѣ и въ усъ не дули, продолжая кривляться и гримасничать. Не рѣшаясь оставить шлюпки на произволъ дикарей, моряки отгребли обратно. Сотни туземцевъ бросились въ воду и окруживъ шлюпки, предлагали въ промѣнъ свои продукты. Повидимому нѣкоторые острили, такъ какъ между остальными то и дѣло раздавались взрывы самаго дикаго хохота. Оставшіеся на берегу, увлеченные веселостью товарищей, такъ расходились, что принялись швырять въ шлюпки каменьями. Но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ они прекратили свою забаву, а бывшіе въ водѣ поплыли къ берегу.

Воспользовавшись минутой, когда дикари отошли, русскіе подгребли къ берегу и высадились, но тотчасъ же дикари снова ихъ окружили и принялись кричать такъ громко, что русскіе не могли разслышать другъ друга. Лейтенантъ Шишмаревъ, посѣтившій Южный океанъ въ первый разъ, глядѣлъ на эти кривляющіяся существа съ большимъ интересомъ. Ихъ лица, раскрашенныя бѣлою и черною краскою, придавали имъ свирѣпый видъ, а тѣлодвиженія напоминали обезьянъ.

Вспоминая Лаперуза, Коцебу не иначе объяснялъ себѣ враждебность туземцевъ какъ предположеніемъ, что въ позднѣйшее время у нихъ были столкновенія съ европейцами. Это предположеніе казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что женщинъ совсѣмъ не было видно. Кое-гдѣ, вдали, мелькали фигуры, закутанныя въ плащи, которые на всѣхъ островахъ Южнаго океана выдѣлываются изъ древесной коры. Можно было догадаться, что это женщины.

Убѣдившись въ враждебности туземцевъ и въ нежеланіи ихъ допустить чужестранцевъ внутрь страны, Коцебу счелъ за лучшее возвратиться на корабль. На прощанье онъ велѣлъ бросить въ толпу нѣсколько бездѣлушекъ. Когда шлюпки отвалили, дикари подняли ужаснѣйшій крикъ и стали бросать каменьями, такъ что снова пришлось обуздать ихъ выстрѣлами. Огибая островъ, моряки видѣли воздѣланныя нивы, служившія доказательствомъ, что туземцы уже достигли нѣкоторой степени культуры.

Впослѣдствіи, бывши на Сандвичевыхъ островахъ, Коцебу слышалъ разсказъ, который разъяснилъ ему враждебное отношеніе туземцевъ. Въ 1805 г. капитанъ американской шкуны «Нанси» (фамилія капитана Коцебу сообщена не была) нашелъ на пустынномъ островѣ Массафуеро котиковъ. Котиковый мѣхъ очень дорого цѣнился въ Китаѣ, и капитану захотѣлось нажиться. Не имѣя достаточно людей для широкой постановки дѣла, капитанъ задумалъ похитить нѣсколькихъ туземцевъ съ острова Пасхи, перевезти ихъ на Массафуеро и организовать промышленную колонію. Похищеніе, разумѣется, не обошлось безъ кровопролитія. Туземцы отчаянно защищались, но сила европейскаго оружія превозмогла. Капитану удалось увезти 12 мужчинъ и 10 женщинъ, но изъ этого ничего не вышло. Втеченіе трехъ дней держали похищенныхъ связанными, но затѣмъ, разсудивъ, что всякая опасность миновала, ихъ развязали. Въ туже минуту мужчины бросились въ воду; женщинъ успѣли удержать. Съ судна видѣли, какъ дикари, держась на водѣ, совѣщались. Потомъ, раздѣлившись на двѣ партіи, одни поплыли на право, другіе на лѣво. Капитанъ легъ въ дрейфъ, надѣясь, что дикари одумаются и вернутся, но не тутъ то было. Этимъ людямъ, привыкшимъ къ бурной стихіи, казалось возможнымъ, не смотря на дальнее разстояніе, достигнуть родины. Съ другой стороны, они, можетъ быть, предпочитали смерть неволѣ.

Увидавъ, что дикари не возвращаются, капитанъ послалъ за ними въ догонку шлюпку. Но шлюпка вернулась безъ всякаго результата. Только что она настигала бѣглецовъ, какъ они ныряли, и море принимало ихъ подъ свою защиту. Выплывали они уже на значительномъ разстояніи.

Набѣги капитана повторялись потомъ нѣсколько разъ. Понятно, что дикари возненавидѣли чужеземцевъ и не подпускали ни одного корабля.

Южный океанъ въ ту эпоху былъ еще мало изслѣдованъ и сулилъ много открытій предпріимчивымъ морякамъ. Они жадно ловили малѣйшій признакъ близости земли. Матросу, стоявшему на саленгѣ, за открытіе обѣщана была награда. Зато и усердствовали матросы не по разуму. Крикнетъ матросъ: берегъ! Всѣ офицеры съ подзорными трубами бросаются наверхъ. Командиръ уже придумываетъ названіе новооткрытому острову. Въ самомъ дѣлѣ виднѣется сѣрая полоса; конечно, это земля. Но вдругъ мнимая земля поднимается въ видѣ густого облака, разбивается на клочья и исчезаетъ.

Вотъ показалось бѣлое пятно; для земли оно слишкомъ мало; стало быть, для моряковъ нѣтъ поживы. Но, можетъ быть, есть пожива для натуралистовъ. Они направляютъ туда свои трубы и видятъ милліоны чаекъ, сидящихъ на тушѣ мертваго кита. Это, въ полномъ смыслѣ слова, пиръ чаекъ; вся вода кругомъ окрашена кровью.

Дни стояли знойные и ночи не давали прохлады. Въ каютахъ было до нельзя душно; офицеры спали на шканцахъ. Однажды Коцебу проснулся въ испугѣ; около него терлось что-то холодное и скользкое; это оказалась непрошеная гостья — летучая рыба.

Наконецъ судьба сжалилась надъ молодымъ капитаномъ и подарила ему островокъ. «Земля!» возвѣстилъ съ саленга матросъ. Да, это была безспорно земля, коралловый островъ съ ла-

гуною посрединѣ. Островъ былъ очень низменъ, и росшій на немъ лѣсъ казался выходящимъ изъ самаго моря. Берега окружены были рифами, и бурунъ билъ такъ сильно, что пристать не было возможности. Какъ только солнце потонуло въ морѣ, всѣ птицы, до той поры летавшія вокругъ корабля, улетѣли на островъ; утромъ онѣ опять возвратились. «Основываясь на многолѣтнемъ опытѣ, говоритъ Коцебу, я смѣло могу утверждать, что появленіе большого числа морскихъ птицъ, въ особенности пеликановъ, можетъ служить для мореплавателей вѣрнѣйшимъ признакомъ близости необитаемаго острова. Если плыть за этими птицами послѣ заката, то легко найти и пріютъ ихъ».

Огибая островокъ, Коцебу далеко не былъ увѣренъ, что сдѣлалъ открытіе. По описанію, островокъ походилъ на островъ «Собачій», открытый Шоутеномъ, но по положенію, онъ не вполнѣ ему соотвѣтствовалъ. Назвавъ островъ «Сомнительнымъ», и убѣдившись, что онъ необитаемъ, Коцебу не счелъ нужнымъ къ нему приставать и пошелъ далѣе.

20-го апрѣля былъ открытъ еще островъ и на этотъ разъ не сомнительный. «Я радовался какъ ребенокъ, говоритъ Коцебу, любуясь на этотъ красивый островъ, поросшій кокосовыми пальмами. Намъ всѣмъ непремѣнно хотѣлось побывать на немъ, чтобы настоящимъ образомъ отпраздновать свое открытіе. Но островъ былъ окруженъ рифами, о которые съ яростью бился бурунъ; пристать къ острову въ шлюпкѣ нечего было и думать. Пока мы охали да ахали, два матроса вызвались плыть къ берегу. Такое предложеніе мнѣ показалось рискованнымъ; матросы наши не то, что южно-океанскіе дикари, которые на волнахъ океана все равно что у себя дома. Я сталъ отговаривать матросовъ, но они настаивали и увѣряли, что мнѣ опасаться нечего. Дѣйствительно, матросы благополучно вышли на берегъ, но вглубь идти не рѣшились, такъ какъ нашли явные признаки пребыванія здѣсь человѣка. Они взяли валявшійся на землѣ плете-

ный снурокъ, кокосовой скорлупы и возвратились на корабль.

«Узнавъ, что островъ обитаемъ, намъ еще больше захотѣлось попасть туда. Полагая, что на паромѣ всего удобнѣе будетъ добраться до острова, я велѣлъ собрать всѣ имѣвшіяся на «Рюрикѣ» доски и шесты и немедленно приступить къ работѣ. Люди работали всю ночь и къ утру паромъ на одного человѣка поспѣлъ. Въ 7 часовъ утра спустили двѣ шлюпки, взяли паромъ и направились къ берегу. Не доѣзжая 40 саженей, шлюпки остановились, а матросы, взявъ веревки въ зубы, поплыли къ берегу. Такимъ образомъ установлено было сообщеніе, по правдѣ сказать, довольно рискованное. Одинъ изъ насъ становился на паромъ и тянулся по веревкѣ къ буруну, предоставляя какой-нибудь волнѣ выбросить его на берегъ. Какъ только переѣзжающій ступалъ на твердую землю, со шлюпки притягивали паромъ обратно. Такимъ образомъ перебрались всѣ кромѣ матросовъ, оставленныхъ при шлюпкахъ. Всѣ были болѣе или менѣе ушиблены острыми рифами и, конечно, всѣ промокли. Зато съ какимъ восторгомъ ступили мы на открытую нами землю.

«Вооружившись какъ слѣдуетъ, мы пошли во внутрь острова, встрѣчая на каждомъ шагу слѣды человѣка; напали на тропинку, которая вела въ лѣсъ. Опасаясь засады, мы шли осторожно, пробираясь между кустарниками, издававшими чудный ароматъ. Наконецъ достигли поляны, окаймленной кокосовыми пальмами. Тутъ стояла новая, только что сдѣланная лодка съ коромысломъ. Утомленные зноемъ и ходьбою, мы сѣли подъ деревомъ и съ наслажденіемъ полакомились кокосовымъ молокомъ. Я чувствовалъ себя на верху блаженства; такъ радовало меня открытіе этого прелестнаго островка».

«Отдохнувъ, мы пошли дальше и набрели на хижины, покинутыя обитателями. На шестахъ развѣшены были сѣти. По всему видно было, что хижины эти служили только временнымъ пріютомъ людямъ, пріѣзжавшимъ съ другого острова ловить рыбу.

Мы взяли нѣсколько предметовъ мѣстнаго производства и, взамѣнъ, положили европейскіе товары».

«Втеченіе четырехъ часовъ мы пересѣкли весь островъ. По пути нашли нѣсколько водоемовъ, тщательно сдѣланныхъ и въ нихъ хорошую воду. Извѣстно, что на коралловыхъ островахъ нѣтъ ключей; на этомъ островѣ не было и лагуны, а потому туземцы принуждены дѣлать водоемы для скопленія дождевой воды.»

«Вернувшись къ мѣсту нашей высадки, мы усѣлись на берегу и роспили бутылку вина за здоровье графа Румянцева, именемъ котораго я назвалъ новооткрытый островъ».

«Перебравшись такимъ же порядкомъ черезъ бурунъ на шлюпки, мы подняли флагъ и сдѣлали нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. На «Рюрикѣ», гдѣ ожидали этого сигнала, загремѣлъ пушечный салютъ и взвился Императорскій флагъ. Весь экипажъ получилъ двойную порцію, а матросъ, который первый увидалъ землю — денежную награду».

Съ этого дня пошли открытія за открытіями. На слѣдующій день открытъ былъ островъ коралловаго образованія съ лагуною. Онъ, вѣроятно, возникъ недавно, такъ какъ на немъ растительности не было. Назвавъ этотъ островъ именемъ адмирала Спиридова, Коцебу не нашелъ нужнымъ его изслѣдовать и пошелъ далѣе. Затѣмъ открылась цѣлая группа коралловыхъ острововъ, названная цѣпью «Рюрика»; затѣмъ еще группа, названная именемъ Крузенштерна. Многіе изъ острововъ были покрыты густымъ лѣсомъ, но человѣческаго жилья не было видно. Плаваніе между этими коралловыми образованіями было далеко не безопасно. По счастію, все время стояла хорошая погода; но случись вѣтеръ, не говоря уже о штормѣ, и «Рюрикъ» могъ бы погибнуть. Въ виду этого, а также въ виду необходимости поспѣшить въ Беринговъ проливъ, Коцебу не сталъ подробно изслѣдовать новооткрытые острова и удовольствовался опредѣленіемъ ихъ широты и долготы.

30-го апрѣля «Рюрикъ» находился въ виду Пенриновыхъ острововъ, которые никѣмъ еще не были изслѣдованы. Эта группа, соединенная рифами, должна была со временемъ слиться и образовать одинъ большой островъ. Многіе острова покрыты были густымъ лѣсомъ.

Замѣтивъ дымокъ на одномъ мысу, и направивъ туда зрительныя трубы, моряки увидали множество людей. Одни суетились, бѣгая взадъ и впередъ, другіе спускали лодки. Люди съ отдаленныхъ острововъ уже гребли къ судну. Тутъ были лодки разныхъ величинъ, съ парусами и безъ парусовъ. Лодки вмѣщали отъ 3-хъ до 15-ти человѣкъ. Въ каждой сидѣлъ старикъ съ пальмовымъ вѣнкомъ на шеѣ. Въ лѣвой рукѣ, поднятой вверхъ, старики держали пальмовую вѣтвь — символъ мира у островитянъ Южнаго океана. Саженяхъ въ 20-ти отъ «Рюрика», лодки остановились, и дикари затянули заунывную пѣсню. Потомъ они смѣло подгребли къ кораблю и принялись вымѣнивать кокосы на разную дрянь. Съ особеннымъ удовольствіемъ брали они желѣзные гвозди. Такъ какъ лодкамъ позволено было подойти только съ одной стороны, то онѣ тѣснились, толкали одна другую, опрокидывались. Но это нисколько не смущало дикарей; они смѣялись и шутили. Тѣ, которымъ не удалось еще подойти къ кораблю, забавлялись по своему: они пѣли, плясали, прыгали, кривлялись. Иные бросались въ воду, исчезали подъ лодкой и, вынырнувъ, вновь вскакивали въ нее. Это зрѣлище чрезвычайно забавляло моряковъ. На корабль взойти дикарямъ не позволили, а для мѣны бросали имъ веревки, къ которымъ они привязывали свой товаръ и такимъ же путемъ получали уплату. Одинъ изъ старшинъ расхрабрился, вскочилъ на трапъ и заглянулъ на шканцы. По лицу его видно было, что онъ пораженъ тѣмъ, что видитъ. Товарищи его подняли крикъ и стащили его долой. Очутившись въ лодкѣ, онъ сталъ быстро махать руками и, съ обычнымъ дикарямъ кривляньемъ, разсказывалъ, что видѣлъ и что

русскіе подарили ему за храбрость. Ободренные примѣромъ, остальные дикари не въ мѣру расхрабрились и начали таскать съ судна, что могли; когда же ихъ останавливали, они не слушались и смѣялись. Наконецъ они стали прямо грозить. Не имѣя понятія объ огнестрѣльномъ оружіи, дикари вообразили, что при ихъ численности, они одолѣютъ русскихъ. Чтобы сразу отъ нихъ отдѣлаться, Коцебу приказалъ выстрѣлить. Надо было видѣть эффектъ. Въ одну секунду лодки опустѣли и дикари скрылись подъ водою. Вода зашумѣла и потомъ все стихло; казалось пучина поглотила пловцовъ. Но мало по малу одна голова за другой стала появляться на поверхности; лица выражали ужасъ. Но, убѣдившись, что имъ ничто не угрожаетъ, дикари стали подплывать къ лодкамъ и прыгать въ нихъ. Урокъ всетаки подѣйствовалъ; нахальства больше не проявлялось.

Жители Пенриновыхъ острововъ не татуируются. Волосы имѣютъ длинные, жесткіе; лица безобразныя. Одеждъ не носятъ; у нѣкоторыхъ исцарапана грудь. Ногти у большинства длинные; доходятъ до трехъ дюймовъ. На лодкахъ женщинъ не было; но въ зрительную трубу видно было, какъ онѣ гуляли по берегу.

Около полудня разыгралась сильная гроза, но дикари не обращали на нее никакого вниманія. Они прикрѣпили свои лодки къ «Рюрику» и поровили выдергивать гвозди изъ корпуса корабля; притомъ такъ неистово галдѣли, что нельзя было разслышать команды. Не желая пугать ихъ вторичнымъ выстрѣломъ, Коцебу велѣлъ поставить всѣ паруса. Вслѣдствіе быстраго движенія судна, нѣкоторыя лодки опрокинулись, и дикіе отстали. Долго еще они кричали и знаками приглашали моряковъ вернуться.

Три морскія ласточки прилетѣли на корабль и были пойманы. Двумъ навязали на шею кусочки пергамента съ надписью имени корабля, года и числа, а третью принесли въ даръ естествоиспытателю. Къ вечеру того же дня убили острогами дельфина. Это

была первая добыча такого рода. Давно уже экипажъ не видалъ свѣжаго мяса и питался солониной, а потому мясо дельфина показалось ему очень вкуснымъ. Множество птицъ прилетало на корабль, свидѣтельствуя о близости земли. Возможность дѣлать открытія была очень соблазнительна, но благоразуміе требовало спѣшить въ Камчатку и дальше, по назначенію.

22-го мая корабль проходилъ вблизи группы коралловыхъ острововъ, похожихъ на цѣпь «Рюрика». На одномъ островѣ, покрытомъ густымъ кокосовымъ лѣсомъ, виднѣлись люди, а у берега стояло большое судно, которое, поднявъ парусъ, пошло на встрѣчу кораблю. Строеніе судна и ловкость людей, имъ управлявшихъ внушали морякамъ мысль, что они будутъ имѣть дѣло съ людьми не совсѣмъ дикими. Не доходя ста саженъ до «Рюрика» судно остановилось. Люди стали показывать привезенные плоды и знаками приглашать на берегъ. По виду эти люди были гораздо симпатичнѣе обитателей Пенриновыхъ острововъ. Между ними соблюдалась извѣстная дисциплина. Начальникъ сидѣлъ, подогнувъ ноги, на возвышеніи, устроенномъ на кормѣ и убранномъ пестрыми цыновками; на головѣ у него былъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ и раковинъ. Съ любопытствомъ разсматривали дикари корабль, показывая пальцами на предметы, которые ихъ удивляли и оживленно между собою разговаривали. Русскіе приглашали островитянъ приблизиться къ кораблю, но они продолжали оставаться въ почтительномъ отдаленіи. Шишмаревъ, Шамиссо и живописецъ Хорисъ сѣли въ шлюпку и поплыли къ судну. Дикари заволновались и, повидимому, стали совѣщаться: ожидать ли имъ шлюпку, или утекать. Тѣмъ временемъ русскіе уже подплыли и подарками старались снискать расположеніе дикарей. Дѣло, повидимому, шло на ладъ. Ободренный удачею, Шишмаревъ хотѣлъ, было, ступить на туземную лодку, но дикари быстро бросили въ шлюпку нѣсколько кокосовъ и красивую цыновку, взамѣнъ полученныхъ подарковъ и, отойдя на нѣкоторое раз-

стояніе, стали плавать взадъ и впередъ, знаками приглашая русскихъ выйти на берегъ.

Парусъ туземной лодки изъ тонкой цыновки, въ видѣ треугольника, обращенъ былъ острымъ концемъ внизъ. Русскіе любовались, съ какой ловкостью и проворствомъ дикари имъ дѣйствовали. Эти дикари высокіе, статные, прямо просились на картину. Почти у каждаго на головѣ былъ цвѣточный вѣнокъ; на шеѣ и въ ушахъ цвѣты и раковины. Одежда ихъ состояла изъ двухъ цыновокъ, спереди и сзади.

Не разсчитывая здѣсь останавливаться, Коцебу направилъ курсъ къ югу. Дикіе долго плыли за «Рюрикомъ», манили обѣими руками, показывали плоды. Русскіе съ своей стороны ихъ манили. «Рюрикъ» шелъ быстро и скоро потерялъ изъ виду туземцевъ и ихъ островъ.

18-го іюня моряки почувствовали въ полной мѣрѣ близость Камчатки*). Ртуть сразу опустилась, и пошелъ снѣгъ. На слѣдующій день «Рюрикъ» вошелъ въ Петропавловскую гавань. Все кругомъ имѣло еще видъ зимы, и моряки, прибывшіе изъ благодатныхъ тропическихъ странъ, невольно искали глазами зелени, но вмѣсто нея видѣли однообразную бѣлую пелену. Единственное разнообразіе представляли горы, вершины которыхъ, покрытыя снѣгомъ, ослѣпительно сверкали на солнцѣ. Въ этотъ годъ, впрочемъ, зима была особенно продолжительна въ Камчаткѣ.

«Рюрикъ» пришелъ съ востока и у него оказалась разница въ счисленіи на цѣлые сутки. Въ Петропавловскѣ было 20-е іюня, Воскресенье, а на «Рюрикѣ» 19-е Суббота. Какъ ни объясняли матросамъ, откуда происходитъ такая разница, они не могли понять и увѣряли, что петропавловцы сбились со счета.

Начальникомъ Камчатки былъ тогда Рудаковъ, находившійся на «Діанѣ» во время плѣненія Головнина; позднѣе—его замѣнилъ

*) Подробное описаніе Камчатки I серія «Русскихъ Мореплавателей» того же автора.

Рикордъ. Въ то время Камчатка была краемъ совершенно дикимъ, Петропавловскъ походилъ на деревню; въ немъ даже колеснаго экипажа не было. Когда при Рикордѣ на улицахъ Петропавловска появились дрожки, на нихъ смотрѣли съ такимъ же удивленіемъ, какъ еслибъ по Невскому кто-нибудь проѣхался на собакахъ. Рикордъ много сдѣлалъ для благоустройства Камчатки и оставилъ по себѣ добрую память.

Къ 15-му іюлю корабль былъ готовъ къ отплытію. Лейтенантъ Захарьинъ, хворавшій все время, остался въ Камчаткѣ. Это обстоятельство сильно осложнило задачу Коцебу: на кораблѣ оставались только онъ, да Шишмаревъ, и имъ приходилось попеременно дежурить на вахтѣ, что при сложныхъ обязанностяхъ капитана было очень тяжело. При съѣздѣ на берегъ точно также одинъ долженъ былъ оставаться непремѣнно на кораблѣ.

Естествоиспытатель Вормскіольдъ также пожелалъ остаться въ Камчаткѣ для изученія ея.

Экипажъ «Рюрика», состоявшій всего изъ 20 человѣкъ, былъ крайне недостаточенъ для работъ въ Беринговомъ проливѣ. По просьбѣ Коцебу его пополнили шестью матросами и однимъ алеутомъ.

IV.

Отправивъ къ графу Румянцеву подробное донесеніе о первомъ годѣ плаванія, Коцебу вышелъ изъ Петропавловской гавани и взялъ курсъ на сѣверъ.

20-го іюля показался Беринговъ островъ — высокая, утесистая земля, покрытая снѣгомъ. Живо припомнилось морякамъ

несчастная судьба Беринга, умершаго на этомъ островѣ при самой ужасной обстановкѣ *).

Замѣчательно, что и послѣ несчастной экспедиціи Беринга находились люди, которыхъ жажда наживы привлекала на эти дикіе и пустынные острова. Въ 1805 г. одиннадцать человѣкъ промышленниковъ были завезены на Беринговъ островъ, пробыли тамъ 7 лѣтъ и оставались вполнѣ здоровыми, хотя терпѣли страшную нужду. Въ 1813 г. штурманъ Васильевъ, бывшій на службѣ рос. амер. компаніи вздумалъ по пути провѣдать товарищей. Радость промышленниковъ, получившихъ надежду на освобожденіе, не поддается описанію. Лишь только они ступили на судно, куда доставила ихъ посланная за ними шлюпка, какъ со слезами принялись обнимать и цѣловать земляковъ.

Еще ужаснѣе была судьба Якова Мышкова, оставленнаго промышленниками на Берингговомъ островѣ, чтобъ караулить наловленныхъ звѣрей. Онъ былъ единственнымъ человѣческимъ существомъ на всемъ островѣ; легко себѣ представить, что онъ чувствовалъ! Нѣсколько дней онъ ничего не ѣлъ; рыбы было много, да ловить ее нечѣмъ. Наконецъ онъ ухитрился сдѣлать изъ гвоздя уду и наловилъ себѣ рыбы. Теперь, какъ достать огня, чтобы ее сварить? И тутъ нужда научила. Вспомнивъ, что у него есть бритва, онъ нашелъ кремень и высѣкъ огня. «Въ жизни моей я ничему такъ не радовался какъ этому огню, разсказывалъ несчастный. Кажется, еслибъ не молитва, поддерживавшая во мнѣ надежду, я впалъ бы въ отчаяніе и наложилъ бы на себя руки».

Когда этого несчастнаго привезли на корабль, то онъ чуть не обезумѣлъ отъ радости. Долго онъ не могъ выговорить ни слова и только плакалъ, воздѣвая руки къ небу.

Во все время пути «Рюрика» отъ Берингова острова къ острову

*) Экспедиція Беринга, «Русскіе мореплаватели», I серія.

Св. Лаврентія его окутывалъ туманъ, такъ что по большей части ему приходилось идти ощупью. 27-го числа туманъ разсѣялся, и мореплаватели увидѣли берегъ и высокія, покрытыя снѣгомъ, горы. На берегу видны были люди и шалаши.

Желая познакомиться съ жителями острова, котораго не посѣщалъ еще ни одинъ мореплаватель, Коцебу велѣлъ спустить шлюпку и, запасшись оружіемъ, вмѣстѣ съ Шамиссо и художникомъ отправился на берегъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ берега шлюпки встрѣтили байдару съ туземцами, которые показывали лисьи мѣха и кричали: «табако». Тотчасъ имъ дано было нѣсколько листьевъ, часть которыхъ одни принялись жевать, а другіе положили въ маленькія каменныя трубки и закурили.

Обмѣнявшись нѣсколькими предметами съ дикарями, моряки вышли на берегъ. Здѣсь было порядочно народу, но все мужчины; женщины куда то попрятались. На лицахъ замѣтно было выраженіе страха; но убѣдившись, что чужеземцы пришли не съ дурными намѣреніями, дикари ободрились и начали ни къ селу ни къ городу смѣяться; но лишь только какое-либо движеніе прибывшихъ казалось имъ подозрительнымъ, они мгновенно принимали свирѣпый видъ. Безпрестанная смѣна выраженій веселости, страха, угрозы на лицахъ этихъ дѣтей природы была чрезвычайно забавна для европейца.

Жилища, находившіяся на берегу, были просто шалаши, сложенные изъ китовыхъ реберъ и покрытые моржовыми шкурами. Алеутъ, немного понимавшій языкъ дикарей, объяснилъ, что туземцы приходятъ сюда только на время, для ловли морскихъ звѣрей, а постоянное ихъ жилье на западномъ берегу, куда они знаками приглашали русскихъ моряковъ.

Пока естествоиспытатели гуляли въ горахъ, Коцебу знакомился съ туземцами. Одинъ изъ дикарей, повидимому, старшина, пригласилъ его въ свой шалашъ. Постлали грязную кожу, и Коцебу долженъ былъ на нее сѣсть. Затѣмъ каждый, по очереди,

подходилъ къ нему, обнималъ, сильно терся носомъ о его носъ и заканчивалъ свое привѣтствіе, тѣмъ, что поплевавъ себѣ на руку, вытиралъ ею гостю лицо. Какъ ни противны были подобныя изъявленія дружбы, но Коцебу храбро выдерживалъ ихъ, раздавая своимъ новымъ друзьямъ табакъ, ножи, бисеръ и тому подобное. Дикари такъ разнѣжились, что притащили бочку китоваго жиру, и Коцебу долженъ былъ его попробовать. Китовый жиръ считается большимъ лакомствомъ у приморскихъ дикарей и подается для угощенія только особенно почетному гостю. Но на европейскій вкусъ это лакомство противно и для желудка вредно. Послѣ угощенья дикари снова полѣзли съ своими нѣжностями, но отъ второго приступа капитанъ ловко уклонился.

Въ довершеніе праздника хозяинъ-старшина скомандовалъ пляску. Одинъ дикарь выступилъ впередъ и сталъ топтаться на мѣстѣ, отчаянно кривляясь и гримасничая. Присутствовавшіе подпѣвали, ударяя въ маленькіе бубны. Въ такихъ забавахъ прошло часа два. Тѣмъ временемъ вернулись ученые, и всѣ вмѣстѣ отправились на корабль. Дикари съ сожалѣніемъ прощались съ своими гостями и обѣщали посѣтить ихъ на кораблѣ.

Природа острова крайне бѣдна; горы оголены; нѣтъ ни деревьевъ, ни кустарниковъ; кой гдѣ пробивается травка и въ ней пестрѣютъ цвѣты.

Тѣмъ не менѣе посѣщеніемъ острова всѣ остались довольны, въ особенности натуралистъ и художникъ.

На слѣдующій день «Рюрикъ» обогнулъ островъ Св. Лаврентія, медленно подвигаясь впередъ. Увидавъ плывущія къ кораблю байдары, Коцебу велѣлъ лечь въ дрейфъ, чтобъ дать возможность дикарямъ взойти на корабль. Въ первомъ, ступившемъ на шканцы, Коцебу узналъ вчерашняго своего хозяина. Съ распростертыми объятіями дикарь поспѣшилъ къ нему на встрѣчу, усердно терся носомъ о его носъ и выпачканными ворванью руками мазалъ ему лицо. Дикари съ любопытствомъ все разсма-

тривали; видно было, что они въ первый разъ попали на европейскій корабль. Затѣмъ началась оживленная мѣна. Всѣ матросы вымѣняли себѣ по камлайкѣ — одежда изъ тюленьихъ и сивучьихъ кишекъ. — Не погнушались ею и офицеры. Эта одежда надѣвается поверхъ платья и играетъ роль непромокаемаго пальто. Она не такъ красива какъ каучуковый макинтошъ, но гораздо легче; ее почти не чувствуешь на плечахъ.

На слѣдующій день «Рюрикъ» огибалъ сѣверную часть острова. На мысу виднѣлись шалаши и между ними воткнутые, въ видѣ частокола, китовыя ребра. Увидавъ корабль, туземцы въ трехъ байдарахъ выѣхали къ нему на встрѣчу, но къ кораблю не подходили, а остановившись въ нѣсколькихъ саженяхъ, запѣли заунывную пѣсню. Потомъ одинъ изъ нихъ всталъ, поднялъ вверхъ небольшую черную собачку, проговорилъ что-то вродѣ заклинанія и выхвативъ ножъ, закололъ собачку и бросилъ ее въ море. Что означало подобное жертвоприношеніе — никто, конечно, объяснить не могъ.

Описавъ берега острова Св. Лаврентія, «Рюрикъ» взялъ курсъ на сѣверъ, прошелъ мысъ «Принца Валлійскаго» и острова Гвоздева. Здѣсь случилось съ Коцебу приключеніе, которое и до него случалось со многими опытными мореплавателями. «Странно, говоритъ онъ, что на всѣхъ картахъ показано острововъ Гвоздева только три, тогда какъ я ясно видѣлъ четвертый, и очень большой».

Ново-открытый островъ, названный именемъ Ратманова, одного изъ сподвижниковъ Крузенштерна, былъ ничто иное, какъ оптическій обманъ. Ни одинъ изъ послѣдующихъ мореплавателей не могъ его отыскать.

Продолжая описывать берега и дѣлая измѣренія, Коцебу шелъ на сѣверъ, внимательно всматриваясь, нѣтъ ли гдѣ залива, который позволилъ бы углубиться внутрь страны и поискать таинственнаго прохода, на которомъ сосредоточивались всѣ его

помыслы. Лишь только открывался заливъ, онъ спускалъ шлюпки и отправлялся на берегъ. Естествоиспытатели всегда сопутствовали ему.

Американское побережье также какъ и острова казались довольно густо заселенными, но жители были не дружелюбны, часто прямо враждебны. Въ одномъ мѣстѣ множество байдаръ окружили шлюпки, весьма недвусмысленными знаками выражая непріязнь. Ружья, которыми прицѣливались матросы, они, должно быть, принимали за простыя дубинки и только смѣялись. Отступили они только тогда, когда моряки обнажили сабли.

Культура дикарей не вездѣ была одинакова. Въ иныхъ мѣстахъ жилищами служили опрокинутыя байдарки, въ другихъ — шалаши. Попадались бревенчатыя юрты, внутри обшитыя тесомъ, въ нѣсколько отдѣленій. Вѣроятно, первыя принадлежали кочующимъ, а вторыя—осѣдлымъ племенамъ. Въ большинствѣ становищъ жители, завидя чужеземцевъ, убѣгали. Встрѣчали гостей только собаки, которыя ласкались къ нимъ.

По типу американскіе дикари напоминали сибирскихъ инородцевъ; такія же скуластыя лица и узко прорѣзанные глаза. У нѣкоторыхъ въ углахъ рта продѣланы были дыры и въ нихъ вложены моржевыя кости; отчего лица казались еще безобразнѣе.

Оружіе — ножи и копья туземцы получали отъ чукчей, а тѣ вымѣнивали его у русскихъ на ярмаркѣ въ Островномъ.

Крейсируя вдоль берега и описывая его, Коцебу увидалъ большое углубленіе, которое очень походило на проливъ. Съѣхавъ на берегъ, онъ взобрался на довольно высокую гору и снова испыталъ разочарованіе. Проливъ оказался бухтой.

Въ этотъ день докторъ Эшгольцъ, сопровождавшій моряковъ въ экскурсіи на берегъ, сдѣлалъ чрезвычайно интересное открытіе. Мѣстность, на которой они стояли, оказалась не землею, а сплошною массою льда въ нѣсколько сотъ футовъ вышиною.

Уже раньше замѣтили, что роскошный травяной покровъ, которымъ моряки такъ любовались, лежалъ на очень тонкомъ пластѣ земли. На глубинѣ ½ фута шелъ уже ледъ. Но ледъ этотъ принимался за промерзлую землю, тогда какъ это былъ ледъ настоящій, можетъ быть, первородный. Открылось это такимъ образомъ: Докторъ Эшгольцъ, предпринявъ дальнюю прогулку, попалъ въ такое мѣсто, гдѣ часть берега обрушилась и тутъ то,

Обитатели зунда Коцебу.

къ удивленію своему онъ увидалъ, что внутренность горы состоитъ изъ чистѣйшаго льда. Онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ товарищамъ и они, запасшись лопатами и ломами, отправились изслѣдовать это диво. Изслѣдовавъ нѣсколько подобныхъ мѣстъ, моряки убѣдились, что стоятъ на льдяной горѣ, покрытой земляным черепомъ на полфута и болѣе толщины. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гора обрушилась, ледъ таялъ отъ солнечныхъ лучей и вода стекала въ море. Земляной черепъ на подтаявшемъ льду сползалъ внизъ и продолжалъ зеленѣть. Въ тающихъ мѣс-

тахъ обнажилось много мамонтовыхъ костей и клыковъ, которые путники захватили съ собою. Въ честь Эшгольца, сдѣлавшаго такое замѣчательное открытіе, губа названа была его именемъ.

11-го августа усмотрѣнъ былъ рукавъ, который простирался такъ далеко, какъ только могъ хватить глазъ. Снова явилась надежда на выходъ въ Ледовитый океанъ. За позднимъ временемъ изслѣдованіе отложено было до утра.

На разсвѣтѣ оба офицера и естествоиспытатели на двухъ судахъ—байдарѣ и шлюпкѣ отправились на берегъ и высадились близъ устья небольшой рѣчки. Оставивъ матросовъ для изготовленія обѣда, офицеры пошли вдоль берега пролива, а ученые—внутрь страны. Вскорѣ офицеры набрели на хижину, изъ которой вышли два человѣка; одинъ пожилой, другой—юноша лѣтъ 16-ти. Оба были вооружены луками, стрѣлами и копьями. Увидавъ чужестранцевъ, они взбѣжали на возвышеніе и натянули тетивы, готовясь пустить стрѣлы въ непрошенныхъ гостей. Тогда Коцебу, сдѣлавъ знакъ Шишмареву и бывшимъ съ ними матросамъ остановиться, бросилъ оружіе и пошелъ на встрѣчу дикарямъ. Они тоже бросили оружіе и принялись обнимать гостя и тереться посами. Чтобъ закрѣпить дружбу, Коцебу подарилъ имъ ножъ и зеркало. Но только что онъ подозвалъ матросовъ, дикари снова встали въ оборонительное положеніе. Желая ихъ успокоить, капитанъ отослалъ матросовъ и позвалъ Шишмарева, сдѣлавъ ему знакъ, чтобы и онъ бросилъ оружіе. Тогда и Шишмарева принялись обнимать туземцы и обоихъ повели въ свой шалашъ. Въ шалашѣ сидѣла женщина съ двумя дѣтьми и навалены были груды мѣховъ. Очевидно, хозяинъ и сынъ его были звѣроловы. У юноши, хозяйскаго сына, было очень пріятное, оживленное лицо. Онъ съ любопытствомъ разглядывалъ гостей, наблюдалъ, какъ они дѣлали отмѣтки въ записной книжкѣ и съ удовольствіемъ называлъ предметы, на которые они указывали. Дикой дамѣ сильно нравились пуговицы на сюртукѣ капитана, и она пыталась

ихъ оторвать; но такъ какъ это не удалось, то она послала своихъ дѣтенышей за добычей. Ребятишки, завернутые въ звѣриныя шкуры, ползали вокругъ гостя, словно медвѣжата, стараясь откусить пуговицы. Чтобъ отвлечь ихъ вниманіе, Коцебу подарилъ хозяйкѣ зеркальце. Всѣ бросились къ нему и чуть не произошло свалки. Коцебу взялъ зеркало и сталъ передавать его отъ одного къ другому. Дикари не могли понять сразу, что видятъ въ зеркалѣ свое собственное изображеніе и оглядываясь, искали постороннее лице.

Коцебу хотѣлось разспросить хозяина, далеко-ли простирается проливъ. Въ концѣ концовъ хозяинъ его понялъ и отвѣчалъ оригинальной мимикой. Онъ сѣлъ на землю и показывалъ, будто сильно гребетъ. Девять разъ онъ переставалъ грести и столько же разъ закрывалъ глаза и ложился головою на руку. Не трудно было догадаться, что на гребныхъ судахъ нужно было девять дней, чтобы пройти этимъ проливомъ въ море. Крайне обрадованный, капитанъ подарилъ дикарю нѣсколько ножей, а онъ далъ ему и Шишмареву по куньему мѣху.

Отецъ и сынъ отправились провожать гостей до шлюпокъ. Оба одѣты были въ короткія кожаныя рубахи и босы. На короткоостриженной головѣ ничего надѣто не было. По пути, хозяева и гости разговаривали мимикой и не дурно другъ друга понимали. Коцебу желалъ знать, откуда берутъ туземцы бисеръ и другіе предметы европейскаго производства. Дикарь указалъ ему на входъ въ заливъ и объяснилъ, что оттуда приходятъ на судахъ люди и производятъ мѣну. Способъ мѣны слѣдующій: пріѣзжій кладетъ на берегъ нѣсколько предметовъ и удаляется. Приходитъ американецъ и, разсмотрѣвъ предметы, кладетъ около нихъ столько мѣховъ, сколько находитъ нужнымъ, и уходитъ. Если пріѣзжій возьметъ мѣха, значитъ, онъ мѣной доволенъ. Если же нѣтъ, онъ опять удаляется и ожидаетъ прибавки. Такая церемонія продолжается иногда по нѣсколько разъ и въ концѣ кон-

цовъ мѣновщики все-таки поладятъ къ обоюдному удовольствію.

По дорогѣ пробѣжалъ звѣрекъ. Русскіе бросились за нимъ, но не догнали. Тутъ то и показали американцы свою ловкость. Они побѣжали такъ шибко, что завидно было смотрѣть. Черезъ минуту звѣрекъ былъ пойманъ и живымъ переданъ русскимъ. Это былъ овражекъ, изъ шкурокъ котораго туземцы шьютъ себѣ лѣтнее платье.

Показался куликъ. Желая испытать, знакомы-ли туземцы съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, Коцебу выстрѣлилъ и убилъ кулика. Эффектъ былъ чрезвычайный. Отецъ и сынъ въ ужасѣ смотрѣли другъ на друга и, казалось, не знали, что предпринять: бѣжать или оставаться. Но убѣдившись, что имъ не сдѣлано никакого вреда, они успокоились, но къ кулику прикоснуться не рѣшились, а отецъ, носившій все время ружье Шишмарева, отдалъ ему его назадъ.

Вскорѣ повстрѣчались ученые, которые возвращались къ шлюпкамъ, Хорисъ показалъ альбомъ и срисованныхъ имъ туземцевъ. Дикари съ любопытствомъ разсматривали изображенія и переговаривались, сообщая другъ другу свои впечатлѣнія. Когда же Хорисъ срисовалъ отца, то сынъ такъ и прыснулъ со смѣху.

Достигнувъ привала, моряки нашли обѣдъ уже готовымъ. Дикари удивлялись множеству незнакомыхъ имъ вещей, въ особенности ножамъ, вилкамъ и тарелкамъ. Имъ дали мяса и сухарей, но они не ѣли ихъ, а спрятали. Послѣ обѣда русскіе простились съ туземцами и отплыли далѣе.

Рукавъ былъ извилистъ и наполненъ мелями. Плаваніе по немъ безъ лоцмана было чрезвычайно затруднительно. Между тѣмъ соленая вода и довольно быстрое теченіе давали право предполагать, что рукавъ этотъ дѣйствительно соединяется съ моремъ. Промучившись нѣсколько часовъ въ тщетномъ разыскиваніи фарватера, моряки сдѣлали привалъ неподалеку отъ

жилища своихъ пріятелей, съ которыми только что разстались. Дикари почему то страшно испугались, засуетились, быстро собрали свой скарбъ, сложили на большую лодку и уплыли на противоположный отдаленный берегъ.

По примѣру туземцевъ, моряки опрокинули байдару и, подперевъ ее, превратили въ шалашъ. Подъ этой крышею разсчитывали переночевать. Пока они пили чай, караульные пришли сообщить, что идутъ 8 байдаръ подъ парусами и въ каждой байдарѣ по 12 человѣкъ. Въ первую минуту капитанъ призадумался. Численный перевѣсъ былъ на сторонѣ туземцевъ. Ихъ было человѣкъ около ста, русскихъ — 14 человѣкъ. Онъ несъ отвѣтственность за каждаго матроса; притомъ ихъ было такъ мало, что потерявъ двухъ или трехъ, онъ уже не могъ продолжать экспедиціи. Сообразивъ однако, что всѣ они хорошо вооружены, Коцебу успокоился. Между тѣмъ дикари высадились на противоположный берегъ и вытащивъ байдары, тоже перевернули ихъ. Такимъ образомъ на берегу до тѣхъ поръ пустынномъ, вдругъ выросло селеніе; горѣли костры, бѣгали собаки, ходили люди. Слышно было какъ они кричали и били въ барабанъ. Поставивъ трехъ человѣкъ съ ружьями на готовѣ, Коцебу и остальные легли спать, положивъ возлѣ себя заряженныя ружья.

Туземцы, повидимому, не имѣли враждебныхъ намѣреній. Вѣрнѣе всего, что они приняли русскихъ за купцовъ и ждали обмѣна товаровъ.

Коцебу не спалось. Мысль о проходѣ въ океанъ не давала ему покою. Ему казалось несомнѣннымъ, что этотъ то рукавъ и есть тотъ желанный проходъ, который суждено ему открыть и тѣмъ увѣковѣчить свое имя. Между тѣмъ онъ сознавалъ, что въ настоящемъ году ему не удастся этого сдѣлать: не было подходящихъ судовъ и время клонилось къ осени. Какъ ни досадно было, но приходилось слушаться голоса разсудка: вернуться на

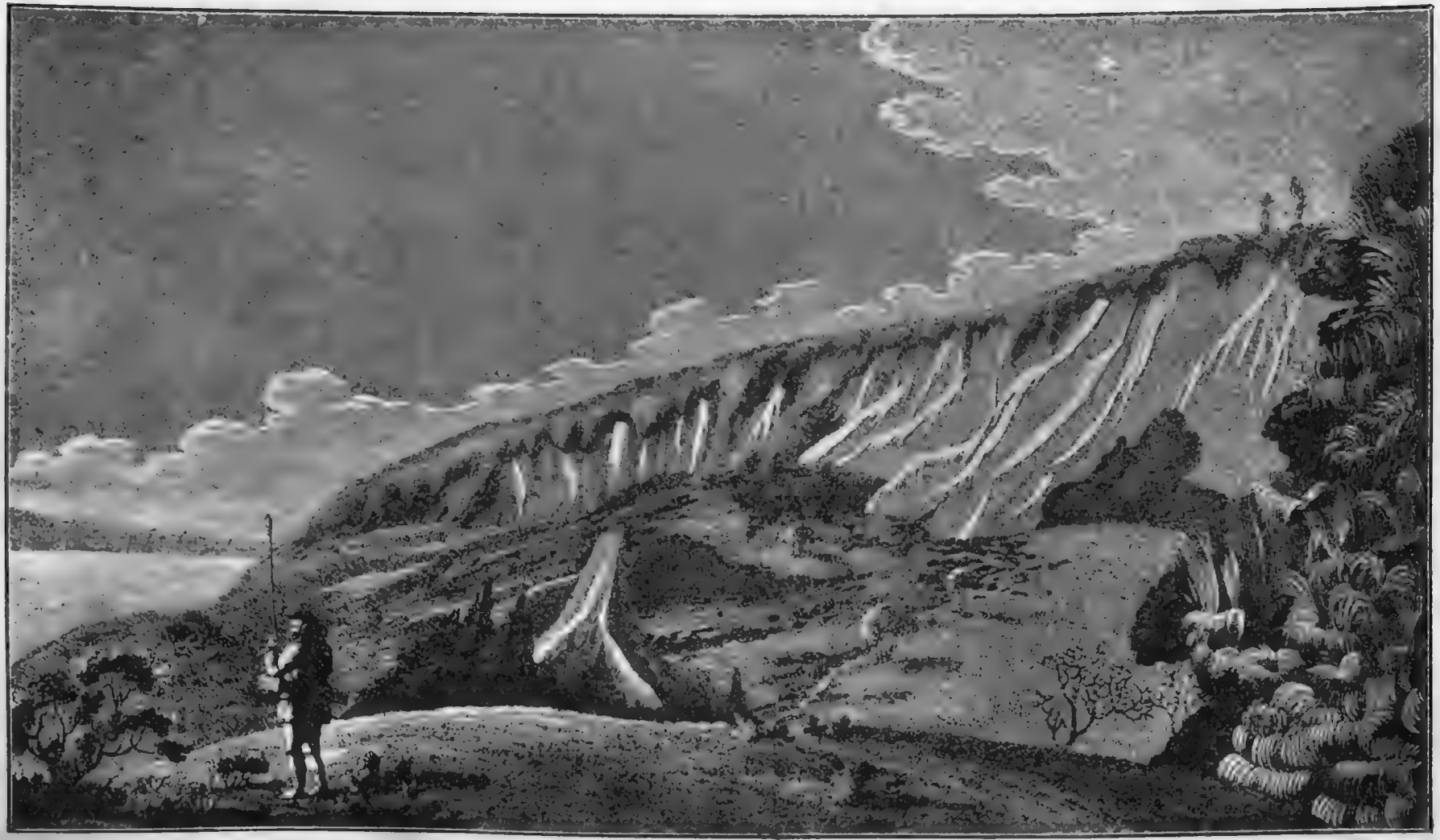
Уналашку [1]), и, запасшись легкими байдарками, весною начать изслѣдованіе.

Моряки встали еще до разсвѣта и пустились въ обратный путь. У дикарей все еще слышался крикъ, барабанный бой и горѣли огни. Обратное путешествіе было соединено съ большой опасностью. Благодаря отливу, количество мелей увеличилось; онѣ оказались даже тамъ, гдѣ наканунѣ благополучно проходили шлюпки. На одной изъ мелей шлюпка съ офицерами застряла и какъ ни старались грести, не могли сдвинуть. Поднялся вѣтеръ и вода начала заливать. Гибель казалась неизбѣжной. Къ довершенію несчастія, байдара съ учеными отстала; оттуда раздавались ружейные выстрѣлы; это означало, что байдара въ опасности. Со шлюпки тоже стрѣляли, но подать помощи не могли. Положеніе было критическое. Наконецъ усилившійся вѣтеръ нагналъ воду и шлюпка снялась съ мели; вскорѣ подошла и байдара. Но опасность еще не миновала. Впереди бурлилъ бурунъ, обойти который не было возможности; оставалось только пересѣчь его. Собравъ послѣднія силы, матросы налегли на весла и перелетѣли черезъ бурунъ. Байдара, какъ судно болѣе легкое, пробралась съ меньшимъ трудомъ. До корабля оставалось еще мили двѣ. Изнуренные матросы едва могли грести противъ вѣтра. Наконецъ вѣтеръ утихъ и пловцы добрались до корабля, который они не чаяли больше увидать. Коцебу свидѣтельствуетъ, что спасеніемъ своимъ онъ обязанъ единственно матросамъ, о которыхъ отзывается съ большой похвалою. «Съ такими удальцами, говоритъ онъ, самое рискованное предпріятіе обращается въ удовольствіе».

Погода разгулялась; ни одно облачко не пестрило ультрамариновый небесный сводъ. Такую великолѣпную синеву можно видѣть только на крайнемъ сѣверѣ.

---

[1]) Одинъ изъ Алеутскихъ острововъ.



Ледяныя горы зунда Коцебу.

Около полудня пріѣхали дикари съ мѣхами. Они всячески норовили обмануть и надуть покупателей, а когда имъ это не удавалось, то сами же надъ собой смѣялись. Одинъ изъ нихъ, молодой и статный малый, былъ повидимому старшиной; по крайней мѣрѣ, онъ командовалъ, и его слушались. Онъ одинъ изъ всѣхъ пріѣзжавшихъ къ кораблю дикарей, рѣшился взойти на шканцы. Въ первыя минуты онъ онѣмѣлъ отъ удивленія, поворачивался во всѣ стороны и съ благоговѣйнымъ удивленіемъ все разсматривалъ. Пробылъ онъ, однако, не болѣе $^1/_4$ часа и потомъ, прыгнувъ въ лодку, началъ оживленно говорить товарищамъ.

Пока вымѣнивали товары да торговались, времени прошло достаточно. Дикари проголодались и стали безцеремонно совершать свою дикую трапезу. Положили въ средину лодки убитаго незадолго передъ тѣмъ тюленя и разрѣзали ему брюхо. Потомъ каждый, по очереди совалъ свою голову въ тюленя и сосалъ кровь. Насладившись вдоволь, каждый отрѣзалъ себѣ по куску мяса и ѣлъ, видимо смакуя. Легко себѣ представить каковы были послѣ подобной трапезы и безъ того безобразныя лица дикарей.

По инструкціи, Коцебу долженъ былъ идти въ Нортоновъ зундъ и оттуда начать изслѣдованія, но такъ какъ ему посчастливилось открыть новый зундъ съ прекрасными мѣстами для якорной стоянки, то идти въ Нортоновъ зундъ не предстояло надобности. Новооткрытый зундъ, по всеобщему желанію, названъ былъ «зундомъ Коцебу», а заливъ, отъ котораго начинался рукавъ, «заливомъ Доброй Надежды».

Отыскавъ пристанище для будущаго года, Коцебу вознамѣрился воспользоваться оставшимся временемъ и посѣтить азіатскіе берега, чтобы сличить тамошнихъ обитателей съ обитателями береговъ Америки. Приближаясь къ азіатскимъ берегамъ, моряки вошли въ полосу тумана, и термометръ сильно понизился. Теченіе въ Беринговомъ проливѣ имѣетъ постоянное направленіе къ сѣверу, тогда какъ въ Баффиновомъ заливѣ оно

идетъ на югъ. Изъ этого Коцебу выводитъ заключеніе, что воды Берингова пролива непремѣнно омываютъ Сѣв. Америку и черезъ Баффиновъ заливъ выливаются снова въ океанъ. Но удобенъ-ли этотъ путь для мореплавателей? этотъ-то вопросъ и предстояло разрѣшить.

Мысъ принца Валлійскаго и мысъ Восточный составляютъ два крайнихъ пункта Америки и Азіи. Лежащіе между ними острова Гвоздева указываютъ какъ будто на то, что эти материки были прежде соединены.

Достигнувъ мыса Восточнаго, «Рюрикъ» вошелъ въ приглубую бухту и бросилъ якорь. На берегу виднѣлись юрты, окруженныя китовыми ребрами. Тотчасъ отдѣлилась отъ берега байдара, подплыла къ кораблю и обошла его нѣсколько разъ. Моряки приглашали пріѣзжихъ на корабль, а тѣ ихъ манили къ себѣ, показывая пушные товары.

Чукчи изъ всѣхъ инородцевъ считаются наиболѣе воинственными и независимыми. Изъ опасенія попасть въ подданство, они неохотно допускаютъ къ себѣ иноземцевъ. Желая познакомиться съ этимъ народомъ, Коцебу принялъ приглашеніе и поѣхалъ на берегъ. Моряковъ встрѣтили 50 человѣкъ, вооруженныхъ длинными ножами, и до жилищъ не допустили. На самомъ берегу разостлали шкуры и пригласили гостей садиться. Сами же сѣли кругомъ. Благодаря грязной одеждѣ, грязнымъ, свирѣпымъ лицамъ и длиннымъ ножамъ, эти люди походили скорѣй на разбойниковъ, чѣмъ на мирныхъ обывателей. Изъ за юртъ выглядывала еще цѣлая компанія такихъ же подозрительныхъ личностей; женщинъ совсѣмъ не было видно. Русскимъ скоро надоѣло это милое общество, и они, одаривъ старшинъ бисеромъ и табакомъ, уѣхали на корабль.

Почти вслѣдъ за ними явились три байдары, на которыхъ пріѣхали два одаренныхъ старшины. Каждый изъ нихъ отдарилъ капитана лисьимъ мѣхомъ и только тогда оба старшины рѣшились

взойти на корабль. Съ большимъ удовольствіемъ ѣли они сухари, запивая ихъ водкой. На все окружающее смотрѣли довольно равнодушно, но передъ зеркаломъ въ капитанской каютѣ остановились какъ очарованные. Долго и внимательно разсматривали они свои изображенія; но когда одинъ изъ нихъ сдѣлалъ движеніе, которое отразилось въ зеркалѣ, всѣ страшно испугались и поспѣшно вышли изъ каюты. На шканцахъ начали они разсказывать объ этомъ чудѣ товарищамъ. Одинъ изъ нихъ пожелалъ видѣть зеркало, и Коцебу свелъ его въ каюту. Долго онъ не рѣшался войти; потихоньку просовывалъ голову въ дверь и какъ только увидалъ себя въ зеркалѣ, то тотчасъ же убѣжалъ. Коцебу замѣтилъ, что вообще, сѣверные дикари боятся зеркала, тогда какъ южные съ удовольствіемъ себя разсматриваютъ.

Около американскихъ береговъ совсѣмъ не видать было моржей и китовъ. Здѣсь они плавали во множествѣ вокругъ корабля. Моржи ревѣли, а киты пускали фонтаны такъ высоко, что попадали командѣ въ лицо.

На слѣдующій день «Рюрикъ» проплылъ немного къ югу и остановился противъ возвышеннаго берега, на которомъ находилось становище чукчей. Азіатскій берегъ имѣлъ уныло-безплодный видъ, тогда какъ американское побережье ласкало глазъ густой сочной травой. При одномъ взглядѣ на черные мшистые утесы, на которыхъ по мѣстамъ лежалъ снѣгъ, становилось жутко; а между тѣмъ тутъ жили люди и, казалось, прекрасно себя чувствовали.

Вдоль берега разбитъ былъ рядъ юртъ, а возлѣ нихъ лежали нарты и бѣгали собаки. По всему видно было, что это временное кочевье. Чукчи пріѣхали сюда для добыванія морскихъ звѣрей и съ наступленіемъ зимы собирались откочевать внутрь страны.

Когда русскіе высадились на берегъ, чукчи всѣ попрятались въ свои жилища. Только одинъ старикъ остался сидѣть вблизи

юрты на разостланной кожѣ и съ нимъ двое молодыхъ людей. По величинѣ юрты, разбитой въ центрѣ другихъ, и по осанкѣ старика, легко было догадаться, что это старшина. Этотъ бѣднякъ былъ разбитъ параличемъ и не владѣлъ ногами. Узнавъ, что Коцебу начальникъ, онъ указалъ ему мѣсто возлѣ себя, по правую руку, и спросилъ знаками, нѣтъ ли съ нимъ переводчика. Одинъ матросъ изъ Камчатки зналъ корякскій языкъ; а такъ какъ языкъ чукчей у сибирскихъ инородцевъ играетъ такую же роль какъ у насъ французскій, то съ помощью этого матроса сношенія кой-какъ установились. Послѣ заявленія о дружескихъ чувствахъ, Коцебу велѣлъ сказать старшинѣ, что онъ желалъ бы получить нѣсколько оленей на мясо. Его матросы съ самого Чили все больше пробавлялись консервами. Съ трудомъ уразумѣвъ изъ словъ матроса, что требуется русскимъ, старшина изъявилъ готовность снабдить ихъ оленями, но объяснилъ, что придется подождать нѣсколько дней, такъ какъ олени находятся далеко. Вполнѣ довольный, Коцебу щедро одарилъ старшину, но тотъ видимо стѣснялся, знаками показывая, что ему нечѣмъ отдарить. Потомъ онъ сказалъ что-то одному изъ состоявшихъ при немъ молодыхъ людей; тотъ стремглавъ бросился въ юрту, принесъ шубу и положилъ ее къ ногамъ капитана. Но Коцебу положительно отказался взять шубу.

Мало по мало повылѣзли изъ закутъ и другіе чукчи; появились женщины и всѣ вмѣстѣ, усѣвшись вокругъ моряковъ, принялись съ любопытствомъ ихъ разсматривать. Одна молодая женщина, по приказанію старика, поднесла капитану чашку съ китовымъ жиромъ, но онъ уже теперь зналъ, что это за лакомство и не могъ рѣшиться вторично его попробовать.

Было уже довольно поздно, когда русскіе попрощались съ своими новыми пріятелями и напутствуемые криками «тарома», которое есть ничто иное какъ извращенное русское «здорово», возвратились на корабль.

На слѣдующее утро офицеры занимались описью бухты. Около полудня пріѣхали на осьми байдарахъ чукчи съ женами. Они нѣсколько разъ объѣхали вокругъ корабля и все время пѣли. Одинъ изъ нихъ ударялъ въ бубенъ, другой плясалъ, и такъ на каждой байдарѣ. «Я рѣшительно не понимаю, откуда сложилось понятіе о суровости обитателей крайняго сѣвера, говоритъ Коцебу. Всѣ, которыхъ я видѣлъ, какъ на американскомъ, такъ и на азіатскомъ берегу, отличались веселымъ характеромъ».

На корабль взошли только мужчины. Они очень были веселы, обнимали матросовъ и съ ними пѣли и плясали. Когда же получили по чарочкѣ водки, то разошлись такъ, что ихъ едва можно было унять. Чтобы отдѣлаться отъ гостей, Коцебу сказалъ, что ему очень хочется посмотрѣть ихъ настоящую пляску на берегу. Чукчи съ радостнымъ крикомъ бросились въ лодки, чтобы поскорѣй все приготовить.

Въ слѣдующіе дни моряки на гребныхъ судахъ занимались описью береговъ. Проходили мимо нѣсколькихъ становищъ чукчей. Вездѣ принимали ихъ дружелюбно. Въ одномъ мѣстѣ подарили 16 гусей, что было для испостившихся моряковъ настоящимъ лакомствомъ; въ другомъ — чукчи, свѣжевавшіе кита, угощали моряковъ свѣжимъ китовымъ жиромъ и были чрезвычайно удивлены ихъ отказомъ.

Возвратившись на корабль послѣ трехдневной экскурсіи, Коцебу узналъ, что старый старшина уже приготовилъ для него оленей. Онъ поѣхалъ на берегъ и увидалъ 5 убитыхъ оленей и четырехъ живыхъ. Послѣдніе были такъ рѣзвы, что вожатый едва могъ совладать съ ними; они прыгали и бодались. Пришлось убить и ихъ. Чукчи прикончили ихъ мастерски, однимъ ударомъ.

Барометръ опускался и Коцебу долженъ былъ изъ благоразумія выждать нѣсколько дней. Въ эти дни постоянно пріѣзжали чукчи, не только сосѣдніе, но и изъ дальнихъ мѣстностей. Извѣстіе о прибытіи русскаго корабля уже успѣло дойти до нихъ.

Капитану хотѣлось, чтобы его другъ старшина побывалъ на кораблѣ. Этотъ старикъ очень нравился ему. Онъ поѣхалъ на берегъ приглашать его въ гости. Старикъ долго отнѣкивался; онъ, кажется, боялся, что русскіе увезутъ его. Наконецъ онъ сдался. Здоровенный чукча взвалилъ его на плечи и понесъ въ лодку. Но вблизи до берега случился довольно любопытный эпизодъ. Одинъ чукча отнялъ у матроса ножницы, тотъ вступился, чукча выхватилъ ножъ. Въ одну минуту, по знаку старика, молодой чукча, бывшій всегда при немъ, побѣжалъ къ похитителю и обезоружилъ его. Оказалось, что мазурикъ былъ изъ дальнихъ чукчей, пріѣхавшихъ со своимъ старшиною. Коцебу сталъ знаками изъявлять старшинѣ свое неудовольствіе. Тогда старшина начертилъ на землѣ кругъ, имѣвшій около сажени въ поперечникѣ, и показалъ знаками, что преступникъ будетъ бѣгать въ кругу безостановочно, пока не упадетъ безъ чувствъ. Такое наказаніе было также оригинально, какъ и безсмысленно.

Покончивъ съ этимъ эпизодомъ, русскіе со своими гостями отправились на корабль. Старика подняли двое чукчей и внесли въ капитанскую каюту. Чукчи вели себя вполнѣ прилично. Когда подали чай, они присматривались, какъ пьютъ русскіе и подражали имъ. Они пили чай въ первый разъ въ жизни, и онъ имъ очень понравился.

Коцебу просилъ старика приготовить ему къ будущему году нѣсколько оленей, на что тотъ изъявилъ согласіе, прибавивъ, что приготовитъ не столько, а гораздо больше. Узнавъ, что капитанъ собирается уходить, онъ покачалъ головою и сказалъ, что теперь наступаетъ время штормовъ. Вѣтры бываютъ такіе, что человѣку не устоять на мѣстѣ и чтобы не быть сбитымъ съ ногъ, онъ долженъ ложиться.

Не смотря на такое предостереженіе, «Рюрикъ» все таки на слѣдующій день снялся съ якоря и выдержавъ нѣсколько штормовъ, черезъ 8 дней, пришелъ на Уналашку.

V.

Пробывъ на Уналашкѣ съ недѣлю и починивъ нѣкоторыя поврежденія, Коцебу 15-го сентября пошелъ въ Калифорнію и 1-го октября бросилъ якорь въ портѣ С. Франциско. Здѣсь онъ хотѣлъ дать отдыхъ матросамъ и укрѣпить ихъ хорошею пищею, чего на пустынной Уналашкѣ сдѣлать было невозможно.

Въ то время Калифорнія не входила еще въ составъ сѣверо-американскихъ штатовъ. Это была небольшая испанская колонія, мало заселенная и бѣдная. Главнымъ пунктомъ колоніи считалась небольшая крѣпостца, называемая Президіей. Въ вѣдѣніи Президіи находилось нѣсколько христіанскихъ миссій, управляемыхъ францисканскими монахами, которые съ большимъ усердіемъ привлекали въ свои миссіи дикихъ индѣйцевъ, крестили ихъ и оставляли въ фермахъ миссій въ качествѣ работниковъ. Но дикари съ трудомъ привыкали къ новой жизни и мерли какъ мухи. Многіе убѣгали. Шамиссо видѣлъ на берегу умирающую чету, которая не имѣла уже надежды достигнуть родины, но и въ миссію не желала вернуться. Лежа на голой, сырой землѣ эти несчастные, полунагіе, смотрѣли на синѣющія горы, за которыми находилась ихъ родина и въ такомъ положеніи ждали смерти.

Несмотря на бѣдность страны, она оказалась, по дарамъ природы, всежь таки неизмѣримо богаче Алеутскихъ острововъ. Моряки, которыхъ сначала встрѣтили съ недовѣріемъ, пользовались потомъ широкимъ гостепріимствомъ испанцевъ. Ихъ снабжали въ изобиліи свѣжимъ мясомъ, овощами и въ особенности плодами.

Вскорѣ по прибытіи «Рюрика» въ одной изъ миссій былъ праздникъ и, комендантъ Президіи предложилъ офицерамъ туда съѣздить. Отправились въ 8 ч. утра, верхами, конвоируемые десятью кавалеристами. Все это были статные красавцы, смуглые,

съ огненными глазами. Во время пути они забавляли всадниковъ, джигитуя съ удивительной ловкостью. Ѣхали путники съ часъ, восхищаясь роскошной природой Калифорніи. Миссія не произвела на нихъ пріятнаго впечатлѣнія. Это была чисто рабовладѣльческая ферма, гдѣ роль негровъ играли новообращенные индѣйцы. Вліяніе миссіонеровъ начало уже въ ту пору распространяться на острова Южнаго океана, но къ сожалѣнію, миссіонеры сѣяли сѣмя, не подготовивъ почвы, и плевелы заглушили его. Христіанская религія, которая должна бы была внести миръ и спокойствіе, стала подавать поводъ къ кровопролитнымъ войнамъ. Христіане и язычники, люди одного племени, стали истреблять другъ друга. «Непонятно мнѣ, говоритъ Коцебу, какимъ образомъ миссіонеры, не зная языка туземцевъ, могутъ подготовлять ихъ души къ воспріятію истины. Глубочайшій мракъ долженъ царствовать въ умахъ и сердцахъ этихъ людей, воспринимающихъ только наружные знаки христіанскаго Богопочитанія».

Послѣ обѣда показывали гостямъ жилища индѣйцевъ, длинныя, низкія казармы, темныя и неопрятныя. День былъ праздничный, и индѣйцы, разбившись на группы, веселились: пѣли, плясали, играли въ азартныя игры, до которыхъ они большіе охотники. Игра состояла въ слѣдующемъ: двое индѣйцевъ, усѣвшись другъ противъ друга, кидали вверхъ множество маленькихъ палочекъ и присутствующіе должны были угадывать ихъ число. Уполномоченные отмѣчали черточками проигрышъ и выигрышъ. Такъ какъ у этихъ бѣдняковъ нѣтъ никакой собственности, то они играютъ на раковины, которыя обдѣлываютъ очень искусно, урывая для этого время отъ сна.

Передъ отъѣздомъ русскихъ изъ Калифорніи, губернаторъ устроилъ для нихъ оригинальное, для нашего времени варварское зрѣлище: бой быка съ медвѣдемъ.

Въ эту эпоху первобытные лѣса Калифорніи населены были

всякимъ звѣрьемъ въ изобиліи. Нельзя было углубиться въ лѣсъ на полмили, не рискуя встрѣтиться съ медвѣдемъ, по свирѣпости превосходившимъ всѣхъ своихъ собратьевъ. Калифорнскій медвѣдь отличается отъ нашего огромнымъ ростомъ, сѣрой шерстью и остроконечной мордой. Притомъ онъ подвиженъ и ловокъ. Для невооруженнаго человѣка онъ страшенъ; но испанскіе драгуны такъ изловчились, что пойти за медвѣдемъ въ лѣсъ казалось имъ также просто, какъ сходить за лошадью въ конюшню. Дѣлалось это такимъ образомъ: трое драгунъ верхомъ отправлялись въ лѣсъ. Напавъ на медвѣдя, они заѣзжали такъ, чтобы онъ очутился между двумя всадниками. Тогда одинъ начиналъ дразнить его и когда звѣрь становился на дубы, другой накидывалъ арканъ на его лапы и валилъ на землю; тутъ подскакивалъ третій и окончательно спутывалъ медвѣдя. Почти также ловили быковъ. Домашній скотъ, остававшійся на пастбищахъ на свободѣ, дичалъ до такой степени, что и его приходилось ловить арканомъ, когда онъ требовался на мясо.

Бой быка съ медвѣдемъ былъ отчаянный. Быкъ не разъ вздымалъ своего противника на рога, но въ концѣ концовъ все-таки былъ побѣжденъ.

Пребываніе въ Калифорніи благотворно подѣйствовало на здоровье матросовъ. Они окрѣпли, поздоровѣли и были вполнѣ надежны для дальнѣйшаго плаванія. «Рюрикъ» починился, запасся провизіею, и отплылъ къ Сандвичевымъ островамъ. На немъ отплылъ нѣкто Элліотъ де-Кастро, бывшій въ плѣну въ Калифорніи.

Этотъ Элліотъ де-Кастро былъ одаренъ живымъ проницательнымъ умомъ, но жажда наживы губила его. Онъ бросался въ разныя предпріятія и то, что наживалъ въ одномъ, терялъ въ другомъ. Дважды онъ былъ въ плѣну; потомъ попалъ въ лейбъ-медики къ Тамеамеа, королю Сандвичевыхъ острововъ, пріобрѣлъ тамъ положеніе, обзавелся собственностью. Но этого

ему показалось мало. Онъ отправился искать счастія въ русско-американскія колоніи и вмѣсто того попалъ въ плѣнъ въ Калифорнію. Для Коцебу этотъ человѣкъ, хорошо знавшій Сандвичевы острова, былъ очень полезенъ.

Въ первые дни плаванія дули сильные порывистые вѣтры, и моряки вздыхали о пассатѣ. Но когда задулъ непрерывный пассатъ, стали вздыхать о вѣтрѣ. Нѣтъ плаванія успѣшнѣе и покойнѣе какъ съ пассатомъ, но нѣтъ ничего и скучнѣе. Однообразіе ненавистно человѣку. Ему нужны перемѣны; того требуетъ его природа. Всегдашній умѣренный вѣтеръ, ясная погода и спокойное море хотя и дѣлаютъ плаваніе безопаснымъ, но постоянное повтореніе одного и того же втеченіе нѣсколькихъ недѣль крайне надоѣдаетъ. Ясный день послѣ пасмурныхъ и тихій вѣтеръ послѣ бури доставляютъ гораздо больше удовольствія, чѣмъ непрерывная хорошая погода.

21-го ноября открылась гора Мауна-Лоа на островѣ Овайгѣ [1]). Элліотъ совѣтовалъ побывать прежде въ заливѣ Такайгай, и у англичанина Юнга узнать о политическомъ состояніи острововъ и мѣстопребываніи короля, который уѣзжаетъ иногда на сосѣдній островъ Вагу. Могло случиться что король умеръ и расположеніе сандвичанъ къ европейцамъ измѣнилось.

Признавая благоразуміе такого совѣта, Коцебу обогнулъ южную оконечность Овайги и направился къ сѣв.-востоку. Къ кораблю подплыла лодка съ двумя гребцами. Одинъ изъ нихъ вошелъ на шканцы и тотчасъ же узналъ «Наю», такъ онъ называлъ Элліота. Онъ сообщилъ, что король находится въ губѣ Каракакоа, а Юнгъ на островѣ Вагу, но это сообщеніе почему то показалось морякамъ подозрительнымъ. Пока гаваецъ находился на кораблѣ, лодка его, привязанная къ кораблю, опрокинулась, но сидѣвшій въ ней другой гаваецъ ухватился за веревку и плылъ за

[1]) На нынѣшнихъ картахъ «Гаваи».

кораблемъ, выказывая необычайную силу мускуловъ. Первый гаваецъ бросился къ товарищу на помощь; оба они перевернули лодку, вылили воду, дѣлая все это вплавь, и вскочили въ нее. Весла ихъ уплыли. Европеецъ въ такомъ случаѣ растерялся бы, но островитяне даже не смутились; они стали грести руками и быстро поплыли къ берегу.

Въ виду залива Такайгай, на корабль прибыли шесть туземцевъ, которые тоже узнали Элліота. Они сообщили, что у Вагу стоятъ два корабля, а въ Каракакоа одинъ, подъ американскимъ флагомъ, лишившійся по пути къ Сандвичевымъ островамъ всѣхъ своихъ мачтъ. Одинъ изъ этихъ туземцевъ служилъ матросомъ на американскомъ кораблѣ и говорилъ немного по-англійски. Его оставили за лоцмана. Но когда онъ узналъ, что находится на русскомъ кораблѣ, то такъ испугался, что едва не бросился въ море. На вопросъ Элліота о причинѣ такого страха онъ сообщилъ, что пять мѣсяцевъ тому назадъ приходили два русскіе корабля (россійско-амер. комп.), что русскіе поссорились съ туземцами и пригрозили, что вскорѣ придетъ военный корабль, чтобъ отомстить за нихъ. Элліоту скоро удалось успокоить туземца, увѣривъ его, что «Рюрикъ» присланъ затѣмъ, чтобъ загладить проступки своихъ соотечественниковъ. Коцебу могъ только порадоваться, что благодаря Элліоту узналъ эти непріятныя обстоятельства прежде свиданія съ Тамеамеей, который, чего добраго, принялъ бы «Рюрика» за тотъ самый военный корабль, которымъ пугали безпокойные агенты россійско-американской компаніи туземцевъ.

По случаю слабаго вѣтра корабль двигался впередъ очень медленно. Ноября 23-го прибыла лодка съ оффиціальнымъ вопросомъ о національности корабля. Тутъ же Коцебу узналъ, что король забавляется ловлею бонитовъ и безпрестанно переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто. Сообщивъ посланному, что корабль русскій прибылъ съ самыми дружественными намѣреніями, Ко-

цебу просилъ передать королю, что онъ, командиръ, очень желаетъ переговорить съ Его Величествомъ, и проситъ его не оставлять гавани Такайгай, куда «Рюрикъ» прибудетъ къ вечеру.

На слѣдующее утро, Элліотъ, которому поручено было переговорить съ королемъ, съѣхалъ на берегъ. Данное ему порученіе онъ исполнилъ блистательно. Часа черезъ три онъ вернулся въ сопровожденіи двухъ сановниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ братъ королевы. Оба гавайца, высокіе и стройные, одѣты были по новѣйшей гавайской модѣ: въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ соломенныхъ шляпахъ, безъ нижнихъ принадлежностей туалета.... Много странныхъ одѣяній видали мореплаватели, но такихъ еще не встрѣчали!

Король Тамеамеа дѣйствительно ожидалъ прибытія непріятельскаго корабля и уже приготовилъ около 400 человѣкъ вооруженнаго войска; но Элліоту удалось совершенно его успокоить. Однако-же король отказался ѣхать на корабль, говоря, что подданные его менѣе довѣрчивы и его не пустятъ. Но въ доказательство своего расположенія къ русскимъ, онъ пригласилъ командира въ свой лагерь, гдѣ желалъ угостить его изжаренной въ землѣ свиньей. А чтобъ командиръ былъ увѣренъ въ своей безопасности, одному изъ королевскихъ сановниковъ приказано было остаться на кораблѣ все время, пока капитанъ будетъ на берегу.

Репутація Тамеамеи, человѣка умнаго, гуманнаго, любителя просвѣщенія, достаточно была извѣстна Коцебу. Онъ зналъ, что вполнѣ можетъ ему довѣриться и немедленно съѣхалъ на берегъ.

«Было 10 ч. утра, когда я, Шишмаревъ, Элліотъ и одинъ изъ сановниковъ, Джонъ Адамсъ, съѣхали на берегъ, разсказываетъ Коцебу. Джонъ Адамсъ былъ сандвичанинъ, но по мѣстному обыкновенію, носилъ имя европейца, съ которымъ подружился. Королевскій лагерь скрывался за узкой, утесистой косой. Но только что мы ее обогнули, какъ глазамъ нашимъ предста-

вилась прелестнѣйшая картина. Представьте себѣ рощу пальмъ и бамбуковъ и въ тѣни ея разбросанныя хижины туземцевъ, наряду съ бѣлыми домиками короля, построенными по европейскому образцу. Эта смѣсь мѣстной и европейской архитектуры чрезвычайно оригинальна и пріятна для глаза. Влѣво, возлѣ самой воды, на искусственномъ возвышеніи, находилось капище короля, окруженное множествомъ безобразныхъ деревянныхъ идоловъ. Съ одной стороны море, съ другой — предгорія съ разбитыми на нихъ полями, и далѣе — лѣсистыя горы, чрезвычайно выдѣляли красоту долины.

На берегу стояло множество туземцевъ, вооруженныхъ ружьями и масса любопытныхъ. При всемъ томъ не было ни шуму, ни давки; всѣхъ сдерживала близость королевской особы. Вотъ показался и самъ знаменитый Тамеамеа, снискавшій себѣ уваженіе всей Европы. Онъ пошелъ прямо къ пристани встрѣчать гостей. Съ непринужденностью и радушіемъ, но безъ всякаго подобострастія поздоровался онъ съ пріѣзжими и повелъ ихъ въ свой соломенный дворецъ, состоявшій изъ одного большого зала, устроеннаго такъ, что его продувало со всѣхъ сторонъ, отчего въ немъ царствовала пріятная прохлада. Каменные дома, постоянно накаляемые солнцемъ, королю не нравились. Вообще въ подражаніи европейцамъ онъ, какъ человѣкъ умный былъ очень умѣренъ, заимствуя полезное и избѣгая роскоши и излишества *).

Коцебу слышалъ, что Тамеамеа одѣвается очень пышно, имѣетъ нѣсколько европейскихъ шитыхъ мундировъ и потому крайне удивился, увидавъ его въ самомъ простомъ костюмѣ, въ бѣлой рубашкѣ, синихъ панталонахъ, красномъ жилетѣ и черномъ платкѣ на шеѣ. Онъ бы не призналъ въ немъ короля, еслибъ не выдавали его сана низкіе поклоны его подданныхъ. За то

*) О Тамеамеѣ или Гаммамеѣ и Сандвичевыхъ островахъ см. въ путешествіи Крузенштерна, I часть «Мореплавателей».

свита короля была въ полномъ нарядѣ: въ черныхъ фракахъ, надѣтыхъ на природное прародительское одѣяніе. Къ тому же фраки, вымѣненные у европейцевъ, были не впору рослымъ широкоплечимъ сандвичанамъ; тальи у иныхъ находились между лопатками, полы едва застегивались. Несчастные жертвы моды пыхтѣли и потѣли въ своихъ фракахъ, но разстаться съ ними едвали согласились-бы, такъ какъ всемірная владычица мода и здѣсь успѣла уже наложить свою деспотическую длань. Войско было безъ всякаго костюма; сума и пара пистолетовъ держались около пояса на ремешкѣ.

Для гостей принесли изящные европейскіе стулья и столъ; свита усѣлась на полу, на циновкахъ. Угостивъ пріѣзжихъ хорошимъ виномъ, Тамеамеа сказалъ имъ черезъ толмача.

Тамеамеа, король Сандвичевыхъ острововъ.

«Слышу, что вы начальникъ военнаго корабля и совершаете ученое путешествіе; слѣдовательно, не занимаетесь торговлею и я не намѣренъ заводить съ вами торговъ, но хочу снабдить васъ безвозмездно произведеніями сихъ острововъ. Такъ дѣлается для всѣхъ европейскихъ кораблей и съ тѣхъ поръ, какъ Тамеамеа здѣсь воцарился, ни одинъ европеецъ не имѣлъ повода жаловаться на дурной пріемъ. Но почему же подданные русскаго Императора безпокоятъ меня въ моихъ преклонныхъ лѣтахъ? Нѣсколько времени тому назадъ прибыли сюда русскіе изъ Ситхи,

колоніи россійско-амер. компаніи, съ которыми я до той поры не имѣлъ никакихъ сношеній. Они были приняты дружественно и снабжены всѣмъ нужнымъ. Но они отплатили мнѣ зломъ за добро, обидѣли моихъ подданныхъ на островѣ Вагу и угрожали военными кораблями, которые придутъ, чтобъ овладѣть моими островами. Еще недавно явился докторъ Шефферъ и объявилъ, что онъ посланъ русскимъ Императоромъ для ботаническихъ изысканій. Глубоко уважая Императора Александра, я не только оказывалъ Шефферу всякое содѣйствіе, но подарилъ ему участокъ земли, гдѣ бы онъ могъ основаться. Что же онъ сдѣлалъ? На островѣ Вагу онъ разрушилъ почитаемый нами мурай (капище), возстановилъ противъ меня короля Отувая, Томари, уже давно признавшаго мое главенство, и наконецъ, сталъ возмущать моихъ подданныхъ».

Не особенно пріятно было русскимъ слушать повѣствованіе о безчинствѣ ихъ земляковъ. Коцебу въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ просилъ короля не судить о русскихъ по этимъ неудачнымъ образцамъ. По обширности русской имперіи многое не доходитъ до свѣдѣнія правительства, говорилъ онъ; но коль скоро дойдетъ, то подобные поступки, конечно, получатъ должное возмездіе. Онъ увѣрялъ Тамеамею, что русскій Императоръ и въ помыслахъ не имѣетъ посягать на его владѣнія. Король развеселился и выпилъ за здоровье Императора Александра.

Послѣ обѣда русскіе отправились въ сопровожденіи толмача и пяти нагихъ тѣлохранителей съ визитомъ къ женамъ короля. Жены занимали большой и красиво отдѣланный домъ, но сидѣли на полу, на циновкахъ; по срединѣ Кагумана, любимая жена короля, а по бокамъ — двѣ другія. Кагумана принимала гостей какъ хозяйка, занимала ихъ разговоромъ черезъ переводчика, угощала арбузами. Всѣ женщины закутаны были въ тончайшую бѣлую ткань мѣстнаго производства. Всѣ три курили табакъ до одурѣнія. Это зелье было недавно привезено европейцами

и такъ привилось, что даже грудные младенцы курили его. Тамеамеа былъ чуть ли не единственнымъ гавайцемъ, не поддавшимся искушенію.

Всѣ три королевы рослы, дородны и выглядѣли пятидесятилѣтними женщинами. Отъ природы некрасивыя, онѣ были еще больше изуродованы только что вошедшею тогда въ моду прическою. Остриженные ихъ волосы, были, спереди, намазаны бѣлою клейкою мазью и подняты вверхъ; широкое смуглое лице, обрамленное этими блестящими иглами, производило странное впечатлѣніе. Нарядъ ихъ отличался отъ наряда прочихъ дамъ тѣмъ, что на королевахъ надѣто было нѣсколько шелковыхъ платковъ. Въ сторонѣ, на циновкѣ, сидѣла молодая дѣвушка, дочь короля. Стоявшій позади негритенокъ держалъ надъ нею шелковый зонтикъ, а другіе два отгоняли мухъ пучками красныхъ перьевъ.

Коцебу нѣсколько разъ порывался уходить, но Кагумана удерживала его и закидывала вопросами. Она освѣдомилась о Ванкуверѣ и, узнавъ о его смерти, опечалилась. Потомъ капитанъ узналъ отъ переводчика, что Ванкуверъ помирилъ королеву съ ея супругомъ, почему она и сохранила о немъ добрую память.

Откланявшись королевамъ, русскіе пошли къ королевскому сыну и наслѣднику. Толмачъ сообщилъ, что Тамеамеа, желая избѣжать смутъ послѣ его смерти, дозволилъ сыну распоряжаться «табу» *), черезъ что наслѣдникъ вступилъ въ союзъ съ жрецами и сдѣлался священнымъ.

Какъ пожалѣли русскіе симпатичнаго Тамеамею, увидавъ его наслѣдника. Онъ походилъ скорѣе на упитанное животное, чѣмъ на человѣческое существо.

Въ шалашѣ, куда ввели путешественниковъ, лежалъ на полу въ природномъ одѣяніи, принцъ Ліоліо (собака всѣхъ собакъ).

*) «Табу» запретительное слово на островахъ Ю. Океана. Тотъ, кто дотронется до предмета., на который наложенъ «табу», повиненъ смерти.

Его стерегли пять тѣлохранителей въ такомъ же костюмѣ. Одинъ изъ нихъ былъ писаный красавецъ; приходилось жалѣть, что не онъ наслѣдникъ престола.

При входѣ посѣтителей, «собака всѣхъ собакъ» едва приподнялъ голову, потомъ потянулся, всталъ съ большимъ трудомъ, зѣвнулъ и вперилъ въ пришедшихъ бычачьи безсмысленные глаза. Шитье на мундирѣ капитана видимо ему понравилось и онъ сталъ тыкать въ него пальцемъ, говоря что то своей свитѣ. Долго оставаться у этого субъекта было незачѣмъ и посѣтители откланялись. Возвратившись къ берегу, они увидали нѣсколько гребныхъ судовъ европейскаго образца, поддерживавшихъ сообщеніе между островами. Тамеамеа употреблялъ всѣ усилія, чтобы залучить къ себѣ европейскихъ мастеровъ и платилъ имъ большія деньги. Во все время пути, за чужестранцами слѣдовала толпа народа, мущинъ и женщинъ, но всѣ держали себя вполнѣ прилично.

Тамеамеа ласково ихъ встрѣтилъ и спросилъ, какъ имъ понравились его владѣнія. Обѣдъ былъ приготовленъ въ красивомъ шалашѣ и сервированъ по-европейски, исключая одной особенности. Посреди стола стояла на пальмовыхъ вѣткахъ зажаренная цѣликомъ свинья. Такой способъ приготовленія — жаренье въ землѣ и въ шкурѣ, очень цѣнится туземцами. Дѣйствительно мясо свиньи было очень сочно и нѣжно. Остатки свиньи предназначались въ жертву богамъ, въ благодарность за примиреніе съ русскими, а остатковъ было много, такъ какъ король и его свита ничего не ѣли и только угощали гостей. Тамеамеа былъ очень разговорчивъ, шутилъ, а министры его помирали со смѣху.

Когда гости отобѣдали, король велѣлъ снова накрыть столъ для матросовъ и одному изъ сановниковъ приказалъ слѣдить, чтобъ ихъ хорошенько угощали. Врядъ ли матросы удостоивались гдѣ либо такихъ почестей. За каждымъ изъ нихъ, также

какъ раньше за офицерами стояло по мальчику съ пучкомъ перьевъ, для защиты отъ мухъ.

Отдавъ приказаніе насчетъ матросовъ, король съ русскими гостями пошелъ въ мурай и обнявъ одного изъ идоловъ, увѣшаннаго плодами и кусками жареной свиньи сказалъ: «Вотъ боги, которымъ я покланяюсь. Хороша или худа моя вѣра, я не знаю, но она мѣшаетъ мнѣ быть несправедливымъ».

Такія слова въ устахъ дикаря были очень знаменательны. Чѣмъ болѣе русскіе знакомились съ царственнымъ гавайцемъ, тѣмъ сильнѣе проникались къ нему уваженіемъ.

Изъ мурая король пошелъ со своими гостями въ тотъ шалашъ, гдѣ онъ вначалѣ принималъ ихъ. «Пришелъ часъ моего обѣда, сказалъ онъ. Я видѣлъ какъ обѣдаютъ русскіе, теперь можетъ быть вамъ будетъ любопытно видѣть, какъ обѣдаетъ Тамеамеа.

Столъ не былъ накрытъ; кушанья стояли въ сторонѣ, положенныя вмѣсто блюдъ на банановыя листья. Служитель приносилъ кушанье ползкомъ, ближайшій сановникъ бралъ его и ставилъ на столъ передъ королемъ. Тутъ была жареная рыба, птички немного больше воробья, очень рѣдкія, подаваемыя только къ королевскому столу; вареныя коренья ямо и шаро; вмѣсто хлѣба служило тѣсто изъ таро; положенное въ воду, оно образуетъ родъ киселя. Хотя передъ королемъ лежалъ полный столовый приборъ, но онъ ѣлъ руками. Захвативъ пальцами кусочекъ тѣста онъ клалъ его въ ротъ, а затѣмъ рыбу или птицу. Замѣтивъ, что русскіе на него смотрятъ, онъ сказалъ: что дѣлать, такъ ужъ привыкъ. Вообще онъ не стѣснялся; ѣлъ съ аппетитомъ и все время разговаривалъ.

Покончивъ съ обѣдомъ, Тамеамеа сговорился съ капитаномъ насчетъ потребныхъ для Рюрика продуктовъ. На островѣ Вагу Коцебу долженъ былъ получить 43 свиньи, куръ, утокъ, плоды всякаго рода и потребное количество дровъ. Для скорѣйшаго

снабженія провіантомъ съ Коцебу отправлялся довѣренный чиновникъ и кромѣ того лоцманъ. Чиновнику вмѣнено было также въ обязанность успокоить жителей относительно прибытія русскихъ.

Желая отблагодарить короля за безчисленныя его одолженія, Коцебу подарилъ ему съ «Рюрика» двѣ мортиры съ лафетами, и обѣщалъ прислать желѣза, въ которомъ онъ очень нуждался.

Пока шли переговоры, Хорисъ успѣлъ срисовать нѣсколькихъ королевскихъ сановниковъ. Тамеамеа дивился и расхваливалъ искусство художника. Самого же его очень трудно было уговорить дать срисовать себя. Въ этомъ протестѣ проглядывало суевѣріе. Онъ согласился только тогда, когда Коцебу заявилъ, что Государю Императору будетъ пріятно имѣть его портретъ. Во время сеанса король вертѣлся и гримасничалъ, но Хорису все таки удалось очень удачно срисовать его.

Въ 5 часовъ русскіе откланялись королю, съ которымъ разставались съ большимъ сожалѣніемъ. Элліотъ оставался при немъ. Вскорѣ по возвращеніи на «Рюрикъ», туда прибылъ Мануя, назначенный королемъ въ проводники. Мануя не былъ вельможей, но пользовался большимъ довѣріемъ короля. Умный Тамеамеа выбиралъ людей не по рангамъ, а по достоинству. Мануя имѣлъ очень приличный видъ; приглашенный къ офицерскому столу онъ употреблялъ ножи и вилки и вообще велъ себя какъ цивилизованный европеецъ.

Этотъ Мануя оказался настоящимъ сокровищемъ. Никогда не оставлялъ онъ корабля безъ позволенія капитана; охранялъ его отъ воровъ и съ полной готовностью оказывалъ всякія услуги. Стоило капитану выразить какое нибудь желаніе, Мануя бросался въ воду; достигнувъ берега, бѣжалъ стремглавъ исполнять порученіе и отдыхалъ не раньше какъ по возвращеніи на корабль. Когда понадобилось запасаться дровами, Мануя живо собралъ до сотни туземцевъ и дѣло вмигъ было сдѣлано. На про-

щанье Коцебу его щедро одарилъ, но высшею наградою Мануя считалъ довѣріе, которымъ капитанъ почтилъ его, поручивъ отвезти подарки королю.

Панорама острова Вагу положительно очаровательна; особенно прелестны окрестности Гонолулу; и самый городокъ со множествомъ европейскихъ домовъ имѣлъ бы вполнѣ европейскій видъ, еслибъ пальмы и бананы не напоминали о положеніи его въ другомъ полушаріи.

Вагу считается, какъ туземцами, такъ и европейцами плодоноснѣйшимъ островомъ изъ всей группы и называется садомъ Сандвичевыхъ острововъ. Кромѣ естественныхъ даровъ природы онъ превосходно воздѣланъ и свидѣтельствуетъ о трудолюбіи жителей.

Изъ гавани Гонолулу отвалила лодка съ лоцманомъ. Не дожидая входа корабля въ гавань, Мануя бросился въ море и поплылъ на берегъ, чтобъ предупредить жителей. Не смотря на это, видъ русскаго военнаго корабля встревожилъ туземцевъ и они поспѣшили вооружиться.

Коцебу съѣхалъ на берегъ, чтобъ засвидѣтельствовать почтеніе губернатору Кареймоку и былъ встрѣченъ англичаниномъ Юнгомъ, довѣреннымъ короля. Юнгъ успокоилъ его относительно настроенія жителей и повелъ въ свой домъ. Туда же прибылъ и Кареймоку со свитою. Выглядѣли эти люди, какъ и всѣ почти сандвичане, настоящими атлетами. Одѣты они были въ бѣлые плащи мѣстной выдѣлки, закинутые, какъ римскія тоги, на правое плечо. У Кареймоку было умное выразительное лице, и англичане прозвали его Питтомъ. Пожавъ руку капитану, Кареймоку затянулъ старую пѣсню о безчинствахъ русскихъ и въ особенности Шеффера. Пришлось снова объяснять, успокаивать и увѣрять въ дружелюбіи. Кончилось, разумѣется, взаимными комплиментами.

На слѣдующій день Коцебу занятъ былъ на «Рюрикѣ» пріемомъ

провизіи, а день спустя онъ пригласилъ Кареймоку и Юнга къ себѣ обѣдать. Кареймоку и Юнгъ прибыли съ женами и знатнѣйшими дворянами (гери). Кареймоку, совершенно успокоенный насчетъ намѣреній русскихъ, былъ чрезвычайно ласковъ, безпрестанно пожималъ капитану руку и говорилъ «Аронa!» (Богъ да благословитъ васъ). Кареймоку, желая почтить европейцевъ, одѣлся въ костюмъ англійскаго штурмана съ треуголкою на головѣ и былъ неузнаваемъ. Одежда была тѣсна для него и онъ положительно задыхался. Остальные гери тоже щеголяли въ разнообразнѣйшихъ костюмахъ и походили на наряженныхъ обезьянъ. Всѣхъ стѣсняла непривычная одежда; они пыхтѣли и отдувались. Мода до такой степени поработила гавайцевъ, что даже люди простого званія считали необходимымъ щегольнуть какой нибудь принадлежностью европейскаго костюма. Европеецъ могъ натѣшиться вдоволь, глядя, какъ одинъ ходилъ въ сюртукѣ безъ брюкъ, другой въ брюкахъ безъ сюртука, третій — въ одномъ жилетѣ и такъ далѣе. Европейскіе старьевщики сбывали здѣсь свои товары съ большимъ барышемъ.

Жена Юнга, хотя и сандвичанка родомъ, одѣвалась въ платья европейскаго покроя изъ богатой китайской шелковой матеріи. Она была скромна и пріятна въ обращеніи. Напротивъ того, рослая дородная супруга Кареймоку напоминала добраго мужика.

Обѣдъ былъ сервированъ на шканцахъ, но, къ сожалѣнію, всѣ усилія русскихъ угостить хорошенько своихъ гостей, пропали даромъ. Коцебу не зналъ, что туземцы не станутъ ѣсть свинины, не освященной въ мураѣ), а такъ какъ все остальное варилось и жарилось на томъ же огнѣ, то все и было «табу». Бѣдные гавайцы въ своихъ смѣшныхъ костюмахъ остались съ тощими желудками; едва согласились они поѣсть сухарей, сыру и плодовъ. Вина и водки не были «табу» и потому къ нимъ безпрестанно прикладывались, даже и дамы. Это зелье, какъ и табакъ, занесены на острова вмѣстѣ съ европейскою цивилизаціею.

Гости разсматривали корабль съ большимъ интересомъ. Особенно удивились они, увидавъ въ каютѣ капитана писаный масляными красками портретъ его отца. Они думали что это живой человѣкъ и только дотронувшись, убѣдились въ своей ошибкѣ. Портретъ Тамеамеи, всѣ тотчасъ же узнали. Когда на островѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что у русскихъ есть Тамеамеа «на бумагѣ» множество людей стало пріѣзжать на корабль, чтобъ посмотрѣть изображеніе своего владыки.

Чтобы загладить неудачу съ обѣдомъ, Коцебу щедро одарилъ своихъ гостей, и всѣ остались довольны. Въ 4 часа гости уѣхали, такъ какъ съ захожденіемъ солнца наступалъ «табу» на двѣ ночи и одинъ день. Все это время туземцы мужскаго пола обязаны были провести въ мураѣ.

Поѣздка Кареймоку на корабль совершенно успокоила туземцевъ относительно русскихъ; послѣдніе спокойно гуляли по острову и заходили въ дома, гдѣ ихъ угощали съ полнымъ радушіемъ. Въ числѣ иностранцевъ, поселившихся на островѣ, былъ испанецъ Марино, котораго обязательно посѣщали всѣ иностранцы. Онъ акклиматизировалъ на островѣ многія полезныя растенія, въ томъ числѣ виноградъ; развелъ большія стада. Но и кромѣ того, внутри страны водилось много рогатаго скота, когда то подареннаго Тамеамеѣ европейцами. Туземцы не съумѣли съ нимъ справиться и скотъ одичалъ. На него, какъ на дикихъ животныхъ, ходили охотиться съ ружьемъ; о ловлѣ арканомъ какъ въ Калифорніи здѣсь не имѣли понятія.

Кареймоку предложилъ русскимъ посмотрѣть туземную пляску. Около его дома приготовлено было обширное мѣсто, въ центрѣ котораго посадили гостей; кругомъ стояла толпа зрителей. Сперва вышли три наемныхъ плясуна, которые немилосердно кривлялись и гримасничали. Но туземцамъ они пришлись такъ по вкусу, что при каждой остановкѣ, въ кругъ входили зрители и одаривали плясуновъ. Оркестръ состоялъ изъ четырехъ чело-

вѣкъ, которые напѣвали какую то мелодію, постукивая палочками въ выдолбленныя тыквы. Послѣ плясуновъ вышли дѣвушки и встали въ три ряда. Ихъ плавныя, граціозныя движенія были очень пріятны для глазъ. Головы и плечи ихъ были украшены цвѣтами, шеи — ожерельями.

За бамбуковымъ заборомъ виднѣлась соломенная хижина, около которой разгуливала откормленная свинья. Каждый проходящій считалъ долгомъ погладить ее. На вопросъ русскихъ, за что такому неуклюжему животному воздается подобная честь, Юнгъ отвѣчалъ, что эта свинья предназначена въ мурай, въ жертву за королевскаго сына, 9-ти-мѣсячнаго малютки, который въ этомъ самомъ шалашѣ и жилъ подъ бдительнымъ надзоромъ Кареймоку. Оказалось, что и пляска устроена была въ честь младенца. Хотя онъ ея не видалъ и позднѣе не увидитъ, такъ какъ его священная особа должна быть скрыта отъ глазъ простыхъ смертныхъ, пока онъ не совершитъ таинствъ въ мураѣ, но знатность его происхожденія требовала, чтобы въ честь его устраивались пиршества.

Прежде существовалъ обычай, что при рожденіи у короля сына, король вводилъ въ употребленіе совершенно новый языкъ съ формами стараго ничего общаго не имѣющій. Для наглядности приведемъ нѣсколько примѣровъ:

	старый языкъ:	*новый языкъ:*
мущина	Канака	Ауна
женщина . . .	Вагейни	Карару
собака	Иріо	Япапа.

Послѣдній языкъ сталъ, было, вводить Тамеамеа въ 1800 г. при рожденіи сына. Но младенецъ умеръ и всѣ возвратились къ старому языку. Говорятъ, что вельможи, которымъ надоѣло это нововведеніе, просто отравили королевскаго сына.

«Рюрикъ», порядочно оборвавшій подводную часть о рифы, требовалъ починки. Нужно было починить мѣдную обшивку на порядочной глубинѣ. Изъ русскихъ матросовъ ни одинъ не могъ этого сдѣлать; Кареймоку прислалъ своихъ. Гавайцы совершили эту работу съ поразительной ловкостью. Одинъ изъ нихъ оставался подъ водою отъ 3—4 минутъ, потомъ выплывъ на мгновеніе, набиралъ воздуху и погружался вновь. Товарищъ его, подававшій гвозди, дѣлалъ тоже самое.

Пока шла починка корабля, русскіе гуляли по окрестностямъ. Не только офицеры и ученые, но и матросы вездѣ встрѣчали радушный пріемъ и всяческое содѣйствіе. Коцебу много слышалъ о жемчужной рѣкѣ и ему захотѣлось побывать тамъ. Жемчужная рѣка, отстоитъ отъ Гонолулу на полдня ходьбы. Добываніе жемчуга частнымъ лицамъ запрещено подъ страхомъ смертной казни, и одинъ только король пользуется имъ.

Въ 9 часовъ утра, 8 декабря, Коцебу, Эшгольцъ и подштурманъ Храмченко съ двумя проводниками отправились въ путь. Переправившись черезъ рѣку Гонолулу, путники пошли вдоль обработанной долины, окаймленной лѣсистыми горами и замыкаемой моремъ. Культура долины состояла главнымъ образомъ въ плантаціяхъ таро, устройство которыхъ чрезвычайно заинтересовало русскихъ. Какъ долина, такъ и предгорія разбиты на участки около 160 квадр. фут., обнесенные плотною стѣнкою для удержанія воды. Каждый участокъ снабженъ двумя шлюзами; одинъ впускаетъ воду, другой выпускаетъ ее на участки, лежащіе ниже. Таро, какъ и рисъ, садится въ жидкую грязь. Садится, впрочемъ не корень, а отрѣзанная отъ корня трава, которая быстро укореняется. Когда таро пойдетъ въ ростъ, онъ требуетъ больше и больше воды, такъ что передъ жатвой, поля похожи на пруды съ плавающими поверхъ листиками. Спустя три мѣсяца, готовъ новый сборъ корня. Промежутки между полями, засаженные сахарнымъ тростникомъ и бананами, образуютъ красивыя тѣ-

нистыя аллеи. Интересно видѣть какъ спускается вода изъ бассейна, устроеннаго на возвышенности. Вода изъ шлюза вытекаетъ каскадами, бѣжитъ по банановой аллеѣ и вливается въ сосѣднее поле. Во время спуска воды всѣ предгорія украшены такими каскадами; они искрятся и сверкаютъ на солнцѣ, придавая ландшафту своеобразную прелесть. Поля корня таро доставляютъ туземцамъ еще ту выгоду, что они служатъ садками для рыбы, пойманной въ отдаленныхъ ручьяхъ. Для морской рыбы устраиваютъ такіе садки между рифами, застраивая пустое пространство искусственною стѣнкою. Въ то время не додумались еще до проволочной сѣтки, которая могла бы замѣнить—съ трудомъ воздвигаемую стѣнку.

Кромѣ плантацій таро, на пути встрѣчались плантаціи сахарнаго тростника, красиво разбросанныя хижины и цѣлыя деревни въ тѣни банановыхъ и пальмовыхъ рощъ. Поселяне, видавшіе иностранцевъ не такъ часто, какъ жители береговой полосы, сбѣгались на нихъ смотрѣть какъ на чудо. Впрочемъ, они были добродушны и ласковы, и радовались какъ дѣти, всякой подаренной имъ бездѣлкѣ.

Переваливъ черезъ довольно высокую гору, путники вступили въ прелестную долину и расположились отдохнуть на берегу озера въ тѣни хлѣбныхъ деревьевъ. Что это за деревья! Гиганты, наподобіе столѣтнихъ европейскихъ дубовъ, съ великолѣпною листвою. Гиганты эти даютъ одновременно пріютъ и пищу.

Отдохнувъ немного, путники перевалили черезъ новую гору, густо поросшую деревомъ, изъ коры котораго приготовляется матерія. Эта фабрикація, при отсутствіи техническихъ усовершенствованій, требуетъ не малой затраты силъ. Кору надо долго колотить въ водѣ, чтобы она получила надлежащую тонкость.

Проходили мимо владѣній англичанъ, которыя они получили

Мурай.

въ подарокъ отъ короля. Владѣнія обширны и хорошо воздѣланы. Путь совершался незамѣтно, благодаря безпрестанной смѣнѣ пейзажей, одинъ другого живописнѣе. Въ одномъ мѣстѣ путникамъ случилось проходить по аллеѣ съ невысокими деревьями, похожими на алоэ, съ красными плодами. Проводникъ, замѣтивъ, что плоды привлекали вниманіе капитана, сорвалъ одну штуку и подалъ ему, вполнѣ увѣренный, что тотъ знакомъ съ ихъ употребленіемъ. Коцебу откусилъ и свѣту не взвидѣлъ; ворсинки, которыми покрыта была шкурка, впились ему въ десны, небо, языкъ, и такъ сильно, что еще на другой день онъ не могъ ѣсть безъ боли. Проводникъ страшно сконфузился; онъ не предупредилъ, что надо снять шкурку, чтобъ насладиться вкуснымъ сочнымъ плодомъ, который оказался однимъ изъ сортовъ кактуса, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ: «индѣйской винной ягоды».

Пройдя 10 миль, путники остановились въ селеніи Вауну, принадлежащемъ Кареймоку. Селеніе лежало при рѣчкѣ, которая впадала въ жемчужную рѣку.

Кареймокомъ приказано было хорошенько угостить путешественниковъ. Имъ изжарили въ землѣ поросенка съ корнями таро и земляными яблоками; съ таровыхъ полей принесли рыбы; а вино у нихъ было взято съ собою. Пока готовился обѣдъ, Коцебу подманивалъ дѣтей, чтобы одарить ихъ. Дѣти долго дичились. Одна хорошенькая дѣвочка лѣтъ шести оказалась изъ самыхъ храбрыхъ. Она не только подошла, но все время прыгала около путешественниковъ, дергала ихъ за фалды и кричала другимъ: «подойдите и посмотрите на этихъ странныхъ бѣлыхъ людей. Вотъ какія у нихъ блестящія вещи. Не будьте такъ глупы, подойдите поближе!»

Коцебу приласкалъ дѣвочку и повѣсилъ ей на шею нитку бисеру. Увидѣвъ это, другія дѣти подбѣжали и захлопали въ ладоши. Скоро путники подружились и съ взрослыми. Не мало

этому способствовало вино, которымъ они ихъ угощали. Вечеръ прошелъ весело въ пѣніи и пляскахъ.

Постели путникамъ приготовили на опрятныхъ циновкахъ, но разыгравшіяся крысы начали прыгать у нихъ по лицамъ, и уснуть не было возможности. Послѣ безсонной ночи имѣли они неудовольствіе узнать, что лодки достать невозможно и что имъ придется предпринять обратный путь, не видавъ жемчужной рѣки. О совершенномъ путешествіи, впрочемъ, никто не жалѣлъ; оно доставило много удовольствія.

На обратномъ пути видѣли русскіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ остовы свиней, висѣвшихъ на деревьяхъ. Имъ объяснили, что пастухи дѣлаютъ это ради огражденія себя отъ подозрѣній, что они съѣли свиней. Въ случаѣ падежа такая декорація должна быть очень пагубна для оставшихся въ живыхъ экземпляровъ.

Въ тотъ же вечеръ путешественники возвратились на «Рюрикъ».

На слѣдующій день Кареймоку, черезъ Мануя, пригласилъ Коцебу посмотрѣть ученіе на копьяхъ. Юнгъ чрезвычайно удивился такому приглашенію и объяснилъ его особымъ благоволеніемъ губернатора.

Ученье на копьяхъ, это въ нѣкоторомъ родѣ маневры, примѣрное сраженіе. Хотя копья на этихъ маневрахъ нарочно притуплены, но дѣло не обходится безъ раненыхъ и даже убитыхъ. Эти маневры опасны еще тѣмъ, что у дѣтей природы сильно разыгрываются страсти и если есть между ними племенная вражда, то она всплываетъ наружу и примѣрное сраженіе превращается въ настоящее. Но это бываетъ рѣдко.

Въ маневрахъ обыкновенно участвуетъ высшій классъ населенія. Заблаговременно назначается день, и участниковъ собирается человѣкъ до ста и болѣе.

На этотъ разъ съѣхалось 60 человѣкъ. Раздѣлившись на двѣ партіи, бойцы образовали двѣ линіи. Изъ каждой линіи вы-

ступило по предводителю съ нѣсколькими дротиками въ рукахъ. Начался бой. Предводители метали дротики и увертывались, прыгая то въ ту, то въ другую сторону. Движенія ихъ были такъ быстры, что непривычному глазу трудно было услѣдить за ними. Остальные воины слѣдили за боемъ съ напряженнымъ вниманіемъ и словно застыли. Но вотъ одинъ предводитель побѣдилъ. Это послужило сигналомъ къ общей схваткѣ. Линіи сомкнулись; туча дротиковъ омрачила воздухъ. Предводители продолжали командовать наступленіемъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобъ прорвать линіи и обезсиливать разрозненныя группы. Точно также ведутъ туземцы и настоящія сраженія, только копья тогда острыя, въ десяти шагахъ пронизываютъ человѣка насквозь; кромѣ копій употребляются еще пращи. Съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, копья и пращи конечно выйдутъ изъ употребленія, или останутся какъ забава.

Тамеамеа считается искуснѣйшимъ бойцемъ на копьяхъ. Чтобъ показать свою ловкость онъ велитъ 14-ю копьями цѣлить себѣ въ грудь и всегда искусно уклоняется. Зато и репутація его такова, что когда онъ вздумалъ завоевывать островъ Вагу, тамошній король убѣжалъ въ горы вполнѣ увѣренный, что будетъ убитъ Тамеамеей. «Я долженъ умереть, сказалъ онъ окружающимъ. Но не умру отъ руки побѣдителя, а принесу себя въ жертву богамъ». Потомъ нашли тѣло его въ одной изъ горныхъ пещеръ.

Отплытіе «Рюрика» назначено было на 14-е декабря. Всякой провизіи навезли столько, что ее невозможно было помѣстить. Наканунѣ пріѣзжало множество туземцевъ проститься. Кареймоку съ нѣсколькими приближенными остался на кораблѣ до выхода его въ открытое море. Когда «Рюрикъ» снялся съ якоря, Кареймоку просилъ капитана салютовать крѣпости, что тотъ охотно исполнилъ. Кареймоку въ восторгѣ бросился обнимать капитана. Національное самолюбіе его было удовлетворено.

Когда «Рюрикъ» вышелъ въ море, Кареймоку и его свита самымъ сердечнымъ образомъ простились съ русскими. При троекратномъ крикѣ «ура!» отвалила его шлюпка. «Рюрикъ» расправилъ крылья, полетѣлъ по вѣтру и скоро потерялъ изъ виду прелестные Сандвичевы острова.

VI.

Въ это плаваніе предположено было осмотрѣть острова Корнвалиса, недавно открытые англичанами; но таковыхъ не нашли; или вычисленія англичанъ были не вѣрны или эти острова существовали въ ихъ воображеніи. Вмѣсто того въ самый день Новаго года, открыли островъ, который и назвали этимъ именемъ. Туземцы подъѣзжали къ кораблю, производили мѣну, но на берегъ моряковъ не допустили.

4-го января, около полудня, съ «Рюрика» увидали цѣпь небольшихъ, густымъ лѣсомъ поросшихъ островковъ, соединенныхъ между собою рифами. Они простирались такъ далеко, что на пространствѣ, которое могъ только охватить глазъ, Коцебу насчиталъ ихъ до 20-ти. Между островами сильно билъ бурунъ, а за цѣпью море было гладко какъ зеркало. Коцебу хотѣлось войти въ эту тихую воду, стать на якорь и заняться изслѣдованіемъ острововъ. Онъ не скрывалъ отъ себя, что такое предпріятіе очень опасно, но зная по опыту, что около рифовъ глубина всегда очень велика, онъ рѣшился приблизиться къ рифамъ и поискать проходъ. Принявъ всевозможныя предосторожности, Коцебу пошелъ къ рифамъ и дѣйствительно усмотрѣлъ проходъ, показавшійся ему безопаснымъ. Посланъ былъ на шлюпкѣ Шишмаревъ, который, вымѣрявъ проходъ, донесъ, что онъ чрезвычайно глубокъ, но узокъ и извилистъ. Пока «Рюрикъ» держался подъ парусами, въ ожиданіи донесенія Шишмарева,

его окружило множество акулъ, которыя съ жадностью глотали все, что ни бросали за бортъ. Двухъ изъ нихъ поймали, что было вовсе не трудно, такъ какъ онѣ тотчасъ же схватывали заброшенную уду.

На слѣдующее утро Коцебу, благословясь, повелъ «Рюрика» въ узкій проходъ. На кораблѣ царствовала торжественная тишина; каждый стоялъ на своемъ мѣстѣ; всѣ были насторожѣ. Наконецъ штурманъ съ марса закричалъ, что опасности никакой уже нѣтъ. «Рюрикъ» шелъ по гладкой водѣ; бурунъ былъ позади. Всѣ въ восторгѣ поздравляли другъ друга съ успѣхомъ отважнаго предпріятія и съ любопытствомъ смотрѣли на острова, на которыхъ надѣялись вскорѣ побывать. «На одномъ изъ нихъ видѣнъ былъ дымъ и двигались люди, что еще болѣе усиливало любопытство. Выйдя изъ прохода, который названъ былъ «Рюриковымъ», и дойдя до мѣста, удобнаго для якорной стоянки, «Рюрикъ» всталъ на якорь.

Въ 3 часа пополудни показалась лодка подъ парусами. Ловко лавируя, она держалась отъ корабля въ почтительномъ отдаленіи. Сидѣвшихъ въ ней туземцевъ интересовали, повидимому, не люди, а судно. Съ «Рюрика» ихъ приманивали, но они не подвигались. Послали къ нимъ яликъ. Только что дикари его увидѣли, какъ быстро поплыли прочь; когда-же яликъ ихъ догналъ, они побросали въ него плоды хлѣбнаго дерева, кокосы и бананы и продолжали утекать. Русскіе стали приманивать дикарей обломками желѣза. Средство подѣйствовало; дикари приняли желѣзо и обмѣномъ, повидимому, остались довольны. Потомъ они поплыли къ 4-му острову, куда знаками приглашали новоприбывшихъ. Издали туземцы казались черными, но это происходило отъ сильной татуировки. Натуральный цвѣтъ ихъ кожи — коричневый.

На слѣдующее утро Шишмаревъ и Шамиссо поѣхали на 4-ый островъ, куда вслѣдъ за ними поплыли вновь появившіеся

туземцы. Приближаясь къ острову, русскіе увидали нѣсколькихъ человѣкъ, гулявшихъ около своихъ хижинъ; но замѣтивъ чужеземцевъ, они скрылись въ лѣсу. Обойдя хижины и не встрѣтивъ въ нихъ никого, Шишмаревъ пошелъ на встрѣчу дикарямъ, которые высаживались нѣсколько дальше. Изъ лодки вышло 6 человѣкъ. Трое удалились въ лѣсъ, а трое пошли къ офицеру и остановились въ 20-ти шагахъ отъ него. Одинъ изъ нихъ, старикъ, держалъ въ рукѣ что-то бѣлое, положенное на листья; другою рукою онъ отломилъ вѣтку ближайшаго дерева. Принимая это дѣйствіе за знакъ мира, Шишмаревъ тоже отломилъ вѣтку и подошелъ къ старику. Тотъ въ испугѣ отступилъ на нѣсколько шаговъ, но потомъ подошелъ и, проговоривъ: «Айдара!», положилъ бѣлую массу къ ногамъ офицера. Шишмаревъ тоже повторилъ «айдара», что замѣтно успокоило дикарей. Оказалось потомъ, что слово «айдара» означаетъ «другъ». Послѣ этого женщина, стоявшая возлѣ старика, поднесла Шишмареву панданову вѣтвь; а третій туземецъ, молодой человѣкъ — ожерелье, которое Шишмаревъ надѣлъ себѣ на шею. Союзъ былъ заключенъ, и всѣ отправились къ хижинамъ, куда уже возвратились бѣглецы вмѣстѣ съ Шамиссо, который также былъ украшенъ цвѣтами и ожерельями. Шашмаревъ одарилъ туземцевъ кусками желѣза, что окончательно установило дружескія отношенія. Общество состояло изъ четырехъ мужчинъ, трехъ женщинъ и шестерыхъ дѣтей. Мужчины имѣли передники изъ циновокъ, женщины обернуты были циновками отъ пояса до пятъ, дѣти ходили въ природномъ одѣяніи. Повидимому, всѣ 13 человѣкъ составляли одно семейство. У пожилого туземца была жиденькая бородка чернаго цвѣта и коротко остриженные волосы. У всѣхъ на головахъ были вѣнки. Лица дикарей были бы довольно пріятны, еслибъ ихъ не безобразили ушныя мочки съ огромными дырьями, въ которыя у однихъ были продѣты цилиндры изъ кости у другихъ — просто свернутые листья.

Получивъ приглашеніе, русскіе вошли въ шалашъ и сѣли на циновки. Одна изъ женщинъ начала приготовлять сокъ изъ пандана. Она била его камнемъ, а ея мужъ выжималъ сокъ въ раковину. Все это дѣлалось весьма опрятно. Когда въ раковину попала соринка, старикъ вынулъ ее не пальцами, а лучиночкой. Матроса угощали въ другой хижинѣ. На прощанье Шишмаревъ подарилъ хозяину два ножа, а Шамиссо удочки и арбузныя сѣмена. Хозяева и гости разстались вполнѣ довольные другъ другомъ.

Бѣлый комокъ, поднесенный Шишмареву, состоялъ изъ муки, приготовленной изъ растенія «Tacca pinnatifida», по мѣстному «могомукъ». Корень этого растенія высушиваютъ, растираютъ въ муку и сколачиваютъ въ комья. Въ такомъ видѣ она долго сохраняется. Могомукъ растеніе довольно рѣдкое и мука изъ него считается лакомствомъ. Этимъ и объясняется поднесеніе ея въ даръ чужестранцу.

Главную пищу туземцевъ составляетъ плодъ пандановаго дерева, которое ростетъ на островахъ въ изобиліи. Этотъ шарообразный плодъ содержитъ въ своей оболочкѣ нѣсколько волокнистыхъ плодовъ, прикрѣпленныхъ къ одному стержню. Въ мѣстѣ прикрѣпленія содержится прянный сокъ, который извлекаютъ выколачиваніемъ или жеваніемъ.

На слѣдующее утро съ «Рюрика» видѣли, какъ лодка съ туземцами отвалила отъ берега и поплыла къ другимъ островамъ, вѣроятно съ цѣлію оповѣстить сосѣдей о прибытіи корабля съ бѣлыми людьми.

Съѣхавъ на берегъ, Коцебу нашелъ хижины пустыми, о чемъ очень сожалѣлъ, такъ какъ привезъ туземцамъ цѣнные подарки: 5 козъ съ козломъ, курицу съ пѣтухомъ, разныхъ сѣмянъ и ямоваго корня. Козы съ жадностью бросились на свѣжую траву; пѣтухъ взлетѣлъ на крышу шалаша и прокричалъ «кукуреку»; потомъ, поймавши ящерицу, любезно раздѣлилъ ее съ своею по-

другою. Коцебу посадилъ близъ хижины ямовый корень, а во время прогулки по лѣсу, Шамиссо разбросалъ нѣсколько сѣмянъ. Назвавъ этотъ островъ «Козьимъ островомъ» русскіе возвратились на корабль.

Цѣлыя сутки безпокоили моряковъ жестокіе шквалы съ дождемъ. Храмченко съѣздилъ на берегъ, куда жители уже вернулись. Козы и, въ особенности, козелъ сильно напугали туземцевъ. Такое рогатое и бородатое животное было для нихъ новостью. При малѣйшемъ его движеніи, туземцы съ крикомъ разбѣгались въ стороны. Храмченко они приняли дружелюбно и угостили сокомъ пандановаго плода. Разсказъ о козлѣ напомнилъ офицерамъ Робинзонова Пятницу, который также страшно испугался этого животнаго.

Наконецъ погода возстановилась. Коцебу послалъ штурмана на Козій островъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Штурманъ возвратился съ извѣстіемъ, что онъ нашелъ на островѣ много пріѣзжихъ съ другихъ острововъ, видѣлъ двѣ лодки и наблюдалъ, какъ во время отлива туземцы переходили по рифамъ какъ по мосту. Штурмана угощали вареною рыбою и печеными плодами хлѣбнаго дерева; женщины пѣли и плясали. Одна изъ козъ издохла, объѣвшись сочной травы, остальныя продолжали пугать туземцевъ. Когда штурманъ подходилъ къ хижинамъ, глава семейства вышелъ ему навстрѣчу и въ знакъ мира поднесъ пукъ цвѣтовъ. Въ эту минуту явился откуда то козелъ и вырвавъ цвѣты изъ рукъ старика, боднулъ его. Старикъ громко закричалъ и убѣжалъ въ лѣсъ. За нимъ послѣдовали и другіе. Потомъ, не иначе ихъ можно было примапить, какъ заперевъ козъ въ шалашъ.

Погода вполнѣ благопріятствовала и Коцебу рѣшился изслѣдовать острова. На двухъ вооруженныхъ шлюпкахъ, запасшись провизіею на пять дней, отправилась экспедиція изъ 19 человѣкъ къ пятому острову. Благодаря приливу шлюпки были вве-

дены въ узкій каналъ, раздѣляющій острова. Съ отливомъ онѣ должны были очутиться на сушѣ, слѣдовательно въ безопасности. Лагерь разбили на прекрасномъ лугу подъ тѣнью пандановаго дерева. Пока готовился обѣдъ, Коцебу съ ружьемъ пошелъ гулять по острову. «Коралловое образованіе острововъ наводитъ на многія размышленія, говоритъ Коцебу. Душа славословитъ Творца при мысли о его величіи. Такая крошечная тварь какъ полипъ созидаетъ такія грандіозныя сооруженія. Мысль помрачается когда подумаешь, сколько вѣковъ потребно на это! Тамъ, гдѣ была пучина, возникаетъ островъ, океанъ омываетъ его, принося ему вмѣстѣ съ волнами оплодотвореніе. Сѣмена различныхъ растеній, выбрасываемыя на берегъ, разносятся вѣтромъ и островъ покрывается растительностью. Со временемъ острова эти примутъ другой видъ. Они соединятся между собою и образуютъ кольцеобразную полосу земли съ озеромъ по срединѣ. И этотъ видъ перемѣнится. Полипы въ озерѣ будутъ продолжать свою дѣятельность, пока не заполнится озеро и не образуется одинъ сплошной островъ».

Около самовара собралась вся компанія. Ученые вернулись съ обильной поживой и съ увлеченіемъ разсказывали о своихъ открытіяхъ. Въ это время крысы и ящерицы преспокойно таскали сухари. Первыя въ особенности доходили до такого нахальства, что ихъ приходилось бить палками. Шамиссо предполагаетъ, что онѣ явились на островъ съ какого нибудь разбитаго корабля и размножились здѣсь. Туземцы истребляютъ ихъ, заманивая приманкою и потомъ загоняя въ яму съ огнемъ, но ихъ все же остается слишкомъ много.

На ночь оставили огонь и часовыхъ; но Коцебу не могъ заснуть. Шумъ прибоя, пѣніе дикарей, доносившееся съ сосѣдняго острова, представленіе о мѣстѣ, въ которомъ онъ находился, словомъ — вся обстановка волновала его и мѣшала спать.

Когда на утро моряки стали собираться обратно, часовой

далъ знать, что съ сѣвера идутъ двѣ лодки и одна очень большая. Отъѣздъ отложили, желая познакомиться съ туземцами. Вскорѣ оба судна встали на якорѣ въ недалекомъ отъ берега разстояніи. Искусство, съ которымъ туземцы провели лодки подъ вѣтеръ и убрали паруса, привело моряковъ въ восхищеніе. Окончивши работы, четыре человѣка выскочили въ воду и пошли къ берегу. Одинъ изъ нихъ несъ рожокъ, сдѣланный изъ раковины, другіе — плоды. Туземецъ съ рожкомъ замѣтно выдѣлялся изъ среды товарищей. Онъ былъ высокъ и строенъ, черные его волосы, зачесанные назадъ, связаны были пучкомъ и положены позади головы, какъ кладутъ ихъ наши дамы. Голову украшалъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, на подобіе короны. Въ большихъ дырьяхъ въ ушахъ носилъ онъ цилиндрики изъ черепахи, и по пучку бѣлыхъ цвѣтовъ. Живые и выразительные глаза обнаруживали умъ; жидкіе усы и бородка придавали мужественное выраженіе его нѣсколько женственному лицу. Спина и грудь дикаря были нататуированы. Вокругъ пояса носилъ онъ бахрому изъ лыка и передникъ изъ очень изящной циновки. Изумленіе, страхъ

Рарикъ.

и любопытство выражались на его лицѣ. Наконецъ, овладѣвъ собою, подошелъ онъ величественно къ капитану и поднесъ рожокъ свой, проговоривъ «айдара». Спутники его положили плоды и старались бодриться, хотя дрожали чуть не до судорогъ. Коцебу всячески старался ободрить дикарей, что наконецъ и удалось. Разостлали на берегу красное сукно. Капитанъ сѣлъ и пригласилъ молодого дикаря сѣсть рядомъ; остальные стояли. Молодой человѣкъ мало по малу оживился и показывая на море, на солнце и на небо, повидимому спрашивалъ, откуда пришли бѣлые люди: съ неба, съ моря, или съ солнца. По всей вѣроятности къ этимъ дикарямъ не заходили еще иностранные корабли, потому то они и сохранили первобытную простоту: не пили, не курили и были безъискусственны какъ дѣти.

Молодой дикарь пристально всматривался въ незнакомые ему предметы и безпрестанно восклицалъ «о-о-о!». Его земляки поддакивали тѣмъ же междометіемъ. Обращаясь къ нимъ, онъ высказывалъ свое мнѣніе о той или другой вещи, а они восклицали «о-о-о, Рарикъ!» Слово Рарикъ часто повторялось, и русскіе поняли, что это имя. Имъ показалось оригинальнымъ, что ихъ новый другъ носитъ имя, только одной буквой отличающееся отъ названія ихъ судна и они стали звать его Рарикомъ.

Когда принесли съ судовъ предназначенные дикарямъ подарки: ножи, ножницы и обломки желѣза, у нихъ глаза разгорѣлись. «О-о-о, мöль, мöль!» кричали они. Желѣзо — мöль — ихъ особенно интересовало. Коцебу подарилъ Рарику нѣсколько обломковъ желѣза, ножъ и ножницы. Онъ тотчасъ же схватилъ свои сокровища и прижалъ ихъ къ груди, какъ дитя игрушки. Другіе съ завистью на него смотрѣли. Но когда настала ихъ очередь, они запрыгали какъ съумасшедшіе и такъ громко кричали мöль, мöль, что ихъ земляки на лодкахъ засуетились. Нѣкоторые не выдержали, бросились вплавь къ берегу и тоже были ода-

рены. Дикари отъ восторга потеряли головы; плясали, скакали, и обнимали своихъ благодѣтелей.

Коцебу объяснилъ Рарику, что онъ хочетъ плыть на островъ, гдѣ его жилище. Рарикъ, казалось, понялъ и согласился сѣсть съ капитаномъ въ шлюпку. Но только что шлюпка отвалила, онъ началъ безпокоиться, а когда гребныя суда нѣсколько опередили туземныя, онъ бросился въ воду, захвативъ свои сокровища, и поплылъ къ своимъ. Вдругъ туземныя лодки повернули назадъ и пошли къ Козьему острову. Оставалось предположить, что Рарикъ не понялъ желанія капитана. Такъ оно потомъ и оказалось. Туземцы, наслышавшись о бородатыхъ животныхъ, захотѣли ихъ посмотрѣть. Штурманъ, который находился тогда на Козьемъ островѣ, видѣлъ, какъ они причалили, какъ побѣжали смотрѣть козъ, испугались, когда козы стали блеять, прятались отъ нихъ, а потомъ смѣялись надъ трусостью другъ друга.

Махнувъ рукой на дикарей, моряки поплыли къ девятому острову, куда и прибыли въ 7 ч. вечера. На острову они нашли пустыя хижины, такія же какъ на Козьемъ островѣ. Одна, расположенная на живописной полянѣ, была больше другихъ. Огромная крыша поддерживалась 4-мя гладко обтесанными столбами. Подъ крышею было устроено нѣчто вродѣ антресолей, которыя играли роль кладовой. Такимъ путемъ ухитрились туземцы спасать свои пожитки отъ крысъ, которыя по гладкимъ столбамъ не могли туда добраться. Проникнувъ черезъ отверстіе въ эти антресоли, моряки спокойно провели ночь.

Въ 6 часовъ утра моряки плыли уже къ 13-му острову, гдѣ располагали остановиться, чтобы дать отдыхъ гребцамъ. Островъ оказался совершенно необитаемымъ. Послѣ обѣда часовые сообщили, что три туземца идутъ по рифамъ. Надо замѣтить, что рифы мѣстами прерываются и это пространство приходится переплывать. Но для туземцевъ идти этимъ путемъ было такъ же легко, какъ намъ ѣхать по наѣзженнымъ дорогамъ.

Люди пришедшіе по рифамъ были Рарикъ и его товарищи. Они несказанно обрадовались, увидавъ своихъ бѣлыхъ друзей. Рарикъ былъ очень разговорчивъ, называлъ на своемъ языкѣ разные предметы, а русскіе записывали. Обнаружилось, что онъ «тамонъ», т. е. начальникъ. Потомъ онъ сталъ чего то просить и сердился, что его не понимали. Поставивъ своихъ товарищей и назвавъ ихъ по имени, онъ вопросительно взглядывалъ на капитана. Тогда Коцебу понялъ, что дикарь желаетъ знать его имя и назвалъ себя. Но дикарь желалъ другого. Онъ хотѣлъ помѣняться именемъ съ своимъ новымъ другомъ. Коцебу, знавшій этотъ обычай островитянъ Ю. Океана тотчасъ же на это согласился и назвалъ себя Рарикомъ, чему Рарикъ чрезвычайно обрадовался и сталъ величать себя «Тотабу», не одолѣвъ настоящей фамиліи капитана.

Дикари забавлялись какъ дѣти, разсматривая одежду русскихъ. Одинъ надѣлъ башмаки и тотчасъ же свалился. Остальные засмѣялись. Когда Коцебу загнулъ рукавъ и показалъ свою руку, дикари крайне удивились бѣлизнѣ его тѣла.

Всѣ подаренныя Рарику вещи онъ носилъ съ собою въ поясѣ, завернутыя въ пандановые листья. По временамъ онъ вынималъ ихъ, развертывалъ и любовался; или отстригалъ что нибудь ножницами и снова пряталъ ихъ. Поминутно онъ смотрѣлся въ зеркальце; позволялъ смотрѣться и товарищамъ. Тѣ, видя свое изображеніе, смѣялись.

Краснорѣчивыми знаками Рарикъ приглашалъ русскихъ посѣтить его жилище. Объѣзжая острова, Коцебу пришелъ къ заключенію, что можетъ достигнуть конца группы на «Рюрикѣ» и потому, отложивъ посѣщеніе Рарика, поставилъ паруса и повернулъ назадъ. Къ вечеру моряки благополучно прибыли на корабль.

Въ 6 часовъ утра «Рюрикъ» снялся съ якоря, обогнулъ 17 острововъ и въ 4 часа по полудни всталъ на якорь. Островъ 17-ый

былъ покрытъ роскошной растительностью. На берегу виднѣлись хижины и люди, которые съ любопытствомъ осматривали корабль. Отъ первой якорной стоянки до этого мѣста было около 20-ти миль. Лодка подъ парусомъ подошла къ «Рюрику» и одинъ изъ товарищей Рарика передалъ капитану нѣсколько плодовъ, приговаривая: «Рарикъ, Тотабу, айдара». Войти на корабль онъ, однакоже, не согласился.

Коцебу остался на кораблѣ, а ученые съѣхали на берегъ, гдѣ были очень ласково приняты туземцами. На вопросъ, гдѣ находится жилище Рарика, имъ указали на сѣв.-востокъ.

На слѣдующее утро Коцебу поѣхалъ на берегъ, гдѣ уже ожидали его туземцы. Старшина, благообразный старикъ съ сѣдыми волосами и бородою, подойдя къ капитану съ обычнымъ привѣтствіемъ, поднесъ ему нѣсколько кокосовъ и пригласилъ въ свою хижину. Хижина была настолько обширна, что всѣ туземцы, человѣкъ около 30-ти, вошли туда и окружили Коцебу и старшину, усѣвшихся на циновкахъ. Тутъ были женщины весьма пріятной наружности и дѣти. Вся публика въ почтительномъ молчаніи разглядывала чужестранца. Вдругъ всѣ закричали благимъ матомъ и побѣжали, словно нечистая сила гнала ихъ. Одинъ старикъ остался и, схвативъ за руку капитана, дрожалъ. Весь этотъ переполохъ надѣлала собака, которая пристала къ морякамъ въ Чили и путешествовала съ ними. Какъ то незамѣтно она забралась въ шлюпку и теперь, отыскивая хозяина, перескочила черезъ плечо одного дикаря и обратила всѣхъ въ бѣгство. Этого еще мало; когда дикари побѣжали, собака, по собачьему обыкновенію, побѣжала за ними съ громкимъ лаемъ. Туземцы испугались еще пуще и вскарабкались на деревья съ ловкостью обезьянъ. Собака смотрѣла на нихъ и продолжала лаять. Чтобъ успокоить этихъ дѣтей природы, Коцебу прогналъ собаку на шлюпку и дикари понемногу рѣшились возвратиться на свои мѣста.

Когда всѣ успокоились, старикъ попотчевалъ гостя пандановыми конфектами, которые могли бы сдѣлать честь любой Европейской кондитерской. Эти конфекты приготовляются изъ пандановаго сока, сгущеннаго и высушеннаго на солнцѣ. Взятыя на корабль эти конфекты сохранялись очень долго. Когда принесли подарки капитана, топоръ и два ножа, дикари пришли въ неописуемый восторгъ, въ особенности послѣ того, какъ Коцебу раскололъ полѣно. Понятно, что топоръ былъ настоящимъ сокровищемъ для бѣдняковъ, которые всѣ свои плотничныя работы, включая дома и лодки производили орудіями изъ раковинъ и коралловъ. По счастію природа приходитъ на помощь сынамъ своимъ. Море выбрасываетъ какъ сосновые стволы сѣвера, такъ пальмы и бамбуки юга. Оно не только снабжаетъ туземцевъ лѣсомъ для строенія судовъ, но и доставляетъ имъ обломки погибшихъ кораблей съ желѣзными частями. Русскіе сами видѣли такой обломокъ съ торчащими изъ него гвоздями. Всѣ подобные предметы, подъ страхомъ наказанія, должны быть отдаваемы старшинамъ, а доставившій получаетъ вознагражденіе.

Одаривъ мужчинъ, Коцебу сталъ дарить женщинамъ бисеръ и зеркала. Туземныя женщины, очень пріятной наружности, отличались рѣдкой въ дикаркахъ скромностью. Когда старикъ, отогнувъ рукавъ Коцебу, громко выражалъ удивленіе бѣлизнѣ его кожи и приглашалъ земляковъ осязаніемъ убѣдиться, что это точно кожа, а не какая нибудь матерія, ни одна женщина къ рукѣ не прикоснулась. Продолжая забавлять дикарей, Коцебу приложилъ къ уху старика часы. Услыхавъ ихъ ходъ, онъ вздрогнулъ. Движеніе секундной стрѣлки очень занимало присутствующихъ, а когда капитанъ нажалъ репетиціонную пружинку они всѣ отскочили, принимая это за чародѣйство. Дикари неумолчно болтали между собою, сообщая другъ другу свои впечатлѣнія. Когда всѣ чудеса были показаны, туземцы принялись отдаривать гостя. Женщины снимали съ себя ожерелья изъ

раковинъ и надѣвали капитану на голову. Мужчины тоже дарили ожерелья. Старикъ подарилъ циновку, очень красиво выдѣланную, объясняя мимикой, что на ней надо спать. Покончивъ съ подарками, туземцы начали пѣть что-то вродѣ славы. По крайней мѣрѣ, по ихъ тѣлодвиженіямъ можно было догадываться объ этомъ.

Утомившись сидѣньемъ, Коцебу выразилъ желаніе погулять. Нѣсколько туземцевъ пошли съ нимъ. Одинъ, впереди, указывалъ дорогу, другіе плясали и скакали, стараясь забавлять гостя. «Я былъ безоруженъ, но не чувствовалъ ни малѣйшей тревоги, говоритъ Коцебу. Эти дѣти природы внушали мнѣ полнѣйшее довѣріе. Я нигдѣ еще не встрѣчалъ такихъ симпатичныхъ дикарей. Имъ доступно было даже чувство изящнаго. Почти у каждой хижины воздѣлывалось лилейное растеніе съ прекраснымъ запахомъ, изъ котораго туземцы дѣлаютъ вѣнки и носятъ за ушами. Какое благо могла бы сдѣлать культура этому богато одаренному племени, еслибы вмѣстѣ съ нею не проникли къ нимъ пороки, до сихъ поръ имъ неизвѣстные».

По дорогѣ туземцы показывали Коцебу гробницу, въ которой хоронятъ старшинъ. Обыкновенныхъ смертныхъ просто бросаютъ въ море. Возвратившись съ прогулки, капитанъ уѣхалъ, напутствуемый привѣтствіями туземцевъ.

Желая непремѣнно побывать у Рарика, Коцебу взялъ курсъ на сѣв.-востокъ и 20-го января въ 9 ч. утра «Рюрикъ» стоялъ уже на якорѣ противъ намѣченнаго острова. Шамиссо, съѣздивши на берегъ, сообщилъ, что Рарикъ дѣйствительно живетъ на этомъ островѣ и собирается посѣтить корабль. Никакого особаго великолѣпія въ резиденціи старшины Шамиссо не видалъ; все было такъ, какъ и на другихъ островахъ.

Рарикъ прибылъ великолѣпно разукрашенный цвѣтами, и вѣнками изъ раковинъ и съ новой циновкой на бедрахъ. Лодка его подошла къ кораблю, и онъ смѣло ступилъ на шканцы. Примѣру его

послѣдовали еще два дикаря. «Тщетно было бы мое стараніе описать первый моментъ ихъ пребыванія на шканцахъ, говоритъ Коцебу. Они остановились въ оцѣпенѣніи, взглядомъ пожирая окружающее. Кажется они и не двинулись бы, еслибъ я не взялъ за руку Рарика и не повелъ его осматривать корабль. Тогда онъ словно опомнился, сталъ быстро перебѣгать отъ одного предмета къ другому, спрашивая о его назначеніи; и не дождавшись отвѣта, спрашивалъ уже о другомъ. Онъ прыгалъ, хохоталъ, восклицалъ: О-о-о, или Эрріо! (Междометіе удивленія). Товарищи его принимали также живое во всемъ участіе, но присутствіе начальника нѣсколько сдерживало ихъ. Все шло прекрасно, пока я, ошибкою своею чуть не испортилъ дѣла. Желая подарить моимъ пріятелямъ свиней, я велѣлъ вывести этихъ животныхъ. Свиньи подняли ревъ и гости мои страшно перепугались. Рарикъ, схватившись за мою руку, дрожалъ и кричалъ не меньше свиней. Свиней увели, но дикари долго еще не могли придти въ себя, бросая кругомъ тревожные взгляды. Даже подарки не могли ихъ развеселить. Я предложилъ Рарику посмотрѣть мою каюту, но онъ послалъ впереди себя другихъ двухъ. Не смѣя ослушаться начальника, дикари съ видимымъ страхомъ спустились вслѣдъ за мною. Но только что вступили они въ каюту, какъ страхъ смѣнился удивленіемъ. Все блестящее останавливало на себѣ ихъ вниманіе; а когда увидали они зеркало, о которомъ уже имѣли нѣкоторое понятіе, то пришли въ неистовый восторгъ, начали хохотать, и обнявшись, принялись прыгать какъ обезьяны. Услыхавъ со шканцевъ такое веселье, Рарикъ однимъ прыжкомъ очутился среди насъ. Здѣсь его возбужденное состояніе перешло всякія границы. Мнѣ казалось, что меня окружаютъ малыя дѣти, хотя сѣдая борода одного изъ дикарей достаточно обличала его возрастъ. Впрочемъ всѣ здѣшніе туземцы, даже старики оживлены и веселы. Мы видѣли сгорбленную, беззубую старуху, высохшую какъ мумія,

но она говорила такъ оживленно и, должно быть, остроумно, что всѣ присутствующіе хохотали.

Легкость сложенія и беззаботный, веселый характеръ Коцебу приписываетъ исключительно растительной пищѣ. При томъ ни физическій трудъ, ни забота о пропитаніи не удручаютъ туземцевъ. Они, какъ птицы небесныя, ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Господь Богъ питаетъ ихъ.

Единственный трудъ туземцевъ это постройка лодки. При ихъ первобытныхъ орудіяхъ такая работа требуетъ много времени. Капитанъ подарилъ Рарику два топора, большой и малый, и показалъ какъ ими дѣйствовать. Восторгамъ не было конца.

Уѣзжая съ корабля, Рарикъ просилъ капитана проводить его на берегъ въ туземной лодкѣ, на что тотъ съ удовольствіемъ согласился. За ними слѣдовала шлюпка съ естествоиспытателями. Рарикъ повелъ гостей въ свое жилище, которое отличалось отъ прочихъ только величиною. Угостивъ ихъ пандановымъ сокомъ, онъ повелъ ихъ прогуляться по острову. Во время этой прогулки Коцебу познакомился съ весьма умнымъ и понятливымъ туземцемъ по имени Лагедіакъ, который научилъ его многимъ туземнымъ словамъ. Онъ узналъ такимъ образомъ, что островъ, на которомъ они находились, называется Отдіа и что по немъ именуется вся группа. Казалось, что въ языкѣ туземцевъ не было ни склоненій, ни спряженій и когда Коцебу сказалъ Лагедіаку: «Илдіа, Лагедіакъ, ваедокъ, оа», т. е. «завтра, Лагедіакъ, придти, корабль, онъ понялъ и сказалъ: «инга»—хорошо и въ то же время обнялъ капитана, довольный тѣмъ, что онъ говоритъ на ихъ языкѣ. Коцебу рѣшился провести нѣсколько времени на Отдіи, чтобы основательно описать острова и поближе познакомиться съ ихъ симпатичными обитателями.

Вскорѣ Рарикъ снова пріѣхалъ на корабль и привезъ съ собою Лагедіака и старшину острова Эгмедіо, Лангина. Теперь Рарикъ такъ расхрабрился, что заглянулъ даже въ хлѣвъ, но

когда свиньи захрюкали, онъ отскочилъ и спрятался. Лангинъ, неуспѣвшій еще освоиться съ европейцами, влѣзъ на марсъ и оттуда смотрѣлъ на свиней. Съ собакой дикари совсѣмъ подружились, гладили ее, играли съ ней. Но только что она разыгравшись, начинала лаять, они, съ проворствомъ обезьянъ, влѣзали на ванты.

Лангинъ подружился съ Шишмаревымъ и помѣнялся съ нимъ именами, называя себя Тимаро, а другой дикарь, пріятель Шамиссо, именовался Тамиссо.

Пока старшины разсматривали пушки, удивляясь такому количеству желѣза, Коцебу усадилъ возлѣ себя Лагедіака и съ помощью нѣкоторыхъ словъ и пантомимы старался разспросить, нѣтъ ли еще острововъ. Тотъ наконецъ понялъ и указалъ на югъ. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, Коцебу велѣлъ поставить компасъ. Увидавъ, какъ задрожала стрѣлка, дикарь сначала испугался, но потомъ присмотрѣвшись смекнулъ, что вертится ящикъ, а стрѣлка всегда указываетъ сѣверъ. Онъ принялся самъ вертѣть ящикъ такъ, чтобы онъ указывалъ на сѣв.-зап. Взявъ доску, Коцебу тотчасъ записалъ этотъ румбъ. Искусство писать было для дикарей новостью. Коцебу старался растолковать Лагедіаку, что всякое слово можно изобразить знаками и написавъ его имя, сказалъ: «это Лагедіакъ». Надо было видѣть испугъ дикаря. Написанное имя свое онъ считалъ соединеннымъ съ какимъ то чародѣйствомъ и ждалъ чего то ужаснаго. Чтобъ успокоить Лагедіака Коцебу поспѣшилъ стереть его имя, и дикарь бросился обнимать его. Когда же капитанъ предложилъ написать имя Лангина, тотъ съ громкимъ крикомъ убѣжалъ на другой конецъ корабля и спрятался.

Сильно заинтересованный сообщеніемъ Лагедіака, Коцебу далъ ему доску и попросилъ начертить указанные имъ острова. Лагедіакъ начертилъ кольцеобразную группу и отмѣтилъ пять проходовъ, которые называлъ: «тіеръ». Такимъ же образомъ

онъ указалъ два прохода въ группѣ Отдіа. Извѣстіе это обрадовало капитана еще болѣе; стало быть, не придется «Рюрику» возвращаться назадъ, и можетъ быть новый проходъ окажется и удобнѣе и безопаснѣе. О великая сила человѣческаго слова! Какую услугу она оказываетъ даже тамъ, гдѣ люди едва понимаютъ другъ друга.

Желая всякаго блага своимъ друзьямъ, Коцебу задумалъ устроить на Отдіи садъ. Выбравъ ровное мѣстечко съ хорошей землей вблизи жилища Рарика, приступили къ работѣ. Одни матросы копали землю, другіе строили заборъ. Дикари тоже помогали строить заборъ, хотя не знали, для чего онъ нуженъ. Счастливые люди! не понимающіе пользу огражденій. На грядки они смотрѣли съ какимъ то страхомъ; не сливались ли онѣ въ ихъ умѣ съ представленіемъ о могилѣ. Но когда Шамиссо сталъ сажать сѣмена, дикари, повидимому, поняли. Первый понялъ Лагедіакъ и запрыгавъ отъ радости, сталъ толковать землякамъ своимъ, въ чемъ дѣло. Затѣмъ и другіе начали выражать свою радость. Коцебу объяснилъ Лагедіаку, что садъ принадлежитъ ему и Рарику, почему и дѣлается заборъ. Онъ тотчасъ связалъ особеннымъ образомъ узлы изъ нандановыхъ листьевъ и повѣсилъ на заборъ. Такими узлами означается у дикарей собственность; каждый завязываетъ ихъ по своему особенному образцу.

Покончивъ съ работой, русскіе разостлали на берегу скатерть и принялись пить чай. Появилось новое для дикарей чудо, самоваръ. Коцебу налилъ Рарику очень сладкаго чаю, но не доглядѣлъ, что онъ былъ слишкомъ горячъ. Попробовавъ чай, Рарикъ чуть не бросилъ чашки; едва успѣли подхватить ее. Страхъ распространился подобно электрической искрѣ и всѣ намѣрены уже были бѣжать. Наконецъ Рарикъ рѣшился попробовать чай; остальные же смотрѣли на него съ благоговѣйнымъ удивленіемъ. Потомъ всѣ захотѣли попробовать; сухари также ѣли охотно. Но больше всего полюбился имъ сахаръ. Туземцы, какъ боль-

шинство людей, не употребляющихъ спиртныхъ напитковъ, охотники были до сладкаго.

Этотъ день ознаменовался печальнымъ эпизодомъ. Туземцы выказали наклонность къ воровству и первымъ попался... увы, Рарикъ! Блестящія серебряныя ложки прельстили его до такой степени, что онъ пытался спрятать одну въ поясъ. Но офицеры это замѣтили и, подшучивая, помѣшали ему это сдѣлать. Пропалъ еще мѣдный ковшъ и найденъ былъ спрятаннымъ въ кустарникѣ. Коцебу былъ очень озадаченъ. Не ожидалъ онъ такихъ поступковъ отъ своихъ симпатичныхъ друзей. Онъ очень разсердился и велѣлъ матросамъ караулить вещи.

На слѣдующій день русскіе поѣхали на берегъ посмотрѣть свой садъ. Къ великому ихъ огорченію онъ оказался раззоренъ-нымъ крысами. Крысы не стѣснялись даже присутствіемъ людей. Онѣ безцеремонно раскапывали гряды и грызли сѣмена; иныя уносили ихъ въ свои норки. Садъ возстановили и Коцебу объяснилъ Лагедіаку, что необходимо оберегать садъ отъ крысъ. Мародеровъ стали отгонять палками и камнями.

Перевезли на берегъ кузницу для починки желѣзныхъ вещей. Когда мѣхи стали дѣйствовать и искры полетѣли во всѣ стороны, произошелъ невообразимый переполохъ. Мужья схватили женъ, жены дѣтей и всѣ съ крикомъ убѣжали въ лѣсъ. Лагедіакъ хоть и дрожалъ, но остался. Коцебу велѣлъ сковать острогу и подарилъ ее Лагедіаку. Въ восторгѣ размахивая острогою, дикарь сталъ скликать своихъ земляковъ. Коцебу подарилъ такую же острогу Рарику и нѣсколько крючьевъ для уды туземцамъ.

Съ каждымъ днемъ туземцы болѣе и болѣе привязывались къ русскимъ и проникались уваженіемъ къ ихъ знаніямъ. Многаго они не понимали и считали чародѣйствомъ, но это ничуть не вредило обаянію чародѣевъ. Однажды Коцебу вздумалъ прогуляться по лѣсу съ ружьемъ, чтобъ раздобыться экземплярами

птицъ для коллекцій. Туземцы никогда не отставали отъ него; также и тутъ двое отправились съ нимъ. Когда онъ выстрѣлилъ въ кулика, оба дикаря бросились на землю и съ громкими воплями зарыли голову въ траву. Наконецъ они рѣшились поднять голову, но увидавъ окровавленную птицу, которую Коцебу держалъ въ рукахъ, вскочили и убѣжали. Послѣ того они не могли безъ трепета видѣть ружья.

28-го числа Коцебу, въ сопровожденіи ученыхъ отправился на двухъ шлюпкахъ въ экскурсію, взявъ съ собой запасовъ на три дня. Прежде всего поѣхали они на островъ Эгмедіо, владѣніе Лангина. Лангинъ чрезвычайно обрадовался, всячески старался угодить своимъ гостямъ и угостить чѣмъ могъ. Когда русскіе завтракали привезенными съ собою запасами, онъ очень деликатно стоялъ въ сторонѣ, хотя не могъ удержаться отъ восклицаній при видѣ столовыхъ приборовъ. Замѣтивъ, что мухи безпокоятъ гостей, онъ заставилъ своего служителя отгонять ихъ пальмовою вѣтвью. Вообще Лангинъ понравился русскимъ больше Рарика, который успѣлъ оттолкнуть ихъ отъ себя жадностью. Все населеніе Эгмедіо состояло изъ Лангина, его жены и еще двухъ человѣкъ, которые казались ему подвластными. На островѣ было много старыхъ кокосовыхъ деревьевъ, чего на другихъ островахъ не встрѣчалось, изъ чего ученые заключили, что этотъ островъ древнѣе прочихъ.

Въ этотъ же день былъ изслѣдованъ одинъ изъ проходовъ, указанныхъ Лагедіакомъ. Пройти съ «Рюрикомъ» здѣсь было возможно, но не совсѣмъ безопасно по случаю быстро измѣняющейся глубины. Едва шлюпки вышли этимъ проходомъ въ море, какъ уже нельзя было достать дна.

Вернувшись обратно, русскіе пристали къ большому острову, гдѣ располагали провести ночь. Они очень обрадовались, встрѣтивъ одного знакомаго имъ туземца, Лабугара, живого, веселаго малаго. Не меньше обрадовался и Лабугаръ нежданнымъ гос-

тямъ. Онъ принесъ кокосовыхъ орѣховъ и пандановъ и сообщилъ, что островъ этотъ его владѣніе и что живетъ здѣсь только онъ съ семействомъ, да еще одинъ старикъ. Дикари оставались съ гостями, пока тѣ не легли спать, а на утро, когда русскіе проснулись, Лабугаръ съ семействомъ сидѣлъ уже подлѣ и чистилъ для нихъ кокосовые орѣхи.

Дня черезъ два Лабугаръ и Рарикъ обѣдали на кораблѣ и съ большимъ аппетитомъ ѣли все, что имъ ни подавали. Вино они пили въ первый разъ и оно имъ очень понравилось, особенно Лабугару; проглатывая влагу, онъ потиралъ животъ отъ удовольствія. Послѣ обѣда дикіе гости пришли въ упоеніе отъ концерта, который имъ дали матросы. Концертъ состоялъ всего изъ бубенъ, флейты и скрипки. Послѣдняя крайне заинтриговала дикарей. Они подходили и внимательно ее разсматривали, воображая, что въ ней посажена птица.

Корабль стали приготовлять къ отплытію. Второй проходъ, указанный Лагедіакомъ по изслѣдованію, оказался превосходнымъ; его назвали «Шишмаревымъ». Русскіе еще разъ съѣздили на Отдію, и имѣли удовольствіе видѣть, что сѣмена уже дали всходы. Многіе изъ туземцевъ сами устроили огороды и посѣяли сѣмена, данныя Шамиссо. Русскимъ пріятно было видѣть, что ихъ добрыя начинанія не пропали даромъ.

Лагедіакъ оказалъ капитану неоцѣненную услугу. Онъ объяснилъ ему, какъ на картѣ, всѣ группы острововъ, до той поры ему неизвѣстныхъ. Дѣлалъ онъ это такимъ образомъ: взявъ камешки, онъ разложилъ ихъ въ соотвѣтствующемъ порядкѣ и сказалъ: Отдіа. Точно также камешками опредѣлилъ онъ положеніе другихъ группъ. Коцебу тотчасъ же срисовалъ ихъ и записалъ названія. По этому указанію можно было идти какъ по писанному. Такія указанія были дѣйствительно цѣнны, и капитанъ щедро одарилъ Лагедіака.

Когда дикари узнали, что русскіе уходятъ, ихъ печали не

было границъ, какъ прежде не было границъ радости. Они безпрестанно пріѣзжали на корабль, и Лагедіакъ все обнималъ командира. Рарикъ и Лагедіакъ вплоть до вечера оставались на кораблѣ. «Когда мы разстались съ ними, говорилъ Коцебу, мнѣ показалось, что меня покидаютъ самые старые друзья».

7-го февраля «Рюрикъ» вышелъ въ море. Новооткрытую группу, состоящую изъ 65 острововъ, Коцебу назвалъ «группою Румянцева».

VII.

Не успѣла еще скрыться изъ вида группа Отдіа, какъ уже показалась группа Эрегупъ. Почти вся группа состояла изъ рифовъ и только одного довольно значительнаго острова. Назвавъ эту группу именемъ Чичагова, Коцебу нанесъ ее на карту, но не счелъ нужнымъ здѣсь останавливаться, а пошелъ дальше по указанію Лагедіака къ группѣ Кавенъ.

Долго не могли отыскать этой группы. Наконецъ къ вечеру 10-го числа она открылась. Цѣпь острововъ тянулась до самаго горизонта и количество ихъ было велико. На одномъ острову толпилось много людей, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на корабль. Время было уже позднее и потому Коцебу рѣшилъ оставить до утра попытку проникнуть внутрь группы.

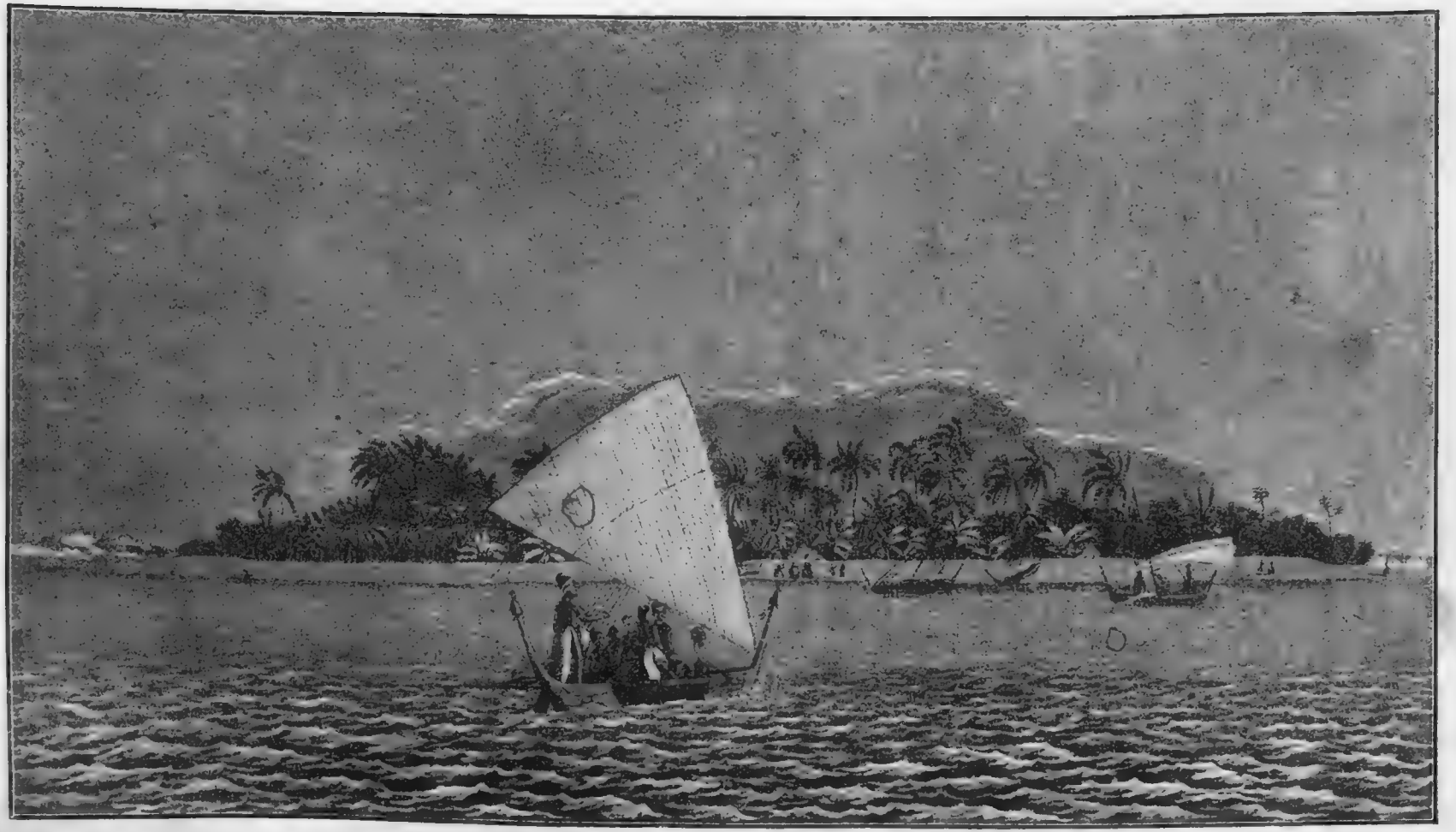
Обитатели группы Кавенъ и группы Отдіа принадлежали къ одному и тому же племени и говорили однимъ языкомъ. Группа Кавенъ была гораздо гуще населена, и обитателямъ ея знакома была культура растеній. На низменныхъ мѣстахъ воздѣлывался корень таро, хотя и не въ большомъ количествѣ. Питаніе туземцевъ этой группы было гораздо разнообразнѣе. Они ѣли жареную рыбу и печеные плоды хлѣбнаго дерева.

Нѣкоторое знакомство съ языкомъ туземцевъ ускорило сближеніе съ ними русскихъ. Прибывшіе туземцы тотчасъ же, безъ всякаго страха взошли на корабль. Обращеніе ихъ было очень пріятно; старшины держали себя съ достоинствомъ. «Рюрикъ» плавалъ отъ одного острова къ другому и капитанъ знакомился съ начальниками острововъ, съѣзжая по ихъ приглашенію на берегъ. Всѣ острова были старательно вычищены, мелкая поросль уничтожена. Прогуливаясь по протоптаннымъ дорожкамъ между кокосовыми, пандановыми и хлѣбными деревьями можно было вообразить себя въ паркѣ. Разбросанные подъ тѣнію деревьевъ шалаши придавали картинѣ своеобразную прелесть.

На всѣхъ островахъ принимали русскихъ съ чрезвычайнымъ радушіемъ, въ особенности Коцебу, тамона-эллисъ — великаго начальника. У одного острова нельзя было пристать къ берегу, такъ самъ старшина донесъ его на своихъ плечахъ.

Для приготовленія гостю обѣда разложенъ былъ передъ хижиною огонь; тутъ въ первый разъ увидалъ Коцебу какъ добываютъ его туземцы; заостренною палочкою втираютъ они желобокъ въ мягкое полѣно и когда въ древесной пыли отъ тренія покажется искра, на нее кладутъ сухой травы и раздуваютъ.

Коцебу пораженъ былъ опрятностью, съ какою производилась операція стряпни. Прежде всего поваръ вымылъ себѣ руки; пріемъ, которому не мѣшало бы придерживаться и европейскимъ поварамъ. Когда же кушанье поспѣло, онъ постлалъ чистую циновку и поднесъ на свѣжихъ листьяхъ вкусную вареную рыбу и печеный плодъ хлѣбнаго дерева. Старшина отвѣдалъ сперва каждаго кушанья, произнесъ рѣчь, изъ которой гость, разумѣется, ничего не понялъ, и наконецъ, знакомъ пригласилъ гостя къ трапезѣ, въ которой кромѣ гостя и хозяина принимала еще участіе мать послѣдняго. Кстати сказать, что на обращеніе туземцевъ съ родителями и въ особенности съ маленькими дѣтьми



Видъ острова Айрикъ.

русскіе смотрѣли съ умиленіемъ; такъ оно было почтительно съ одними и нѣжно съ другими.

Островъ Айрикъ, одинъ изъ обширнѣйшихъ въ группѣ, казался и самымъ населеннымъ. На берегу, густо поросшемъ пальмовыми деревьями, построено было нѣсколько хижинъ. Лодки на парусахъ сновали во всѣхъ направленіяхъ, много лодокъ стояло на якорѣ. Все свидѣтельствовало о густомъ населеніи. Шамиссо, съѣздившій на островъ, вернулся въ полномъ восторгѣ. Жители встрѣтили его съ пальмовыми вѣтвями. Вмѣстѣ съ Шамиссо прибылъ тамонъ, юноша лѣтъ 18-ти, въ сопровожденіи старика, который, повидимому, былъ его ментором. Какъ только народъ увидѣлъ, что его начальникъ отплылъ отъ берега, такъ нѣсколько лодокъ пустилось за нимъ. Юноша не былъ татуированъ, такъ какъ эта болѣзненная операція производится позднѣе. Мастера этого дѣла живутъ на Эрегупѣ и туземцы съ Отдіа ѣздятъ татуироваться на Эрегупъ.

Пересмотрѣвъ на кораблѣ все, достойное замѣчанія, тамонъ пригласилъ капитана къ себѣ въ гости. Высадившись, онъ повелъ его къ красивой хижинѣ, возлѣ которой на циновкѣ сидѣла пожилая женщина. «Это королева острова и моя мать», пояснилъ тамонъ. Королеву окружали три безобразныя статсъ-дамы. Знакомъ королева пригласила капитана сѣсть возлѣ себя, но какъ онъ ни изощрялъ своего краснорѣчія, онъ не могъ добиться отъ нея ни одного слова. Королева была нѣма какъ рыба. Вѣроятно, высокій санъ налагалъ на нее обязанность молчанія. Зато безобразныя статсъ-дамы стрекотали какъ сороки. За подарокъ, предложенный капитаномъ, королева наградила его величественнымъ кивкомъ, но сама до подарка не дотронулась. Его приняли статсъ-дамы. Когда же капитана отблагодарили, положивъ къ его ногамъ свертокъ могана (пандановыя конфекты) королева встала и удалилась въ свой домъ, давая тѣмъ знать, что аудіенція кончилась.

Затѣмъ молодой тамонъ повелъ капитана въ довольно большой домъ, устроенный на четырехъ столбахъ, гдѣ находилась сестра его въ обществѣ молодыхъ женщинъ. Здѣсь не было того этикета, какъ у королевы-матери; дѣвицы болтали, смѣялись, пѣли. Въ пѣніи безпрестанно слышалось «Тотабу»; вѣроятно, пѣли славу капитану. Это было очень лестно, но крайне непріятно для европейскихъ ушей. Затѣмъ началась пантомима — обычное гримасничанье и кривлянье. Жители Кавена несомнѣнно были культурнѣе жителей Отдіи, но тѣ простодушнѣе и милѣе. Самый островъ былъ прелестенъ; сплошь покрытъ плодовыми деревьями и насажденіями таро. Узнавъ, что Коцебу собирается идти на Ауръ, туземцы очень хвалили эту группу и сообщили, что тамъ находится теперь тамонъ эллинъ — великій начальникъ группы Кавенъ.

28-го февраля «Рюрикъ» отплылъ къ юго-востоку. Группу Кавенъ Коцебу назвалъ «Аракчеевою». Въ пять часовъ пополудни «Рюрикъ» уже стоялъ на якорѣ внутри группы Ауръ, которая казалась меньше другихъ группъ. Туземцы какъ и въ другихъ мѣстахъ, разсматривали корабль издали, съ лодокъ, но только что они услыхали свой родной языкъ, такъ подошли и безъ всякаго страха взошли на шканцы. Вниманіе русскихъ обратили на себя двое людей, татуированныхъ совсѣмъ иначе, чѣмъ остальные. Одинъ изъ нихъ, по имени Каду, очень понравился капитану. У него было умное, выразительное лице и крайне грустное выраженіе, тогда какъ другіе были, вообще, живы и веселы. Когда капитанъ одарилъ всѣхъ желѣзомъ, принятымъ дикарями съ большою радостью, этотъ человѣкъ отнесся къ подарку безучастно. Такое обстоятельство очень удивило Коцебу. Но ему пришлось подивиться еще больше, когда дикарь объявилъ, что онъ совсѣмъ остается на кораблѣ. Плохо вѣря такому рѣшенію, капитанъ далъ, однакоже, свое согласіе. Тогда дикарь объявилъ своимъ товарищамъ, что остается и раздарилъ свое желѣзо.

Удивленіе туземцевъ не поддается описанію. Они принялись его отговаривать. Особенно усердствовалъ одинъ, одинаково съ нимъ росписанный. Онъ подбѣгалъ къ товарищу, уговаривалъ его, обнималъ, тотъ въ свою очередь что-то объяснялъ, но убѣдившись, что ничего не помогаетъ, оттолкнулъ товарища, послѣ чего лодки отвалили.

«Чтобы это могло значить? разсуждалъ Коцебу. Не думаетъ ли этотъ дикарь ночью обокрасть насъ?» Онъ велѣлъ слѣдить за нимъ и сдѣлать ему постель возлѣ себя на шканцахъ, гдѣ самъ спалъ по случаю сильныхъ жаровъ. Каду счелъ за большую честь спать возлѣ тамона корабля. Онъ былъ молчаливъ, задумчивъ, а когда легъ, то сейчасъ же заснулъ.

Исторія этого Каду замѣчательна. Уроженецъ Улле, одного изъ Каролинскихъ острововъ, отстоящихъ отъ Аура почти на 1500 анг. миль, онъ отправился съ тремя товарищами на рыбную ловлю къ одному изъ отдаленныхъ острововъ. Жестокій штормъ занесъ несчастныхъ въ незнакомыя мѣста. Восемь мѣсяцевъ носились они по волнамъ океана; время исчисляли по лунамъ, завязывая узелки при каждомъ новолуніи. Питались сырой рыбой, а воду для питья доставали, ныряя въ глубь океана, гдѣ она не такъ солона. Когда несчастныхъ прибило къ группѣ Ауръ, то они находились въ такомъ состояніи изнуренія, что не могли даже радоваться спасенію. Туземцы, увидавъ у нихъ желѣзные снаряды, хотѣли ихъ убить и ограбить, но подоспѣлъ тамонъ Тигедіенъ и спасъ несчастныхъ. Бѣдные пришельцы предлагали своему избавителю все свое имущество, но онъ великодушно отъ всего отказался и поселилъ чужеземцевъ въ своемъ жилищѣ, заботясь о нихъ какъ о родныхъ братьяхъ. Болѣе четырехъ лѣтъ пробылъ Каду на островѣ, но его постоянно грызла тоска по родинѣ и онъ примкнулъ къ русскимъ въ надеждѣ, что они помогутъ ему добраться до отечества.

Отъ Каду узнали русскіе причину, почему дикари боялись

корабля. Они были увѣрены, что бѣлые ѣдятъ черныхъ. Кто имъ сказалъ такую нелѣпость — неизвѣстно. Никогда, по крайней мѣрѣ на памяти живущихъ, не заходилъ въ эти мѣста корабль.

«Рюрикъ» подвинулся дальше къ сѣв.-восточной оконечности цѣпи и всталъ на якорь у острова Стабуалъ. Вскорѣ пріѣхали на корабль три тамона, въ томъ числѣ Тигедіенъ, благодѣтель Каду. Всѣ три тамона были старики, но Тигедіенъ былъ старше всѣхъ. Бѣлые какъ снѣгъ волосы, обрамлявшіе его темное лицо придавали ему выраженіе спокойнаго величія. Каду показывалъ Тигедіену корабль съ такимъ апломбомъ, какъ будто вѣкъ тутъ находился. Наканунѣ ему подарили желтую шинель и красный передникъ, которыми онъ замѣтно хвастался передъ земляками. Замѣтивъ, что одинъ матросъ нюхаетъ табакъ, тамоны спросили Каду, что это значитъ. Желая казаться всезнающимъ, Каду взялъ у матроса табакерку, вертѣлъ ее въ рукахъ, говорилъ много и наконецъ сдѣлалъ понюшку. Но тутъ онъ не выдержалъ: бросилъ табакерку и принялся чихать и кричать. Замѣтивъ, что надъ нимъ смѣются, онъ все дѣло обратилъ въ шутку и тоже сталъ смѣяться. Уѣзжая, тамоны и, въ особенности Тигедіенъ, стали уговаривать Каду вернуться; но онъ только качалъ головою, величественно задрапировавшись въ свою желтую тогу.

Русскіе узнали отъ Каду много интересныхъ подробностей о способѣ правленія на островахъ. Оказалось, что кромѣ извѣстныхъ уже тамоновъ есть еще старшій надъ ними Ламари, нѣчто вродѣ короля. Ему подвластны всѣ группы отъ Аура — до Бигара. Въ данную минуту онъ путешествовалъ по своимъ островамъ, собирая войско, чтобы напасть на группу Медіуро, съ которой туземцы не разъ дѣлали набѣги на группы, подвластныя Ламари и грабили жителей. Каду разсказывалъ, что во время войнъ женщины также принимаютъ участіе и оказываютъ большую помощь. Тигедіенъ, какъ старшій послѣ Ламари, зани-

малъ въ отсутствіи послѣдняго его мѣсто. Другой старшина Лебеуліетъ, владѣтель группы Кавенъ, былъ отцемъ молодого тамона и его сестры; а третій Тіурауръ, младшій по чину, былъ отцомъ Рарика. Вглядѣвшись по пристальнѣе въ ожерелья старшинъ, можно было различить степень ихъ достоинства. Количество и форма раковинъ играли у нихъ такую же роль какъ у насъ ордена.

Прогулявшись по острову въ сопровожденіи отца Рарика, Коцебу вернулся въ селеніе и былъ пораженъ слѣдующей сценой: Каду, окруженный толпою мужчинъ и женщинъ говорилъ рѣчь, а слушатели заливались слезами; особенно горько рыдала одна старуха. Часто повторяемыя названія родины Каду—Улле, Аура и Тотабу, наводила на мысль, что Каду повѣствовалъ о своемъ странствованіи, о пріемѣ, оказанномъ ему Тигедіеномъ и о надеждѣ достигнуть родины при посредствѣ Коцебу. Потомъ сталъ говорить Тигедіенъ и Каду проливалъ горькія слезы. Горячія лобзанія Каду и Тигедіена закончили эту трогательную сцену.

На кораблѣ Каду помѣстили въ каютъ-компанію и онъ очень былъ этимъ тронутъ, такъ какъ отлично понималъ разницу между офицерами и матросами. Обѣдалъ онъ за офицерскимъ столомъ и очень скоро научился употреблять ножъ и вилку. Вообще онъ держалъ себя съ такимъ тактомъ, что можно было подумать, будто онъ давно уже находится въ обществѣ цивилизованныхъ людей.

Узнавъ, что «Рюрикъ» уходитъ, прибыли туземныя лодки съ тамонами. Тамоны таинственно попросили капитана спуститься съ ними въ каюту и оставшись наединѣ съ нимъ и съ Каду объяснили ему, какъ умѣли, свои желанія. Они просили, чтобы онъ остался, пока соберется ихъ военная сила и съ помощью ея разгромилъ бы туземцевъ Медіуро и тѣмъ навсегда оградилъ бы островитянъ отъ ихъ набѣговъ. Къ сожалѣнію, Коцебу не могъ

исполнить ихъ просьбы; весна призывала его въ другое мѣсто. Чтобъ утѣшить своихъ друзей, онъ снабдилъ ихъ копьями и абордажнымъ оружіемъ. Все это тотчасъ было показано дикарямъ на лодкахъ и всѣ въ одинъ голосъ закричали «О-о-о!» Тіурауръ плясалъ и припѣвалъ воинскую пѣсню, показывая какъ онъ станетъ разить непріятелей, и если бы въ эту минуту дѣйствительно показался непріятель, наэлектризованные туземцы навѣрно одержали бы побѣду.

Каду.

Въ восхищеніи тамоны отправились на берегъ. Эдокъ, другъ и сотоварищъ Каду по несчастію, остался еще на кораблѣ. Онъ снова принялся уговаривать пріятеля; оба дикаря обнимались, плакали. Каду подарилъ другу все, что получилъ отъ русскихъ, но остался непреклоненъ.

Эдокъ далъ много полезныхъ указаній относительно Каролинскихъ острововъ и начертилъ карту, которая оказалась почти вѣрною.

Побывавъ еще разъ на островѣ и сердечно простившись съ туземцами, русскіе на разсвѣтѣ 27-го снялись съ якоря. Дикари на берегу провожали ихъ барабаннымъ боемъ и пѣніемъ.

Группа Ауръ названа была именемъ Траверсе.

Затѣмъ изслѣдована была группа Аилу. Отъ туземцевъ Коцебу узналъ, что всѣ эти группы носятъ общее имя Радакъ.

13-го марта Рюрикъ находился вблизи острова Удирикъ, откуда прибылъ на корабль знаменитый Ламари. Всѣ туземцы,

включая Ламари, узнали Каду. Ламари остался очень недолго, такъ какъ дикари боялись, что русскіе увезутъ ихъ повелителя.

По росту и тѣлосложенію Ламари замѣтно выдѣлялся изъ среды своихъ земляковъ. Въ этомъ была его и сила. Исторія его такова: Онъ прибылъ съ какого то отдаленнаго острова на Ауръ, убилъ тамошняго начальника и присвоилъ себѣ его владѣнія. Оттуда онъ направился на другіе острова, продѣлалъ вездѣ то же самое и очутился владѣтелемъ всѣхъ группъ. Этихъ подвиговъ было вполнѣ достаточно, чтобы туземцы признали Ламари своимъ владыкою. Сила, покорившая ихъ, могла также стать ихъ защитою.

На кораблѣ Ламари велъ себя очень сдержанно; подарки принималъ съ достоинствомъ. Желая отблагодарить капитана, онъ снялъ съ своей шеи искусно отдѣланную рыбью кость и подарилъ ее Коцебу. Это была, вѣроятно, его генеральская звѣзда.

Съ Ламари пріѣхали два земляка Каду, занесенные вмѣстѣ съ нимъ на Ауръ. Они крайне удивились, увидавъ его на кораблѣ. Онъ имъ все показывалъ, ораторствовалъ безъ конца, но когда они стали уговаривать его ѣхать съ ними, онъ подбѣжалъ къ капитану, обнялъ его и сказалъ: «куда ты, туда и я». Послѣ этого не оставалось ничего болѣе, какъ оставить его и заботиться о немъ.

Назвавъ группу Айлу именемъ Крузенштерна, Коцебу распростился съ архипелагомъ Радакъ и взялъ курсъ на Уналашку.

Каду доставлялъ большое развлеченіе экипажу, а ученымъ— пользу. Онъ учился говорить по-русски, а русскіе по-радакски. Больше всего бесѣдовалъ съ нимъ Шамиссо, собирая разныя интересныя для него свѣдѣнія.

«13-го апрѣля «Рюрикъ» выдержалъ ужаснѣйшій штормъ, разсказываетъ Коцебу. «Волны поднимались на такую высоту, какъ мнѣ никогда видѣть не случалось. Къ ночи штормъ до та-

кой степени усилился, что срывалъ верхи вздымавшихся волнъ и гналъ ихъ въ видѣ густого дождя по поверхности моря. Кто не видалъ подобнаго зрѣлища, тотъ не можетъ составить о немъ никакого понятія. Казалось, что какія то сверхъестественныя силы готовы перевернуть весь міръ. Я только что смѣнилъ лейтенанта Шишмарева на вахтѣ. Вдругъ ужаснѣйшая волна поднялась до необычайной высоты, ударила въ «Рюрикъ» и сшибла меня съ ногъ. Я лишился чувствъ. Опомнившись и оглядѣвшись, я пришелъ въ ужасъ. Корабль былъ весь искалѣченъ. Нагрянула новая волна, одному матросу переломила ногу, другого сбросила за бортъ и онъ спасся только тѣмъ, что успѣлъ ухватиться за веревку; меня хватила грудью объ уголъ и я долженъ былъ нѣсколько дней пролежать въ постели».

Если бы штормъ продлился еще нѣсколько часовъ, «Рюрикъ» несомнѣнно погибъ бы со всѣмъ своимъ экипажемъ. Къ счастію мореплавателей, такіе ужасные штормы не бываютъ особенно продолжительны.

Когда съ приближеніемъ къ Алеутскимъ островамъ Каду увидалъ высокія, снѣгомъ покрытыя горы, онъ не хотѣлъ вѣрить, что это земля. Онъ ловилъ шедшій снѣгъ и пугался, когда снѣгъ таялъ у него въ рукѣ. Ему казалось, что онъ перенесенъ въ волшебное царство.

«Рюрикъ» пришелъ на Уналашку совершенно разбитый. Необходимо было разгрузить его и основательно починить. Работа продлилась вплоть до Петрова дня. Каду проживалъ на Уналашкѣ и ко всему присматривался. Онъ удивлялся отсутствію деревьевъ; жилища туземцевъ не нравились ему. Онъ спрашивалъ, какіе дома въ Петербургѣ? Разсказы о столицѣ возбудили въ немъ сильное желаніе видѣть ее. Увидавъ быковъ, Каду сначала испугался, но когда узналъ, что это то мясо, которое онъ постоянно ѣлъ, то необычайно обрадовался. Оказалось, что это дитя природы, не смотря на привязанность къ русскимъ, все

таки думало, что они ѣдятъ человѣчье мясо. Этимъ и объяснилась причина его задумчивости. Онъ считалъ себя корабельною провизіею, и съ тревогой ожидалъ той минуты, когда и ему придется обратиться въ жаркое.

Къ Петрову дню все было готово на «Рюрикѣ», заказанныя байдары нагружены на корабль, а для управленія ими взято 15 алеутовъ и два толмача съ Кадьяка для объясненій съ туземцами Сѣв. Америки.

30-го іюня «Рюрикъ» вышелъ въ море и скоро достигъ острова Св. Георгія, извѣстнаго по обилію сивучей. На берегу лежало ихъ безчисленное множество и они ужасно ревѣли. Въ это время самки мечутъ дѣтенышей, а самцы ихъ оберегаютъ. Въ этотъ періодъ самцы ужасно злы и приближаться къ нимъ опасно. Въ обыкновенное же время они боятся человѣка и завидѣвъ его, бросаются въ море. Молодые сивучи очень вкусны; ихъ мясо похоже на мясо телятъ. На островѣ есть также морскіе коты — мелкая порода тюленей, — но главное мѣстопребываніе котовъ находится на островѣ Св. Павла, гдѣ и организованъ правильный на нихъ промыслъ.

10-го іюля «Рюрикъ» находился близъ острова Св. Лаврентія. Съ корабля видно было, какъ жители, собравъ свои пожитки, убѣжали въ горы. Оставшіеся на берегу, вооружились копьями и ждали нападенія; но когда русскіе, выйдя на берегъ, одарили ихъ табакомъ и бисеромъ, они успокоились.

Каду, который состоялъ при Коцебу неотлучно, никакъ не хотѣлъ принять за людей туземцевъ, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры. Его зоркій глазъ замѣтилъ однако, что у дикарей въ рукавѣ спрятаны ножи. Каду тотчасъ всталъ на сторожѣ возлѣ капитана, держа на готовѣ свой ножикъ, чтобы въ случаѣ нападенія защитить его.

Но не эта опасность угрожала капитану. Ударъ въ грудь, полученный во время шторма, далъ себя знать. Началась силь-

ная боль и кровохарканіе. Докторъ рѣшительно объявилъ Коцебу, что онъ не можетъ двигаться дальше на сѣверъ, не рискуя жизнью. Пришлось покориться необходимости, и скрѣпя сердце возвратиться на Уналашку.

VIII.

Во время обратнаго плаванія на Уналашку, «Рюрикъ» наткнулся на спящаго кита. Толчекъ былъ такой, какъ будто корабль наткнулся на мель. Чудовище отъ испуга вздрогнуло и корабль снова всколыхнулся.

На Уналашкѣ все уже зеленѣло, и теплый воздухъ благотворно подѣйствовалъ на больного. Онъ сталъ поправляться. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и дурное состояніе «Рюрика», требовавшаго починки, не позволили продолжать изслѣдованія. Пришлось отказаться отъ завѣтной мечты и возвратиться въ Россію, завернувъ на Маниллу, чтобъ запастись продовольствіемъ. Острова Радакъ лежали на пути; какъ было не соблазниться мыслью навѣстить старыхъ друзей. А разъ уже рѣшено было навѣстить ихъ, то слѣдовало зайти на Сандвичевы острова и взять оттуда различныя растенія и животныхъ для Радака. Услуга, оказанная дикарямъ, могла отозваться и на мореплавателяхъ, которымъ случится позднѣе туда зайти. Судя по словамъ туземцевъ, въ этихъ широтахъ можно было надѣяться сдѣлать еще нѣсколько открытій; не воспользоваться этимъ случаемъ было бы грѣшно.

Алеутскіе острова, какъ извѣстно, вулканическаго происхожденія; нѣкоторыя вулканы и донынѣ дымятся. Въ началѣ XIX столѣтія продолжалась еще сильная подземная работа. Нѣкоторые современники Коцебу помнятъ, какъ на глазахъ ихъ возникъ

островъ. Читателю не безъинтересно будетъ прочесть разсказъ объ этомъ Крюкова, повѣреннаго русско-амер. компаніи.

Въ началѣ мая Крюковъ находился съ промышленниками на сосѣднемъ съ Уналашкой островѣ Умнакѣ, для ловли морскихъ животныхъ. На слѣдующій день была сильная буря; когда же небо прояснилось, промышленники увидали поднимающійся изъ воды столбъ дыма, всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега. Къ вечеру подъ дымомъ образовался большой черный бугоръ. Ночью показался въ этомъ мѣстѣ огонь до того яркій, что при свѣтѣ его на Умнакѣ можно было читать. Вдругъ раздался сильный трескъ, земля поколебалась, испуганные промышленники попадали на землю. Вулканъ на морѣ былъ въ полномъ изверженіи; оттуда на Умнакъ летали раскаленные каменья. Съ восходомъ солнца землетрясеніе прекратилось и огонь сталъ утихать. Вышина острова замѣтно увеличивалась и форма его мѣнялась.

По прошествіи четырехъ лѣтъ огонь прекратился, а еще четыре года спустя новый островъ посѣтили промышленники, такъ какъ видѣли на немъ много сивучей. Вода около острова была теплая, а земля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ горяча, что нельзя было ступить.

Каду, узнавъ, что Коцебу снова идетъ на Радакъ, былъ въ восторгѣ. Онъ собиралъ кремни, обломки желѣза и все это тщательно складывалъ, чтобъ осчастливить потомъ своихъ друзей. Оставаться на Радакѣ онъ однако не собирался; ему, во что бы то ни стало хотѣлось видѣть Петербургъ.

16-го августа въ 10 ч. утра «Рюрикъ» ушелъ съ Уналашки.

Погода стояла прекрасная. Киты до того разыгрались, что выпрыгивали изъ воды, какъ легкія пташки и потомъ, шлепаясь въ воду, производили сильное волненіе. Алеутамъ не мало приходится терпѣть отъ этихъ чудищъ, которыя нерѣдко опрокидываютъ ихъ валкія байдарки. Одна байдара чуть не погибла отъ объятій исполинскаго спрута, который обхватилъ ее снизу.

Алеуты поспѣшно взялись за топоры и съ трудомъ обрубили студенистыя щупальцы спрута, чѣмъ и спаслись.

Плаваніе до Сандвичевыхъ острововъ совершилось благополучно. 26-го сентября показалась вершина Мауна-Лоа и затѣмъ весь островъ. Каду находился въ возбужденномъ состояніи; одинъ видъ кокосовыхъ деревьевъ волновалъ его до чрезвычайности. Да и русскіе, не избалованные природою, невольно подпадали обаянію очаровательнаго юга.

Коцебу хотѣлъ идти въ Каракакоа въ надеждѣ видѣть тамъ Тамеамеа, но выѣхавшій къ нему на встрѣчу Элліотъ сообщилъ, что они уже миновали настоящее мѣстопребываніе короля и должны вернуться. Коцебу съ учеными и Каду сѣлъ въ лодку Элліота и поѣхалъ на берегъ. Король расположился лагеремъ на голой равнинѣ, покрытой застывшей лавою, на солнцепекѣ. Это было время ловли бонитовъ, любимая забава короля. Сановники, которые должны были принимать въ этой забавѣ участіе, роптали. Они предпочли бы наслаждаться покоемъ въ своихъ тѣнистыхъ уголкахъ. Но Тамеамеа оберегалъ ихъ отъ изнѣженности, закаляя ихъ. «Мое положеніе ничуть не лучше вашего, говорилъ онъ. Если же я позволю вамъ жить безвыѣздно въ вашихъ владѣніяхъ, вы разжирѣете какъ свиньи и будете помышлять только о непокорности королю». Проживъ два мѣсяца въ этомъ отвратительномъ мѣстѣ, король отпустилъ своихъ вельможъ, сказавъ имъ на прощанье: «Вы теперь болѣе будете цѣнить пріятное».

На голой равнинѣ разставлены были маленькіе шалаши человѣка на три. Кругомъ торчали накаленныя скалы, отъ которыхъ жаръ валилъ, какъ отъ печей. Королевскія жены также находились въ лагерѣ и прохлаждались подъ навѣсомъ изъ бѣлой парусины, когда Элліотъ привелъ къ нимъ Коцебу. Всѣ три узнали капитана и обрадовались ему. Угощала его Кагумана, какъ главная хозяйка. Она до того дошла въ своей любезности, что вырѣзавъ сердцевину арбуза, сама положила ее въ ротъ

гостю, оцарапавъ ему лицо своими ногтями въ три дюйма длиною.

— А въ вашемъ отечествѣ, спросила Кагумана, главная королева угощаетъ иностранцевъ такъ же любезно?

— У насъ весьма добрая и милостивая Царица, но только одна, отвѣчалъ Коцебу.

— Можетъ ли быть, чтобы такой великій монархъ имѣлъ только одну супругу!

Этого обстоятельства Кагумана никакъ не могла постичь и, кажется, не повѣрила капитану.

Каду на все смотрѣлъ съ любопытствомъ и, кажется, ему все здѣсь нравилось. Нѣкоторые сановники и королевы обратили на него вниманіе и узнавъ его исторію, щедро одарили его. Кагумана сдѣлала знакъ двумъ дѣвушкамъ и онѣ, подхвативъ Каду подъ руки, повели его показывать лагерь.

Солнце клонилось уже къ закату, когда Тамеамеа вернулся въ лагерь. Не давъ себѣ труда одѣться, онъ въ прародительскомъ костюмѣ побѣжалъ здороваться съ пріѣзжими. Одинъ изъ министровъ тащилъ за нимъ двухъ бонитовъ. Приказавъ положить одного къ ногамъ Коцебу, король сказалъ: «Я самъ поймалъ эту рыбу и прошу васъ принять ее въ доказательство моей дружбы». Разговаривая, онъ облачался въ свой несложный костюмъ: плисовые штаны, бѣлую рубаху и красный жилетъ. Шитые мундиры надѣвалъ онъ только въ торжественныхъ случаяхъ, да и то неохотно. «Мундиры ваши очень блестятъ, говорилъ онъ Элліоту, но они не могутъ затмить блеска Тамеамеи».

Пока онъ одѣвался, Коцебу замѣтилъ на тѣлѣ его множество рубцовъ и зажившихъ ранъ.

— Какъ видите, мнѣ не даромъ достались эти острова, пояснилъ король. Я заработалъ право владѣть ими.

Когда всѣ усѣлись на цыновкахъ, Коцебу изложилъ свою просьбу о продовольствіи.

— Сегодня сынъ мой Ліо-ліо видѣлъ сонъ, сказалъ король, что собака всѣхъ собакъ поглотила королеву Кагуману и изрыгнула ее въ видѣ ужаснѣйшаго чудовища, которое начало опустошать весь міръ. Этотъ сонъ предвѣщаетъ несчастіе и можетъ быть это несчастіе пришло сегодня съ вами.

Коцебу сталъ увѣрять короля, что корабль его не заключаетъ никакого чудовища и что онъ самъ преданнѣйшій другъ короля. Тамеамеа, какъ человѣкъ умный, тотчасъ же сдался и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на Вагу снабдили капитана всѣмъ нужнымъ, попросивъ взамѣнъ только немного желѣза для постройки судовъ. Откланявшись королю, Коцебу немедленно вернулся на «Рюрикъ» и пошелъ на островъ Вагу.

Гавань Гонолулу имѣла очень оживленный видъ. Въ ней стояло 6 американскихъ кораблей и одинъ — русско-амер. компаніи. Всѣ корабли салютовали «Рюрику» и «Рюрикъ» отвѣчалъ тѣмъ же, и кромѣ того, крѣпости.

Кареймоку очень сердечно встрѣтилъ русскихъ и сообщилъ Коцебу, что туземцы Отувая прогнали Шеффера и его шайку, при чемъ убито было три человѣка.

На кораблѣ предприняты были нужныя работы, и офицеры имѣли достаточно времени, чтобъ погулять по острову. На этотъ разъ Коцебу удалось попасть въ мурай, который такъ интриговалъ его. Случилось это совсѣмъ неожиданно. Гуляя однажды за городомъ, онъ увидалъ двухъ мальчиковъ, которые несли пучки банановъ и по временамъ громко вскрикивали. Услыхавъ ихъ крикъ, встрѣчные бросались наземь и лежали пока мальчики шли мимо нихъ, а на вопросъ Коцебу объяснили, что съ настоящаго вечера начинается важный «табу», что бананы доставляются въ мурай для принесенія въ жертву богамъ, почему и должно оказывать уваженіе носильщикамъ этихъ священныхъ плодовъ.

Проходя мимо мурая, Коцебу услыхалъ барабанный бой и остановился, осматривая бамбуковый заборъ и стараясь угадать,

что тамъ происходитъ. Вдругъ отворились ворота и двое туземцевъ, привѣтствуя капитана словами: «Арога Гери нуе» — (здравствуй, великій начальникъ), пригласили его войти. Коцебу удивился этому предложенію, считая мурай недоступнымъ для иностранца. «Не хотятъ ли жрецы принести меня въ жертву? подумалось ему. Изъ спутниковъ моихъ никого со мною нѣтъ; имъ даже и въ голову не придетъ, куда я дѣвался». Но сандвичане продолжали приглашать; не войти казалось неловкимъ и онъ вошелъ.

Мурай сандвичанъ подробно описанъ Крузенштерномъ. Коцебу не нашелъ въ немъ ничего интереснаго. Между идолами обратили на себя его вниманіе двѣ фигуры мужчины и женщины, которыя повернувшись другъ къ другу, держались за пучекъ банановъ. Не было ли это подобіе Адама и Евы? Коцебу очень жалѣлъ, что некому было объяснить ему этой аллегоріи. Шеи всѣхъ идоловъ увѣшаны были кусками свинины, изъ которыхъ многіе находились въ сильной степени разложенія. Все вмѣстѣ производило такое отвратительное впечатлѣніе, что такъ и хотѣлось поскорѣй убѣжать. На обратномъ пути Коцебу увидѣлъ возлѣ одного дома, вокругъ костра, расположившихся дамъ. Онѣ жарили собаку и весьма любезно приглашали чужеземца раздѣлить ихъ трапезу. Чтобы осталось побольше свинины мужчинамъ, женщинамъ запрещено употреблять ее въ пищу. Отъ дикарей иного нельзя и требовать. Англійскій философъ Джонъ Стюартъ Милль сказалъ недаромъ, что культура народа познается по положенію женщины въ странѣ. Каду пріобрѣлъ себѣ много друзей. Онъ пристрастился къ земледѣлію, чему Коцебу очень радовался, разсчитывая, что на Радакѣ онъ научитъ туземцевъ обращенію съ растеніями, которыя онъ былъ намѣренъ туда везти.

12-го октября все было уже готово къ отплытію. «Рюрикъ», подобно Ноеву ковчегу, нагруженъ былъ козами, свиньями, собаками, кошками, различными птицами и т. д. Но Кареймоку не

отпускалъ его, умоляя переждать сутки «табу», чтобы онъ могъ проводить дорогихъ гостей. Коцебу счелъ себя обязаннымъ уступить этому милому и обязательному человѣку.

14-го числа «Рюрикъ» снялся съ якоря. Русскихъ провожали капитаны всѣхъ американскихъ судовъ и Кареймоку. Въ обращеніи послѣдняго съ русскими и американцами замѣтна была большая разница. Передъ американцами губернаторъ кичился. Они были не болѣе какъ капитаны купеческихъ судовъ.

Кареймоку явился прямо изъ мурая и объявилъ, что боги, по неотступнымъ просьбамъ его, обѣщали покровительствовать русскимъ въ плаваніи, чтобы они съ цѣлыми головами и здоровыми ногами прибыли въ свое отечество. На прощанье Коцебу подарилъ Кареймоку портретъ Тамеамеи и они разстались въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Цѣлыя двѣ недѣли боги исполняли обѣщаніе, данное Кареймоку. Но 30-го октября, у самыхъ береговъ группы Отдіа, «Рюрикъ» чуть не потерпѣлъ крушенія. Передъ самымъ входомъ въ проливъ Шишмарева налетѣлъ шквалъ и едва не разбилъ корабль о рифы. Къ счастію, во время убрали паруса и тѣмъ спаслись отъ гибели. Во все время шквала, пока русскіе боролись съ опасностью, китъ игралъ около корабля, словно дожидаясь добычи. Каду чрезвычайно радовался, увидавъ знакомую землю. Онъ никакъ не могъ понять, какимъ образомъ Коцебу, послѣ такого продолжительнаго странствованія, могъ найти эти острова. Едва успѣлъ «Рюрикъ» войти въ проливъ Шишмарева, какъ показалась лодка и въ ней русскіе узнали пріятеля своего Лагедіака. Какъ только Лагедіакъ ихъ увидѣлъ, такъ началъ вертѣться и кричать: «Айдара, Тотабу, Тамиссо, Тимаро!» Но такъ какъ лодка его не могла догнать корабля, шедшаго на парусахъ, онъ поплылъ къ острову Отдіа, знаками приглашая туда русскихъ.

Каду, одѣтый въ бѣлую рубашку и матросскую куртку,

очень гордился своимъ костюмомъ. Онъ не хотѣлъ показываться своимъ полуземлякамъ раньше, разсчитывая поразить ихъ на берегу. Но увидавъ туземцевъ, не утерпѣлъ и, выскочивъ на шканцы, сталъ кричать: «Я Каду, узнаете ли вы меня?». Потомъ сталъ оживленно болтать и вѣроятно разсказывалъ что-нибудь интересное, такъ какъ только и слышалось о-о-о!

Въ 5 часовъ по полудни «Рюрикъ» бросилъ якорь при Отдіи, гдѣ и прежде стоялъ. Тотчасъ явился Лагедіакъ съ туземцами и кокосовыми орѣхами. Онъ плясалъ, пѣлъ, всѣхъ обнималъ по нѣскольку разъ и затѣмъ снявъ съ себя вѣнокъ изъ душистыхъ цвѣтовъ, надѣлъ его на Коцебу. Когда шумный восторгъ нѣсколько поутихъ, Лагедіакъ и туземцы усѣлись вокругъ Каду, который ораторствовалъ безъ конца. Интересно было слѣдить за лицами этихъ дѣтей природы; на нихъ поперемѣнно изображались: удивленіе, страхъ, радость. У оратора глаза сверкали, губы покрылись пѣною. Наконецъ офицеры прервали потокъ его краснорѣчія. Имъ интересно было узнать, какъ поживали туземцы въ ихъ отсутствіе и почему Рарикъ не пріѣхалъ ихъ встрѣтить. Услыхали русскіе невеселыя вѣсти. Вскорѣ по ихъ отбытіи, явился съ Аура старый старшина Лебеуліетъ, полагая, что русскіе оставили на Отдіи большое богатство. Онъ отнялъ у жителей часть желѣза и увезъ съ Козьяго острова трехъ уцѣлѣвшихъ козъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ явился Ламари со своей флотиліей, и отдійцы принуждены были отдать ему остальное желѣзо и все, что получили отъ русскихъ.

— Зачѣмъ же вы не воспротивились этому насилію? спросилъ Коцебу.

— Тогда бы Ламари немедленно убилъ насъ всѣхъ, отвѣчалъ Лагедіакъ.

Король пробылъ здѣсь два мѣсяца, чтобъ приготовить моганъ для войска, обобралъ запасъ плодовъ хлѣбнаго дерева и кокосовъ и увелъ всѣхъ способныхъ носить оружіе. Рарикъ,

Лангинъ, Лабугаръ отправились съ нимъ. На островѣ осталось старыхъ да малыхъ не болѣе 15 человѣкъ. Войско находится теперь въ Медіуро, но до сраженія еще не дошло. Ламари ждетъ нападенія, а если его не послѣдуетъ, то самъ нападетъ.

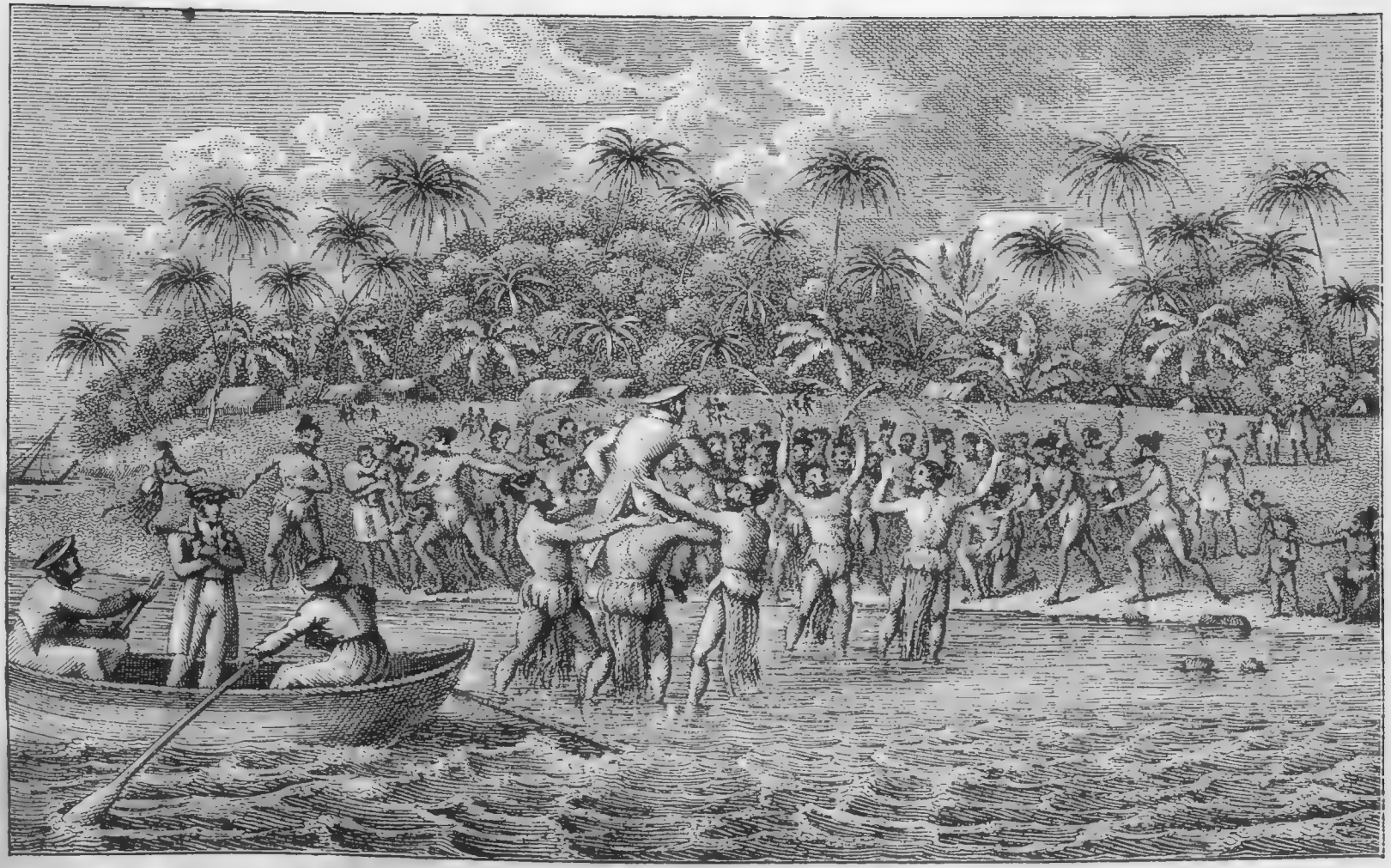
Извѣстія о садѣ были такого же печальнаго свойства. Крысы все раззорили, а чего не успѣли, то покончила «большая крыса», какъ называли туземцы Ламари. Благодѣтели могли бы упасть духомъ и отказаться отъ дальнѣйшихъ хлопотъ, еслибъ не утѣшала ихъ мысль, что все таки кое-что уцѣлѣло, а что отнято, то не пропало, а осталось на островахъ. Съ другой стороны, куда же было дѣвать все привезенное для туземцевъ. Померанцевыя деревья въ кадкахъ прекрасно преуспѣвали, картофель, таро, ямъ и виноградныя лозы дали ростки. Туземцы такъ радовались, глядя на растенія и на животныхъ, которыхъ они теперь почти не боялись, что одного этого зрѣлища было достаточно, чтобы утѣшиться. На слѣдующій же день русскіе принялись за устройство новаго сада; особенно усердно работалъ Шамиссо. Туземцамъ также приказано было работать, чтобы научить ихъ пріемамъ. Они усердствовали особенно послѣ того, какъ попробовали печенаго картофеля, таро и ямова корня. Такъ какъ Ламари порядочно поубавилъ ихъ запасы, Коцебу оставилъ имъ кореньевъ и картофелю. Каду, служившій толмачемъ, былъ очень полезнымъ человѣкомъ. Къ сожалѣнію, онъ много болталъ, туземцы слушали, развѣся уши, и это мѣшало работѣ.

Въ два дня садъ былъ конченъ. Перевезли на берегъ животныхъ. Особенный эффектъ произвели кошки, которыя, едва ступивъ на берегъ, тотчасъ же задавили нѣсколькихъ крысъ. Эти животныя, не подозрѣвая опасности, сами лѣзли врагу на зубокъ.

Желая провести побольше времени со своими пріятелями, русскіе остались ночевать на острову. Расположившись на лужку, они стали приготовлять себѣ ужинъ, а туземцы въ это время

пѣли сочиненныя въ честь русскихъ пѣсни, безпрестанно упоминая ихъ имена. Каду, который ужиналъ вмѣстѣ съ офицерами, объяснялъ туземцамъ употребленіе столовыхъ приборовъ. Должно быть, онъ острилъ при этомъ, такъ какъ всѣ громко смѣялись. Какъ Каду ни величался европейской одеждой, однако, явившись на островъ, онъ сейчасъ ее скинулъ. Съ особеннымъ наслажденіемъ сбросилъ онъ башмаки, къ которымъ никакъ не могъ привыкнуть. Не смотря на этотъ маленькій эпизодъ, онъ былъ все таки образованнѣе туземцевъ и чувствовалъ свое превосходство, что не мѣшало ему обходиться по пріятельски съ туземцами, ласкать и одаривать ихъ дѣтей. Лагедіакъ тоже принималъ участіе въ ужинѣ и ѣлъ все съ большимъ удовольствіемъ. Послали тарелку съ кушаньемъ въ кружокъ зрителей и каждый схватывалъ длинными ногтями по кусочку и угощался. Особенно нравились имъ вареныя коренья. Каду уговаривалъ ихъ беречь насажденія, что бы и у нихъ выросло тоже самое. Тогда одинъ старикъ, державшій въ рукахъ вареный ямовъ корень, сказалъ, что онъ его не съѣстъ, а посадитъ. «Какъ они еще глупы эти радакцы!» воскликнулъ Каду съ чувствомъ собственнаго достоинства. Свинину ѣли туземцы съ удовольствіемъ, но вина не захотѣли пить, за что Каду назвалъ ихъ дураками, которые не понимаютъ толку въ хорошихъ вещахъ.

Послѣ ужина, дикіе опять пѣли и били въ барабанъ. Каду вошелъ въ кругъ и сталъ плясать трепака. Дикари много смѣялись, и Лагедіакъ сказалъ, что русская пляска какая то бѣшеная. Передъ сномъ Коцебу разспрашивалъ Лагедіака о группѣ Раликъ. Чрезвычайно трудно разговориться съ дикарями, если хорошо не знаешь ихъ языка. Они только отвѣчаютъ, но сами не разсказываютъ, вполнѣ увѣренные, что европейцы, какъ раса высшая, и безъ того все знаютъ. Лагедіакъ увѣрялъ, что онъ бывалъ на группѣ Раликъ. Онъ разсказывалъ также о группѣ Одья (не смѣшивать съ Отдіа), которая превосходитъ какъ онъ



Totabu! Totabu!

увѣрялъ, не только величиною, но и населеніемъ всѣ прочія группы.

Ночь русскіе провели безъ сна. Крысы и ящерицы безцеремонно по нимъ прыгали, а укрыться не было возможности по причинѣ духоты.

Утромъ пріѣхалъ старшина съ острова Ормедъ, и съ чисто дѣтской радостью привѣтствовалъ капитана. Онъ привезъ хлѣбныхъ плодовъ и кокосовъ и горько укорялъ Коцебу, что онъ не остановился на его островѣ. Каду долго жилъ на островѣ Ормедъ и пользовался отеческимъ попеченіемъ этого старца. Ихъ радость при свиданіи была дѣйствительно трогательна. Каду вмѣстѣ съ Шамиссо проводилъ своего друга на Ормедъ, гдѣ они многое хотѣли посадить и вернуться не ранѣе слѣдующаго дня. Коцебу прибилъ къ кокосовому дереву около хижины Лагедіака мѣдную доску, на которой вырѣзаны были годъ плаванія и названіе корабля. Лагедіакъ запрыгалъ отъ радости, воображая, что разъ названіе «Рюрика» прибито къ дереву, корабль окажется также пригвожденнымъ къ своему мѣсту.

3-го по утру вернулся Шамиссо съ Каду и поразилъ всѣхъ извѣстіемъ, что Каду хочетъ здѣсь остаться. Вчера еще Каду увѣрялъ, что онъ ни зачто не покинетъ Тотабу, и вдругъ такая перемѣна! Скоро все разъяснилось. Каду узналъ на берегу, что маленькій сынъ его на Аурѣ очень о немъ груститъ, не ѣстъ, не спитъ, бѣгаетъ по лѣсу и кричитъ: Каду! Каду! Въ дикарѣ заговорили родительскія чувства. Онъ видимо боролся съ собою; ему жаль было сына и не хотѣлось разстаться съ капитаномъ. Коцебу самому грустно было разставаться съ дикаремъ, который привязалъ его къ себѣ своею преданностію, но разумъ говорилъ, что для Каду будетъ лучше, если онъ останется здѣсь. Здѣсь онъ могъ стать просвѣтителемъ, а тамъ всегда оставался бы существомъ низшимъ и даже не вынесъ бы можетъ быть суроваго климата. Когда Коцебу сказалъ Каду, что одобряетъ его намѣ-

ренія, тотъ совершенно успокоился, обѣщалъ заботиться о насажденіяхъ и распространять культуру на другихъ островахъ. При этомъ ему пришла въ голову странная фантазія называть растенія именами своихъ русскихъ друзей. Возможно, что позднѣйшіе мореплаватели найдутъ вмѣсто картофеля, яма и таро— Тимаро, Тамиссо и Тотабу.

Матросы не хотѣли вѣрить, что Каду остается и онъ каждому съ большимъ чувствомъ разсказывалъ, какъ сынъ его бродитъ по лѣсу и зоветъ его.

Каду положительно засыпали подарками. Послѣдній служитель на кораблѣ хотѣлъ подарить ему что нибудь. Опасаясь, чтобъ Ламари не отнялъ всѣхъ сокровищъ, Коцебу оставилъ подарки и для него. Многое припасено было и Лагедіаку. Каду сердечно простился со всѣмъ экипажемъ; Коцебу и Шамиссо проводили его на берегъ. Лагедіакъ ахнулъ, увидѣвъ богатство Каду; впрочемъ и своими подарками онъ остался очень доволенъ. Туземцы сверкающими взорами смотрѣли на богатство Каду и, вѣроятно, лелѣяли въ душѣ недобрыя намѣренія. Чтобъ хоть сколько нибудь оградить Каду отъ грабежа, Коцебу велѣлъ собрать туземцевъ, чтобъ поговорить съ ними. Каду одѣвался между тѣмъ въ жилищѣ Рарика, вѣроятно, чтобъ при семъ торжественномъ случаѣ произвести на отдійцевъ болѣе сильное впечатлѣніе. Заставивъ ожидать себя нѣсколько времени, вышелъ онъ наконецъ изъ дому. На немъ была бѣлая рубаха, на головѣ соломенная шляпа. Держа саблю наголо, онъ тихими шагами вступилъ въ кругъ туземцевъ, которые невольно отшатнулись, увидавъ смертоносное оружіе. Каду сѣлъ на сукъ дерева и началъ говорить рѣчь. «Великій Тамонъ всѣхъ тамоновъ земли русскія (такъ онъ называлъ государя), началъ онъ, повелѣлъ, чтобы Каду здѣсь остался, и имѣлъ попеченіе о дарованныхъ русскими животныхъ и растеніяхъ. Подъ опасеніемъ смертной казни не долженъ ему никто въ этомъ препятствовать,

напротивъ каждый житель долженъ содѣйствовать, за что и получить награду».

Все это онъ сочинилъ, разумѣется, отъ себя; но русскіе не возражали ему, полагая, что ему лучше знать, чѣмъ воздѣйствовать на его земляковъ. Коцебу отъ себя прибавилъ, что черезъ 10 мѣсяцевъ придетъ сюда корабль и привезетъ желѣза и прочія нужныя туземцамъ вещи. Если же насажденія будутъ раззорены, или Каду обиженъ, виновные будутъ строго наказаны. Если же напротивъ, жители встрѣтятъ корабль выращенными ими плодами и овощами, то получатъ вознагражденіе. Чтобы поразить дикарей могуществомъ русскихъ, Коцебу задумалъ показать имъ дѣйствіе орудій. Былъ уже вечеръ. «Смотрите на корабль! скомандовалъ капитанъ. По его знаку грянуло два выстрѣла, взвилась ракета и разсыпалась надъ островомъ. Туземцы пришли въ ужасъ и умоляли прекратить летаніе огненнаго змѣя. Каду остался очень доволенъ впечатлѣніемъ и сказалъ, что у русскихъ такихъ змѣй на кораблѣ сколько угодно. Чтобъ успокоить туземцевъ, Коцебу роздалъ имъ подарки и простился съ ними. Каду плакалъ какъ ребенокъ и усиленно просилъ, чтобы русскіе опять сюда пришли. Лагедіакъ обнималъ капитана и тоже упрашивалъ пріѣхать. Всѣ туземцы подняли вопль. Мужчины, женщины и дѣти съ горящими лучинами въ рукахъ, проводили гостей до шлюпки; и когда русскіе отплыли, они сѣли на берегу и запѣли заунывную пѣсню, упоминая ихъ имена. Русскіе сами чуть не плакали, такъ тронула ихъ искренняя безхитростная привязанность туземцевъ.

На разсвѣтѣ «Рюрикъ» снялся съ якоря. На берегу уже сидѣли туземцы и смотрѣли имъ вслѣдъ. Каду махалъ платкомъ, пока корабль не скрылся изъ виду.

IX.

Вскорѣ по отбытіи отъ Отдіи Коцебу открылъ группу Лигіенъ. Оттуда прибыли на лодкѣ туземцы и издали кричали: не здѣсь ли тамонъ Тотабу? до такой степени популярно сдѣлалось имя капитана среди дикарей. Когда же Коцебу представился имъ самъ своей особой, они безъ страха подплыли, привязали свою лодку и взошли на корабль, гдѣ скоро почувствовали себя какъ дома. Эту группу Коцебу назвалъ именемъ графа Гейдена.

Убѣдившись на дѣлѣ, что указанія туземцевъ относительно всѣхъ этихъ группъ очень точны, Коцебу каждую минуту ожидалъ увидѣть группу Раликъ, но на этотъ разъ ему не посчастливилось. Группа Раликъ не показывалась. Задерживаться въ этихъ широтахъ онъ не имѣлъ времени, надо было воспользоваться муссономъ, чтобъ пройти въ Зундскій проливъ и потомъ на Маниллу, гдѣ «Рюрикъ» долженъ былъ починиться.

15-го ноября попалась на крючекъ большая акула. Въ то время, когда ее поднимали, отъ тяжести крючекъ переломился и акула шлепнулась въ воду. Со злости она перекусила снурокъ, на которомъ спущенъ былъ термометръ, и Коцебу потерялъ дорогой инструментъ. Но и акула не избѣжала горькой участи. Вторично глупая тварь схватила крючекъ и очутилась на шканцахъ. Освѣжевавъ акулу, нашли въ ней матросскую шапку, которую матросъ нѣсколько дней тому назадъ уронилъ за бортъ. «Вотъ такъ закуска! шутили матросы. Шапка-то нашлась и черезъ сколько дней! тутъ что-то нечисто. Смотри, братъ, не потерять бы тебѣ головы»! Матросъ струсилъ и безъ дальнихъ околичностей бросилъ шапку за бортъ.

Въ Екатерининъ день «Рюрикъ» достигъ острова Гуагама, одного изъ Маріанскихъ острововъ.

Маріанскіе острова образуютъ вулканическую цѣпь, имѣющую направленіе отъ сѣв. на югъ. Мрачная исторія острововъ этихъ достаточно извѣстна. Открытые Магелланомъ въ XVI ст. они вскорѣ присвоены были испанцами. Туземцы энергично отстаивали свою свободу. Побѣжденные силою европейскаго оружія, они не переставали противодѣйствовать побѣдителямъ. Мужчины лишали себя жизни, женщины бросали дѣтей въ море, чтобы избавить ихъ отъ тягостнаго рабства. Въ короткое время цифра населенія, доходившаго до 50,000 понизилась до 2000. Чего не успѣла сдѣлать война и жестокости побѣдителей, то довершили болѣзни. Во время пребыванія Коцебу на Гуагамѣ ему показывали престарѣлую чету. Вотъ все, что осталось отъ коренныхъ туземцевъ. Настоящіе обитатели были выходцами изъ Мексики и Филиппинскихъ острововъ.

Растительность на островѣ роскошная. Всевозможные виды пальмъ и померанцовыхъ деревьевъ произрастаютъ въ изобиліи. Благоуханіе съ береговъ далеко разносится по морю. На западномъ берегу лежитъ единственный городъ острова Агадна, имѣющій всего 1500 жителей; туда и направилъ «Рюрикъ» свой курсъ.

«Если бы я могъ возвратиться ко временамъ Магелановымъ, говоритъ Коцебу, то «Рюрикъ» окруженъ бы былъ множествомъ лодокъ веселыхъ островитянъ; но теперь все было тихо; намъ казалось, что мы находимся у необитаемаго острова. Видъ этой чудной природы наводилъ на грустныя думы. Въ прежнія времена плодоносныя эти долины населены были здоровымъ счастливымъ народомъ; теперь — чудные пальмовые лѣса осѣняли могилы борцевъ за свободу. Христіанская религія, насаждаемая насиліемъ, вопреки кротости проповѣдуемой Евангеліемъ, не принесла благополучія».

Получивъ приглашеніе отъ губернатора, Коцебу отправился

къ нему въ Агадну. Отъ гавани Калдера, гдѣ стоялъ «Рюрикъ», до города приходилось идти $1^1/_2$ мили на греблѣ по случаю мелководья и $3^1/_2$ мили берегомъ. На берегу ожидали уже мулы и лошадь для капитана, единственная на островѣ. Живительный воздухъ и прекрасное мѣстоположеніе дѣйствовали на путниковъ возбудительно. Они были веселы и оживлены. Испанскіе офицеры, сопровождавшіе пріѣзжихъ, говорили, что климатъ на островѣ очень здоровъ и люди здѣсь доживаютъ до глубокой старости.

Настоящіе туземцы, по одеждѣ, или вѣрнѣе, по отсутствію ея, имѣютъ видъ дикарей, но по обращенію—это подобострастные рабы. Они низко кланялись пріѣзжимъ, привѣтствуя ихъ поиспански. Ихъ сквозные бамбуковые домики представляютъ подобіе огромныхъ корзинъ съ крышкою, поставленныхъ на ножки. Туземцы, подобно цезаревой женѣ, живутъ у всѣхъ на виду; зато ихъ со всѣхъ сторонъ продуваетъ.

Домъ губернатора двухъэтажный; стѣнка на сѣверъ раздвигается, какъ въ японскихъ домахъ. Въ окнахъ на южной сторонѣ вмѣсто стеколъ вставлены листы жемчужной раковины, которыя пропускаютъ свѣтъ, но задерживаютъ солнечные лучи.

Прежде чѣмъ представиться губернатору, русскіе остановились въ домѣ его адъютанта и переодѣлись въ парадную форму. Губернаторъ, Торресъ, также въ парадной формѣ, принялъ ихъ очень любезно и обѣщалъ снабдить всѣмъ нужнымъ. Сервированъ былъ, по обычаю южанъ, сперва дессертъ съ винами, потомъ обѣдъ. Шамиссо хорошо владѣлъ испанскимъ языкомъ и Коцебу понималъ его. Губернаторъ много разсказывалъ про Каролинскіе острова; онъ зналъ также островъ Улле. Въ концѣ XVIII ст. нѣсколько лодокъ явились съ Каролинскихъ острововъ на Гуагамъ, вымѣнивать желѣзо. Дикари очень понравились губернатору своимъ добродушіемъ. Онъ приласкалъ ихъ и одарилъ. Съ тѣхъ поръ пріѣзжали они нѣсколько лѣтъ подрядъ; но

однажды вся флотилія погибла на пути во время бури и визиты дикарей прекратились. Въ 1804 г. заходилъ на Гуагамъ американскій корабль, и Торресъ воспользовался случаемъ, чтобы съѣздить на Каролинскіе острова. Тамъ онъ узналъ причину, почему дикари прекратили свои посѣщенія. Они думали, что всѣ ихъ земляки перебиты. Когда губернаторъ объяснилъ имъ, что флотилія погибла отъ бури, они снова начали приходить. Торресъ спросилъ ихъ, какъ они находятъ дорогу? Они отвѣчали: по пѣснямъ. Такъ или иначе, но самый фактъ перехода достоинъ удивленія. Отъ Каролинскихъ острововъ до Гуагама 300 миль, и дикари, безъ компаса находятъ дорогу. Ихъ утлыя судёнышки безпрестанно опрокидываются, но туземцы, искусные пловцы и водолазы, нисколько не смущаются этимъ. Они со смѣхомъ выпрыгиваютъ въ воду, ловятъ и переворачиваютъ лодку, вычерпываютъ изъ нея воду руками, все это вплавь, и снова вскакиваютъ въ лодку. Упавшія въ воду вещи они также ловко вылавливаютъ. Если случится поломка коромысла, которое удерживаетъ лодку въ равновѣсіи, туземцы, вплавь, починяютъ его, употребляя на это нѣсколько часовъ. Едва ли бы выдержалъ европеецъ такую водяную гимнастику. Переходъ на Гуагамъ дикари совершаютъ въ пять дней, отдыхая немного на попутномъ островѣ. Питаются въ дорогѣ кокосами, а воду пьютъ морскую, доставая ее изъ большихъ глубинъ. Флотилію ведутъ обыкновенно лоцмана, искусные въ этомъ дѣлѣ; за заслуги ихъ нерѣдко награждаютъ званіемъ тамона.

Когда испанцы овладѣли Маріанскими островами, многіе туземцы уплыли на Каролинскіе острова и поселились тамъ.

Коцебу и Шамиссо губернаторъ оставилъ ночевать у себя; остальные приглашены были офицерами. Всѣ мѣры были приняты, чтобы доставить гостямъ покой, но онъ, къ сожалѣнію, не дался имъ. Всю ночь выли собаки, визжали кошки, а по стѣнамъ бѣгали и пищали зеленыя ящерицы; иногда эти милыя жи-

вотныя забирались въ постель и копошились тамъ. Шамиссо увѣрялъ, что онѣ безвредны, но отъ этого было не легче.

На слѣдующій день губернаторъ отпустилъ своихъ гостей не ранѣе, какъ послѣ завтрака, который походилъ на обѣдъ. Вернувшись на «Рюрикъ», Коцебу отпустилъ экипажъ на берегъ. Матросы остались очень довольны прогулкою. Въ лѣсу они видѣли оленей и гуанако и принесли цѣлыя охапки апельсиновъ.

По просьбѣ губернатора, Коцебу посѣтилъ его еще разъ. Торресъ отдалъ ему визитъ въ день отплытія «Рюрика». Когда онъ уѣзжалъ, ему отсалютовали пятью выстрѣлами и прокричали ура! 22-го ноября, въ 8 часа утра «Рюрикъ» простился съ Маріанскими островами.

X.

9-го декабря «Рюрикъ» вступилъ въ Китайское море и простился съ юж. океаномъ. Два года странствовали по немъ мореплаватели и разставались съ нимъ съ сожалѣніемъ. Много пришлось имъ здѣсь поработать; зато какое обиліе впечатлѣній вынесли они отсюда! Дорогое для каждаго моряка сознаніе, что его труды и открытія принесутъ немаловажную пользу наукѣ вполнѣ достаточно, чтобъ примирить съ опасностями и лишеніями. Онъ знаетъ, что жилъ не даромъ; онъ оставилъ слѣдъ, по которому пойдутъ другіе и довершатъ начатое имъ благое дѣло.

Со вступленіемъ въ Китайское море измѣнилась и обстановка. Не сіялъ уже надъ головами синій небесный сводъ; по немъ неслись бурыя тучи, гонимыя вѣтромъ во всѣхъ направленіяхъ.

Въ «Рюрикѣ» показалась течь. Расшатался маленькій кораблик отъ продолжительнаго плаванія. Надо было спѣшить въ

Маниллу. 17-го декабря увидали мореплаватели Манильскую гавань, а такъ какъ вѣтеръ не допускалъ «Рюрика» войти туда, то Коцебу воспользовался предложеніемъ сторожеваго офицера, сѣлъ вмѣстѣ съ Шамиссо въ его лодку и отправился къ губернатору, чтобы испросить разрѣшенія отправить «Рюрикъ» въ верфь для починки.

Манилла лежитъ при устьѣ рѣки, вытекающей изъ большого озера. Городъ, какъ всѣ старые испанскіе города съ узкими вонючими улицами не представляютъ ничего интереснаго. Получивъ отъ губернатора разрѣшеніе на починку корабля, Коцебу повелъ его въ Кавите на 20 миль разстоянія отъ Маниллы.

Капитанъ надъ портомъ, Тобіасъ, сдѣлалъ всѣ зависящія отъ него распоряженія, чтобы «Рюрикъ» былъ починенъ какъ можно скорѣе. Экипажъ помѣстили на свободный галіотъ, а офицерамъ и ученымъ отвели квартиры въ городѣ. Домики, которые они занимали, выходили на море, а на сѣверъ у нихъ была такая же раздвижная стѣнка, какъ и въ Гуагамѣ. Кавите, небольшая скучнѣйшая крѣпостца, въ которой нечего дѣлать людямъ не имѣющимъ служебныхъ занятій. Понятно, что русскіе постоянно находились за городомъ.

Чистенькія деревни малайцевъ, ихъ домики въ китайскомъ вкусѣ были очень пріятны для глаза. Базаръ, какъ и вездѣ на востокѣ, составлялъ средоточіе общественной жизни. Только здѣсь онъ начинался вечеромъ, когда кончались работы. Отъ этого, впрочемъ, онъ только выигрывалъ. Сотни женщинъ, сидѣвшихъ въ нѣсколько рядовъ съ овощами, фруктами и плодами всякаго рода, фантастично освѣщенныя факелами и цвѣтными бумажными фонарями представляли весьма живописную картину. На базарѣ толпился всякій народъ: туземцы, иностранцы, испанцы—мѣстное служилое сословіе. Мало кто приходилъ по надобности. Большинство — изъ любопытства; для малайцевъ базаръ — это клубъ, гдѣ они пріятно проводятъ время. По-

являются гитары и подъ открытымъ небомъ устраиваются игры, танцы.

Тобіасъ возилъ капитана въ своей колякѣ въ прелестное загородное мѣстечко «terra alta», гдѣ богатые испанцы имѣютъ дачи. Дорога обсажена манговыми деревьями, похожими на липы, съ вкусными плодами. Домики и поля малайцевъ пріятно разнообразятъ путь.

Въ ночь на Рождество никто не ложился спать. Всюду встрѣчались церковныя процессіи съ фонарями; слышалась музыка; трещали ракеты. Въ 12 ч. ночи при колокольномъ звонѣ, народъ повалилъ въ церковь. Здѣшнее Рождество напомнило русскимъ родную Пасху, которая нигдѣ не справляется такъ торжественно какъ въ Россіи.

Днемъ русскіе ѣздили на обѣдъ къ губернатору; потомъ катались по окрестностямъ. Мужчины, нарядныя дамы и даже дѣти встрѣчались на прогулкѣ съ сигарами въ зубахъ; точно вывѣски знаменитыхъ манильскихъ фабрикъ. Всѣ манильцы страстные курильщики; курятъ даже дѣти, не умѣющіе ходить. Женщины, обреченныя на бездѣйствіе, курятъ больше всѣхъ. Онѣ не довольствуются обыкновенными маленькими сигарами, а заказываютъ себѣ особенныя, чуть ли не въ футъ длиною и соразмѣрной толщины. Пусть читатель вообразитъ себѣ молодую барышню съ такимъ бревномъ во рту и потомъ рѣшитъ, какое впечатлѣніе должно произвести такое безобразіе на свѣжаго человѣка. Эти чудовищныя сигары въ продажѣ такъ и называются «дамскими» сигарами. Если же мѣстныя дамы не курятъ табакъ, то онѣ жуютъ его, что еще противнѣе.

Обратный путь въ Кавите русскіе совершили сухимъ путемъ въ губернаторской колякѣ. Дорога шла по прелестной мѣстности, захватывала часть terra alta, такъ что путники вдоволь могли налюбоваться прелестною природою.

Всѣ прогулки и экскурсіи надо было совершать раннимъ

утромъ, чуть ли не съ разсвѣтомъ. Днемъ стоялъ невыносимый зной, много было случаевъ солнечнаго удара. Достаточное населеніе Маниллы вплоть до вечера сидѣло въ комнатахъ со спущенными жалюзи; одни малайцы, какъ рабочіе волы, работали и въ жаръ и въ холодъ, хотя, правда, довольно лѣниво. Ночью термометръ опускался до 18°, и туземцы кутались въ теплыя одѣяла говоря, что теперь зима.

Особенная черта въ характерѣ малайцевъ, это пристрастіе къ пѣтушинымъ боямъ. Боевыхъ пѣтуховъ воспитываютъ по особой системѣ и владѣльцы всюду носятъ ихъ съ собою. Въ селеніяхъ устроены небольшія зданія на подобіе цирка, съ аркой посрединѣ. Какъ зрители, такъ и владѣльцы пѣтуховъ платятъ за входъ; это государственный доходъ. У пѣтуховъ на заднихъ пальцахъ прикрѣплены ножички и они орудуютъ ими такъ ловко, что борьба кончается обыкновенно послѣ перваго и самое большее послѣ третьяго удара. Зрители держатъ пар и ивъ этомъ-то главнымъ образомъ и состоитъ интересъ игры. Случается, что малайцы прозакладываютъ послѣднее рубище. Къ счастію, варварскія зрѣлища эти, чтобъ они не мѣшали работѣ, допускаются только по воскресеньямъ.

26-го января, «Рюрикъ», починенный и вооруженный пошелъ въ Маниллу, чтобы взять заготовленное продовольствіе. Губернаторъ прислалъ Хорису дѣвочку горнаго племени, чтобы онъ срисовалъ ее. Эти горные жители, какъ говорятъ, аборигены Филиппинскихъ острововъ, но съ тѣхъ поръ какъ вытѣснили ихъ малайцы, они удалились въ горы и почти не сообщаются съ жителями долинъ. Христіанскую религію они отвергаютъ.

Вскорѣ по отплытіи съ Маниллы «Рюрикъ» едва не подвергся нападенію разбойниковъ-малайцевъ. Въ 6 ч. вечера 8-го февраля усмотрѣли на горизонтѣ корабль. По формѣ судна и парусовъ Коцебу заподозрилъ въ немъ разбойничій корабль и тотчасъ же сталъ приводить «Рюрикъ» въ боевую готовность. Пушки были за-

ряжены картечью и ядрами, фитили зажжены и весь экипажъ, вооруженный саблями и ружьями размѣстился по шканцамъ. Такая предосторожность была далеко не лишняя, такъ какъ въ ту эпоху корсары нерѣдко нападали въ Китайскомъ морѣ на купеческіе корабли, грабили ихъ и убивали экипажъ.

Встрѣченный корабль имѣлъ лучшій противу «Рюрика» ходъ, но держался въ отдаленіи съ вѣроятнымъ намѣреніемъ напасть на него съ наступленіемъ ночи. Когда стемнѣло матросъ съ бугшприта закричалъ: огонь! Огонь показался и исчезъ. «Рюрикъ» двигался при малыхъ парусахъ. Вдругъ огонь появился вблизи «Рюрика» и снова исчезъ; но очертаніе судна ясно было видно, не смотря на темноту, и если бы минуты двѣ «Рюрикъ» шелъ прежнимъ ходомъ, то послѣдовалъ бы абордажъ, чего, вѣроятно, и выжидали разбойники. Быстро повернувъ корабль, Коцебу послалъ сосѣдямъ свинцовый гостинецъ. Они видимо этого не ожидали. Поднялись крики, суматоха и корсаръ поспѣшилъ отретироваться. Не выдай его неосторожно показанный огонь, «Рюрикъ», можетъ быть, не отдѣлался бы такъ счастливо.

12-го февраля увидали съ «Рюрика» гору Дапре на Суматрѣ, а 13-го «Рюрикъ» всталъ на якорь въ двухъ миляхъ отъ этого острова.

Недалеко отъ корабля туземцы на челнокѣ ловили рыбу. Они были худощавы, смуглы, съ вычерненными зубами. Русскіе ихъ подманивали, но они подвинулись очень мало. Имъ бросили ножъ. Они кивнули и знаками показывали, что привезутъ пребольшое животное. Затѣмъ они скрылись за маленькими островками и часъ спустя появились вновь. Поперекъ коромысла, ногами вверхъ, лежала огромная черепаха; на ней сидѣли двѣ мартышки и нѣсколько попугаевъ. Черепаху на канатѣ съ трудомъ подняли два матроса и ея мясомъ питался два дня весь экипажъ. Дикарь, доставившій ее, взошелъ на палубу со сверткомъ въ рукахъ. Моряки ожидали, что онъ представитъ имъ еще какую нибудь рѣд-

кость. Но онъ не обращая ни на кого вниманія, сѣлъ на полъ, вынулъ изъ узелка ветхіе шелковые панталоны, шитые золотомъ и сталъ облачаться; окончивъ свой туалетъ, онъ сталъ объяснять, что подарилъ черепаху, причемъ повторялъ слово «презентъ». Ему дали бисеру, ножей, ножницъ и всякихъ мелочей, а онъ просилъ пороху и пистолетъ. Ни того, ни другаго ему не дали и онъ ушелъ очень недовольный. Потомъ пріѣзжали еще дикари съ черепахами, обезьянами, попугаями и всѣ просили пороху, но также получили отказъ. Близъ Суматры «Рюрикъ» оставался недолго и направился въ дальнѣйшее плаваніе.

Въ ночь на 2-е марта надъ кораблемъ пролетѣлъ болидъ и такъ освѣтилъ его, что можно было читать. 4-го—«Рюрикъ» перешелъ черезъ поворотный кругъ и простился съ пассатомъ. Задулъ свѣжій вѣтеръ и получилось странное ощущеніе: вѣтеръ наносилъ стужу, между тѣмъ какъ воздухъ былъ еще удушливо жаркій. Черныя тучи покрыли горизонтъ, вдали засверкала молнія. Сильный шквалъ принудилъ моряковъ убрать паруса, чтобъ не лишиться мачтъ. Гроза свирѣпствовала теперь надъ ихъ головами. Гремѣлъ страшный громъ, молнія падала въ море у самаго корабля; но Богъ хранилъ «Рюрика» и онъ, благополучно обогнувъ мысъ Доброй Надежды, всталъ на якорь въ Столовой бухтѣ.

Дѣйствительно, Богъ оберегалъ «Рюрика»; такъ какъ вслѣдъ за его прибытіемъ начался такой штормъ, что Коцебу, ѣздившій съ визитомъ къ губернатору, не могъ попасть на корабль и долженъ былъ ночевать на берегу.

Штормъ продолжался и на слѣдующій день. Шлюпка Коцебу, находившаяся у берега, была унесена вѣтромъ и потерпѣла большое поврежденіе; нѣсколько кораблей, стоявшихъ въ бухтѣ, были сорваны съ якорей, хотя все верхнее вооруженіе было снято. Когда Коцебу вернулся, наконецъ, на корабль, онъ нашелъ его занесеннымъ пескомъ и покрытымъ кристаллами морской соли.

На мысѣ Доброй Надежды Коцебу нашелъ голландскія и англійскія поселенія. Рабочее сословіе состояло изъ готтентотовъ и отчасти кафровъ. Готтентоты въ физическомъ отношеніи слабѣе кафровъ, но по характеру они гораздо симпатичнѣе.

Кафры, окружавшіе колонію, нерѣдко безпокоили поселенцевъ. Англійскихъ солдатъ, посылаемыхъ для усмиренія ихъ, они мало боялись. «Что вы за люди, говорили они; вы не можете ни слышать, ни видѣть, ни бѣгать. Вотъ готтентотъ другое дѣло. Отъ него ускользнуть трудно; онъ видитъ, какъ соколъ, бѣгаетъ какъ заяцъ и пули его всегда попадаютъ въ цѣль».

Въ какой мѣрѣ готтентоты обладаютъ острымъ зрѣніемъ видно изъ того, что они по полету пчелы находятъ ея улей. Въ этомъ дѣлѣ помогаетъ имъ иногда птичка, большая охотница до меда. Эта птичка преслѣдуетъ пчелу и человѣкъ, прислушиваясь къ ея свисту, руководствуется имъ. Отыскавъ улей, человѣкъ бросаетъ нѣсколько меду птичкѣ въ награду.

Налившись водою и запасшись свѣжими припасами, «Рюрикъ» 13-го апрѣля оставилъ Капъ, 3-го августа 1812 г. благополучно прибылъ въ отечество и на Невѣ, противъ дома государственнаго канцлера, графа Румянцева, бросилъ якорь.

НЕВЕЛЬСКОЙ.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ АМУРА.

Адмиралъ Невельской.
Присоединеніе Амурскаго края.

Уже недалекъ тотъ часъ, когда рельсовый путь соединитъ Петербургъ съ Владивостокомъ и Европа протянетъ руку Азіи. Знаменательное событіе это неразрывно связано съ именемъ адмирала Геннадія Ивановича Невельскаго, которому Россія обязана присоединеніемъ Амурскаго и Уссурійскаго края и закрѣпленіемъ ея владычества на крайнемъ востокѣ. Твердость духа и самоотверженная любовь къ отечеству окружаютъ личность Невельскаго ореоломъ героя, имя котораго никогда не должно изгладиться изъ памяти потомства. Описаніе жизни и дѣятельности Геннадія Ивановича заимствованы нами изъ его собственныхъ записокъ, изданныхъ подъ скромнымъ заглавіемъ: «Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россіи въ 1849—55 г.»*).

Изъ заглавія видно, что Геннадій Ивановичъ, передавая потомству историческіе факты, не имѣлъ въ виду восхвалять своей личности. Но факты говорятъ сами за себя. Эти факты составляютъ честь русскаго флота, питомцы котораго вынесли на своихъ плечахъ всю тяжесть совершеннаго ими подвига.

---

*) Нѣкоторыя подробности изъ частной жизни заимствованы изъ книги дочери адмирала, изданной въ Парижѣ подъ псевдонимомъ «Vera Vend».

Вотъ что писалось въ то время въ нашихъ журналахъ:

«Горсть людей, выброшенная въ 1850 году въ дикую пустыню, успѣла, не смотря на всевозможныя нужды и лишенія, ничтожество средствъ и полное несоотвѣтствіе данныхъ ей инструкцій, втеченіе съ небольшимъ трехъ лѣтъ, обслѣдовать пустынную мѣстность низовьевъ Амура и острова Сахалина, утвердиться въ главныхъ пунктахъ и распространить русское вліяніе на все окрестное населеніе и даже на манджуровъ. Твердость духа и отчаянная рѣшительность начальника экспедиціи повели къ тому, что по истеченіи столь краткаго времени, русскіе стали твердою погою на устьѣ Амура, заняли селеніе Кизи и сосѣдственный съ нимъ заливъ де-Кастри, составляющій непремѣнную станцію судовъ, идущихъ съ юга въ устье рѣки Амуръ, открыли мѣсторожденія каменнаго угля на островѣ Сахалинѣ, открыли и заняли одну изъ лучшихъ гаваней въ морѣ, гавань Императора Николая I и главные пункты острова Сахалина. Они собрали свѣдѣнія о рѣкѣ Уссури и о важности ея въ отношеніи близкаго сосѣдства съ незамерзающими почти круглый годъ гаванями, изслѣдовали положеніе Хинганскаго хребта и доказали, что весь край отъ верховьевъ рѣки Уди къ востоку, до моря, заключающій въ себѣ южный и сѣверный бассейны Амура, устья рѣки Сунгари и весь бассейнъ рѣки Уссури съ ихъ прибрежьями до Корейской границы, а равно и островъ Сахалинъ составляютъ неотъемлемую принадлежность Россіи.

«Претерпѣвая невыразимыя лишенія: зимою холодъ, часто и голодъ, подвергаясь опасности погибнуть отъ наводненія, эти добровольные изгнанники изъ образованнаго круга не унывали среди окружавшихъ ихъ опасностей, не падали духомъ подъ бременемъ выпавшихъ на ихъ долю тяжкихъ трудовъ и испытаній, но бодро шли впередъ, подкрѣпляемые упованіемъ на милосердіе Всевышняго, съ сознаніемъ высокихъ общественныхъ цѣлей, которыя имъ предназначено осуществить на пользу оте-

чества. Руководимые своимъ достойнымъ начальникомъ и примѣромъ его супруги, раздѣлявшей наравнѣ со всѣми лишенія и опасности, дѣйствуя всегда внѣ повелѣній, подъ ежеминутнымъ опасеніемъ, при малѣйшей неудачѣ, подвергнуться строжайшей отвѣтственности, эта горсть людей не страшилась ни голодной смерти, ни ножа дикаря, скромно совершая свой подвигъ, во славу любезнаго отечества.

«Если бы подобныя дѣйствія были совершены гдѣ либо иностранцами, то мы давно бы затвердили имена ихъ наизусть, боясь показаться варварами передъ образованной Европой. Тогда бы всѣ удивлялись имъ и провозглашали подвиги ихъ, подобно подвигамъ Росса, Парри, Франклина и друг. Но многіе ли изъ насъ знаютъ тѣ имена, которымъ отечество наше обязано водвореніемъ русскаго вліянія на пустынныхъ берегахъ низовья Амура и прибрежьяхъ Восточнаго океана и пріобрѣтеніемъ приамурскаго и приуссурійскаго края.

«При этомъ нельзя не отдать должной справедливости тѣмъ женщинамъ, которыя добровольно и бодро раздѣляли труды и лишенія, несвойственныя ихъ полу. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ участниковъ Амурской экспедиціи, Бошнякъ, супругу начальника экспедиціи, Екатерину Ивановну Невельскую.

«Послѣ роскошныхъ залъ и гостиныхъ, недавней воспитанницѣ Смольнаго монастыря пришлось пріютиться въ крошечномъ флигелѣ, раздѣливши его съ семействомъ г. Орлова. Толпы грязныхъ гиляковъ, тунгусовъ и всяческія непріятности не устрашили ея. Мы откровенно сознаемся, что многимъ обязаны ея внимательной любезности ко всѣмъ намъ, и прямо скажемъ, что примѣръ ея благодѣтельно дѣйствовалъ на несчастныхъ женъ нижнихъ чиновъ, которыхъ судьба забросила съ ихъ мужьями въ эту глушь. Часто находясь въ обществѣ г-жи Невельской, мы никогда не слыхали отъ нея ни одной жалобы, напротивъ, всегда

замѣчали спокойное и гордое сознаніе тѣхъ высокихъ обязанностей, которыя выпали на ея долю.

«Наконецъ поспѣлъ и губернаторскій домъ въ пять конурокъ. Наступила зима, а съ ней вмѣстѣ страшныя вьюги, во время которыхъ погибло нѣсколько человѣкъ. Вездѣ холодъ страшный. Снѣгу намело такіе сугробы, что пришлось разгребать корридоры, въ казарму лазить черезъ чердакъ. И эту зиму г-жа Невельская проводила одна; всѣ мы были въ командировкахъ. Дрожа отъ холода въ комнатахъ съ температурою въ 5°, она не падала духомъ.

«Наступилъ 1852 г. Неприсылка судовъ изъ Камчатки ставила насъ въ положеніе болѣе чѣмъ отчаянное. Для грудныхъ дѣтей не было молока, для больныхъ свѣжей пищи. Умеръ у Невельскихъ ихъ первенецъ — дочь. Но и тутъ, не смотря на личное горе, Екатерина Ивановна не замкнулась въ эгоизмѣ. Она не переставала подавать руку помощи страждущимъ. Все, что было свѣжаго въ хозяйствѣ начальника, дѣлилось между неимущими, и опять ни жалобы, ни упрека. Вотъ въ этихъ-то дѣйствіяхъ и заключается секретъ успѣха амурской экспедиціи. Не будь такого высокаго примѣра терпѣнія и покорности, она должна была бы рушиться. Спрашивается: многіе ли мужчины вынесли бы подобную жизнь? А ее вынесла 19-тилѣтняя женщина и вышла побѣдительницей.

«Желательно, чтобы память о женщинахъ, отличавшихся патріотическимъ самопожертвованіемъ въ смыслѣ мужественныхъ помощницъ мужей, отцевъ, или братьевъ, не пропала безслѣдно въ воспитавшихъ ихъ заведеніяхъ, а послужила бы нравственнымъ примѣромъ для подрастающаго поколѣнія. Полезно было бы почтенныя имена этихъ лицъ выставлять на мраморныя доски, куда вносятся лучшія ученицы».

I.

Геннадій Ивановичъ Невельской принадлежалъ къ старинному, но обѣднѣвшему дворянскому роду. Предку его посчастливилось спасти жизнь царя Алексѣя Михайловича, отъ котораго, въ благодарность за услугу, онъ получилъ вотчину Дракино, Костромской губерніи, Солигаличскаго уѣзда. Здѣсь и родился Геннадій Ивановичъ 8-го апрѣля 1813 года. Въ противоположность помѣщикамъ той эпохи, любившимъ широко пожить, родители Геннадія Ивановича вели жизнь тихую и замкнутую. Большое вліяніе на развитіе мальчика имѣлъ его дядя со стороны матери, Полозовъ, человѣкъ замѣчательно образованный съ свѣтлымъ умомъ и твердымъ характеромъ. Онъ жилъ въ сосѣдствѣ и велъ жизнь философа и мыслителя. Полозовъ очень привязался къ маленькому племяннику, постоянно бесѣдовалъ съ нимъ и развивалъ въ немъ пытливость ума. Онъ не замедлилъ оцѣнить блестящія способности мальчика и предсказалъ ему блестящую будущность.

Въ одинъ годъ Невельской потерялъ отца и дядю. Одиннадцати лѣтъ его отвезли въ морской корпусъ, гдѣ онъ скоро сталъ на ряду съ лучшими учениками. Невельской не отличался живостью и рѣзвостью свойственными его лѣтамъ. Онъ былъ молчаливъ и задумчивъ; товарищи прозвали его Архимедомъ. Подобно Головнину онъ кончилъ курсъ на 16-омъ году и по молодости лѣтъ оставленъ былъ въ корпусѣ еще на годъ. Этотъ годъ онъ всецѣло посвятилъ самообразованію и развитію, особенно въ области своей спеціальности. Его чрезвычайно интересовала рѣка Амуръ и восточное побережье Сибири. Изученію этого предмета онъ посвящалъ всѣ свои досуги.

Движеніе русскихъ къ востоку началось еще въ XVII столѣтіи. Якутскій воевода Головинъ [1]), наслышавшись отъ бывалыхъ людей о естественныхъ богатствахъ приамурскаго края, послалъ туда вольницу, состоявшую изъ казаковъ и промышленниковъ подъ предводительствомъ казака Пояркова. Поярковъ со своей вольницей прошелъ въ три года 700 в. и подчинивъ Россіи жившихъ по Амуру гиляковъ, собралъ съ нихъ богатую дань звѣриными шкурами. Вслѣдъ за Поярковымъ ходилъ на Амуръ Хабаровъ, затѣмъ Степановъ. Послѣ многихъ стычекъ съ туземцами и серьезныхъ сраженій съ манчжурами, эти удальцы подчинили русскому скипетру множество приамурскихъ народцевъ и всю страну вверхъ по теченію Сунгари до хребта. На покоренной землѣ выстроены были укрѣпленные города: Нерчинскъ, Албазинъ, Хабаровка. Къ сожалѣнію, въ новоприобрѣтенномъ краѣ не было введено правильнаго управленія, и вольница принялась хозяйничать по своему. Казаки грабили инородцевъ, дѣлали набѣги на сосѣднюю Манчжурію и до того довели манчжуровъ, что тѣ рѣшились съ помощью китайцевъ прогнать русскихъ съ Амура.

Болѣе 30-ти лѣтъ длилась борьба съ перемѣннымъ успѣхомъ. Наконецъ въ 1688 г. былъ присланъ уполномоченный Головинъ для переговоровъ съ китайцами относительно разграниченія Амура. Китайскій уполномоченный прибылъ съ подкрѣпленіемъ въ 10,000 челов., а при Головинѣ было всего 500. При такихъ условіяхъ поневолѣ приходилось быть уступчивымъ. Сибирская лѣтопись того времени такъ говоритъ объ этомъ происшествіи: россіяне несправедливымъ образомъ, перемогающею силою непріятеля съ Амура вытѣснены, и что еще несправедливѣе, мирнымъ заключеніемъ рѣка Амуръ за китайцами осталась [2]). Необходимо имѣть въ виду, что китайцы подъ р.

[1]) Нѣчто въ родѣ губернатора съ большими полномочіями.

[2]) «Ежемѣсячныя сочиненія» октябрь 1757.

Амуромъ разумѣли ту часть ея, которая простирается до устья Сунгари. Дальше же весь край, вплоть до моря не былъ хорошо извѣстенъ ни китайцамъ, ни Головину, а потому по Нерчинскому трактату, заключенному Головинымъ съ китайцами, онъ остался неразграниченнымъ. Это-то обстоятельство и послужило фундаментомъ, на которомъ Невельской основалъ всѣ свои дѣйствія.

Въ столицѣ въ то время весьма мало понимали огромное значеніе Амура какъ пути къ В. океану. О немъ знали только со словъ предпріимчивыхъ казаковъ и промышленниковъ, смотрѣвшихъ на этотъ край, какъ на золотое дно, и потому пріобрѣтеніе края имѣло въ глазахъ правительства не политическое, а экономическое значеніе.

«Предпріимчивость русскихъ на Амурѣ въ XVII столѣтіи, говоритъ Невельской, могла бы имѣть важныя послѣдствія, еслибъ мы успѣли учредить порядокъ, оградить инородцевъ и манчжуровъ отъ грабежей казаковъ и основать земледѣльческія колоніи».

Но ничего подобнаго не было сдѣлано. Пояркова и Хабарова замѣнили люди неспособные и кончилось тѣмъ, что китайское правительство, возбужденное набѣгами на сосѣднюю Манчжурію, приняло мѣры рѣшительныя, послѣдствіемъ которыхъ явилась потеря для Россіи всѣхъ завоеваній Хабарова.

Но каковы бы ни были ошибки и беззаконія Амурской вольницы, благодарное потомство никогда не должно забывать заслугъ первыхъ піонеровъ-завоевателей приамурскаго края, платившихъ своею кровію за молодечество и удаль. Хотя многое изъ пріобрѣтеннаго ими и было утеряно, но уже однимъ водвореніемъ своимъ въ этомъ краю они доставили Россіи неоспоримое право добиваться его возврата.

Овладѣвъ приамурскимъ краемъ, Китай прервалъ сообщеніе Забайкалья съ моремъ, и дальнѣйшее развитіе Сибири сдѣлалось невозможнымъ. Это обстоятельство вполнѣ было понято мудрою

Екатериною, которая слѣдующимъ образомъ выразила свой взглядъ на обладаніе Амуромъ: «Еслибы Амуръ могъ намъ служить только какъ удобный путь для продовольствія Камчатки и нашихъ владѣній на Охотскомъ морѣ, то и тогда обладаніе имъ было бы желательно».

Послѣ того не разъ возобновляли вопросъ объ Амурѣ, какъ объ удобномъ пути для продовольствія Камчатки, но не желая ссориться съ китайцами, оставляли этотъ вопросъ безъ послѣдствій. Въ XVIII ст. извѣстные мореплаватели, Лаперузъ и Брайтонъ, изслѣдовавшіе устье Амура [1]), нашли его усѣяннымъ мелями и для плаванія неудобнымъ. Островъ Сахалинъ они признали полуостровомъ, соединеннымъ съ материкомъ перешейкомъ. Тоже подтвердилъ Крузенштернъ, посланный нашимъ правительствомъ для провѣрки изслѣдованій иностранцевъ.

Такимъ авторитетамъ нельзя было не повѣрить. Разъ установлено было, что Амуръ не имѣетъ сообщенія съ моремъ, обладаніе имъ потеряло для русскихъ всякое значеніе, и вопросъ объ Амурѣ былъ сданъ въ архивъ.

Позднѣе, въ царствованіе Императора Николая, вопросъ этотъ всплылъ наружу, обсуждался въ правительственныхъ сферахъ, но результатъ оказался тотъ же самый: Устье Амура не доступно для морскихъ судовъ и потому эта рѣка безполезна для Россіи.

II.

Въ 1836 г. Невельской окончилъ курсъ Морской Академіи и отправился въ плаваніе на кораблѣ «Беллона», гдѣ находился великій князь Константинъ Николаевичъ. Втеченіе семи лѣтъ Невельской былъ вахтеннымъ офицеромъ при Константинѣ Ни-

[1]) Названіе Амуръ происходитъ отъ гилякскаго слова «Ямуръ» — большая вода.

колаевичѣ, плавая съ нимъ на различныхъ судахъ. Ни одного лѣта Геннадій Ивановичъ не оставался на берегу. Зимы онъ проводилъ въ Петербургѣ, рылся въ архивахъ и изучалъ занимавшій его вопросъ объ Амурѣ. Онъ рѣшительно не вѣрилъ знаменитымъ мореплавателямъ и не могъ допустить, чтобы такая многоводная рѣка не пробила себѣ пути къ морю. Если же это было такъ, какъ онъ предполагалъ, то какая будущность открывалась для Сибири! Что же касалось нейтральныхъ[1]) земель, означенныхъ въ Нерчинскомъ трактатѣ, то, по мнѣнію Невельскаго, ихъ слѣдовало непремѣнно присоединить къ Россіи, пока Китай не догадался окончательно завладѣть ими и навсегда закрыть Россіи путь къ морю.

Лелѣя въ душѣ этотъ проектъ, Невельской не скрывалъ отъ себя трудностей его осуществленія. Высшія сферы, съ Императоромъ Николаемъ во главѣ, были убѣждены въ безполезности Амура. Бороться съ такими лицами, убѣдить ихъ въ ошибочности ихъ мнѣній, добиться снаряженія дорого стоющей экспедиціи—молодому человѣку нечего было и думать. Геннадій Ивановичъ понималъ, что его можетъ выручить только случай, и сталъ ожидать такого случая.

Въ морскомъ министерствѣ были крайне удивлены, узнавъ, что Невельской, которому всѣ предсказывали блестящую карьеру, просится на скромный транспортъ «Байкалъ», предназначенный для перевозки различныхъ запасовъ и матеріаловъ въ Охотскій и Петропавловскій порты. Свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ[2]) серьёзно отговаривалъ Геннадія Ивановича отъ такого предпріятія; но видя его настойчивость, уступилъ и назначилъ его командиромъ «Байкала». Въ это время сибирскимъ генералъ-губернаторомъ только что былъ назначенъ Николай Николаевичъ

---

[1]) Оставленныхъ не разграниченными.

[2]) Начальникъ Главнаго Морского Штаба.

Муравьевъ, и Меньшиковъ велѣлъ Невельскому ему представиться.

Муравьевъ принялъ молодого моряка очень привѣтливо, и между ними тотчасъ же установились отношенія, основанныя на взаимной симпатіи. Они почуяли другъ у друга русскую душу и готовность беззавѣтно служить родинѣ.

Въ разговорѣ съ Муравьевымъ о сибирскихъ портахъ Геннадій Ивановичъ завелъ рѣчь объ Амурѣ и о значеніи этой рѣки для Сибири.

— Конечно, отвѣчалъ Муравьевъ; возвращеніе этой рѣки въ наши владѣнія и плаваніе по ней представляютъ огромное значеніе для Сибири, но, къ несчастію, всѣ убѣждены, что устье Амура засорено мелями и доступно только для однѣхъ лодокъ. Въ этомъ убѣжденъ и Государь Императоръ.

— Дѣйствительно, такое заключеніе существуетъ, возразилъ Невельской. Я тщательно изучилъ описи Лаперуза, Брайтона, Крузенштерна и никакъ не могу согласиться съ ихъ выводами. Неужели такая огромная рѣка не могла проложить себѣ пути къ морю и теряется въ пескахъ? Поэтому я полагаю, что тщательное изученіе ея устья и лимана представляется настоятельной необходимостью.

Невельской говорилъ горячо, съ пыломъ человѣка убѣжденнаго и не могъ не подѣйствовать на слушателя. Муравьевъ выказалъ ему полное сочувствіе и обѣщалъ сколь возможно содѣйствовать осуществленію его плановъ.

Онъ такъ и поступилъ. Постоянно и неуклонно онъ содѣйствовалъ Геннадію Ивановичу въ достиженіи его цѣли и въ великомъ дѣлѣ присоединенія Амура, имя Муравьева занимаетъ видное мѣсто.

При передачѣ разговора съ Муравьевымъ Меньшикову, Невельской просилъ разрѣшенія по доставкѣ матеріаловъ въ указанные порты дозволить ему обслѣдовать устье Амура и описать

юго-восточный берегъ Охотскаго моря, который былъ означенъ на картѣ только точками.

— Судя по позднему времени выхода транспорта, отвѣчалъ Меньшиковъ, дай Богъ, чтобы онъ пришелъ въ Петропавловскъ только къ осени 1849 г. Сумма денегъ вамъ ассигнована только на годъ. Вы видите сами, что у васъ не будетъ ни времени, ни денегъ на особыя порученія. Притомъ подобныя дѣйствія возбудили бы подозрительность китайцевъ и безъ всякой пользы для Россіи. Вѣдь ужь доказано, что устье Амура не судоходно.

«Изъ разговора съ Меньшиковымъ я вывелъ такое заключеніе, говоритъ Невельской: что мое предложеніе устраняется потому, что мало времени, мало денегъ и можно возбудить подозрѣніе китайцевъ. Слѣдовательно, чтобы достичь предположенной мною цѣли необходимо, чтобы транспортъ пришелъ въ Камчатку въ маѣ и далъ мнѣ возможность воспользоваться лѣтомъ. Такимъ образомъ и ассигнованной суммы было бы достаточно. Что же касается китайцевъ, то чтобъ не возбудить ихъ подозрительности, изслѣдованіе устья Амура нужно производить какъ бы случайно при описи береговъ Охотскаго моря».

Въ виду этихъ соображеній, Невельской сталъ торопить постройкою своего судна, которое строилось въ Гельсингфорсѣ. Въ началѣ января транспортъ былъ только что заложенъ; къ обшивкѣ его разсчитывали приступить весной. Невельской упросилъ строителей ускорить работы, чтобъ изготовить транспортъ къ іюлю мѣсяцу, что они ему и обѣщали.

Часто видаясь съ Меньшиковымъ по дѣламъ службы, Невельской пытался склонить его въ пользу своего предпріятія, но безуспѣшно. Убѣдившись, что въ Петербургѣ онъ ничего не добьется, Геннадій Ивановичъ написалъ Муравьеву. Сообщая ему о быстромъ снаряженіи «Байкала» и о возможности вслѣдствіе этого имѣть въ своемъ распоряженіи и время и деньги для задуманнаго предпріятія, онъ прибавлялъ:

«Безъ вашего ходатайства я не надѣюсь получить разрѣшенія; за самовольное же производство описи я подвергаюсь строжайшей отвѣтственности. Между тѣмъ время и случай будутъ упущены. Постигая всю важность для Россіи познанія этихъ мѣстъ, я употребилъ бы всѣ старанія, чтобъ представить точную картину края, доселѣ закрытаго отъ насъ мракомъ».

Въ началѣ іюля полученъ былъ отвѣтъ Муравьева. Онъ увѣдомлялъ, что ходатайствуетъ черезъ князя Меньшикова и министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго о Высочайшемъ утвержденіи инструкціи, испрашиваемой Невельскимъ, и что при сочувствіи этому дѣлу вышеупомянутыхъ лицъ онъ надѣется, что инструкція будетъ утверждена.

По приходѣ въ Кронштадтъ съ транспортомъ, Невельской тотчасъ же отправился въ Петербургъ къ Меньшикову и сообщилъ ему, что 20-го августа транспортъ выйдетъ изъ Кронштадта и въ Камчаткѣ будетъ въ маѣ.

И такъ, ваша свѣтлость, прибавилъ онъ, съ моей стороны сдѣлано все возможное, чтобы лѣто имѣть свободнымъ. Осмѣливаюсь просить васъ о разрѣшеніи употребить это время на опись берега Охотскаго моря и при этомъ побывать въ лиманѣ Амура...

Меньшиковъ снова запротестовалъ. Дѣло, вѣроятно, окончательно погибло бы, еслибъ не выручилъ случай. У Меньшикова сидѣли два Перовскихъ: министръ внутреннихъ дѣлъ и его братъ. Они внимательно слушали горячую рѣчь моряка.

— Мнѣ кажется, вмѣшался министръ, нѣтъ причины отклонять просьбу капитана, если онъ говоритъ, что все это можно сдѣлать случайно.

— Въ Амурскій лиманъ занесутъ меня теченія и свѣжіе вѣтры, которые, по словамъ Крузенштерна, постоянно господствуютъ въ этихъ мѣстахъ, пояснилъ Невельской.

Слова министра возъимѣли надлежащее дѣйствіе. Меньшиковъ, на основаніи донесенія Муравьева, велѣлъ заготовить ин-

струкцію, придавъ параграфу, относящемуся до Амура, болѣе неопредѣленный смыслъ.

— Помните, капитанъ, сказалъ онъ, отпуская Невельскаго; если вы превысите данныя вамъ полномочія, вы рискуете всей вашей карьерой.

Невельской откланялся Меньшикову, не подозрѣвая, что онъ пріобрѣлъ въ лицѣ Перовскаго друга и сторонника. Впослѣдствіи, когда Невельской чуть не попалъ въ опалу, вліятельное слово министра много содѣйствовало его оправданію.

III.

Августа 21-го 1848 г. «Байкалъ» вышелъ изъ Кронштадта, а Невельской не имѣлъ еще въ рукахъ инструкціи, которой такъ энергично добивался. Одинъ Богъ знаетъ, сколько онъ передумалъ и перестрадалъ въ это 8-мимѣсячное путешествіе отъ Кронштадта до Камчатки. Найдетъ ли онъ въ Камчаткѣ желаемую инструкцію, или долженъ будетъ отказаться отъ завѣтной мечты! Эти мысли не покидали его ни на минуту.

Стараясь какъ можно скорѣе достигнуть Петропавловскаго порта, Невельской останавливался очень рѣдко и только по необходимости. На Сандвичевыхъ островахъ онъ встрѣтился съ кораблемъ россійско-американской компаніи [1]) и объ команды встрѣтили вмѣстѣ Свѣтло-Христово Воскресенье. Командиры съ офицерами представлялись королю Сандвичевыхъ острововъ Тамеамеѣ, который сдѣлалъ имъ торжественный пріемъ въ знакъ

---

[1]) Россійско-Американская компанія основана была купцомъ Шелеховымъ въ царствованіе Екатерины II. Императоръ Павелъ утвердивъ ее, даровалъ ей много преимуществъ, которыя были еще расширены Александромъ I.

особаго уваженія, которое онъ питалъ къ Русскому Императору и Россіи.

12-го мая «Байкалъ» пришелъ въ Петропавловскъ, и Невельской послалъ донесеніе Меньшикову о благополучномъ прибытіи. Начальникъ Камчатки Машинъ доносилъ съ своей стороны, что никогда еще не доставлялось въ Камчатку такихъ прекрасныхъ и такъ хорошо сохранившихся запасовъ и матеріаловъ.

Въ Петропавловскѣ ожидало Невельскаго посланное черезъ курьера секретное письмо Муравьева. Генералъ-губернаторъ благодарилъ капитана за всѣ принятыя имъ мѣры, за рѣшительность и самоотверженіе къ достиженію важной и полезной для Россіи цѣли, прибавляя, что онъ ходатайствуетъ о Высочайшемъ утвержденіи инструкціи, копію съ которой и прилагаетъ.

Инструкція была составлена именно такъ, какъ желалъ Невельской. Ему предписывалось изслѣдовать берега Охотскаго моря, Сахалинъ и Амурскій лиманъ, при условіи держать всѣ свои дѣйствія въ тайнѣ.

Покончивъ дѣла въ Петропавловскѣ, Невельской рѣшился идти къ завѣтнымъ берегамъ. Онъ не скрывалъ отъ себя страшной отвѣтственности, которой подвергался, еслибъ инструкція не была утверждена. Съ другой стороны, она могла запоздать и тогда оказалась бы совсѣмъ безполезною. Грозное видѣніе непріятеля, овладѣвающаго дивною рѣкою, преслѣдовало Невельскаго день и ночь. Не только со стороны китайцевъ могла явиться опасность, но и французы, и англичане, пронюхавъ о лакомомъ кусочкѣ на нейтральной почвѣ, могли завладѣть имъ, основать свои колоніи и Россіи никогда не вытѣснить бы ихъ оттуда.

Рѣшившись дѣйствовать на свой страхъ, Невельской собралъ офицеровъ въ свою каюту и объяснилъ имъ сущность амурскаго вопроса и свои намѣренія.

— Будьте увѣрены, господа, прибавилъ онъ, что я никогда не вовлекъ бы васъ въ предпріятіе, которое сопровождалось бы

для васъ какимъ либо рискомъ. Я вашъ начальникъ и, повинуясь мнѣ, вы исполняете только свою обязанность. Всю тяжелую отвѣтственность передъ престоломъ и отечествомъ я принимаю на себя».

Убѣжденный всегда убѣждаетъ, воодушевленный—воодушевляетъ. Офицеры выразили командиру полную готовность послужить общему дѣлу и дали слово держать все втайнѣ.

30-го мая транспортъ вышелъ изъ Петропавловска и взялъ курсъ къ восточному берегу Сахалина.

Мы не станемъ вдаваться въ техническія подробности всѣхъ произведенныхъ моряками работъ по описи береговъ и промѣрѣ глубинъ. Работы эти продолжались 22 дня и соединены были съ большими трудностями и опасностями. Встрѣчныя теченія, свѣжіе вѣтры разводили такое волненіе и толчеи, что транспортъ и спущенныя для промѣровъ шлюпки весьма часто находились въ самомъ критическомъ положеніи.

Однажды оставивъ транспортъ на якорѣ, Невельской отправилъ команду съ офицерами для промѣра на двухъ гребныхъ судахъ. Вѣтеръ внезапно засвѣжѣлъ и оба судна выбросило на отмель Сахалина; люди едва спаслись. Въ нѣсколькихъ шагахъ находилось большое гилякское селеніе; но туземцы, увидавъ русскихъ, убѣжали. Моряки разложили костеръ, повѣсили сушиться платье, а сами заснули. Въ это время туземцы подкрались и унесли все платье, такъ что команда возвратилась на транспортъ въ одномъ бѣльѣ. Гиляки между тѣмъ вздумали напасть и на транспортъ, но моряки предупредили ихъ. Они захватили двухъ гиляковъ и знаками объявили остальнымъ, что если не оставятъ ихъ въ покоѣ и не возвратятъ похищеннаго, ихъ товарищей повѣсятъ. Угроза подѣйствовала. Украденное было возвращено, и съ тѣхъ поръ гиляки не только не безпокоили русскихъ, но еще помогали имъ.

Проработавъ безъ устали нѣсколько недѣль, моряки достигли наконецъ того мѣста, гдѣ, по мнѣнію знаменитыхъ мореплавате-

лей, долженъ былъ находиться перешеекъ, соединяющій Сахалинъ съ материкомъ. 22-е іюля былъ знаменательный для экспедиціи день. Подойдя къ двумъ скалистымъ мысамъ, вѣнчающимъ оба берега, моряки, вмѣсто ожидаемой преграды, вдругъ увидали передъ собою проливъ шириною въ 4 мили (7 верстъ) при наименьшей 5-ти саженной глубинѣ. Всеобщее «ура» огласило воздухъ. Такимъ образомъ было удостовѣрено, что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ, и что новооткрытый проливъ настолько широкъ и глубокъ, что въ него могутъ входить суда всякихъ ранговъ. Стало быть, доступъ съ сѣвера къ Амурскому лиману былъ открытъ; оставалось убѣдиться—судоходно ли устье Амура и можно ли въ него войти съ моря.

Блестящій успѣхъ предпріятія воодушевилъ Невельскаго и возбудилъ жажду дальнѣйшихъ изслѣдованій. Но сдѣлать это въ данную минуту было невозможно. Онъ обязанъ былъ къ 15-му сентября быть въ Охотскѣ.

На возвратномъ пути «Байкалъ» встрѣтилъ байдарку съ Аяна съ штурманскимъ офицеромъ Орловымъ, которому приказано было разыскать «Байкалъ» и сообщить Невельскому, что его ожидаютъ въ Аянѣ важныя бумаги.

Между тѣмъ въ Аянѣ распространился слухъ, что «Байкалъ» погибъ и потому жители были чрезвычайно удивлены и обрадованы, увидавъ 3-го сентября «Байкалъ», благополучно входившій въ Аянскую гавань.

Здѣсь ожидала Невельскаго радость. Муравьевъ, крайне заинтересованный результатомъ экспедиціи Невельскаго, не имѣлъ терпѣнья ждать отъ него извѣстій и, подъ предлогомъ осмотра портовъ Охотскаго моря, пріѣхалъ въ Аянъ. Его сопровождала супруга, француженка. Эта особа, недавно прибывшая изъ Парижа, не побоялась сопутствовать своему мужу въ его странствованіяхъ черезъ тундры, болота и горы, по невозможнымъ дорогамъ, доступнымъ только для верховыхъ.

Узнавъ о приближеніи «Байкала», генералъ сѣлъ въ шлюпку и пошелъ къ нему на встрѣчу:

— Ну что, Невельской? закричалъ онъ еще издали.

— Ура! Ваше превосходительство! Сахалинъ — островъ; входъ въ лиманъ Амура возможенъ для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и съ юга; вѣковое заблужденіе разсѣяно!

Въ капитанской каютѣ собрались около генералъ-губернатора всѣ его спутники и съ любопытствомъ слушали сообщенія Невельскаго о его плаваніи и сдѣланныхъ имъ открытіяхъ, совершенно противоположныхъ наблюденіямъ тогдашнихъ картъ. Для людей, пожившихъ въ Сибири, значеніе Амура было настолько ясно, что смѣлый шагъ Невельскаго былъ привѣтствуемъ, какъ залогъ возрожденія всей восточной Сибири.

Въ Аянѣ же получилъ Невельской такъ давно ожидаемую инструкцію, утвержденную Императоромъ.

Отправивъ съ курьеромъ донесеніе князю Меньшикову, Невельской простился съ Муравьевымъ, чтобы снова свидѣться въ Якутскѣ, и пошелъ въ Охотскъ сдавать транспортъ.

IV.

Возвратившись въ Петербургъ 28-го января 1850 г. Невельской тотчасъ же явился къ Меньшикову съ картами и описями. Князь ласково принялъ его и сообщилъ, что Государь Императоръ простилъ ему смѣлый его поступокъ, что онъ, не дождавшись инструкціи пошелъ въ Татарскій проливъ; но что графъ Нессельроде (министръ иностранныхъ дѣлъ) и большинство членовъ комитета по разсмотрѣніи представленія Муравьева

о занятіи устья Амура, обвиняютъ его въ неслыханной дерзости, чуть ли не въ государственномъ преступленіи и требуютъ его разжалованія.

— Кромѣ того, добавилъ князь, они не вѣрятъ въ ваши открытія. Только я, да Перовскій и защищаемъ васъ.

— Правительство можетъ всегда провѣрить мои открытія, сказалъ Невельской; и если они окажутся ложными, я подвергаюсь строжайшей отвѣтственности и наказанію, гораздо большему, чѣмъ то, которое хотѣли на меня наложить. А потому почтительнѣйше прошу вашу свѣтлость защитить меня и моихъ сотрудниковъ отъ подобныхъ нареканій.

Сдѣлавъ визитъ Перовскому, Невельской убѣдился въ неизмѣнномъ его сочувствіи и нѣсколько ободрился.

2-го февраля Невельской былъ потребованъ въ комитетъ для объясненій. Стоя передъ могущественными противниками, онъ нисколько не смутился. Сильный своею правотою, этотъ новый Васко-ди-Гама излагалъ дѣло спокойно и увѣренно, какъ человѣкъ, который знаетъ, что говоритъ.

— Мнѣ и моимъ товарищамъ, говорилъ онъ, Богъ помогъ разсѣять заблужденія моихъ предшественниковъ и раскрыть истину. Все, что я доношу, такъ же вѣрно какъ то, что я стою здѣсь. Я исполнилъ вѣрноподданнѣйшій долгъ мой. Наказывать и миловать меня за это можетъ только одинъ Государь»!

Меньшиковъ поддерживалъ Невельского, заявивъ, что онъ разсматривалъ всѣ его журналы и убѣжденъ, что онъ не ошибся; а Перовскій прибавилъ, что онъ полагаетъ необходимымъ утвердить представленіе Муравьева относительно наблюденія за лиманомъ Амура и Татарскимъ берегомъ посредствомъ крейсерства тамъ военнаго судна.

Такимъ образомъ поступокъ Невельскаго, такъ сильно возмутившій министровъ, не имѣлъ на сей разъ для него печальныхъ послѣдствій, если не считать потери Владимірскаго креста

и пожизненной пенсіи, которыя полагаются за открытія. Въ слѣдующій чинъ онъ произведенъ былъ еще ранѣе за аккуратно доставленный грузъ въ Камчатку.

Почти годъ тому назадъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ основаніи зимовья на юговосточномъ берегу Охотскаго моря, для того, чтобы россійско-американская компанія могла производить тамъ расторжку съ гиляками. Сообразно съ Высочайшей волею комитетъ изготовилъ предписаніе генералъ-губернатора, причемъ строжайше было приказано ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ не касаться лимана р. Амура. Для устройства зимовья, по просьбѣ Муравьева, командированъ былъ Невельской, съ производствомъ въ слѣдующій чинъ капитана I ранга на основаніи положенія о Сибири.

Окрыленный надеждами, Геннадій Ивановичъ отправился въ Иркутскъ. Дурной пріемъ, сдѣланный ему двумя министрами, уравновѣшивался расположеніемъ другихъ двухъ и сверхъ того Муравьева, начальника края. Съ такою поддержкою Невельской чувствовалъ себя въ силахъ бороться и побѣдить. Во всякомъ случаѣ онъ не намѣренъ былъ отступать отъ задуманной цѣли.

Прибывъ 27 іюня въ заливъ «Счастія» съ 25-ю человѣками команды, онъ нашелъ уже тамъ ожидавшаго его Орлова, и при немъ двухъ переводчиковъ: гиляка Позвейна и тунгуза Аѳанасія, говорившихъ по-русски и знавшихъ почти всѣ нарѣчія амурскихъ инородцевъ.

Тщательно осмотрѣвъ мѣстность, Невельской нашелъ, что песчаная коса на восточномъ берегу залива представляетъ единственную мѣстность, къ которой могутъ подходить суда съ моря. Здѣсь 29-го іюня и было основано зимовье, названное Петровскимъ.

Петровское оказалось пунктомъ крайне неудобнымъ: во-первыхъ, оттуда нельзя было слѣдить за устьемъ Амура, куда могли съ юга придти и водвориться иностранцы; во-вторыхъ, заливъ

«Счастія» былъ до конца іюня затертъ льдами, и суда, зазимовавшія въ немъ, должны бы были втаскиваться на берегъ. Въ виду этого, Невельской рѣшился идти въ Амуръ и поискать тамъ болѣе удобной гавани.

Оставивъ въ Петровскомъ Орлова, Невельской съ 6-ю человѣками команды и двумя переводчиками сѣлъ въ шлюпку, вооруженную однимъ фальконетомъ и отправился черезъ сѣверный каналъ лимана въ Амуръ. Поднявшись верстъ на 100 отъ устья и изслѣдовавъ это пространство, Невельской достигъ мыса Тыръ.

«Подойдя къ мысу, разсказываетъ онъ, я увидѣлъ на берегу нѣсколько манчжуровъ и толпу инородцевъ; всего человѣкъ съ 200. Они, повидимому, были озадачены появленіемъ нашей шлюпки. Выйдя на берегъ въ сопровожденіи переводчиковъ, я подошелъ къ старшему изъ манчжуровъ, котораго гиляки называли «джангинъ», то есть богатый старикъ, купецъ. Этотъ манчжуръ сидѣлъ съ важностью на обрубкѣ дерева и тѣмъ показывалъ свое начальническое вліяніе на окружавшую его толпу. Онъ важно и дерзко спросилъ меня, зачѣмъ и по какому праву я пришелъ сюда. Въ свою очередь и я спросилъ манчжура, зачѣмъ и по какому праву онъ здѣсь находился. На это манчжуръ еще съ большею дерзостью отвѣчалъ, что никто, кромѣ ихъ, манчжуровъ, не имѣетъ права являться въ эти мѣста. Я возразилъ ему, что такъ какъ русскіе имѣютъ полное и единственное право быть здѣсь, то я требую, чтобы онъ, со своими манчжурами, немедленно оставилъ эти мѣста. На это старикъ, указывая на окружавшую его толпу, потребовалъ, чтобы я удалился, угрожая въ противномъ случаѣ, принудить меня силою. Вмѣстѣ съ этимъ онъ далъ знакъ окружавшимъ его манчжурамъ приступить къ исполненію его требованій. Въ отвѣтъ на эту угрозу, я выхватилъ изъ кармана пистолетъ и, направивъ его на манчжура объявилъ, что если кто-либо осмѣлится пошевелиться, то въ одно мгновеніе его не будетъ на свѣтѣ. Вооружен-

ные матросы, по моему знаку, немедленно явились ко мнѣ. Такой неожиданный образъ дѣйствій такъ ошеломилъ манчжуровъ, что они тотчасъ-же отступили, а инородцы, отдѣлившись отъ нихъ, стали смѣяться надъ ихъ трусостью и выказывать намъ сочувствіе. Джангинъ поблѣднѣлъ, соскочилъ со своего обрубка и кланяясь мнѣ, увѣрялъ, что желаетъ быть со мною въ дружбѣ и проситъ къ себѣ въ палатку, въ гости. Я согласился и узналъ много интереснаго. Джангинъ признался, что имъ запрещено спускаться сюда по Амуру и что они бываютъ здѣсь самовольно: онъ сообщилъ еще, что на всемъ пространствѣ по берегамъ Амура нѣтъ китайскаго поста и что всѣ инородцы Амура и Уссури до моря не подвластны китайцамъ и дани не платятъ. Инородцы сообщили, что ежегодно приходятъ въ татарскій заливъ иностранныя суда, останавливаются у береговъ и безнаказанно безчинствуютъ».

Послѣднее обстоятельство дало окончательный толчекъ рѣшенію Геннадія Ивановича. Помолившись Богу онъ, при салютѣ изъ фальконета и залпѣ изъ ружей, поднялъ русскій военный флагъ на мысѣ Куегда и объявилъ весь Приамурскій край съ островомъ Сахалиномъ принадлежностью Россіи.

— Отнынѣ Великій Русскій Царь (Пила-пали-Джангинъ) принимаетъ васъ подъ Свое покровительство, сказалъ онъ собравшимся инородцамъ и не позволитъ обижать васъ.

Инородцамъ и манчжурамъ Невельской далъ бумагу въ формѣ декларации и велѣлъ предъявлять её иностранцамъ, еслибъ они вздумали явиться и хозяйничать въ этихъ мѣстахъ.

При новомъ постѣ, названномъ Николаевскимъ, Невельской оставилъ команду въ 6 человѣкъ при фальконетѣ и шлюпкѣ, а самъ отправился на оленяхъ въ Петровское.

Великій актъ присоединенія совершился 1 августа 1850 г.

Нечего и говорить, что Геннадій Ивановичъ вполнѣ сознавалъ, какой страшной отвѣтственности онъ подвергался не только

за самовольное завладѣніе краемъ, но и за распоряженія, которыя онъ позволилъ себѣ дѣлать отъ лица русскаго правительства. Но памятуя пословицу: «смѣлымъ Богъ владѣетъ», онъ надѣялся на помощь Божію и на великодушіе свего Государя.

По прибытіи въ Петровское, Невельской предъявилъ двумъ стоявшимъ на рейдѣ иностраннымъ китобойнымъ судамъ такоеже объявленіе о принадлежности Россіи Приамурскаго края до корейской границы и Сахалина. Между тѣмъ окрестные гиляки пришли въ Петровское и просили Невельского, чтобы русскіе взяли ихъ подъ свою защиту. Сообразивъ, что заявленіе гиляковъ можетъ служить оправданіемъ его дѣйствій, Невельской предложилъ имъ послать съ нимъ уполномоченныхъ въ Аянъ, что они и сдѣлали. Въ присутствіи начальника порта, Кашеварова, они стали просить, чтобы русскіе не уходили съ Амура, причемъ подтвердили, что, какъ они, тамъ и другіе инородцы не были подвластны Китаю и ясака не платили.

Обо всемъ случившемся Невельской послалъ съ нарочнымъ донесеніе Муравьеву, въ которомъ писалъ между прочимъ:

«Въ виду представленныхъ мною фактовъ и возможности потери для Россіи навсегда Приамурскаго края, Ваше Превосходительство усмотрите, что вся моральная отвѣтственность передъ отечествомъ справедливо пала бы на меня, еслибъ я не принялъ мѣръ къ устраненію этой опасности. Осмѣливаюсь уповать, что при ходатайствѣ Вашего Превосходительства, Государь Императоръ милостиво воззритъ на его вѣрноподданнаго, осмѣлившагося преступить Его Высочайшее повелѣніе при упомянутыхъ обстоятельствахъ».

Оставивъ Орлова въ Петровскомъ и давъ ему надлежащія инструкціи, Невельской поѣхалъ въ Иркутскъ, но не заставъ тамъ Муравьева, отправился въ Петербургъ. Его донесеніе генералъ-губернаторомъ было уже получено въ Петербургѣ и по Высочайшему повелѣнію передано на разсмотрѣніе комитета подъ

предсѣдательствомъ враждебнаго Невельскому Нессельроде. Но и друзья его: Меньшиковъ, Перовскій и Муравьевъ состояли членами этого комитета.

Муравьевъ, въ благородномъ порывѣ, объявилъ комитету, что всѣ поступки Невельскаго были согласны съ его представленіемъ и мнѣніемъ. Муравьева поддерживали Меньшиковъ и Перовскій. Они находили, что Николаевскій постъ нужно укрѣпить, а въ Татарскомъ проливѣ имѣть постоянно военное судно. Но остальные члены комитета съ предсѣдателемъ во главѣ были совсѣмъ иного мнѣнія. Они рѣшили Николаевскій постъ снять, а Невельскаго за неслыханную дерзость и противленіе Высочайшей волѣ подвергнуть разжалованію.

Призванный въ комитетъ, Невельской выслушалъ это рѣшеніе съ отчаяніемъ въ душѣ. Не о личной судьбѣ своей сокрушался онъ, но о дорогомъ ему дѣлѣ, которое гибло съ нимъ вмѣстѣ. Всѣ возраженія его ни къ чему не повели. Ему отвѣчали, что если всѣ капитаны будутъ такимъ образомъ своевольничать, хотя бы и для блага Россіи, то исчезнетъ всякая дисциплина и пошатнется государственный строй. Сильно потрясены были сторонники Невельского: Меньшиковъ, Перовскій и Муравьевъ. Единственная надежда оставалась на справедливость и великодушіе Императора. Великій князь Константинъ Николаевичъ принялъ Невельского въ аудіенціи и обѣщалъ ему заступничество у Своего Августѣйшаго Родителя.

Послѣ нѣсколькихъ дней невыразимыхъ нравственныхъ страданій Невельской получилъ приказаніе предстать передъ царскіе очи. Императоръ Николай*) принялъ капитана въ своемъ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ передъ раскинутой картой Сибири. Онъ окинулъ орлинымъ взглядомъ тщедушнаго моряка, котораго, впрочемъ, онъ зналъ и раньше. Глаза его не выражали гнѣва.

*) Заимствовано изъ книги г-жи Вендъ.

— Такъ-то, Невельской, началъ Императоръ суровымъ голосомъ. Ты организуешь экспедиціи, измѣняешь по своему усмотрѣнію инструкціи, утвержденныя твоимъ Государемъ. Что ты на это скажешь?

Взявъ со стола бумагу и указывая на нее Невельскому, Императоръ продолжалъ:

— А это что? какъ ты думаешь?... Ни болѣе, ни менѣе какъ разжалованіе тебя въ матросы.

Невельской молчалъ. Императоръ сталъ медленно водить по картѣ пальцемъ по пути, пройденномъ «Байкаломъ».

— Матросомъ, да. Но вотъ здѣсь ты ужь мичманъ, тамъ — лейтенантъ, тутъ — капитанъ I ранга, здѣсь контръ-ад.... (Его палецъ стоялъ на Николаевскѣ). Нѣтъ, подождемъ еще; надо наказать тебя за непослушаніе».

И вставъ съ мѣста, Государь разорвалъ актъ о разжалованіи, подошелъ къ столику, взялъ заранѣе приготовленный крестъ Св. Владиміра, поцѣловалъ Невельскаго и вдѣлъ ему крестъ въ петлицу.

— Спасибо, Невельской, за твой патріотическій поступокъ, но впередъ будь осторожнѣе; старайся не превышать данныхъ тебѣ полномочій.

Невельской вышелъ отъ Государя глубоко растроганный. Онъ былъ спасенъ, и дѣло его не погибло.

На слѣдующій день Муравьевъ вызвалъ Геннадія Ивановича и съ сіяющимъ лицемъ сообщилъ, что Императоръ почтилъ его аудіенціей, подробно разспрашивалъ о Приамурскомъ краѣ и затѣмъ изволилъ сказать, что онъ находитъ поступокъ Невельского молодецкимъ, благороднымъ и патріотическимъ. Онъ повелѣлъ собраться комитету вновь подъ предсѣдательствомъ Цесаревича, прибавивъ: «Гдѣ разъ поднятъ русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ».

Вслѣдствіе рѣшенія рыцаря чести, Государя Николая Павловича, комитетъ постановилъ: Николаевскій постъ оставить въ видѣ

лавки россійско-америк. компаніи, никакихъ дальнѣйшихъ распространеній въ этой странѣ не предпринимать, никакихъ мѣстъ не занимать, а иностранцамъ, которые вздумали бы занять какой либо пунктъ около устья Амура объявлять, что безъ согласія русскаго и китайскаго правительствъ никакія произвольныя распоряженія въ этихъ мѣстахъ не могутъ быть допускаемы. Для наблюденія за этимъ пунктомъ назначить Невельскаго съ соотвѣтствующимъ числомъ офицеровъ и команды. Миссію назвать Амурскою экспедиціею.

Это постановленіе, подписанное Государемъ 12 февраля 1851 г., Невельской получилъ уже въ Иркутскѣ. Средства, назначенныя казною на содержаніе экспедиціи были очень не велики, вѣроятно въ тѣхъ видахъ, чтобы связать руки слишкомъ предпріимчивому моряку. Но непоколебимую энергію Невельского не могли сломить никакія препятствія. Онъ грудью своею отстаивалъ дѣло, которое считалъ правымъ.

V.

Въ Иркутскѣ совершилось событіе, озарившее яркимъ свѣтомъ полную труда и лишеній жизнь Геннадія Ивановича. Онъ женился на племянницѣ гражданскаго губернатора, Екатеринѣ Ивановнѣ Ельчаниновой. Иркутское общество того времени отличалось своимъ составомъ. Администрація состояла изъ людей, выдающихся по уму и нравственнымъ качествамъ. Особенный блескъ обществу придавали декабристы, уже отбывшіе годы ссылки и ихъ жены. Слава о подвигахъ Невельского прогремѣла по всей Сибири; въ глазахъ сибиряковъ онъ былъ героемъ, достойнымъ неувядаемой славы. Общіе восторги раздѣляла и юная Катенька, два года тому назадъ вышедшая изъ Смольнаго. Ге-

рой явился и она не только съ радостью отдала ему руку и сердце, но объявила, что непремѣнно послѣдуетъ за нимъ въ Петровское. Какъ ни отговаривали ее родственники и самъ женихъ, не скрывавшій отъ нея испытаній, которыя ей придется перенести, забравшись въ край, гдѣ не ступала нога цивилизованнаго человѣка, дѣвушка осталась непреклонной.

Едва ли въ цивилизованномъ обществѣ видали такое приданое, какое готовилось для дѣвицы Ельчаниновой: солидное бѣлье, теплыя платья, нѣсколько амазонокъ мѣховыхъ и простыхъ, мужское платье на тотъ случай, когда придется ѣхать по горамъ и тундрамъ, верхомъ; мѣховыя малицы, бахилы, маски отъ комаровъ и мошекъ, словомъ—имущество полуцивилизованнаго, полудикаго человѣка. Одинъ видъ этихъ вещей, напоминавшихъ объ опасностяхъ и лишеніяхъ, приводилъ въ ужасъ. Но 19-тилѣтняя Катенька ни мало не унывала и глядя на свои неуклюжія малицы и бахилы звонко смѣялась.

16-го апрѣля 1851 г. отпразднована была свадьба, а три недѣли спустя молодые уѣхали.

Три мѣсяца длилось путешествіе отъ Иркутска до Петровскаго. Съ геройскимъ самопожертвованіемъ и безъ малѣйшаго ропота вынесла Екатерина Ивановна тысячеверстный переѣздъ верхомъ по болотамъ и дикимъ горнымъ тайгамъ и ледникамъ Охотскаго тракта, то двигаясь по узкимъ карнизамъ горъ надъ пропастями, то переѣзжая эти пропасти по утлому мосту изъ хвороста съ зіяющими дырами, или переправляясь вплавь черезъ быстрыя и широкія рѣки съ холодною ледяною водою. Чтобы молодой женщинѣ удобнѣе было сидѣть, ей устроили сѣдло вродѣ кресла со спинкой и съ дощечкой вмѣсто стремени; а для отдыха отъ верховой ѣзды по мѣстамъ болѣе ровнымъ, она ложилась въ гамакъ изъ парусины, укрѣпленный между двумя лошадьми.

«Право совсѣмъ не дурно лежать въ моей люлькѣ, писала она своимъ родственникамъ; даже мужъ мой иногда ею поль-

зуется, чтобы выспаться. Кабы вы знали, какъ онъ обо мнѣ заботится и бережетъ меня! Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе привязываюсь къ спутнику, дарованному мнѣ Богомъ, къ моему чудному благородному мужу».

Екатерина Ивановна съ интересомъ всматривалась въ инородцевъ, съ которыми встрѣчалась по дорогѣ; входила въ юрты, одѣляла взрослыхъ хлѣбомъ, дѣтей — гостинцами. Въ одномъ якутскомъ селеніи она попала въ юрту, гдѣ вся семья поражена была проказою. Нерѣдко, на привалахъ, инородцы, чтобы потѣшить молодую барыню, плясали и пѣли. Не смотря, однакоже, на бодрость духа и необыкновенную выносливость, Е. И. такъ расхворалась, что за десять верстъ, не доѣзжая Охотска, ее должны были нести на носилкахъ. Въ темную ночь это печальное шествіе вступило въ Охотскъ, гдѣ едва достали доктора, чтобы помочь больной, которая, казалось, умирала.

Письмо, писанное Е. И. родственникамъ изъ Охотска, всего лучше обрисовываетъ ея рѣдкія душевныя свойства.

«Мой мужъ очень занятъ, писала она. Онъ комплектуетъ команду для Петровскаго. Мужъ хочетъ имѣть мужественныхъ, благонадежныхъ людей и притомъ опытныхъ; соединить все это дѣло не легкое. Мужъ долженъ все предусмотрѣть, все обдумать. Онъ самъ выбираетъ орудія, инструменты, различные матеріалы, все провѣряетъ и просматриваетъ; отвѣтственность его громадная. Онъ сильно озабоченъ; потерялъ сонъ и аппетитъ. Никто не ошибся насчетъ Невельского, друзья мои. Это человѣкъ обширнаго ума, благороднаго характера, несокрушимой воли. Я съ гордостью ношу его имя. Еслибы вы знали, въ какомъ онъ былъ отчаяніи во время моей болѣзни. Этотъ желѣзный человѣкъ плакалъ какъ ребенокъ. Онъ горько раскаявался, что не оставилъ меня на ваше попеченіе. Я наконецъ разсердилась и сказала, что онъ бредитъ. Чтобы я, съ первыхъ же дней супружества, пренебрегла своими святыми обязанностями и отпустила его одного,

моего неустрашимаго героя, совершать его великій подвигъ среди неисчислимыхъ опасностей и лишеній, а сама сидѣла бы въ холѣ и нѣгѣ... Фу, какая мерзость! А потомъ когда онъ, путемъ сверхъестественныхъ усилій, создалъ бы себѣ спокойное и обезпеченное положеніе, я бы явилась раздѣлить его лавры, не испивъ съ нимъ вмѣстѣ чаши страданій. О нѣтъ, нѣтъ; на такой низкій и жестокій поступокъ я не способна. Напротивъ, я стремлюсь доказать ему, что я такъ боготворю его, такъ высоко цѣню его нравственную личность, что съ блаженствомъ раздѣляю тяготы его и счастлива, если хоть немного могу усладить его тяжкую трудовую жизнь».

Прибывъ въ Аянъ, Невельской узналъ, что транспортъ «Охотскъ», ожидавшійся изъ Петровскаго не пришелъ, вслѣдствіе чего распространился слухъ, что команда въ Петровскомъ перебита туземцами. Чувствуя себя отвѣтственнымъ за жизнь этихъ людей, Невельской сильно встревожился.

— О, если это такъ, говорилъ онъ, я отмщу за русскую кровь. Эта земля должна быть русскою и будетъ! прибавилъ онъ, топнувъ ногою. Онъ былъ блѣденъ отъ волненія и глаза его горѣли.

Тотчасъ же Геннадій Ивановичъ отправился въ Петровское на транспортѣ «Байкалъ», а для усиленія средствъ взялъ съ собой пришедшій незадолго передъ тѣмъ компанейскій баркъ «Шелеховъ». Такъ какъ на «Шелеховѣ» каюты были удобнѣе, Невельской съ женою перешелъ туда.

Подходя къ заливу «Счастія», «Шелеховъ» по причинѣ внезапно обнаружившейся течи, сталъ погружаться въ воду. По счастію вѣтеръ, дувшій къ берегу, далъ возможность направить его на мель и спасти людей отъ потопленія. Въ тоже время сѣлъ на мель и «Байкалъ». Выстрѣловъ въ Петровскомъ не было слышно. Это обстоятельство и толпа дикарей, собравшихся на ближайшей кошкѣ, подтверждали, повидимому, зловѣщіе слухи.

Потомъ оказалось, что суда, за туманомъ, верстъ на 25 обошли Петровское и застряли въ лиманѣ Амура.

Въ критическія минуты, когда Шелеховъ, лежа на банкѣ, заливался волнами, Екатерина Ивановна не потеряла присутствія духа. Она горячо помолилась, потомъ одѣлась въ теплое платье, собрала деньги, бумаги и все это завязала въ узелъ. Увидавъ на столѣ мужа хронометръ, она взяла и его. На минуту сбѣжавъ къ женѣ, Невельской сообщилъ ей, что судно сидитъ на банкѣ и, что есть надежда спасти людей.

Каюта начала наполняться водою и Е. И. со своимъ узелкомъ вышла на палубу. Здѣсь уже собрались семейства пяти матросовъ, взятыя изъ Охотска и вся команда. Всѣ усердно работали у помпъ, даже женщины и подростки. Старики и ребята слонялись какъ потерянные и голосили. Вода начала уже заливать палубу. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ждали развязки. Стоило перемѣниться вѣтру, и баркъ неминуемо долженъ былъ погибнуть. Екатерина Ивановна ходила отъ одного къ другому и успокоивала.

— Не бойтесь, говорила она. Мужъ сказалъ, что опасность миновала, что мы всѣ спасемся.

Спустили шлюпки. Офицеры стали просить Ек. Ив. съѣхать на «Байкалъ».

— Мужъ мой говорилъ мнѣ, сказала она, что при подобномъ несчастіи командиръ и офицеры съѣзжаютъ съ корабля послѣдними. Я съѣду тогда, когда здѣсь не останется ни одной женщины, ни одного ребенка.

Такъ она и поступила.

Между тѣмъ вѣтеръ стихъ и туманъ разсѣялсяся. Гиляки, собравшись на кошкѣ, помогли русскимъ выйти на берегъ и дали знать въ Петровское, откуда прислали двѣ шлюпки. «Байкалъ» съ прибылою водою снялся самъ и всѣ благополучно прибыли въ Петровское. Слухи, распространенные въ Аянѣ, оказа-

лись ложными. Орловъ успѣлъ уже немного обстроиться, но дальнѣйшія работы долженъ былъ остановить, такъ какъ гиляки на мысѣ Куегда не дали ему рубить лѣса, стращая огромными военными силами, которыя будто-бы придутъ изъ пограничнаго китайскаго города Сенъ-Зина и перебьютъ русскихъ. Помимо этого столкновенія, гиляки вели себя очень смирно и сношенія съ ними были дружественны.

Въ Охотскѣ Ек. Ив. купила хорошую мебель, оставленную какимъ то иностраннымъ судномъ много лѣтъ тому назадъ. Съ гибелью «Шелехова» погибла и мебель. Со слезами на глазахъ смотрѣла молодая женщина съ палубы «Байкала» какъ ныряли по волнамъ ея диваны, кресла и проч. Великій князь Константинъ Николаевичъ, узнавъ, что за Невельскимъ послѣдовала молодая жена, прислалъ ей изящную меблировку каютъ-компаніи со своей яхты вмѣстѣ съ піанино. Но и этой мебели не суждено было достигнуть назначенія. Корабль, везшій ее, потонулъ со всѣмъ грузомъ.

Съ Невельскимъ въ Петровское прибыли: лейтенантъ Бошнякъ, штурманскій прапорщикъ Воронинъ, докторъ Орловъ, топографъ Штегеръ, 30 чел. матросовъ и казаковъ, изъ которыхъ пять—семейныхъ, и прикащикъ россійско-америк. компаніи Березинъ. Позднѣе поступилъ съ корвета «Оливуца»—Чихачевъ.

Распорядившись разгрузкою «Шелехова», Невельской съ Бошнякомъ, Березинымъ и вооруженною командою отправился въ Николаевскъ. Собравъ гиляковъ, онъ объявилъ имъ, чтобъ они манчжуровъ не слушали, а тѣхъ, которые будутъ смущать ихъ, доставляли въ Николаевскъ, гдѣ они будутъ примѣрно наказаны; что вся эта страна русская и что кромѣ русскихъ здѣсь никто распоряжаться не можетъ. Затѣмъ онъ приказалъ рубить лѣсъ и гиляки усердно помогали.

Оставивъ Бошняка начальникомъ Николаевскаго поста и давъ ему надлежащія инструкціи, Невельской вернулся въ Пет-

ровское. Построекъ въ Петровскомъ было мало и всѣмъ пришлось потѣсниться. Невельскіе и Орловы занимали одинъ домъ въ три конурки и имѣли общую кухню. Команда размѣстилась въ палаткахъ и въ банѣ. Петровское стало совсѣмъ похоже на лагерь, особенно когда зажгли костры для варки солдатской пищи.

Екатерина Ивановна взяла на себя обязанность завѣдывать офицерскимъ столомъ, что было далеко не легкимъ дѣломъ въ мѣстности, гдѣ кромѣ рыбы ничего нельзя было достать. Комнату свою она украсила, чѣмъ могла: коврами, бездѣлушками и сдѣлала изъ нея уютный уголокъ.

VI.

Геннадій Ивановичъ не переставалъ лелѣять планъ окончательнаго занятія Амура и отъ времени до времени снаряжалъ маленькія экспедиціи, въ которыхъ часто принималъ участіе и самъ. Такимъ образомъ его офицеры изслѣдовали большой притокъ Амура, Амгунь, впадающій въ Амуръ у Николаевска. Они собрали много свѣдѣній о другихъ притокахъ, вытекающихъ изъ Хинганскаго хребта.

Къ половинѣ октября поспѣлъ въ Петровскомъ для командира домъ. Само собою разумѣется, что домъ построенъ былъ изъ сырого лѣса. Печей дѣлать никто не умѣлъ; ихъ замѣняли чувалы, сбитые изъ глины, или изъ необожженнаго кирпича съ прямой трубой. Жить въ такихъ хоромахъ было далеко не комфортабельно. Во время метелей, случавшихся нерѣдко, всѣ строенія заносило снѣгомъ, такъ что попадать въ нихъ можно было не иначе, какъ черезъ чердакъ. Много стоило труда,

чтобъ отгрести снѣгъ отъ оконъ и дверей*). Ближайшій населенный пунктъ, Аянъ, находился за 1000 верстъ. Тунгузы верхомъ на оленяхъ, добирались туда недѣль въ пять, или шесть.

Если ко всему этому прибавить, что кругомъ было разбросано дикое населеніе, у котораго ножъ и физическая сила составляли единственное право, то окажется, что горсточка русскихъ піонеровъ обладала геройствомъ поистинѣ достойнымъ благоговѣйнаго удивленія.

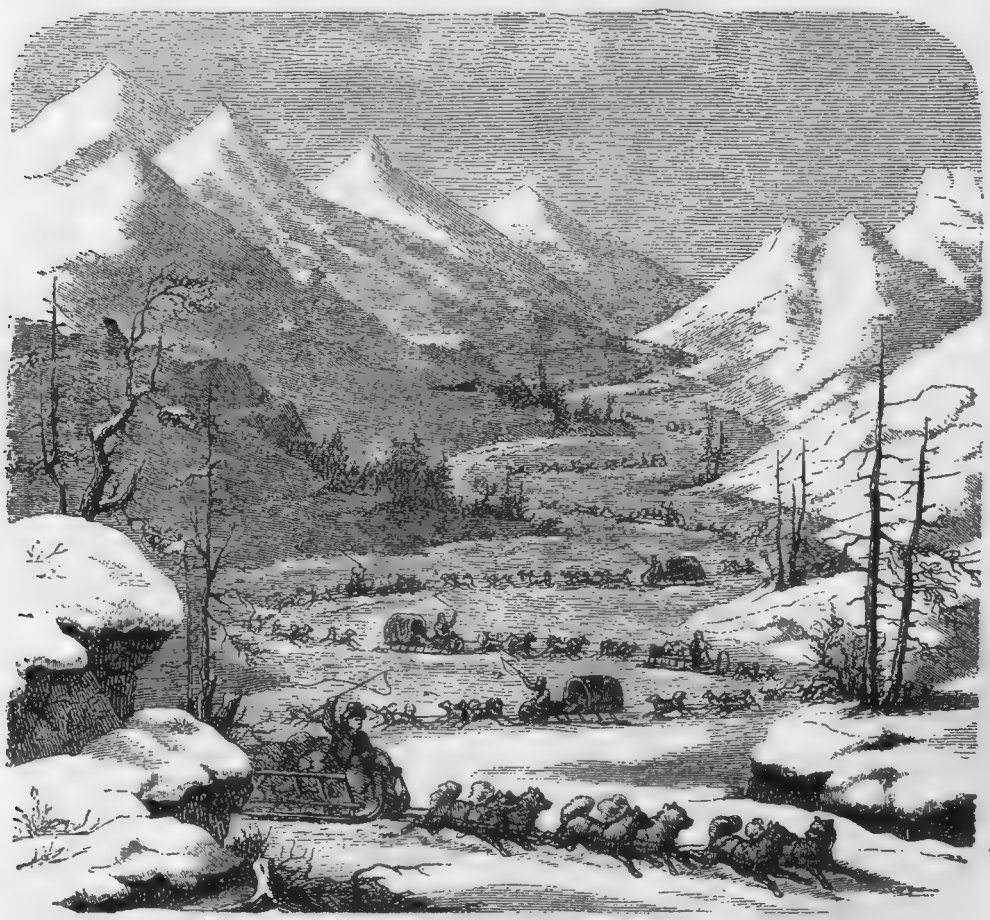
Тонъ общаго настроенія давался командиромъ, благородное увлеченіе котораго увлекало и другихъ. Невельской былъ однимъ изъ такихъ начальниковъ, которые создаютъ школу. Онъ умѣлъ заставить своихъ подчиненныхъ вникнуть въ суть дѣла, и нетолько исполнять, но и угадывать. Онъ былъ строгъ съ подчиненными, но въ тоже время простъ и задушевенъ. Онъ не напускалъ на себя таинственности, всякое дѣло обсуждалъ съ подчиненными, какъ съ товарищами, и никто не боялся говорить ему правды, хотя бы она была и непріятна. Молодая его жена много придавала бодрости офицерамъ и командѣ. Всегда веселая и привѣтливая, она благотворно дѣйствовала на ихъ расположеніе духа; и глядя на ея твердость и выносливость, они легче мирились съ различными невзгодами и лишеніями. Главнымъ и единственнымъ развлеченіемъ общества въ Петровскомъ было катанье, лѣтомъ, на гиляцкихъ лодкахъ, а зимою — на собакахъ. Для подобной прогулки всѣ съ ногъ до головы закутывались въ мѣха, такъ какъ всякая другая одежда была бы неудобна для такого дикаго препровожденія времени.

---

*) Низменная песчаная кошка, на которой находилось Петровское, неоднократно подвергалась наводненіямъ. Разъ зимою вода подступила почти подъ самыя строенія и затопила единственный колодезь съ прѣсною водою, такъ что всѣ жившіе въ Петровскомъ должны были замѣнять воду снѣгомъ. Послѣ переселенія всѣхъ въ Николаевскъ, зимою, вода поднялась до такой высоты, что затопила всю кошку, влилась въ пустые дома и замерзла тамъ толстымъ слоемъ.

По праздникамъ Геннадій Ивановичъ собиралъ команду и читалъ Евангеліе. При этомъ позволено было присутствовать и гилякамъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на нихъ настоящее богослуженіе, которое стало совершаться позднѣе, по пріѣздѣ священника Веніаминова.

Гиляки, также какъ и другіе инородцы, сперва недруже-



Караванъ, везомый собаками.

любно относившіеся къ русскимъ, скоро съ ними примирились. Въ особенности подѣйствовала на нихъ экзекуція надъ нѣсколькими, притѣснявшими ихъ, торгашами-манчжурами. Если случалось кому нибудь изъ солдатъ обидѣть инородца, виновный подвергался строгому наказанію, что тоже было извѣстно инородцамъ. Главная же заслуга русскихъ состояла въ томъ, что они

не касались обычаевъ туземцевъ, что для послѣднихъ было особенно цѣнно.

Чаще другихъ инородцевъ посѣщали русскіе посты гиляки. Ласковое обращеніе видимо привлекало ихъ. Въ единственной комнатѣ командирскаго дома, служившей пріемною и гостиной, Екатерина Ивановна усаживала въ кружокъ, на полъ, вокругъ чашки съ кашей, своихъ дикихъ посѣтителей и угощала ихъ. Дикари трепали ее по плечу и просили, кто табачку, кто чаю.

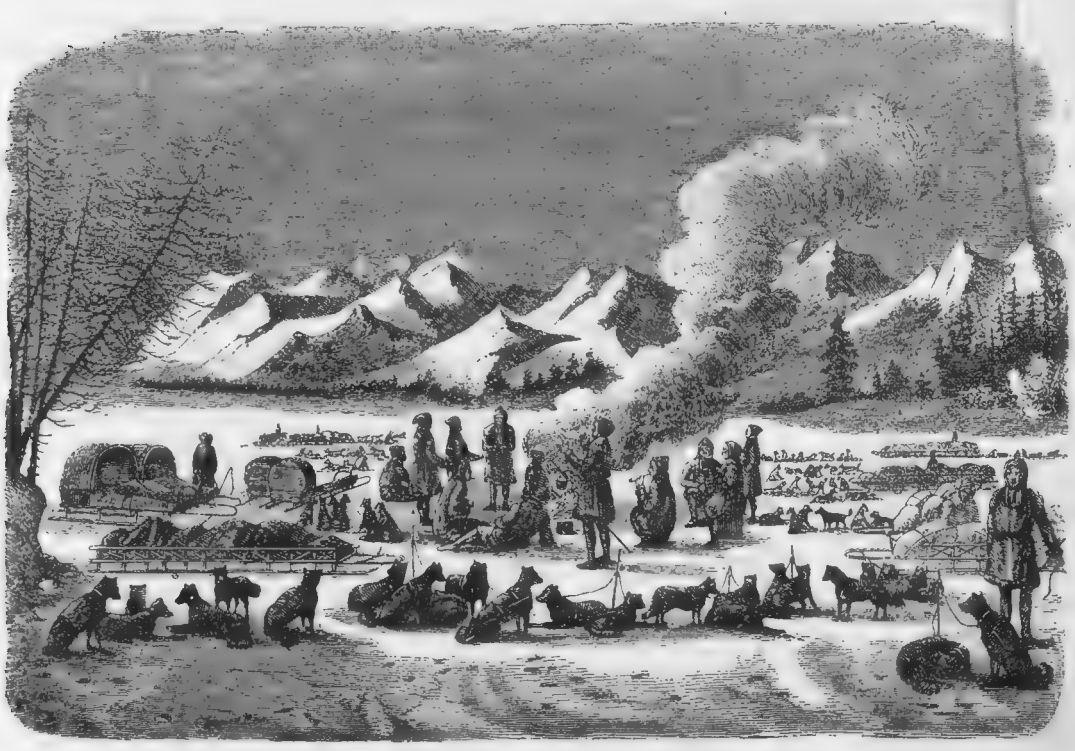
Несмотря на то, что это общество никогда не мывшихся дикарей, одѣтыхъ въ собачьи шкуры, пропитанныя нерпячьимъ жиромъ, было очень тягостно, Екатерина Ивановна переносила терпѣливо какъ посѣтителей, такъ и послѣдствія, т. е. грязь и вонь, которыя они оставляли послѣ себя. Она понимала, что это единственное средство сблизиться съ инородцами и получить свѣдѣнія о той странѣ, въ которой приходилось дѣйствовать. Радушный пріемъ развязывалъ гостямъ языки и они сообщали много интереснаго о природѣ страны и объ обычаяхъ ея обитателей *).

Весьма естественно, что подобныя свѣдѣнія были далеко неудовлетворительны; напр., при вопросѣ о разстояніи между пунктами, гилякъ чертилъ на полу мѣломъ или углемъ палки, означавшія число ночей, которыя истекутъ до прибытія въ означенное мѣсто. Тѣмъ не менѣе, подобныя свѣдѣнія давали нѣкоторое понятіе о пространствахъ невѣдомаго края, о затрудненіяхъ и опасностяхъ, которыя могутъ встрѣтиться при изслѣдованіи иныхъ мѣстъ и о средствахъ къ устраненію ихъ.

Екатерина Ивановна много возилась съ гиляками. Ей удалось побѣдить ихъ вѣковой предразсудокъ и научить воздѣлывать землю. По понятіямъ гиляковъ, копать землю страшный грѣхъ, который долженъ повести за собою непремѣнно смерть. Они съ ужа-

*) О гилякахъ и другихъ амурскихъ инородцахъ подробно въ путешествіи Пржевальскаго Лялиной, изданіе Девріена.

сомъ смотрѣли какъ Екатерина Ивановна вскапывала землю и дѣлала грядки. Они ежеминутно ждали, что она упадетъ мертвая. А она преспокойно окончила грядки и посадила картофель. Когда картофель поспѣлъ, она пригласила тѣхъ же гиляковъ, вырыла картофель при нихъ, испекла его и скушала. Примѣру ея послѣдовали три гиляка, состоявшіе въ услуженіи у русскихъ.



Привалъ каравана.

Присутствовавшіе поломались, покричали; потомъ одинъ рѣшился попробовать, за нимъ другой, и культура картофеля привилась у гиляковъ.

Одинъ гилякъ, по имени Накованъ, привезъ въ Петровское свою жену Сакони и попросилъ подержать ее, такъ какъ сосѣдніе гиляки ее обижаютъ. Екатерина Ивановна взяла Сакони подъ свое покровительство. Преодолѣвъ брезгливость, она вымыла и расчесала ея грязные спутанные волосы, одѣла ее въ сарафанъ и бѣлую рубашку. Сакони не могла достаточно на себя налюбо-

ваться и принялась мыться и чесаться каждый день. Послѣ этого гиляки часто стали являться въ Петровское съ просьбою, чтобъ ихъ вымыли и одѣли. Надобно было видѣть, съ какимъ усердіемъ матросскія жены, поставивъ гилячекъ у залива, терли и отмывали наросшую на ихъ лицахъ кору. Зато преображенныя красавицы не могли достаточно насмотрѣться на себя въ подаренное имъ зеркальце.

Научившись по-гиляцки, Екатерина Ивановна принялась вести въ дикарями нравственныя бесѣды. Она говорила имъ о Богѣ, о любви къ ближнему и незамѣтно подготовляла ихъ къ воспринятію ученія Евангельскаго. Часто присутствуя при молитвѣ русскихъ, многіе инородцы стали просить, чтобы ихъ крестили. Пользуясь предоставленнымъ нашей церковью каждому христіанину правомъ, за отсутствіемъ священника, окрестить желающаго, его купали въ чанѣ, или въ заливѣ, надѣвали крестъ, рубаху и дарили платокъ. Кто нибудь изъ офицеровъ бывалъ воспріемникомъ. Одинъ окрещенный гилякъ, желая получить вторично рубашку и платокъ, явился, чтобъ его снова окрестили, въ надеждѣ, что его не узнаютъ. Но его узнали и угостили березовой кашей. Послѣ этого гилякъ говорилъ, что онъ крѣпко крещенъ. На крещеныхъ инородцевъ матросы и солдаты смотрѣли совсѣмъ иначе; а некрещеныхъ называли собаками и не рѣдко приходилось ихъ наказывать за грубое обращеніе съ дикарями.

Къ ноябрю мѣсяцу всѣ команды въ Петровскомъ и Николаевскомъ были размѣщены на зиму. Съ тунгусами заключили условіе, чтобы они два раза въ зиму, верхомъ на оленяхъ, доставляли почту въ Аянъ и обратно. Лѣтомъ почта доставлялась на судахъ, что случалось не болѣе 2—3 разъ въ лѣто. Такимъ образомъ экспедиція сообщалась съ остальнымъ міромъ не болѣе 4—5 разъ въ годъ.

Въ какой степени была надежна зимняя почта, показываетъ слѣдующее обстоятельство: весьма нерѣдко тунгусъ, отправив-

шись съ почтою, возвращался черезъ двѣ, или три недѣли обратно съ объясненіемъ, что онъ мало взялъ съ собою пороху и чаю. Онъ вѣшалъ сумку съ почтою на дерево и просилъ, чтобы пополнили его запасы. Послѣ этого понятно, что прибытіе тунгуса съ почтою или судна съ моря было для петровцевъ настоящимъ праздникомъ.

Лѣтняя палатка гиляковъ.

Не мало труда стоило пріучитъ инородцевъ къ своевременной доставкѣ почты. По ихъ понятіямъ все равно, когда бы ни доставить «писку», лишь бы она была доставлена.

Не легко также было внѣдрить имъ понятіе о старшинствѣ, начальствѣ и верховномъ правленіи. Понятіе о власти было въ ихъ представленіи нераздѣльно съ физической силой и богатствомъ. Мощная фигура Императора Николая на портретѣ, висѣвшемъ въ пріемной Невельскаго, очень нравилась инородцамъ.

«Ай, пили — пили джангинъ! (сильный богатый купецъ) говорили они, причмокивая.

Надо было глубоко изучить ихъ жизнь и примѣниться къ нимъ, чтобы добиться назначенія изъ ихъ среды старшинъ, черезъ посредство которыхъ русскіе власти могли бы дѣлать распоряженія.

Инородцы живутъ довольно большими селеніями душъ отъ 50—200. Эти селенія состоятъ изъ бревенчатыхъ юртъ, по стѣнамъ которыхъ идутъ широкія глиняныя нары, нагрѣваемыя идущими отъ очага трубами. Посреди юрты, между 4-мя столбами, находится возвышеніе, на которомъ спятъ собаки. Въ большей части юртъ тутъ же находится привязанный къ столбу медвѣженокъ, или медвѣдь, съ которымъ инородцы забавляются. Вообще медвѣдь у инородцевъ въ большомъ почетѣ. Если удается кому нибудь убить такого звѣря въ лѣсу, то онъ посылаетъ гонца возвѣстить объ этомъ событіи и все селеніе идетъ встрѣчать охотника и его трофей.

Въ такой юртѣ живетъ обыкновенно одно семейство; но и бобыль, не имѣющій своего хозяйства, можетъ въ ней жить, только онъ долженъ работать на хозяина и свято исполнять всѣ обычаи: не выносить изъ юрты огня и спать на указанномъ ему мѣстѣ на нарахъ, непремѣнно головою наружу, а ногами къ стѣнѣ и притомъ въ согнутомъ положеніи. Избави Богъ какого нибудь пришельца, незнакомаго съ обычаями, протянуться. Такое положеніе сочтено было-бы дурнымъ предзнаменованіемъ и пришелецъ вытолканъ на улицу.

Не странно ли было послѣ этого получать изъ Петербурга предписанія о заключеніи съ инородческими старшинами торговыхъ договоровъ и т. п. При этомъ удобномъ случаѣ напоминалось Невельскому, чтобы онъ строжайшимъ образомъ придерживался данныхъ ему инструкцій и не отступалъ отъ нихъ.

Послѣднее было невозможно безъ ущерба для интересовъ

Россіи и Невельской продолжалъ дѣйствовать на свой страхъ. Онъ снаряжалъ частыя экспедиціи подъ командою офицеровъ, или руководилъ ими самъ. Такимъ образомъ разрѣшенъ былъ пограничный и морской вопросъ. Вся страна до Хинганскаго хребта оказалась, какъ и ожидалъ Невельской внѣ китайской зависимости. Открыто было озеро Кизи, близко подходящее къ морю; заливъ Нангмаръ, тотъ самый, который Лаперузъ назвалъ де-Кастри, представлявшій удобную закрытую гавань. На прибрежной скалѣ найдено было высѣченное имя Лаперуза.

Однажды пріѣхалъ въ Петровское съ Сахалина гилякъ, на которомъ Орловъ замѣтилъ пуговицу изъ каменнаго угля. Гилякъ сообщилъ, что такого камня на Сахалинѣ цѣлыя горы. Еще сообщилъ онъ, что на Сахалинѣ жило пятеро русскихъ, поселившихся тамъ гораздо раньше японцевъ, и что послѣдній изъ русскихъ недавно умеръ.

11-го февраля отправился на Сахалинъ лейтенантъ Бошнякъ на собакахъ. Бошнякъ открылъ большія залежи каменнаго угля и удостовѣрилъ тотъ фактъ, что на островѣ дѣйствительно жили русскіе и что они поселились тамъ раньше японцевъ. У одного туземца ему удалось купить разрозненные листки молитвенника и на одномъ изъ нихъ было написано: «Мы, Иванъ, Данила, Петръ, Сергѣй и Василій высажены въ аинскомъ селеніи Тамари-Анива Хвостовымъ 17 Августа 1805 г. Перешли на рѣку Тыми въ 1810 г., когда въ Тамари-Анива пришли японцы».

Экспедиція Бошняка длилась болѣе мѣсяца. Всѣ собаки его околѣли и самъ онъ сильно захворалъ. Провизіи никакой уже не было. Онъ и переводчикъ Позвейнъ питались только сухою юколою и нерпячьимъ жиромъ. На наемныхъ нартахъ, едва живые, дотащились они наконецъ до Николаевска.

Всѣ эти экспедиціи, какъ видитъ читатель, требовали со стороны исполнителей много твердости и выносливости. Приходилось проѣзжать сотни и тысячи верстъ по землямъ, неизвѣ-

даннымъ, съ суровымъ климатомъ, при отсутствіи дорогъ; ѣхать на собакахъ, на оленяхъ, идти пѣшкомъ, увязая въ снѣгу, или ступая по колѣно въ водѣ. При такомъ способѣ передвиженія, брать съ собой много пищевыхъ запасовъ было немыслимо. Приходилось питаться вяленой рыбой, да и ту невсегда можно было достать. При этомъ слѣдовало быть постоянно на сторожѣ, опасаясь враждебности туземцевъ. Случалось, что члены экспедиціи возвращались совсѣмъ больные, и едва оправившись, снова пускались въ путь.

«Одно только убѣжденіе о важномъ значеніи этого края для блага отечества, говоритъ Невельской, одушевляла меня и моихъ сотрудниковъ. Мы всѣ до единаго, какъ бы одна родная семья, несмотря ни на какія опасности и ничтожество средствъ, твердо рѣшились идти къ предположенной цѣли и надѣялись, что съ Божіею помощью мы достигнемъ ее».

Посылая Муравьеву подробное донесеніе о сдѣланныхъ изслѣдованіяхъ, Невельской писалъ:

«Изъ этого ваше превосходительство изволите видѣть всю неосновательность и фальшивость убѣжденій о приамурскомъ, приуссурійскомъ краѣ и островѣ Сахалинѣ, которые, по изложеннымъ даннымъ, должны составлять не китайскую принадлежность, какъ то думаютъ и настаиваютъ въ столицѣ, а русскую.

«Поставленный здѣсь въ такое положеніе, при которомъ вся нравственная отвѣтственность за недостаткомъ самостоятельности пала бы на меня, и соображаясь единственно съ упомянутыми обстоятельствами, несмотря на то, что они не согласны съ данною мнѣ инструкціею и влекутъ за собою строжайшую отвѣтственность, я рѣшился дѣйствовать внѣ повелѣній. Мнѣ предстояло и нынѣ предстоитъ одно изъ двухъ: или, дѣйствуя согласно инструкціямъ, потерять навсегда для Россіи столь важные края или же дѣйствовать самостоятельно, приноравливаясь

къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и несогласно съ данными мнѣ инструкціями. Я избралъ послѣднее».

VII.

Лѣто 1852 г. было посвящено дальнѣйшему изслѣдованію края. Особенно много потрудился Чихачевъ. Онъ началъ свои изслѣдованія еще въ мартѣ и на собакахъ объѣхалъ 715 верстъ.

Путь его былъ сопряженъ съ большими затрудненіями; собаки утомлялись и весьма часто приходилось совершать переходы пѣшкомъ, волоча за собой нарту и буквально по колѣна идти въ водѣ. Провизія вся вышла, такъ что цѣлую недѣлю Чихачевъ питался юколою, ягодами и нерпячьимъ жиромъ. Туземцы вездѣ его ласково принимали. Они уже наслышались про русскихъ и крѣпко упрашивали, чтобы русскіе не уходили отъ нихъ.

Они разсказывали, что на Сунгари появились какіе то странные люди съ иностранныхъ судовъ (миссіонеры), которые разсказываютъ о русскихъ разныя страсти. Они пустили слухъ, что всѣ русскіе товары отравлены и что тотъ, кто надѣнетъ кофту изъ русскаго сукна, изсохнетъ и умретъ. Если же русскій проѣдетъ черезъ деревню, то въ деревнѣ непремѣнно кто нибудь умретъ. Одинъ какой то субъектъ выдавалъ себя за высшее существо, за что и поплатился жизнію.

Изслѣдуя раннею весною татарскій берегъ къ югу, Чихачевъ на своей шлюпкѣ былъ затертъ льдами. Пять дней шлюпка находилась въ заключеніи между льдами, а пловцы, Чихачевъ и переводчикъ Аѳанасій, каждую минуту ожидали гибели. Наконецъ льды загнали шлюпку въ бухточку и пловцы вышли на берегъ. Вытащивъ лодку, они хотѣли, было, подождать благопріятныхъ обстоятельствъ, но провизія почти вся вышла. Тогда рѣ-

шились идти пѣшкомъ, бросивъ лодку. Пройдя довольно много по гористой мѣстности, они, уставшіе и разбитые, вышли на мысокъ и, оглянувшись назадъ, увидали, что ледъ разбило и что можно продолжать плаваніе. Съ большою опасностью, по льду, подъ скалами, около берега, они достигли своей шлюпки и спустили ее на море

Прикащикъ Березинъ, человѣкъ умный и опытный, былъ очень полезенъ для экспедиціи. Разъѣзжая по краю для расторжки съ инородцами, онъ наблюдалъ, разспрашивалъ и собиралъ очень цѣнныя свѣдѣнія. Въ селеніи Кизи Березинъ сильно захворалъ. Туземцы усердно за нимъ ухаживали, прикладывали къ его больной ногѣ какія то травы, давали пить заговоренную воду. Они угощали его просомъ, выучились заваривать чай и варить для него уху изъ окуней и осетровъ, которыхъ тамъ было въ изобиліи. Замѣчательно, что туземцы не захотѣли принять никакого вознагражденія, объясняя, что когда человѣкъ боленъ, то всякій обязанъ ему помогать и, кто возьметъ за это плату, тотъ долженъ сейчасъ же умереть.

Вообще приамурскіе инородцы оказались, за малыми исключеніями, народомъ смирнымъ и уживчивымъ; и даже манчжуры примирились съ русскими и охотно выдавали тѣхъ изъ своихъ земляковъ, которые злословили русскихъ и производили смуты.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ со времени водворенія Невельскаго въ Петровскомъ. Тяжело жилось Екатеринѣ Ивановнѣ, хотя она и старалась бодриться и ободрять другихъ. Помимо всевозможныхъ неудобствъ и лишеній ей приходилось постоянно трепетать за свою жизнь. Когда Невельской, офицеры и часть команды отправлялись въ экспедицію, Петровское пустѣло. Слухи о намѣреніи манчжуровъ перерѣзать русскихъ разрастались до чудовищныхъ размѣровъ. Дрожа отъ холода и страха, Екатерина Ивановна не спала ночей, прислушиваясь къ малѣйшему шороху. То казалось ей, что подкрадывается манчжуръ, чтобъ

Въ пути на собакахъ.

зарѣзать ее; то представлялось, что несутъ ея мужа убитаго, или погибшаго въ снѣгу.

Не легко было и сильному духомъ Геннадію Ивановичу. Помимо физическихъ трудовъ и лишеній, на немъ лежала нравственная отвѣтственность за ввѣренныхъ ему людей. Содержанія, отпускаемаго экспедиціи, было далеко недостаточно. Предвидя скорое истощеніе запасовъ, Невельской писалъ Кашеварову, сносился съ правленіемъ россійско-американской компаніи, но изъ этихъ сношеній ничего не вышло. Губернаторъ ссылался на правленіе, правленіе отвѣчало, что включая гибель «Шелехова», который оно оцѣнило въ 36.000 руб., всѣ ассигнованные правительствомъ на продовольствованіе экспедиціи деньги уже истрачены.

Такая высокая оцѣнка погибшаго судна была возмутительнымъ дѣломъ. Комиссія, свидѣтельствовавшая «Шелехова» послѣ его крушенія, удостовѣрила, что баркъ былъ такъ дурно построенъ, что при первомъ штормѣ въ океанѣ долженъ былъ неминуемо погибнуть.

12-го іюля пришелъ на петровскій рейдъ корветъ «Оливуцца». Это было первое военное судно, посѣтившее Петровское. На немъ находились мичмана Петровъ и Разградскій. Надежды на продовольствіе не оправдались; корветъ «Оливуцца» не привезъ ничего.

Между тѣмъ продовольствія хватало только до 1-го октября; сахара и чая до 1-го августа, а бѣлой муки совсѣмъ не было. Невельской убѣдился, что если не начнетъ дѣйствовать энергично, имъ всѣмъ угрожаетъ голодная смерть. Поэтому онъ предписалъ командиру «Оливуцца», оставивъ Разградскаго и Петрова въ экспедиціи, немедленно слѣдовать въ Аянъ и привезти продовольствія.

28-го іюля «Оливуцца» возвратился въ Петровское и привезъ небольшое количество запасовъ, а остальное долженъ былъ доставить осенью ботъ «Кадьякъ».

Корветъ тотчасъ же отправился обратно въ Аянъ, и на немъ ушелъ Чихачевъ, которому поручено было устроить дальнѣйшее снабженіе постовъ провіантомъ, и затѣмъ ѣхать въ Иркутскъ съ личнымъ донесеніемъ генералъ-губернатору.

Остальные офицеры получили различныя командировки. Не имѣя подкрѣпленія ни командою, ни судами, Невельской, въ эту навигацію, долженъ былъ ограничиться весьма малымъ райономъ изслѣдованій. Онъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду занять мѣста, которыя могли бы служить опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. При этомъ не упускалось изъ виду закрѣпленія добрыхъ отношеній съ туземцами. Съ ними ласково обходились, за всякую услугу платили, обѣщали защиту и покровительство.

Положеніе экспедиціи къ осени 1852 г. было таково:

Въ Николаевскомъ команды всего	25 чел.
Въ Петровскомъ.	23 »
Въ командировкахъ съ офицерами	16 »
Всего	64 чел.

При нихъ: 3 пушки, 2 пуда пороха, $2^1/_2$ п. свинца и 60 кремневыхъ ружей. Затѣмъ палубный ботикъ, 6-тивесельный баркасъ, вельботъ, четверка, 2 гиляцкихъ лодки и одна байдарка.

«Таковы были наши средства, говоритъ Невельской, къ защитѣ, передвиженію и дѣйствію въ краѣ, гдѣ мы были окружены дикарями, въ нѣсколько сотъ разъ превышающими насъ численностью; дикарями, способными возстать противъ насъ при первомъ сколько нибудь смѣломъ подстрекательствѣ, или при первомъ нашемъ ошибочномъ, либо трусливомъ шагѣ. Съ другой стороны болѣе 2-хъ милліоновъ манчжуровъ, могли выслать противъ насъ такую силу, что отъ насъ и слѣда бы не осталось.

«При такомъ то положеніи намъ приходилось дѣйствовать и

подвергаться отвѣтственности, которой не рѣшился взять на себя даже генералъ-губернаторъ. Если бы еще при этомъ случилось намъ потерять часть команды, или возбудить непріятныя столкновенія, то не трудно себѣ представить, какъ жестоко поплатились бы мы за наши смѣлые подвиги. Къ тому же мы не только не были обезпечены матеріально, но и лишены единственной отрады для души, храма Божія. Намъ отказали даже въ священникѣ».

Такимъ образомъ небольшая группа героевъ, заброшенныхъ въ пустынный край, была всѣми покинута и забыта.

Легко себѣ представить, что они чувствовали. Все-же таки они имѣли дѣло, воодушевлялись идеей, которой служили. Но каково было Екатеринѣ Ивановнѣ, лишенной общества, переносившей всѣ трудности и лишенія и, вдобавокъ, имѣвшей грудного ребенка, которому угрожала голодная смерть. Екатерина Ивановна сама кормить не могла, а кормилицъ не было.

Въ сентябрѣ прибылъ съ казеннымъ провіантомъ ботъ «Кадьякъ» и по ненадежному состоянію своему остался зимовать. Слѣдовательно, прибавились еще лишніе рты.

Вслѣдъ за ботомъ пришелъ компанейскій корабль, съ которымъ Кашеваровъ прислалъ еще немного запасовъ.

Но всего этого было слишкомъ недостаточно. Пришлось ограничивать порціи, вслѣдствіе чего въ командѣ появился скорбутъ и трое умерло. Несмотря на это, духъ въ командѣ и, въ особенности, въ офицерствѣ не ослабѣвалъ. Всѣ надѣялись, что послѣ добытыхъ результатовъ правительство дастъ наконецъ экспедиціи средства для достиженія цѣли.

Докторъ Орловъ усердно ухаживалъ за больными, но что могъ онъ сдѣлать безъ лекарствъ. Ихъ не было и несмотря на требованія Геннадія Ивановича ихъ не присылали. По счастью отношенія съ манчжурами настолько улучшились, что отъ нихъ можно было доставать водку, просо и чай; а тунгусы въ маломъ

количествѣ доставляли оленину, что давало возможность продовольствовать больныхъ свѣжею пищею. Екатерина Ивановна послѣднимъ кускомъ дѣлилась съ больными и дѣтьми.

Втеченіе всей зимы дѣлались изслѣдованія края во всѣхъ направленіяхъ. Наконецъ къ новому 1853 г. было окончательно установлено, что Невельской не ошибся и что весь край отъ Хинганскаго хребта до моря еще по Нерчинскому трактату долженъ принадлежать русскимъ. Между тѣмъ въ столицѣ продолжали держаться прежняго заблужденія и Невельскому, то и дѣло предписывали не выходить изъ опредѣленнаго круга дѣйствій. Ему связывали руки, а онъ рвалъ путы и стремился орлинымъ взмахомъ захватить добычу. Разрѣшивъ вопросъ пограничный, онъ весною намѣревался разрѣшить вопросъ морской, занять селеніе Кизи и заливъ де-Кастри, чтобы окончательно оградить край отъ вторженія иностранцевъ.

«Я очень хорошо понималъ, говоритъ онъ, что подобное распоряженіе съ моей стороны въ высшей степени дерзко и отчаянно, и что оно можетъ повлечь за собою величайшую отвѣтственность. Но въ виду того, что только такими рѣшительными мѣрами представлялась возможность разъяснить правительству важное значеніе края для Россіи, я рѣшился дѣйствовать энергично. Личные расчеты и опасенія я считалъ не только неумѣстными, но прямо преступными. Всѣ мои сотрудники, одушевленные моею рѣшительностью, готовы были дѣйствовать со мною за одно».

Въ мартѣ 1853 г. заняты были де-Кастри и Кизи, и постройки въ нихъ начаты. Къ тому же времени скорбутъ прекратился и больные поправились; новыхъ жертвъ нн было.

Офицеры продолжали дѣлать экскурсіи. Бошнякъ, которому предписано было обслѣдовать сѣверныя окрестности Татарскаго залива, исполнилъ это дѣло блистательно. Онъ былъ первый изъ европейцевъ, изучившій эту мѣстность и открывшій много прекрасныхъ гаваней, тогда какъ по картѣ Крузенштерна отъ за-

лива де-Кастри къ югу никакихъ гаваней не полагается, почему берегъ этотъ считался опаснымъ и недоступнымъ. Относительно жителей подтвердилось тоже, что и въ остальныхъ мѣстахъ; они китайцамъ не были подвластны и никому ясака не платили.

VIII.

Въ маѣ мѣсяцѣ Невельской получилъ отъ Муравьева слѣдующее письмо:

«Въ виду важности результатовъ вашихъ дѣйствій Государь Императоръ, по представленію моему, Высочайше удостоилъ васъ наградить за оныя *), и вмѣстѣ съ тѣмъ утвердилъ штатъ ввѣренной вамъ экспедиціи.

Генералъ-губернаторъ писалъ, между прочимъ, «что Невельскому разрѣшено занять заливъ де-Кастри и селеніе Кизи, что, какъ мы видѣли выше, было уже сдѣлано. По новому штату офицеры и команда должны были получать морское довольствіе, годъ службы считался за два года и пенсія офицерамъ полагалась за пять лѣтъ. Начальникъ экспедиціи получалъ права областнаго начальника; къ нему въ помощники назначался капитанъ-лейтенантъ Бачмановъ, который долженъ былъ прибыть въ скоромъ времени.

Подобное распоряженіе порадовало Невельскаго и офицеровъ какъ доказательство, что ихъ труды признаются, наконецъ, правительствомъ и узаконяются имъ. Между тѣмъ существеннѣйшія требованія командира экспедиціи объ увеличеніи средствъ не были удовлетворены; а съ имѣющимися подъ руками трудно было дѣйствовать. Поблагодаривъ Муравьева за его содѣйствіе,

*) Орденомъ св. Анны 2-ой степени съ короной.

Невельской убѣдительно просилъ о присылкѣ ему судовъ, безъ которыхъ изслѣдованіе амурскаго лимана считалъ невозможнымъ.

11-го апрѣля 1853 г. получилось Высочайшее повелѣніе о занятіи Сахалина и предоставленіи его россійско-американской компаніи. Это распоряженіе было новымъ разочарованіемъ для Геннадія Ивановича. Оно показывало, что правительство все свое

Гиляки.

вниманіе обратило на Сахалинъ. Что же касается прибрежья Татарскаго залива, столь важнаго для интересовъ Россіи, то о немъ умалчивалось.

Муравьевъ писалъ, что на Сахалинъ отправится 100 человѣкъ команды, при соотвѣтственномъ числѣ орудій и при офицерѣ, маіорѣ Буссе. Съ ними же прибудутъ срубы, заготовляемые въ Аянѣ для помѣщенія команды.

Съ Буссе повторилась исторія, хорошо знакомая Невельскому. Изъ столицы давались предписанія, которыя оказывались неудобоисполнимыми на мѣстѣ. Буссе предписано было пользоваться компанейскими судами, а таковыхъ не приходило. Не рѣшаясь воспользоваться казенными судами, маіоръ сидѣлъ у моря и ждалъ погоды. Никакихъ срубовъ въ Аянѣ не дѣлалось. Буссе боялся зазимовать въ Аянѣ, не исполнивъ данныхъ ему порученій, и писалъ отчаянныя письма Невельскому.

Невельской, крайне недовольный нерѣшительностью Буссе и напрасной тратой времени, рѣшилъ не ждать его, а идти на прибывшемъ транспортѣ «Байкалъ» на Сахалинъ, поставить на его западномъ берегу военный постъ, а затѣмъ отправиться на татарскій берегъ и занять Императорскую гавань.

Изслѣдованіе Сахалина и устройство въ немъ поста заняли весь іюль: Въ августѣ Невельской пошелъ въ заливъ де-Кастри, въ селеніе Кизи и построенный тамъ постъ назвалъ Маріинскимъ. Изъ него на байдаркѣ спустился внизъ по Амуру въ Николаевскъ, а оттуда въ Петровское, куда и прибылъ 17-го августа.

Въ Петровскомъ Геннадій Ивановичъ засталъ уже Бачманова съ супругой Елизаветой Осиповной и священника Гавріила Веніаминова *) съ супругой Екатериной Ивановной. Съ прибытіемъ этихъ дамъ составилось для Невельской пріятное женское общество, котораго такъ долго она была лишена.

Сейчасъ же приступлено было къ постройкѣ двухъ флигелей для помѣщенія священника съ походною церковью и Бачманова.

Съ кораблемъ, привезшимъ священника и Бачманова, присланъ былъ пароходикъ, который съ первой же пробы оказался никуда не годнымъ и оставленъ былъ безъ употребленія.

Въ концѣ августа прибылъ въ Петровское компанейскій корабль «Николай» съ десантомъ для Сахалина подъ начальствомъ

*) Сынъ епископа камчатскаго Инокентія, бывшаго потомъ московскимъ митрополитомъ.

Буссе. Маіоръ Буссе разсчитывалъ, сдавъ десантъ Невельскому, тотчасъ же возвратиться въ Аянъ, а оттуда въ Иркутскъ, гдѣ надѣялся весело провести время. Но Невельской доказалъ ему какъ дважды два, что эти надежды неосуществимы. За позднимъ временемъ не было возможности перегружать десантъ, да и перевозить его не на чемъ. Необходимо было тотчасъ же, на томъ же «Николаѣ» идти на Сахалинъ. Затѣмъ Невельской не могъ отпустить ни одного изъ своихъ офицеровъ. Буссе и пріѣхавшій съ нимъ мичманъ Рудановскій обязывались оставаться при сахалинскихъ постахъ. Крѣпко не понравилось это маіору Буссе, но онъ долженъ былъ покориться

Оставивъ въ Петровскомъ Бачманова, Невельской съ Бошнякомъ и пріѣзжими офицерами отправился сперва въ Аянъ за продовольствіемъ, а потомъ въ заливъ Тамари-Анива, на южномъ берегу Сахалина. Въ 8 ч. утра 22-го сентября «Николай» подошелъ къ берегу на пушечный выстрѣлъ. Вооруженный баркасъ съ десантомъ въ 25 человѣкъ, подъ командой Рудановскаго, находился у борта корабля, обращеннаго къ морю. Невельской съ Буссе, Бошнякомъ и переводчикомъ отправился на вооруженной шлюпкѣ на берегъ. Погода была ясная, тихая и теплая. На берегу видны были трое часовыхъ у расположенныхъ вдоль берега сараевъ.

Едва шлюпка приблизилась къ берегу, какъ изъ сараевъ выскочили аины подъ предводительствомъ четырехъ японцевъ, размахивавшихъ саблями, и направились по отмели къ шлюпкѣ.

— Японцы приказываютъ аинамъ не допускать шлюпку пристать къ берегу, объяснилъ переводчикъ.

— Скажи имъ, что мы лоча (русскіе) пришли съ р. Амуръ поселиться у нихъ въ Тамари, чтобъ защищать ихъ отъ иностранцевъ. Мы не сдѣлаемъ имъ никакого зла. Если-же они немедленно не разойдутся, то имъ будетъ худо.

Всѣ аины тотчасъ начали кланяться и махать ивовыми па-

лочками, концы которыхъ были расщеплены въ видѣ метелокъ, что, вообще, у здѣшнихъ инородцевъ служитъ знакомъ дружелюбія и гостепріимства. Затѣмъ и японцы стали кланяться, а аины указывали мѣсто, гдѣ лучше пристать. По знаку командира присталъ барказъ съ десантомъ, и аины начали усердно помогать выгружать орудія. Кораблю сдѣланъ былъ сигналъ приготовиться къ салюту. По установленіи на берегу орудій и флагштока, команда выстроилась во фронтъ на молитву. Помолясь съ колѣнопреклоненіемъ, причемъ японцы и аины сняли шапки, Невельской съ помощью Буссе при крикахъ «ура»! и залпѣ изъ ружей поднялъ русскій военный флагъ. Въ тоже время команда разбѣжалась по вантамъ и реямъ и корабль началъ салютовать русскому флагу. Вся картина, залитая яркими лучами солнца, была красива и внушительна.

По окончаніи церемоніи Буссе и Бошнякъ отправились въ селеніе къ японскимъ старшинамъ, чтобы растолковать имъ миролюбивыя намѣренія русскихъ.

Зданіе, въ которомъ собрались старшины и вліятельныя лица изъ аиновъ, представляло видъ сарая съ окнами, заклеенными бумагой. Половина этого сарая была занята возвышеніемъ, покрытымъ цыновками и разгороженнымъ ширмами на нѣсколько отдѣленій. Трое японцевъ сидѣло на полу передъ маленькимъ низенькимъ столикомъ, а возлѣ нихъ стояла пирамидка съ фитильными ружьями; на стѣнахъ висѣло нѣсколько сабель. По срединѣ сидѣлъ японскій начальникъ; у него было двѣ сабли за поясомъ, а третью держалъ стоявшій за нимъ японецъ. У возвышенія толпою стояло человѣкъ до 50-ти аиновъ.

Войдя въ сарай, русскіе дружески привѣтствовали японцевъ. Тѣ встали и поклонились. Невельской сѣлъ рядомъ съ старшимъ японцемъ, Буссе и Бошнякъ сѣли возлѣ другихъ двухъ. Тотчасъ-же, черезъ переводчика, Геннадій Ивановичъ сталъ говорить о причинѣ водворенія русскихъ на Сахалинѣ.

«Государь Императоръ, говорилъ онъ, освѣдомившись, что прибывающія сюда иностранныя суда дѣлаютъ притѣсненія жителямъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: поставить здѣсь вооруженные посты, чтобъ защитить обывателей и пріѣзжающихъ сюда для торговли японцевъ. Вы можете быть совершенно спо-

Жилище аиновъ.

койны. Ни обычаевъ вашихъ, ни религіи мы не позволимъ себѣ касаться. Живите, какъ жили и вѣруйте, какъ вѣровали».

Японцы, повидимому, не ожидали такого оборота дѣла. Они сразу повеселѣли и просили Невельскаго написать заявленіе, чтобы они могли отправить его своему правительству. Но аины видимо были недовольны. Они надѣялись, что Невельской, подобно Хвостову и Давыдову, позволитъ имъ убивать и грабить японцевъ. Невельской прикрикнулъ на нихъ и объявилъ, что первый,

кто осмѣлится обидѣть японцевъ, или сдѣлать какое безчинство будетъ повѣшенъ, и аины успокоились.

Сдѣлавъ распоряженіе о помѣщеніи команды, Невельской назвалъ этотъ постъ Муравьевскимъ въ честь главнаго ходатая о приамурскомъ краѣ передъ высочайшей властью. Потомъ онъ отправился на корабль и пригласилъ къ обѣду старшинъ японскихъ и аинскихъ. За обѣдомъ пили за здоровье Императора и микадо и за дружбу Россіи съ Японіей. Во время тоста былъ произведенъ салютъ съ корабля и съ амурскаго поста. Послѣ обѣда команда пѣла русскія пѣсни и плясала удалой казачекъ; всѣ были веселы и довольны. Вся обстановка видимо произвела сильное впечатлѣніе на японцевъ и внушила имъ уваженіе къ силѣ и могуществу Россіи.

На слѣдующій день японцы получили на русскомъ и французскомъ языкѣ слѣдующую декларацію.

«На основаніи трактата, заключеннаго между Россіею и Китаемъ въ г. Нерчинскѣ въ 1689 г. островъ Сахалинъ, какъ продолженіе нижне-амурскаго бассейна, составляетъ принадлежность Россіи. Кромѣ того, еще въ началѣ 16-го столѣтія удскіе наши тунгусы (ороки) заняли этотъ островъ. За симъ, въ 1740 году русскіе первые сдѣлали описаніе онаго и наконецъ въ 1806 г. Хвостовъ *) и Давыдовъ заняли заливъ Анива. Такимъ образомъ территорія Сахалина составляла всегда неотъемлемую принадлежность Россіи».

Въ тотъ же день началась разгрузка «Николая» съ помощью аиновъ. Японцы очистили два сарая; въ одномъ помѣстилась команда, въ другомъ—офицеры. Японцы очень боялись аиновъ и увѣряли, что они непремѣнно примутся ихъ грабить. Къ сожалѣнію, опасенія японцевъ оказались основательными. Въ ночь на 23-е

*) Декларація Хвостова объ этомъ событіи въ запискахъ Головнина «Въ плѣну у японцевъ», глава IV.

число—аины, подстрекаемые своимъ пьянымъ собратомъ, собрались ограбить японцевъ. Невельскому тотчасъ же дано было знать. Прибывъ въ постъ, онъ приказалъ поставить часовыхъ къ японскимъ магазинамъ и, собравъ аиновъ, наказалъ въ присутствіи ихъ пятерыхъ выданныхъ ему зачинщиковъ. Затѣмъ онъ велѣлъ показать аинамъ дѣйствіе орудій и подтвердилъ, что если они еще разъ попытаются сдѣлать безчинство, то жестокимъ образомъ поплатятся за это.

Покончивъ расправу, Невельской послалъ разыскивать японцевъ, которые со страху разбѣжались. Японцы скоро успокоились; аины же, какъ и прежде, стали усердными ихъ работниками.

Къ вечеру 25-го числа все было свезено съ корабля и размѣщено на посту. Батарея изъ восьми орудій поставлена такимъ образомъ, что все селеніе, магазины и полоса берега противъ поста находились подъ ея выстрѣлами.

Передъ уходомъ, Невельской далъ Буссе надлежащія инструкціи и рекомендовалъ, между прочимъ, наблюдать и изучать обычаи туземцевъ и японцевъ, но отнюдь въ нихъ не вмѣшиваться и своихъ не навязывать, хотя бы они и представлялись по нашимъ взглядамъ благодѣтельными для нихъ. Постоянно имѣть въ виду, что только добрымъ примѣромъ своимъ мы можемъ вліять на улучшеніе образа жизни и нравственности туземцевъ и что всякое навязываніе порядковъ съ нашей стороны можетъ повести ко вреду, а не къ пользѣ и поселить ненависть къ намъ.

Сдѣлавъ эти распоряженія, Невельской вечеромъ 26-го сентября пошелъ въ заливъ де-Кастри, гдѣ 30-го числа «Николай» бросилъ якорь. Простившись съ «Николаемъ», который пошелъ по назначенію къ американскимъ берегамъ, Невельской поѣхалъ осматривать посты Маріинскій и Александровскій.

Начальникъ Александровскаго поста Разградскій донесъ командиру, что въ его отсутствіе приходила военная шкуна «Вос-

токъ», посланная графомъ Путятинымъ изъ Нангасаки къ устью Амура, чтобъ освѣдомиться о положеніи экспедиціи. Шкуна прошла южнымъ каналомъ въ Амуръ, гдѣ и встала на якорь. Это было первое мореходное судно, вошедшее въ Амуръ изъ Татарскаго залива по тому пути, который считался недоступнымъ. До сей поры никто еще не вѣрилъ въ открытіе Невельскаго, такъ сильно было обаяніе знаменитыхъ моряковъ: Лаперуза, Браутона, Крузенштерна. Въ силу этого убѣжденія, устье Амура считалось вполнѣ обезпеченнымъ отъ непріятельскихъ покушеній съ моря.

Объѣхавъ посты, Невельской нашелъ ихъ хорошо снабженными и людей здоровыми. Въ Петровское онъ вернулся въ половинѣ октября, пробывъ въ отсутствіи болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Кашеваровъ, черезъ нарочнаго, увѣдомлялъ Невельскаго, что изъ Кронштадта на транспортѣ «Двина» прибылъ его шуринъ Николай Ивановичъ Ельчаниновъ, который пожелалъ поступить въ приамурскую экспедицію. Это извѣстіе сильно обрадовало Геннадія Ивановича и въ особенности его жену, которая не видала своего единственнаго брата болѣе шести лѣтъ.

Въ то время когда Невельской началъ свою дѣятельность на дальнемъ Востокѣ, Ельчаниновъ былъ въ университетѣ. Толки о подвигахъ капитана Невельского сильно подѣйствовали на воображеніе молодого человѣка. Когда же онъ узналъ, что сестра его вышла замужъ за этого героя и уѣхала съ нимъ, онъ внезапно рѣшился: бросилъ университетъ, сталъ изучать морскія науки и поступилъ юнкеромъ на корабль, который отправлялся на дальній Востокъ. Въ Аянъ онъ явился уже мичманомъ *).

Въ эту осень, однакоже, Ельчанинову не удалось попасть въ Петровское. Радость свиданія пришлось отложить до весны.

---

*) Впослѣдствіи, бывши съ судномъ въ Шанхаѣ, во время войны Англіи съ Китаемъ, Ельчаниновъ былъ отравленъ булочникомъ, положившимъ отраву въ хлѣбъ, который онъ продавалъ европейцамъ. Хотя дано было противоядіе, но Ельчаниновъ не переставалъ хворать и преждевременно умеръ.

Къ Рождеству поспѣла въ Петровскомъ маленькая церковь и въ этотъ великій праздникъ русскіе піонеры на пустынномъ дальнемъ Востокѣ впервые молились Богу въ храмѣ. Радостно было это событіе для русскаго сердца; радостны и результаты достигнутые неутомимыми тружениками. Къ наступающему 1854 г. дѣла въ приамурскомъ краѣ находились въ такомъ видѣ: главная цѣль, къ которой стремился Невельской, была достигнута; важнѣйшіе пункты были заняты и тѣмъ страна эта фактически становилась принадлежностью Россіи. Иностранныя вторженія были теперь не страшны. Оставалось еще изслѣдовать берегъ къ югу и южную оконечность Сахалина. Въ началѣ февраля начальникъ амурской экспедиціи получилъ отъ генерала Муравьева весьма важныя сообщенія. Генералъ-губернаторъ писалъ, что полковникъ Ахтэ, отправленный имъ для изслѣдованія сѣвернаго склона Яблоноваго хребта подтвердилъ, что всѣ донесенія Невельского о принадлежности Россіи приамурскаго края, согласно Нерчинскому трактату, совершенно правильны. Затѣмъ генералъ-губернаторъ сообщилъ, что объявлена война Турціи и ожидается разрывъ съ европейскими державами; что въ Забайкальской области строится для Амура пароходъ Аргунь и, наконецъ, что распоряженіями Невельского, т. е. занятіемъ де-Кастри, Кизи и Сахалина Государь Императоръ остался очень доволенъ.

Это была чуть ли не первая отрадная вѣсточка, полученная тружениками изъ правительственныхъ сферъ.

Втеченіе зимы мичманъ Рудановскій производилъ изслѣдованія Сахалина и кромѣ научныхъ — собралъ много весьма интересныхъ этнографическихъ данныхъ. Онъ нашелъ богатѣйшіе строевые лѣса и мѣста, удобныя для поселеній. Туземцы вездѣ ласково принимали его и старались услужить чѣмъ могли.

Въ селеніи Хакуй-Котанъ Рудановскій ночевалъ у аина Амеске, у котораго былъ тогда праздникъ по случаю убитаго имъ медвѣдя. Медвѣдь здѣсь, какъ и у амурскихъ инородцевъ

особенно почитается. Шкура убитаго медвѣдя была выставлена передъ юртой и обставлена деревянными палками, у которыхъ концы были застружаны и висѣли въ родѣ кистей. Подобную палку туземцы называютъ «иннау»; она означаетъ праздникъ, веселье, привѣтствіе.

Передъ убитымъ медвѣдемъ стоялъ ящикъ съ угощеньемъ. Въ немъ лежали щепотка риса, кусокъ юколы, лопатка и чашка.

Въ одну изъ экспедицій на Сахалинъ, русскіе напали на зрѣлище еще болѣе интересное. Здѣсь только еще собирались убивать медвѣдя, для чего съѣхалось человѣкъ сто. Медвѣдь принадлежалъ одному изъ хозяевъ юрты, но онъ долженъ былъ раздѣлить его со всѣми. За недѣлю до праздника, всѣ желавшіе участвовать въ пирѣ, должны были принести свои дары: кто рису, кто рыбу, кто нерпу, а кто и ѣске (японская водка послѣдняго сорта). Виновникъ торжества, онъ же и жертва, сидѣлъ въ клѣткѣ, а вокругъ него женщины и дѣвушки составивъ хороводъ, кружились и пѣли до изнеможенія. Когда красотки, одѣтыя въ собачьи шкуры, отошли, выскочили мужчины и стали дразнить мѣдведя, просовывая рогатину сквозь рѣшетку. Медвѣдь ревѣлъ, зрители пѣли, кричали; шумъ и гамъ былъ невообразимый. Наконецъ медвѣдя убили, живо освѣжевали и компанія, усѣвшись группами, мужчины, женщины и дѣвушки отдѣльно, принялась угощаться сырымъ парнымъ мясомъ и принесенными гостинцами.

Въ селеніи Сиротаку Рудановскій ночевалъ у богатаго аина Цацо. Въ юртѣ аина или джангина, какъ почтительно величали его земляки, развѣшаны были по стѣнамъ жалованныя ему японцами сабли и деревянные щиты.

Джангинъ, старикъ лѣтъ 80-ти, сидѣлъ у очага при входѣ; по лѣвую его руку сидѣли жена и дѣти. Рудановскаго, какъ гостя, усадили по правую руку хозяина и угощали икрой съ нерпячьимъ жиромъ и разными кореньями. Одинъ изъ матросовъ партіи заболѣлъ и аины выказали къ больному большое участіе:

принесли какую то траву, положили ее въ горячую воду и этимъ растирали ему животъ. Матросу полегчало.

— Это все потому, что вы не встрѣтили гостей какъ слѣдуетъ съ иннау, ворчалъ старикъ на своихъ сожителей.

Сейчасъ же подошелъ аинъ - знахарь и началъ церемонію очищенія. Поставивъ передъ огнемъ три иннау, знахарь сталъ говорить какія то заклинанія, а всѣ прочіе съ благоговѣніемъ вторили ему въ тонъ. Потомъ знахарь бросилъ всѣ иннау въ огонь и когда они сгорѣли, аины начали кланяться Рудановскому и увѣрять, что теперь все будетъ благополучно.

Въ одномъ селеніи, на восточномъ берегу, аины жаловались Рудановскому, что японцы распускаютъ слухъ будто весною они придутъ и прогонятъ русскихъ съ острова. Они очень этого боялись, такъ какъ японцевъ не любили за то, что они заставляли ихъ работать и худо платили, а иногда совсѣмъ не платили. Рудановскій объяснилъ имъ, что японцы на островѣ пришельцы, что островъ всегда былъ русскій, такъ какъ задолго до японцевъ здѣсь поселились русскіе-орока.

— Точно, точно, подтвердили туземцы, мы издавна слыхали, что ороки пришли отъ лоча (русскихъ), когда еще и не слыхали о японцахъ, и живутъ здѣсь очень долго.

— Ужь гдѣ разъ встали русскіе, оттуда никому прогнать себя не позволятъ, такъ и знайте, пояснилъ Рудановскій, а японцамъ не вѣрьте и никому другому не вѣрьте, кто сталъ бы распускать подобные слухи.

Туземцы съ видимымъ удовольствіемъ слушали эти рѣчи.

IX.

Въ то время какъ Геннадій Ивановичъ работалъ надъ изслѣдованіемъ и устройствомъ края, его жена продолжала свою просвѣтительную дѣятельность между инородцами. Теперь она не была такъ одинока; ея труды раздѣляли: Бачманова, умная и образованная женщина, и жена священника Веніаминова. Теперь уже не ощущалось недостатка въ продовольствіи, но лишенія предыдущей зимы оставили тяжелые слѣды. Старшая дочь Невельскихъ, Катя, продолжала хворать; Екатерина Ивановна также дурно себя чувствовала. Въ апрѣлѣ родилась у нея вторая дочь, Ольга; и эту малютку она не въ состояніи была кормить. Одна надежда на Бога подкрѣпляла ее.

12-го апрѣля Невельской получилъ Высочайшую награду: Владиміра 3-ей степени. Муравьевъ опять писалъ, что Государь его дѣйствіями доволенъ и что вскорѣ, вѣроятно, разрѣшено будетъ командѣ, назначенной для пополненія его экспедиціи, спуститься по Амуру изъ Срѣтенска. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, Невельской тотчасъ же принялъ мѣры, чтобы обставить сплавъ команды наилучшимъ образомъ. Онъ просилъ уже генералъ-губернатора поставить посты по рѣкамъ Уссури и Хунгари, но не разсчитывая на своевременную доставку письма, послалъ Разградскаго къ устью Уссури, поручивъ ему распорядиться, чтобы въ мѣстахъ, наиболѣе затруднительныхъ для плаванія, туземцы провожали русскія суда.

4-го мая получено было увѣдомленіе генералъ-губернатора, что онъ самъ съ командою спускается по Амуру.

Естественно, что Невельской хотѣлъ встрѣтить генералъ-губернатора. Но добраться изъ Петровскаго въ Маріинскъ было дѣломъ не легкимъ. Заливъ Счастія былъ еще покрытъ льдомъ;

на берегахъ начиналась уже распутица. Чтобъ попасть къ назначенному сроку въ Маріинскъ, надо было ѣхать верхомъ на оленяхъ; а оленей не было. Пришлось ждать нѣсколько дней, пока отдохнутъ тѣ четыре оленя, на которыхъ пришла почта. Передъ отъѣздомъ Невельской далъ Бачманову, единственному офицеру, оставшемуся въ Петровскомъ, слѣдующее приказаніе: въ случаѣ прихода иностранныхъ судовъ объявлять имъ, что по Амуру спускается вооруженная флотилія съ войскомъ.

Положеніе приамурскаго края въ военномъ отношеніи было таково: во всѣхъ четырехъ постахъ находилось подъ ружьемъ всего 75 человѣкъ. Очевидно, такая ничтожная сила не могла противустоять непріятелю, еслибъ онъ явился. Одна надежда была на естественныя преграды: банки лимана и пустынныя побережья.

Разрывъ съ европейскими державами былъ главною причиною измѣненія взглядовъ правительства на значеніе приамурскаго края. Еслибъ непріятель подошелъ къ Петропавловску, ему не успѣли бы послать подкрѣпленій сухимъ путемъ; тогда какъ сплавъ по Амуру давалъ возможность сдѣлать это своевременно. На докладъ Муравьева объ этомъ предметѣ послѣдовало Высочайшее согласіе. Въ тоже время приказано было министру иностранныхъ дѣлъ оффиціально увѣдомить пекинское правительство, что согласно Нерчинскому трактату, Россія считаетъ Амуръ своимъ и для окончательнаго разграниченія проситъ прислать уполномоченныхъ. Чтобы придать этому событію болѣе торжественности, рѣшено было, что судоходство по Амуру откроетъ генералъ-губернаторъ самъ.

Восхищенный Монаршимъ соизволеніемъ, Муравьевъ поспѣшилъ выѣхать изъ Петербурга и еще по льду переѣхалъ Байкалъ. Восторгъ генералъ-губернатора раздѣляла вся Сибирь. Ему устраивали торжественныя встрѣчи, давали въ честь его балы, обѣды, сочиняли стихи и пѣсни.

По прибытіи генералъ-губернатора на Шилкинскій заводъ на водахъ рѣки Шилки красовался, невиданный до сихъ поръ въ Забайкальѣ пароходъ «Аргунь» и 75 грузовыхъ барказовъ для экспедиціи. Горное вѣдомство сдѣлало въ честь торжества блестящую иллюминацію.

14-го мая 1854 г. послѣ напутственнаго молебна передъ древней иконой Божіей матери, вынесенной изъ Албазина, и при салютѣ изъ албазинской пушки, флотилія начала спускаться по р. Шилкѣ. Быстро плыли суда. Заводская пушка привѣтствовала флотилію, населеніе Шилки бросало шапки вверхъ и кричало «ура»! Это были радостныя, восторженныя и единодушныя привѣтствія открытію пути по Амуру.

18-мая, въ $2^1/_2$ ч. пополудни, флотилія вступила въ воды Амура. Трубачи заиграли «Боже, Царя храни!» всѣ встали въ лодкахъ, сняли шапки и осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. Генералъ-губернаторъ зачерпнувъ въ стаканъ амурской воды, поздравилъ всѣхъ съ открытіемъ плаванія по рѣкѣ. Раздалось восторженное ура, и суда понеслись по гладкой поверхности Амура. Такимъ образомъ послѣ двухсотлѣтняго промежутка времени, патріотическими усиліями и настойчивостью Невельского, при содѣйствіи Муравьева, появилась флотилія на водахъ амурскихъ. Разрѣшеніе плаванія и самое плаваніе по Амуру никакъ не могли бы осуществиться, еслибы изслѣдованія на транспортѣ «Байкалъ» въ 1849 г. и дальнѣйшіе труды амурской экспедиціи не разсѣяли вѣковыхъ заблужденій о невозможности входа судовъ въ Амуръ съ моря.

Плаваніе не могло бы осуществиться, еслибы экспедиція не смотря на всякія препятствія, запрещенія и страшный рискъ не рѣшилась поднять русскій военный флагъ при устьѣ Амура, объявляя всѣмъ иностраннымъ судамъ, подходившимъ къ берегамъ, что этотъ край составляетъ русскія владѣнія.

Въ то время, когда генералъ-губернатора съ его спутниками

Видъ Шилки.

съ восторгомъ провожали изъ Забайкалья и онъ съ полнымъ комфортомъ и совершенной безопасностью спускался по Амуру, Невельской, съ неимовѣрными усиліями, черезъ горы, по снѣгамъ и водѣ, верхомъ на олсняхъ, а большею частью пѣшкомъ, пробирался изъ Петровскаго въ Николаевскъ. Изъ Николаевска на байдаркѣ онъ прослѣдовалъ въ Маріинскій постъ и затѣмъ съ Разградскимъ вверхъ по Амуру, съ цѣлію лично ознакомиться съ путемъ, по которому должна была слѣдовать флотилія съ генералъ-губернаторомъ. Въ попутныхъ селеніяхъ Геннадій Ивановичъ заготовлялъ лоцмановъ изъ туземцевъ, которые были необходимы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка усѣяна островами. Въ большую воду баржи проходятъ поверхъ растущаго на нихъ тальника, но для глубокосидящихъ судовъ это невозможно; имъ приходится идти протоками, которые въ большую воду почти незамѣтны.

Достигнувъ 4-го іюня архипелага острововъ, Невельской остался ждать генералъ-губернатора. Онъ поднялся по Амуру на 500 в. и оказалось, что весь этотъ путь сдѣланъ имъ напрасно. Изъ Маріинска прибылъ гонецъ съ извѣстіемъ, что въ заливъ де-Кастри пришли два транспорта и шкуна «Востокъ». Послѣдняя послана была отъ японскихъ береговъ адмираломъ Путятинымъ съ важнымъ порученіемъ къ Невельскому. Необходимо было вернуться. Оставивъ Разградскаго встрѣчать генерала и поручивъ ему ходатайствовать о постановкѣ постовъ на рр. Уссури и Хунгари, Невельской отплылъ въ Маріинскъ, и оттуда въ заливъ де-Кастри.

14-го іюня Муравьевъ прибылъ въ Маріинскъ, гдѣ и былъ встрѣченъ начальникомъ Амурской экспедиціи. Горячо обнялъ генералъ Геннадія Ивановича и съ большой сердечностью благодарилъ отъ имени Государя Императора и всей Россіи. Онъ передалъ также поздравленіе Меньшикова и Перовскаго. Послѣдній прислалъ браслетъ Екатеринѣ Ивановнѣ, раздѣлявшей съ экспедиціей всѣ труды и опасности, прося принять его въ знакъ глу-

Видъ Амура.

бочайшаго къ ней уваженія.—«Государь Императоръ очень доволенъ всѣми вашими дѣйствіями и распоряженіями, постоянно направленными къ важной государственной цѣли, сообщалъ Муравьевъ. Его Величество поздравляетъ васъ и благодаритъ отъ лица всей Россіи».

Въ сильномъ волненіи слушалъ Невельской эти державныя слова, и двѣ крупныя слезы скатились по его щекамъ на дрожащія губы. Завѣтная цѣль была достигнута; русскій флагъ снова развѣвался на территоріи, возвращенной Россіи.

Спускъ флотиліи по Амуру, по разсказамъ очевидцевъ совершился такъ:

Вступивъ въ воды рѣки Амура 18-го мая, флотилія черезъ два дня подошла къ мѣсту, гдѣ 165 лѣтъ тому назадъ находился Албазинскій острогъ, слѣды котораго были еще видны. Приставъ къ этому, священному по преданіямъ холму, музыка заиграла «Коль славенъ»; на всѣхъ судахъ люди встали на молитву и сняли шапки. Этимъ дѣйствіемъ русскіе люди почтили память своихъ почившихъ соотечественниковъ. Затѣмъ музыка заиграла «Боже Царя храни», и всѣ вступили на Албазинскую почву. «Что-то родное сказалось сердцу, когда мы вышли на долину, гдѣ жили русскіе люди, гдѣ они такъ долго и храбро отстаивали права своего владѣнія», говорили спутники Муравьева.

28-го мая флотилія подошла къ манчжурскому городу Айгуну. Муравьевъ послалъ впередъ на лодкѣ двухъ чиновниковъ къ айгунскому губернатору съ копіей листа, посланнаго въ Пекинъ. Губернаторъ не получалъ еще никакихъ предписаній отъ своего правительства и объявилъ чиновникамъ, что никакъ не можетъ пропустить флотиліи. Въ эту минуту вбѣжалъ престарѣлый чиновникъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сообщилъ губернатору, что русскихъ судовъ идетъ такое множество, что они запрудили всю рѣку. Губернаторъ испугался и просилъ только, чтобы русская флотилія скорѣй миновала городъ. Затѣмъ Муравьевъ

имѣлъ торжественное свиданіе съ губернаторомъ Айгуна на берегу, въ особо устроенной палаткѣ.

10-го іюня флотилію встрѣтилъ мичманъ Разградскій, который и сопутствовалъ ей далѣе.

«До этого пункта, говорилъ Муравьевъ и его спутники, мы находили большую часть прибрежныхъ деревенъ пустыми; жители бѣжали отъ страха. Но отсюда вступили въ страну, какъ бы давно принадлежащую Россіи. (За 500 вер. до Маріинска). На встрѣчу къ намъ выходили гольды въ сопровожденіи стариковъ, вродѣ старостъ, приносили въ изобиліи рыбу и выставляли вездѣ лоцмановъ, которыхъ до этого времени мы нигдѣ не могли достать. Явился манчжуръ со своими прикащиками и, бросившись на колѣни передъ генераломъ, извинялся, что производитъ здѣсь торговлю безъ дозволенія русскихъ, прося выдать ему такое дозволеніе.

Видъ на Амуръ.

«Нельзя было не удивляться, говорили спутники Муравьева, тому огромному вліянію, которое пріобрѣла въ столь короткое время амурская экспедиція не только на инородцевъ, но и на

манчжуровъ. Здѣсь-то мы настоящимъ образомъ поняли справедливость вашихъ воззрѣній и законность образа дѣйствій».

Послѣ двухдневнаго отдыха отрядъ въ 350 человѣкъ, прибывшій съ Муравьевымъ, отправленъ былъ въ подкрѣпленіе Петропавловска. Въ Маріинскѣ и Николаевскѣ, гдѣ было до тѣхъ поръ 35 человѣкъ, оставлено 900. Въ виду разрыва съ европейскими державами эти посты признаны были важными.

Между тѣмъ въ Императорской гавани собралось много судовъ изъ отряда Путятина *); въ томъ числѣ фрегатъ «Паллада» съ самимъ адмираломъ. Въ случаѣ блокады непріятелемъ татарскаго побережья, русскіе суда должны были укрыться въ устьѣ Амура. Между тѣмъ это устье за недостаткомъ средствъ, какъ мы видѣли выше, не было еще изслѣдовано. Муравьевъ отправился въ Императорскую гавань, а Невельской остался ожидать его въ Николаевскѣ, чтобы вмѣстѣ на шкунѣ «Востокъ» пройти сѣвернымъ каналомъ въ Амуръ.

Во время отсутствія генералъ-губернатора, Геннадій Ивановичъ получилъ грустное извѣстіе о смерти старшей дочери Екатерины, и болѣзни жены. Бѣдная малютка погибла буквально отъ голода. Привезенныя въ Петровское коровы давно издохли; другихъ не откуда было достать. Мяса не было; рыбы малютка не брала въ ротъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи не мало денегъ, несчастная мать не могла спасти своего ребенка отъ голодной смерти. Екатерина Ивановна близка была къ отчаянію.

«Тяжело было намъ, родителямъ, говоритъ Невельской, видѣть могилу нашей малютки на пустынной петровской кошкѣ. Тяжело было испытаніе это намъ, и безъ того отрѣзаннымъ пустыней отъ всего свѣта... Но, что дѣлать! Эта жертва, тяжкая для насъ, была данью исполненія долга, направленнаго ко благу отечества».

*) Впослѣдствіи графъ.

Къ счастію, вскорѣ прибылъ изъ Аяна братъ Екатерины Ивановны, горячо любимый Коля, котораго она не видала болѣе шести лѣтъ. Радость свиданія благотворно подѣйствовала на изстрадавшуюся душу бѣдной женщины.

Пробывъ трое сутокъ въ Петровскомъ, Невельской возвратился въ Николаевскъ ожидать генералъ-губернатора.

Около этого времени прибылъ въ де-Кастри изъ Кронштадта 52-пушечный фрегатъ «Діана» на смѣну фрегату «Палладѣ», совершенно расшатанному послѣ выдержаннаго имъ шторма. Чтобъ обезопасить поврежденный фрегатъ, Муравьеву сильно хотѣлось ввести его на зимовку въ р. Амуръ, но этого не удалось сдѣлать, и «Паллада», взятая на буксиръ «Діаною», отведена была въ Императорскую гавань.

10-го августа Муравьевъ со штабомъ отплылъ въ Аянъ, сдѣлавъ распоряженіе объ укрѣпленіи Николаевскаго поста. Туда же перебрался и Невельской съ семьей. Переѣздъ этотъ совершился съ большими затрудненіями и опасностями. Пароходъ Аргунь», на который разсчитывалъ Невельской, оказался испорченнымъ. Съ женой и малюткой Ольгой отправился онъ на вельботѣ. Неожиданно поднялась буря и катеръ со всѣми пассажирами выбросило на берегъ. Двое сутокъ провели пловцы въ гилякской юртѣ и, наконецъ, добрались до Николаевска.

X.

Подкрѣпленія, посланныя въ Петропавловскъ прибыли весьма кстати. Непріятелю было хорошо извѣстно, что Петропавловскъ слишкомъ отдаленный пунктъ и снабженіе его продовольствіемъ затруднительно. Соединенная эскадра, начавъ бомбардировку

этого порта, вполнѣ была увѣрена, что черезъ нѣсколько дней съ нимъ покончитъ. Но случилось иначе: подкрѣпленія явились во время и отбили нападеніе.

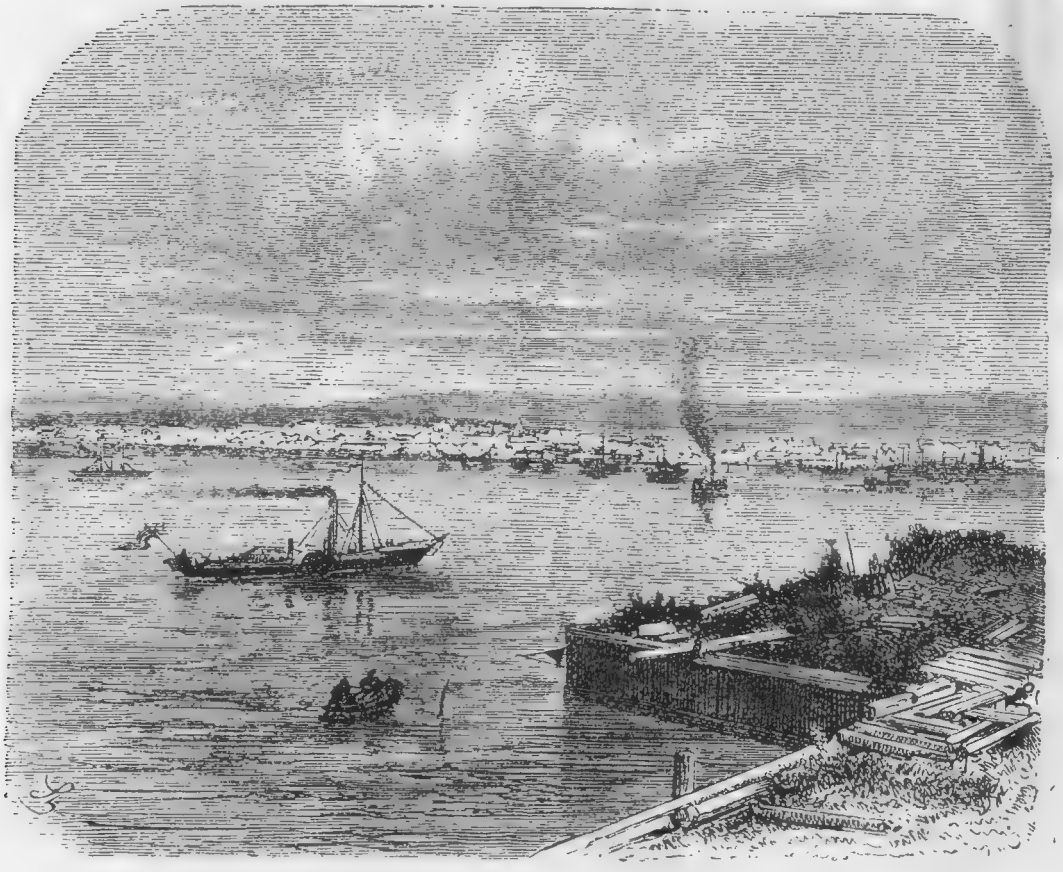
Получивъ это извѣстіе 22-го октября, Невельской собралъ всѣ команды и объявилъ имъ о блистательныхъ подвигахъ ихъ товарищей, причемъ всѣ горячо возблагодарили Господа. Но какъ ни блестящи были подвиги защитниковъ Петропавловска, ихъ положеніе, въ виду недостатка продовольствія, при новомъ нападеніи непріятеля, могло оказаться критическимъ. Спасеніе людей, судовъ и всего имущества порта казалось возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если удастся, раннею весною увезти все это оттуда и укрыть въ лиманѣ Амура. Въ донесеніи, посланномъ генералъ-губернатору Невельской выражался такъ:

«Сосредоточеніе въ Николаевскѣ всего, что находится нынѣ въ Петропавловскѣ и Японіи*) должно составлять нынѣ главную нашу заботу; ибо, если мы заблаговременно это сдѣлаемъ, то непріятель, въ какихъ бы то превосходныхъ силахъ здѣсь ни появился, намъ никакого вреда сдѣлать не можетъ, потому что полная неизвѣстность для него здѣшняго моря и пустынныя побережья составляютъ непреоборимыя крѣпости для сильнаго врага, пришедшаго съ моря. Появленіе его здѣсь послужитъ намъ не во вредъ, а въ пользу, ибо блокируя берега Татарскаго залива, онъ этимъ фактически признаетъ ихъ русскими».

Во ожиданіи скопленія множества людей въ Николаевскѣ въ случаѣ, еслибъ сюда перенесенъ былъ Петропавловскій портъ, Невельской, бывшій уже контръ-адмираломъ, всю зиму 1854—55 г. занимался постройками. Николаевскъ началъ принимать видъ маленькаго города, хотя посреди улицъ торчали еще пни и коренья. Приняты были мѣры, чтобъ инородцы доставляли рыбу и дичь, а тунгусы — оленину. Прибытіе офицеровъ съ «Пал-

*) Японская экспедиція подъ начальствомъ Путятина.

лады» и «Діаны» сильно оживило амурскихъ отшельниковъ. Хотя метели порою заносили улицы и прекращали всякое сообщеніе, но лишь кончалась вьюга, солдаты разметали снѣгъ, очищали улицы и молодежь принималась веселиться. Устраивались домашніе спектакли, маскарады, танцы, фейерверки и иллюминаціи,



Николаевскъ.

катанье на собакахъ и пикники въ Петровское. Для команды устраивали горы, вечеринки и т. п.

Единственныя двѣ дамы, Невельская и Бачманова, были душею всѣхъ развлеченій, столь необходимыхъ въ пустынѣ, отрѣзанной отъ всего міра. Туземцы теперь совсѣмъ приручились; завелись постоянные базары; рыба и дичь доставлялась въ изобиліи. Свѣжая пища, просторное помѣщеніе, заботы офицеровъ о людяхъ сдѣлали то, что зима прошла вполнѣ благополучно.

7-го мая прибылъ изъ Аяна нарочный съ увѣдомленіемъ отъ г.г., что въ скоромъ времени прибудетъ въ де-Кастри судно съ семействомъ камчатскаго губернатора Завойко и другими семействами, которыхъ предписывалось размѣстить на Маріинскомъ посту. Невельской тотчасъ же отправился въ Маріинскъ, чтобы сдѣлать надлежащія распоряженія. Здѣсь уже находились 200 женщинъ и дѣтей, прибывшихъ изъ де-Кастри съ Петропавловской эскадры.

Изъ полученныхъ съ послѣднею почтою газетъ видно было, что англо-французы сильно раздражены пораженіемъ у Петропавловска и съ открытіемъ навигаціи намѣрены отмстить. Можно было опасаться, что не найдя русскихъ судовъ у Петропавловска, непріятель сдѣлаетъ диверсію въ сторону Татарскаго залива. Въ виду этого Невельской, сдѣлавъ распоряженія о размѣщеніи прибывшихъ семействъ, отправился въ де-Кастри. Перевалъ отъ озера Кизи до залива онъ совершилъ пѣшкомъ, пробираясь туда—по колѣно, а иногда почти по поясъ въ водѣ, снѣгу и грязи. Изнуренный и промокшій онъ добрался до залива 13-го мая и имѣлъ удовольствіе видѣть стоящую на якорѣ всю камчатскую флотилію, состоявшую изъ фрегата «Аврора», корвета «Оливуца» и транспортовъ «Двина», «Иртышъ» и «Байкалъ». «Паллада» стояла во льду въ Константиновской гавани.

Завойко сообщилъ Невельскому, что 9-го мая англійскій пароходъ-развѣдчикъ открылъ нашу эскадру и повернулъ къ югу, откуда, очевидно, слѣдуетъ ожидать непріятеля въ большихъ силахъ. Не теряя ни минуты, Невельской сдѣлалъ распоряженіе о слѣдованіи эскадры къ сѣверу. Для того же, чтобъ никто не сообщилъ иностранцамъ объ этомъ движеніи, онъ удалилъ изъ залива де-Кастри всѣхъ туземцевъ.

Людямъ, оставленнымъ при постѣ приказано было, въ случаѣ нападенія непріятеля, отступать въ лѣсъ къ Маріинскому посту. Если бы удалось такимъ образомъ задержать непріятеля, эскадра успѣла бы удалиться въ безопасное мѣсто.

Ѣзжалыя и охотничьи собаки на Амурѣ.

Предположенія Невельского о движеніи непріятеля вполнѣ оправдались. Вскорѣ по уходѣ эскадры изъ Петропавловска, туда явились англо-французы и, не найдя тамъ ни судовъ, ни командъ, сожгли пустые казенные магазины и пошли въ погоню за нашими судами въ Японское море. Обогнувъ Японію, непріятельская эскадра пошла въ заливъ де-Кастри, но и туда опоздала; русскія суда были уже у мыса Лазарева *), ожидая возможности войти въ Амуръ.

Въ де-Кастри непріятель высадилъ десантъ съ цѣлію захватить кого нибудь, чтобъ узнать, куда ушли русскія суда. Но въ де-Кастри не оказалось ни одного человѣка. Сильный вѣковымъ заблужденіемъ, что Сахалинъ не островъ, что устье Амура недоступно, непріятель рѣшилъ, что русская эскадра могла уйти только къ югу и отправился за нею въ догонку.

Между тѣмъ эта эскадра благополучно вошла въ р. Амуръ и пошла къ Николаевску. Туда же пришелъ Путятинъ на шкунѣ «Хеда» съ экипажемъ «Діаны», погибшей у береговъ Японіи отъ землетрясенія. Ужасное явленіе природы, одно воспоминаніе о которомъ леденитъ кровь, было причиною гибели «Діаны», разсказывалъ адмиралъ. Возьмите большую круглую чашку, налейте до половины водой и дайте чашкѣ быстрое, вращательное движеніе, а на воду пустите яичную скорлупу и вы будете имѣть понятіе о положеніи «Діаны» въ бухтѣ Симода, въ злополучный день 11-го декабря. Разница только въ томъ, что въ чашкѣ нѣтъ ни скалъ, ни угловатыхъ береговъ, а въ бухтѣ Симода все это было.

11-го декабря, въ 10 часовъ утра всѣ, бывшіе въ каютахъ замѣтили, что мебель колеблется, посуда прискакиваетъ... изъ каюты поспѣшили наверхъ. Все было еще покойно. Волненія не замѣчалось, только вода какъ будто бурлила и клокотала.

*) Въ проливѣ, отдѣляющемъ Сахалинъ.

Около городка Симодо течетъ довольно быстрая рѣчка. Въ ней стояло нѣсколько джонокъ. Вдругъ джонки понеслись; но не по теченію, а назадъ, вверхъ по рѣчкѣ. Явленіе необыкновенное. Тотчасъ послали шлюпку съ офицеромъ узнать, что тамъ дѣлается.

Но едва шлюпка подошла къ берегу, какъ ее подняло водою и выбросило на берегъ. Офицеръ и матросы успѣли выскочить и оттащили шлюпку дальше отъ воды. Съ этой минуты начало разыгрываться страшное и грандіозное зрѣлище.

Вслѣдствіе колебанія морского дна, въ бухту Симодо влился громадный валъ, который коснулся берега и отхлынулъ, но не успѣлъ уйти изъ бухты, какъ на встрѣчу ему, съ моря, хлынулъ другой валъ, еще громаднѣе. Валы столкнулись и невмѣстившаяся въ бухтѣ вода пришла въ круговоротное движеніе и начала полоскать всю бухту, вздымаясь до высотъ, куда спаслись люди изъ Симодо. Второй валъ покрылъ все Симодо и смылъ его до основанія. Потомъ еще валъ, еще и еще. Круговращеніе продолжалось съ возрастающей силой, а вмѣстѣ съ тѣмъ ломалось, смывалось, тонуло и исчезало съ береговъ все, что еще уцѣлѣло. Весь заливъ покрылся обломками домовъ, джонокъ, трупами людей, животныхъ, различными предметами домашняго обихода... Все это прибило къ одному изъ береговъ въ такой массѣ, что образовало какъ бы плотину.

Люди, находившіеся на фрегатѣ, испытывали странное ощущеніе. Ихъ поднимала и опускала водная поверхность, а имъ казалось, что поднимался и опускался берегъ. Вращеніемъ воды кидало фрегатъ изъ стороны въ сторону, то прижимало его къ скаламъ, то отбрасывало въ сторону. Потомъ стало вращать его съ такой быстротой, что въ 30 минутъ было сдѣлано имъ 42 оборота. Наконецъ, вслѣдствіе отлива воды, стало бить фрегатъ о дно, о якоря, перебрасывать съ боку на бокъ.

Всѣ уцѣпились, кто за что могъ и оцѣпенѣли въ молчаніи.

Слышалась молитва горячая, съ воплями. Не даромъ говорятъ: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался. Богъ услышалъ молитву погибавшихъ. Вода прибыла и фрегатъ всталъ, но въ какомъ видѣ! Двѣ пушки, при наклонности фрегата, упали и убили одного матроса; другому раздробили ноги; поломанныя снасти проплыли мимо корабля. Въ то самое время когда фрегатъ крутило и било о дно, на него нанесло напоромъ воды двѣ джонки. Съ одной изъ нихъ сняли съ большимъ трудомъ двухъ японцевъ, которые неохотно дали себя спасти, подъ вліяніемъ строгаго еще тогда запрета сношеній съ иноземцами. Третій рѣшительно отказался и погибъ вмѣстѣ съ джонкой. Сняли также съ плывшей крыши дома старуху.

Когда волненіе утихло, фрегатъ осмотрѣли. Онъ оказался весь избитымъ. Его повели осторожно, какъ больного въ госпиталь, въ закрытую бухту и хотѣли чинить. Ночь прекратила работы, а на утро его уже не было....

Построивъ въ Японіи шкуну «Хеда», Путятинъ пошелъ въ Татарскій заливъ, гдѣ наткнулся на непріятельскую эскадру. Только благодаря туману онъ избѣжалъ плѣна. У одного изъ непріятельскихъ судовъ «Хеда», въ густой туманъ, прошла подъ окрмою, а въ исходѣ іюня вступила въ воды Амура.

Между тѣмъ въ Петербургѣ сознали всю справедливость представленій Невельского о значеніи приамурскаго края и рѣшили, разъ открытое сообщеніе по Амуру утвердить навсегда. Муравьевъ увѣдомилъ Пкитайское равительство, что весною 1855 г. онъ съ войскомъ снова поплыветъ по Амуру и просилъ прислать уполномоченныхъ для окончательнаго разграниченія.

Послѣдствіемъ этого былъ второй сплавъ по Амуру подъ начальствомъ генералъ-губернатора, который на сей разъ ѣхалъ съ супругою. Флотилія состояла изъ 113 судовъ, на которыхъ находились 2500 человѣкъ войска, назначеннаго на защиту Приамурскаго края; цѣлый штатъ чиновниковъ; ученая экспедиція

Видъ съ Маріинскаго поста.

для изслѣдованія края, на которую членъ географическаго общества Соловьевъ пожертвовалъ полпуда золота; и наконецъ — иркутскіе и забайкальскіе крестьяне, назначенные для поселенія между Николаевскомъ и Маріинскомъ. Дѣломъ по заселенію завѣдывалъ чиновникъ особыхъ порученій князь Михаилъ Сергѣевичъ Волконскій.

Прибывъ въ Маріинскъ, Муравьевъ послалъ Невельскому слѣдующее предписаніе:

1) Вы назначаетесь начальникомъ штаба при главнокомандующемъ всѣми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными въ приамурскомъ краѣ.

2) Амурская экспедиція замѣняется управленіемъ камчатскаго губернатора контръ-адмирала Завойко.

3) Главною квартирою назначается Маріинскій постъ.

Перебравшись съ семьею на жительство въ Маріинскъ и вступивъ въ отправленіе новыхъ обязанностей, Невельской написалъ генералъ-губернатору подробное донесеніе о своей 5-лѣтней дѣятельности на Амурѣ и вывелъ итоги. Изъ отчета видно, что амурская экспедиція, принимая въ разсчетъ и все казенное довольствіе, стоило казнѣ всего 64,000 руб., т. е. около 12,500 руб. въ годъ — сумма равная годовому жалованью и довольствію одного губернатора Камчатки.

Въ іюлѣ 1855 года всѣ суда, бывшія тогда въ Восточномъ океанѣ, кромѣ гнилого остова «Паллады», со всѣми командами и имуществомъ Петропавловскаго порта были сосредоточены въ Николаевскѣ, и рѣка Амуръ послужила имъ надежнымъ и безопаснымъ убѣжищемъ. Всѣхъ судовъ было 9, въ томъ числѣ 44-хпушечный фрегатъ «Аврора», на которомъ втеченіе девяти лѣтъ служилъ Невельской съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Словно нарочно открылъ онъ рѣку Амуръ, чтобы въ ней укрыть дорогую его сердцу «Аврору». Возможность входа морскихъ судовъ въ устье Амура, при раз-

рывѣ съ западными державами сразу же показала всю важность результатовъ, достигнутыхъ Амурскою экспедиціею. Въ первый же годъ войны этотъ пунктъ представилъ убѣжище нашей военной эскадрѣ и японской экспедиціи, безъ чего все это было бы поставлено въ самое критическое положеніе.

XI.

Скопленіе большого количества народа, происшедшее внезапно, сверхъ всякаго ожиданія, могло бы и не въ такой дикой пустынѣ какъ приамурскій край создать всевозможныя затрудненія. Надо было всѣхъ размѣстить, доставить средства къ существованію, снабдить теплою одеждою; и все это въ то время, когда ожидался непріятель, когда нужно было вводить флотилію въ Амуръ, строить батареи, готовить гребныя суда. Нельзя не подивиться предусмотрительности и распорядительности начальника штаба въ такія трудныя минуты. Онъ справился со всѣми затрудненіями и вышелъ побѣдителемъ. «Смѣло можно сказать, что если бы амурская экспедиція не пріобрѣла такого вліянія на туземцевъ, говоритъ Невельской, что они охотно доставляли намъ въ большомъ количествѣ рыбу и дичь, то при такомъ неожиданномъ скопленіи народа, намъ не избѣжать бы большой смертности».

Въ началѣ августа адмиралъ Путятинъ съ капитаномъ 2-го ранга Посьетомъ [1]) отправился вверхъ по Амуру на паровомъ катерѣ «Надежда». Это было первое судно, поднимавшееся вверхъ по рѣкѣ неизвѣданной, съ пустынными берегами. Вода въ верховьяхъ рѣки оказалась низкою, открылось много банокъ и мелей. На берегу постовъ не было, гдѣ пароходъ могъ бы запасаться

1) Впослѣдствіи министръ путей сообщенія.

продовольствіемъ и дровами, а потому онъ былъ не только загруженъ, но еще долженъ былъ вести на буксирѣ тяжелый барказъ. Плаваніе совершалось медленно; изъ полуторамѣсячнаго обратилось въ трехмѣсячное, при командѣ полуголодной, потерявшей на «Діанѣ» все свое имущество. Пока были предметы мѣны, у туземцевъ можно было добывать сушеное оленье мясо, но скоро не на что стало вымѣнивать. Туземцы прельщались только цвѣтными уборами, а бѣлыхъ вещей брать не хотѣли. Пришлось прибѣгнуть къ хитрости. Поймали инородца, одѣли въ бѣлую рубаху и брюки и съ сигарою въ зубахъ выпустили на свободу. Сначала отъ него, какъ отъ привидѣнія, туземцы разбѣжались въ разныя стороны; но потомъ, присмотрѣвшись нашли, что это вовсе не такъ дурно, и послѣднія рубашки моряковъ пошли на дневное продовольствіе. За дровами иногда приходилось углубляться далеко въ лѣсъ; тутъ и офицеры работали. Адмиралъ тоже хотѣлъ помогать, но этому энергически всѣ воспротивились, предоставивъ его превосходительству болѣе легкую работу: накрывать на столъ, мыть тарелки и чашки.

Плаваніе не удалось довести до конца. За 300 верстъ до Усть-стрѣлки, вслѣдствіе мелководья, адмиралъ вынужденъ былъ приковать пароходъ и барказъ къ скалѣ, а самъ со всѣми спутниками, бичевою на шлюпкахъ едва добрался въ началѣ ноября до Усть-стрѣлки и оттуда черезъ Иркутскъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Въ то же лѣто пароходъ «Шилка», построенный въ Срѣтенскѣ, спускаясь по Амуру, сѣлъ на мель и зазимовалъ.

Такія приключенія на Амурѣ не обезкуражили Невельского и не могли обезкуражить. Онъ завоевалъ Амуръ для политическихъ цѣлей; ученымъ и техникамъ предстояло завоевать его для цѣлей промышленныхъ. Изслѣдованіе и изученіе фарватера должно было въ будущемъ устранить опасность плаванія по этой рѣкѣ.

Переговоры съ китайцами въ этотъ годъ не состоялись, и Муравьевъ поздней осенью уѣхалъ въ Аянъ.

Между тѣмъ англо-французская эскадра, желая отмстить за пораженіе 1854 г., снова пошла въ Авачинскую губу, но не найдя тамъ никого, спустилась къ югу, отрядивъ три судна въ заливъ де-Кастри. Туда только что пришелъ американскій коммерческій корабль «Берингъ» и не успѣлъ еще разгрузиться, какъ вошли въ заливъ три непріятельскія судна подъ начальствомъ командира Элліота.

Рано утромъ 30-го сентября прибѣжалъ казакъ въ домикъ, занимаемый офицерами съ извѣстіемъ, что два корабля видны на горизонтѣ. Вскочивъ съ постелей и наскоро одѣвшись, офицеры пустились бѣгомъ къ берегу и дѣйствительно увидали парусный фрегатъ и винтовый корветъ, входившіе въ бухту. Сдѣлали тревогу. По сигналамъ, установленнымъ заранѣе, все дѣлалось какъ по писаному. Стрѣлки заняли опушку лѣса и стали выжидать.

Въ 9 часовъ винтовый фрегатъ присоединился къ двумъ первымъ. Всѣ три судна выстроились въ линію и заняли боевую позицію. Непріятельскія суда имѣли четыре батареи большихъ орудій, а русскіе—только два горныхъ единорога. Всѣ, вѣроятно, думали объ этомъ неравенствѣ силъ, но молчали.

На судахъ стали спускать барказы. На фрегатѣ лопнули шали, и барказъ упалъ на палубу съ громомъ, подобнымъ выстрѣлу.

Въ половинѣ второго, семь гребныхъ судовъ съ пушками и множествомъ народа направились къ берегу. Былъ отливъ, а потому шлюпки принуждены были остановиться саженяхъ въ сорока, а люди вылѣзли въ воду. Сначала, наши предполагали пустить ихъ на берегъ и не давъ имъ выстроиться въ боевой порядокъ, броситься на нихъ, отрѣзать отъ шлюпокъ и перебить. Но сообразивъ, что на барказахъ могло прибыть человѣкъ 300, рѣшили не допускать высадки. Огонь русскіе должны были начать по первому выстрѣлу изъ единорога картечью.

Шлюпки приблизились уже на такое разстояніе, что можно было различать лица... а сигнала все нѣтъ! Шлюпки — еще ближе... и вдругъ грянулъ выстрѣлъ, другой, третій... Защелкали штуцера изъ засады съ обѣихъ сторонъ бухты и, вслѣдъ затѣмъ, наши бросились впередъ. Непріятель, не ожидавшій такого сюрприза, смѣшался; шлюпки въ безпорядкѣ стали поворачивать назадъ; весла падали въ воду. Двое матросовъ упали за бортъ, но были вытащены. Наконецъ одна шлюпка рѣшилась отвѣтить картечью и нѣсколькими ружейными выстрѣлами; потомъ ударилась грести изо всѣхъ силъ къ эскадрѣ.

Русскіе снова вошли въ лѣсъ, радуясь, что дешево отдѣлались. Одинъ казакъ былъ раненъ, но не опасно. Съ судовъ начали бомбардированіе, не сдѣлавшее никому вреда. Русскіе сидѣли, притаившись за деревьями. Одинъ досужій человѣкъ насчиталъ 191 выстрѣлъ. Въ половинѣ шестого все кончилось.

Въ этотъ день, благодаря приходу американскаго барка, офицеры, сидѣвшіе все время на рыбѣ и черномъ хлѣбѣ, вкусно пообѣдали. Всѣ были возбуждены и веселы.

На слѣдующій день непріятельскіе суда подошли ближе къ берегу. Въ 8 часовъ подняли флаги и сдѣлали семь выстрѣловъ съ пятиминутными промежутками. Эта пальба не походила на боевой огонь. Вѣрнѣе, что англичане хоронили офицера, убитаго наканунѣ.

Вскорѣ началось сильное бомбардированіе.

Около часу пополудни показались четыре шлюпки, плывшіе къ мысу, гдѣ легко было высадиться. Приказано было занять этотъ пунктъ. Едва успѣли русскіе лѣсомъ добѣжать туда, какъ услыхали шумъ веселъ и голоса. Еще со шлюпки непріятель посылалъ ядра и потомъ, высадившись, шелъ берегомъ, обстрѣливая его. Наши не могли отвѣчать, такъ какъ пушки на мысу не было, а пули не долетали до непріятеля. Непріятель незамѣтно подошелъ къ той возвышенности, гдѣ стояли единороги,

и былъ встрѣченъ тремя гранатами. Большимъ угостить не успѣли, такъ какъ шлюпки быстро пошли назадъ, а съ судовъ начали обстрѣливать то мѣсто, гдѣ стояли единороги. Это продолжалось минутъ съ десять, а тѣмъ временемъ единороги отвезены были въ безопасное мѣсто.

Подъ вечеръ пальба прекратилась, но едва кто нибудь показывался на берегу, съ фрегата тотчасъ летѣло ядро. Вскорѣ изъ Маріинскаго поста подошли подкрѣпленія и всего собралось въ де-Кастри до 1500 человѣкъ. Десантъ былъ уже не страшенъ [1]).

Втеченіи почти мѣсяца непріятель съ перерывами бомбардировалъ де-Кастри, но существеннаго вреда не принесъ; только повалилъ много лѣсу. Въ концѣ октября суда ушли къ югу, а пришедшія на подмогу къ нашимъ войска возвратились въ Маріинскъ черезъ озеро Кизи уже по льду.

Такъ кончилась навигація 1855 г. Непріятель не нашелъ нашихъ судовъ; не открылъ даже Императорской гавани, въ которой преблагополучно простояла старушка «Паллада». А все оттого, что, сообразуясь съ тогдашними картами, былъ увѣренъ, что Татарскій берегъ прямой, скалистый, безъ заливовъ.

Невельской съ семействомъ жилъ въ Маріинскѣ почти безъ занятій. Съ уходомъ непріятеля его дѣятельность прекратилась. Краемъ управлялъ другой, а тотъ, который по́томъ и кровью пріобрѣлъ этотъ край, сдѣлался вдругъ ненужнымъ.

Мичманъ Разградскій, командированный адмираломъ Завойко въ Императорскую гавань, чтобъ затопить «Палладу», случайно заѣхалъ въ Маріинскъ. Невельской задержалъ Разградскаго и написалъ начальнику края слѣдующее: «Въ уничтоженіи фрегата «Паллады» не предстоитъ нынѣ никакой крайности; потому что до вскрытія Императорской гавани можетъ наступить перемиріе, или

1) Морской сборникъ 1856 г., т. XXII.

даже миръ. Если же мира не послѣдуетъ и непріятель вздумаетъ завладѣть фрегатомъ, то на немъ все уже приготовлено для взрыва. Такое дѣйствіе произведетъ гораздо большее впечатлѣніе на непріятеля, чѣмъ безполезное затопленіе фрегата, который можетъ быть выведенъ изъ гавани весною 1856 г.».

Казалось бы, что человѣку, такъ хорошо знакомому съ обстоятельствами слѣдовало вѣрить и руководиться его совѣтами. Но этого не случилось. Адмиралъ Завойко отвѣтилъ, что дѣйствуетъ на основаніи инструкцій и строго приказываетъ Разградскому затопить фрегатъ, что тотъ и исполнилъ.

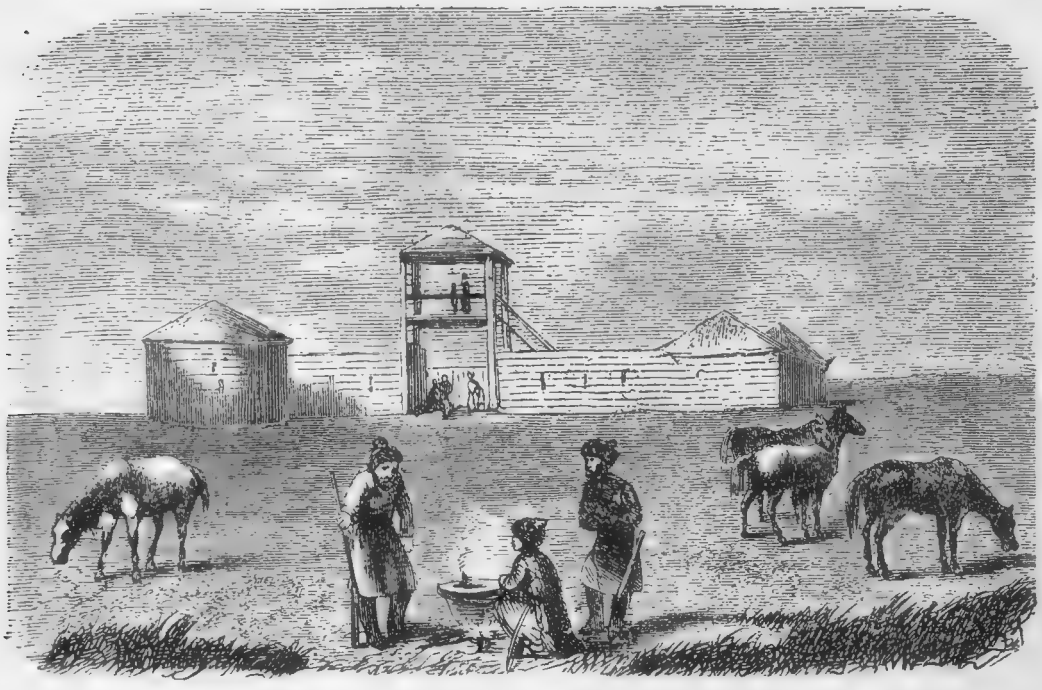
Предположенія Невельского не замедлили оправдаться. Ранею весною заключенъ былъ миръ съ западными державами, и такимъ образомъ затопленіе бѣдной «Паллады», представлявшей и въ обветшаломъ видѣ значительную цѣнность, оказалось вовсе ненужнымъ.

Съ открытіемъ навигаціи по Амуру отправился изъ Забайкалья третій рейсъ подъ начальствомъ Буссе[1]), бывшаго уже полковникомъ. Спускались 110 судовъ различныхъ типовъ для поднятія изъ Маріинска избытка войскъ. Буссе, служившему раньше подъ начальствомъ Невельского, хорошо были извѣстны взгляды его начальника на нужды и потребности края, но онъ предпочелъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Спускаясь по Амуру, вмѣсто 6 или 7 постовъ онъ поставилъ только три и то не въ надлежащихъ мѣстахъ. Послѣдствія такихъ распоряженій были самыя печальныя. Гребныя суда вверхъ по рѣкѣ двигались весьма медленно. Еще не успѣли достигнуть 1-го поста, какъ уже издержали все продовольствіе и принуждены были питаться кореньями, ягодами, варить даже кожу отъ обуви. Появились болѣзни и сильная смертность.

---

1) Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій Муравьевскій постъ на Сахалинѣ былъ снятъ.

Положеніе людей было отчаянное, но оно становилось еще грустнѣе, когда достигнувъ наконецъ поста въ надеждѣ возстановить свои силы, они находили тамъ самое ничтожное количество провіанта. Ставившій посты не сообразилъ даже и того, что плыть противъ теченія по неизвѣстной еще рѣкѣ, не одно и то же, что ѣхать по извѣстному тракту. Разсчитывая проплыть опредѣленное пространство въ одинъ день, надо брать продоволь-



Казачій постъ на границѣ.

ствія на 3 — 4 дня, имѣя въ виду различныя случайности, которыя могутъ замедлить плаваніе.

«Этотъ фактъ, говоритъ Невельской, достаточно доказалъ справедливость моего мнѣнія о необходимости поставить по крайней мѣрѣ 7 постовъ на главнѣйшихъ, указанныхъ мною пунктахъ Амура. Я всегда говорилъ, что безъ этого мы останемся отрѣзанными въ низовьяхъ Амура и что подъемъ людей, особенно въ значительныхъ массахъ и безъ паровыхъ средствъ можетъ быть гибельнымъ, но мнѣ не вѣрили».

Суда, стоявшія у Николаевска, отправились въ сентябрѣ въ Кронштадтъ, куда и прибыли благополучно. Адмиралъ Завойко сдалъ начальствованіе краемъ Лесовскому, а самъ съ Невельскимъ и ихъ семействами отправился на транспортѣ «Байкалъ» въ Аянъ и оттуда въ Иркутскъ. До рѣки Маи путники ѣхали верхомъ; дѣти сидѣли въ корзинахъ, привязанныхъ по обѣимъ сторонамъ лошади. Затѣмъ по рѣкамъ Маѣ, Алдану и Ленѣ плыли на лодкахъ и къ началу октября прибыли въ Иркутскъ.

Такъ закончилъ свою дѣятельность неутомимый и самоотверженный труженикъ, не щадившій ни себя, ни семьи своей для блага отечества.

Въ Петербургѣ его встрѣтили укорами, что р. Амуръ мелка, неудобна для судоходства и что корабли «Аврора», «Оливуца» и «Двина» тамъ и засѣли. Невельской видѣлъ, что враги его не теряли времени, интригуя и распуская ложные слухи.

Но злонамѣренная ложь не замедлила обнаружиться. Пріѣхавшій съ Амура курьеръ привезъ донесеніе, что эскадра безъ всякихъ затрудненій вышла въ море.

XII.

Въ послѣдующіе два года Приамурскій край сильно оживился. По берегамъ Амура построились русскія деревни, казацкія станицы. На Уссури и Хунгари поставлены были военные посты. Купцы стали сплавлять по Амуру товары; множество иностранныхъ судовъ приходило въ Николаевскъ, переименованный въ городъ «Николаевскъ на Амурѣ».

Между тѣмъ вопросъ о разграниченіи съ Китаемъ не былъ еще оконченъ. Китайцы, по обыкновенію, тянули да тянули,

пока наконецъ имъ не пригрозили военной силой. Послѣднее подѣйствовало, и дѣло пошло на ладъ.

25-го апрѣля 1858 г. Муравьевъ въ третій разъ спускался по Амуру. Его сопровождалъ преосвященный Инокентій. Въ Усть-Зейской станицѣ генералъ-губернаторъ былъ встрѣченъ айгунскимъ амбанемъ, который убѣдительно просилъ его отсрочить на нѣсколько дней дальнѣйшее плаваніе и подождать китайскаго уполномоченнаго, Дзянъ-Зюня, котораго съ часу на часъ ждутъ въ Айгунѣ. При этомъ амбань спросилъ генерала, есть ли у него дѣти, и узнавъ, что нѣтъ, пожалѣлъ, что дѣянія такого славнаго отца не перейдутъ въ потомство. Послѣ этихъ, чисто восточныхъ любезностей, амбань пригласилъ генерала къ себѣ въ Айгунъ обѣдать, и уѣхалъ.

9-го мая въ Усть-Зейской станицѣ заложенъ былъ архіепископомъ Инокентіемъ храмъ во имя Благовѣщенія, а самая станица переименована въ городъ Благовѣщенскъ. На другой день генералъ-губернаторъ на своемъ катерѣ, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ катеровъ, отправился въ Айгунъ, на обѣдъ къ амбаню. Манчжуры, заранѣе, просили позволенія принять генерала съ подобающими его сану почестями и салютомъ, на что онъ изъявилъ свое согласіе. Поэтому, при вступленіи генерала на берегъ, въ сторонѣ показался дымокъ и трескъ точно отъ игрушечной пушки. Русскіе катера отвѣтили внушительно, и манчжуры струсили. Генерала посадили съ статскимъ совѣтникомъ Перовскимъ въ парадную одноколку амбаня, свитѣ же предложили верховыхъ лошадей; такимъ порядкомъ всѣ въ парадной формѣ прослѣдовали черезъ городъ и крѣпость при большомъ стеченіи народа. Амбань встрѣтилъ генерала, какъ почетнаго гостя у однихъ изъ наружныхъ воротъ, ведущихъ во внутреннія двери его дома. Войдя въ комнату, онъ указалъ ему на Дзянъ-Зюня, главнокомандующаго манчжурскими силами, князя И-Шанъ, родственника богдыхана.

Началось угощеніе, состоявшее изъ чая и разныхъ сухихъ сластей, поставленныхъ на столъ въ нѣсколькихъ блюдечкахъ; потомъ подали жареную баранину, поросенка, нарѣзаннаго мелкими кусочками, которые приходилось класть въ ротъ двумя палочками и въ заключеніе, подали жидкость въ родѣ супа, съ клещевиннымъ масломъ. Все это запивали теплой рисовой водкой, подаваемой въ маленькихъ фарфоровыхъ чашечкахъ, а генералу въ серебряной. Обѣдъ прошелъ очень весело: говорили другъ другу любезности, сообщали новости, но о дѣлѣ—ни слова. Обѣдъ кончился въ 7-мъ часу вечера, послѣ чего генералъ-губернаторъ и его свита отправились на катерахъ къ противоположному берегу и у песчанаго острова стали на якорь.

На другой день, 11-го мая, генералъ-губернаторъ со своимъ штабомъ, въ парадной формѣ перешелъ на катерѣ къ Айгуну и всѣ верхами прибыли къ 10 ч. въ домъ амбаня, гдѣ ожидалъ ихъ Дзянъ-Зюнь. Начались переговоры. Муравьевъ изложилъ съ историческою послѣдовательностью наши дѣйствія на Амурѣ, причину и цѣль этихъ дѣйствій и предъявилъ свои полномочія, написанныя на русскомъ и манчжурскомъ языкахъ. Совѣщаніе продолжалось нѣсколько часовъ. Предложивъ обсудить его предложенія о границахъ, генералъ просилъ посѣтить его въ 4 часа и уѣхалъ.

Ровно въ 4 часа двинулось изъ города шествіе Дзянъ-Зюня съ огромною свитою и двумя оруженосцами впереди. На генеральскій катеръ были приглашены: Дзянь-Зюнь, амбань, Айжинбай, секретарь Дзянь-Зюня, его прислужникъ съ трубкою и два оруженосца. Угощеніе состояло изъ чая, сластей, мадеры, шампанскаго и ликера. Хоръ трубачей игралъ на берегу, вблизи катера. Музыка, повидимому, очень нравилась Дзянъ-Зюну, особенно веселые мотивы русскихъ плясовыхъ пѣсенъ, которыя, по его желанію, повторялись нѣсколько разъ. Такимъ образомъ время шло незамѣтно, между веселымъ разговоромъ и обильнымъ угощеніемъ.

Вслѣдствіе обычной медлительности и нерѣшительности китайцевъ переговоры затянулись. Китайцы вздумали, было, оспаривать право Россіи на Приамурскій край, хотя доводы генералъ-губернатора были неоспоримы и китайцы не могли представить никакихъ вѣскихъ возраженій. Наконецъ генералъ вышелъ изъ терпѣнья и пригрозилъ китайцамъ. Гнѣвный выѣхалъ онъ изъ городскихъ воротъ, не обращая вниманія на толпу, которой онъ прежде всегда привѣтливо кланялся. За нимъ въ догонку прибѣжалъ чиновникъ, упрашивая его отъ имени амбаня обождать,

Юрты орочонъ.

такъ какъ на рѣкѣ поднялся вѣтеръ. На него тоже генералъ-губернаторъ не обратилъ вниманія и переѣхалъ на другую сторону рѣки. Вскорѣ прибылъ чиновникъ отъ Дзянъ-Зюня узнать о здоровьѣ генерала и о причинѣ его гнѣва.

— Ужь извините насъ, говорилъ чиновникъ. Увѣряю васъ, что впередъ мы будемъ вести себя такъ, чтобы вы не сердились.

На слѣдующій день, 15-го мая, прибыли на губернаторскую баржу уполномоченные съ изъявленіемъ полнаго согласія на всѣ пункты. Оставалось только подписать трактатъ.

— А теперь, когда мы пришли, наконецъ, къ окончательному соглашенію, сказалъ Муравьевъ, я подойду съ вооруженными катерами къ Айгуну и буду салютовать въ честь заключеннаго трактата.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, возразилъ уполномоченный, мы чиновники, люди мирные; да и военные наши не любятъ выстрѣловъ.

Наконецъ наступилъ достопамятный день 16-го мая. Трактатъ назначено было подписать въ 12 час., но за перепискою копій на двухъ языкахъ время протянулось до вечера. Ровно въ 6 часовъ генералъ-губернаторъ со всей свитой въ парадной формѣ вышелъ на берегъ въ Айгунѣ и прослѣдовалъ къ Дзянъ-Зюню. Послѣ краткаго привѣтствія Муравьевъ сказалъ князю И-Шаню, что онъ очень радъ, что они согласились во всѣхъ пунктахъ и кончили дѣло, продолжавшееся болѣе полутораста лѣтъ и заботившее ихъ правительства.

Затѣмъ по провѣркѣ и подписаніи трактата, генералъ-губернаторъ и Дзянъ-Зюнь взяли каждый въ одну руку по два экземпляра на русскомъ и манчжурскомъ языкахъ и одновременно обмѣнялись ими съ взаимнымъ поздравленіемъ.

Расцѣловавшись съ Дзянъ-Зюнемъ, генералъ-губернаторъ отправился въ Благовѣщенскъ. По прибытіи на баржу, спутники генералъ-губернатора поздравили его съ совершившимся великимъ событіемъ, обезпечившимъ значеніе Россіи на дальнемъ востокѣ.

Въ тотъ же день Муравьевъ написалъ Невельскому слѣдующее письмо:

«Любезный Геннадій Ивановичъ! сегодня подписанъ трактатъ въ Айгунѣ; Приамурскій край утвержденъ за Россіей. Спѣшу увѣдомить васъ объ этомъ знаменательномъ событіи. Отечество никогда васъ не забудетъ, какъ перваго дѣятеля, создавшаго основаніе, на которомъ воздвигнуто настоящее зданіе. Цѣлую

ручки Екатерины Ивановны, раздѣлявшей съ вами и со всѣми вашими достойными сотрудниками труды, лишенія, опасности и поддерживавшей васъ въ этомъ славномъ и трудномъ подвигѣ. Искренно обнимаю васъ, благодарю и еще поздравляю».*)

Это письмо Невельскіе получили въ Смоленской губерніи, въ деревнѣ, гдѣ они проводили лѣто. Всѣ сердечно порадовались и возблагодарили Господа.

Въ Благовѣщенскѣ, на церковномъ парадѣ, послѣ благодарственнаго молебствія, генералъ-губернаторъ отдалъ слѣдующій приказъ:

«Товарищи! Поздравляю васъ! Не тщетно трудились мы! Амуръ сдѣлался достояніемъ Россіи! Святая православная церковь молится за васъ, Россія благодаритъ. Да здравствуетъ Императоръ Александръ II и да процвѣтаетъ подъ кровомъ Его вновь пріобрѣтенная страна! Ура!»

Несмотря на милостивыя слова, сказанныя Государемъ Императоромъ Невельскому, что Россія его не забудетъ, Россія забыла его. Генералъ Муравьевъ получилъ графскій титулъ съ прибавленіемъ къ его имени «Амурскаго», а Невельской вознагражденъ былъ только пенсіей въ 2.000 руб., переходящей послѣ его смерти къ женѣ и дѣтямъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что генералъ Муравьевъ вполнѣ заслужилъ дарованныя ему милости. Онъ честно и энергично отстаивалъ патріотическое дѣло, которое безъ его содѣйствія врядъ ли было бы приведено къ желательному концу. Но все-таки главнымъ иниціаторомъ и дѣятелемъ былъ адмиралъ Невельской, который рисковалъ карьерой, здоровьемъ, жизнью ради славы отечества. Мы уже видѣли съ какими трудностями онъ боролся, какія лишенія переносилъ, какимъ несправедливымъ нападкамъ подвергался онъ.

*) И-Шань за Айгунскій договоръ попалъ въ немилость у своего правительства; губернаторъ же Айгуна былъ отданъ подъ судъ. *Кукель.*

Россія переживала тогда знаменательную эпоху. Крымская война только что окончилась; Россія не успѣла еще окрѣпнуть послѣ пережитыхъ впечатлѣній, какъ начались великія реформы Александра II. Возникла усиленная дѣятельность, кипучая жизнь нервовъ. Интересы всѣхъ и каждаго были затронуты. Всѣ слои общества отъ верхняго и до нижняго были поглощены текущими событіями; фактъ, безкровнаго завоеванія мирной области былъ забытъ; забытъ до такой степени, что нѣсколько лѣтъ спустя одинъ сановникъ, услыхавъ въ обществѣ имя Невельского, сказалъ: «Да, Невельской; онъ, кажется, чѣмъ-то замѣчателенъ; чѣмъ, не помню»[1]).

Адмиралъ и его супруга были слишкомъ горды, чтобы напоминать о себѣ. Они удалились въ деревню и стали жить частными людьми, дѣлая много добра меньшей братіи. Адмиралъ много работалъ по составленію записокъ. Онъ умеръ 17-го апрѣля 1876 г. отъ болѣзни сердца; жена его—три года спустя.

Но умираютъ люди, а дѣла ихъ остаются, чтобы свидѣтельствовать о нихъ; таковъ общій законъ. Настала пора, и подвиги амурскихъ героевъ воскресли въ памяти соотечественниковъ. Въ 1891 г. въ Хабаровѣ воздвигнутъ былъ памятникъ графу Муравьеву-Амурскому, а во Владивостокѣ—адмиралу Невельскому. Первый камень положенъ былъ собственноручно Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Памятникъ Невельского изображаетъ пирамиду изъ краснаго гранита въ 6 саж. высоты, увѣнчанную двуглавымъ орломъ. Въ нишѣ, обращенной къ морю, поставленъ бюстъ Невельского и надъ нимъ выгравированы знаменитыя слова Императора Николая: «Гдѣ разъ поднялся русскій флагъ, тамъ уже онъ опускаться не долженъ». На противоположной сторонѣ, въ барельефѣ, изображенъ транспортъ «Байкалъ» и подъ нимъ имена всѣхъ подвижниковъ Амурской экспедиціи съ Екатериной Ивановной Невельской включительно.

1) Вѣра Вендъ.

Государств. публичная историческая библиотека России